4
Г-77

Л. К. ГРАУДИНА

ВОПРОСЫ НОРМАЛИЗАЦИИ РУССКОГО ЯЗЫКА

ГРАММАТИКА И ВАРИАНТЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

ИРЯ
институт русского языка
им. в. в. виноградова
www.ruslang.ru

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА

Л. К. ГРАУДИНА

ВОПРОСЫ НОРМАЛИЗАЦИИ РУССКОГО ЯЗЫКА

ГРАММАТИКА И ВАРИАНТЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1980

4
Г-77
74776

В книге освещаются важнейшие аспекты нормализации русского литературного языка. В форме исторического очерка раскрывается проблема отражения и закрепления грамматических норм в словарях и грамматиках.

Ответственный редактор

член-корреспондент АН СССР
Ф. П. ФИЛИН

Людмила Карловна Граудина

ВОПРОСЫ НОРМАЛИЗАЦИИ РУССКОГО ЯЗЫКА
Грамматика и варианты

Редактор издательства Л. М. Гаврилова. Художник А. Г. Кобрин.
Художественный редактор Т. П. Поленова. Технический редактор З. Б. Павлюк.
Корректоры Н. А. Несмеева, В. А. Шварцер.

ИБ № 18136

Сдано в набор 12.12.79. Подписано к печати 22.05.80. Формат 60×90¹/₁₆.
Бумага типографская № 2. Гарнитура обыкновенная. Печать высокая.
Усл. печ. л. 18. Уч.-изд. л. 20,7. Тираж 10200 экз. Тип. зак. 2775.
Цена 1 р. 40 к.

Издательство «Наука» 117864 ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90
2-я типография издательства «Наука» 121099, Москва, Г-99,
Шубинский пер., 10

Г $\frac{70102-163}{042(02)-80}$ 456—80. 4602010000 © Издательство «Наука», 1980 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В книге исследуются теоретические и методологические вопросы, связанные с нормализацией языка. Термином нормализация в работе обозначается комплекс проблем, предполагающих освещение следующих аспектов темы: 1) изучение проблемы определения и установления нормы литературного языка; 2) исследование в нормативных целях языковой практики в ее отношении к теории; 3) приведение в систему, дальнейшее совершенствование и упорядочение правил употребления в случаях расхождения теории и практики, когда появляется необходимость укрепления норм литературного языка [1].

Сложность темы обусловлена известным противоречием между объективным и нормативным подходом к языку [2]. Трудности становятся особенно очевидными, как только мы зададим вопрос, насколько возможно сознательное вмешательство в языковую жизнь, можем ли мы помышлять о планировании развития в грамматике, какие теоретические принципы лежат в основе нормативной легализации уже произошедших изменений — словом, затрагиваем понятие нормы в ее активном воплощении, в ее становлении и развитии. Именно эти еще не исчерпанные в научной литературе вопросы составили основную тему работы.

В первой главе в форме исторического очерка раскрывается проблема отражения и закрепления грамматических норм в словарях и грамматиках. Вторая глава посвящена теории вопроса. В ней изложены различия в понимании литературной нормы представителями разных современных лингвистических школ. Норма как свод предписаний и правил составила предмет изучения в первой главе. Во второй главе особое внимание уделено норме употребления.

В рецензии на книгу В. И. Чернышева «Правильность и чистота русской речи. Опыт русской стилистической грамматики» акад. И. В. Ягич писал: «Против... отклонений от закономерных образований теория может некоторое время обороняться,

[1] В последние годы действие по упорядочению, систематизации и регистрации правил принято называть кодификацией. Термин кодификация более узок и специализирован по сравнению с термином нормализация. В дальнейшем термин кодификация используется в соответствии с его значением в тех случаях, когда речь идет о регистрации правил в нормативных трудах.

[2] *Пешковский А. М.* Объективная и нормативная точка зрения на язык.— Русский язык в школе. Труды постоянной комиссии преподавателей русского языка и литературы. Сборник статей под ред. Д. Н. Ушакова, вып. I. М.— Пг., 1923.

но в конце концов она обычно уступает, потому что именно употребление — последняя инстанция, которой нельзя не покориться». Между тем как раз употребление в его отношении к литературной норме остается в науке пока еще областью с белыми пятнами. В вероятностной природе употребления языковых единиц заложены закономерности, которые обнаруживаются, если подойти к исследованию нормы, используя возможности статистического метода. В главе рассматриваются приемы и способы экспериментального изучения литературной нормы. Фокус нормативного исследования составляет выбор из числа сосуществующих параллельных средств: по лаконичному определению Ф. П. Филина, «там, где нет возможностей выбора, нет и проблемы нормы». Исследование стилистических ресурсов языка, в частности его грамматической синонимики, представляет собой обширное поле деятельности. В интересах большей чистоты материала и его более четкого научного осмысления в работе пришлось ограничить факты кругом грамматических вариантов. В третьей главе выдвинута система понятий и терминов, составляющих основу нормативного изучения вариантов с определенных теоретических позиций.

Последняя глава посвящена актуальным проблемам становления литературной нормы в морфологии. Глава распадается на несколько подглав, в каждой из которых наиболее активные процессы сдвигов в морфологической норме рассматриваются в соответствии с категориальной природой грамматической вариантности: сдвиги в соотношении форм числа, перераспределения нормы в падежной системе существительных, процессы изменения категории рода в нормативном аспекте и т. д.

Предлагаемый опыт нормативного исследования подводит итог пятнадцатилетней работы автора в секторе культуры русской речи ИРЯЗ АН СССР. Работа в секторе в известной мере определила и характер темы, и подход к ней. Еще в 1961 г. С. И. Ожегов, основатель и первый руководитель сектора культуры русской речи, одобрил мысль относительно использования статистического метода в нормативных целях. В статье «Очередные вопросы культуры речи» он писал: «...Самый вопрос о норме нельзя считать решенным. А отсутствие научно-теоретической базы и эмпиризм при рекомендации тех или иных норм приводят лишь к частным решениям по поводу отдельных случаев колебаний и к субъективным оценкам, лишенным научной убедительности и общеобязательного характера» [3]. В предлагаемой работе изложены итоги исследований, проведенных в 1961—1976 гг.

Выражаю глубокую признательность рецензентам доктору филологических наук Л. А. Новикову и кандидату филологических наук В. Л. Воронцовой, сделавшим ценные замечания по рукописи книги.

[3] Вопросы культуры речи, вып. I. М., 1955, с. 13.

Глава первая

ИЗ ИСТОРИИ ГРАММАТИЧЕСКОЙ НОРМАЛИЗАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ

Введение

§ 1. Исследованию проблем установления современной нормы в грамматике должна быть предпослана краткая характеристика основных этапов работы, проводившейся в области грамматической кодификации. В дальнейшем изложении дан обзор основных трудов, посвященных укреплению грамматических норм на протяжении истекшего шестидесятилетия. Общий очерк проведенных исследований создаст тот необходимый исторический фон, без которого не может быть осмыслен накопленный учеными опыт разработки этой отрасли языкознания. Работа по нормализации языка, в том числе и в области грамматики, на первый взгляд, велась фрагментарно, без четкой, для нее созданной программы. Тем не менее ей отданы годы и годы кропотливого труда очень многих ученых — составителей словарей и грамматик. Сопоставление основных трудов, содержащих описание норм в грамматике, дает возможность уяснить наиболее перспективное направление исследования, сформулировать целесообразные задачи экспериментов, которые могут быть полезны в деле нормализации языка.

Идея нормативности обсуждалась среди филологов еще в 80—90-е годы XIX в. Однако очертаний научной дискуссии или широкого научно-общественного освещения проблемы, в итоге которых были бы приняты какие-либо решения или сделаны конструктивные обобщения, эти обсуждения не приобрели. Так, И. В. Ягич вспоминал: «Я сам был свидетелем тому, как в незабываемых 1880—1886 годах на заседаниях Отделения словесности известным академиком Я. К. Гротом вырабатывалось руководство по орфографии и грамматике, которое он читал нам по мере продвижения своей работы. Поскольку Я. К. Грот следовал в орфографических вопросах верному принципу quieta non movere и соответственно подходил к делу весьма консервативно, задача в сущности сводилась лишь к тому, чтобы при наблюдаемых колебаниях отдать предпочтение тому написанию, которое признавалось более оправданным или единственно правильным, и узаконить его согласием всего академического Отделения. Предположения Грота редко вызывали возражения и, как правило, находили молчаливую поддержку остальных членов Отделения

Я вспоминаю только (да простится мне, как единственному еще живому члену тех лет, эта небольшая нескромность), что представление Грота писать *е* вместо ѣ в *лекарь*, *лекарство* и однокоренных словах натолкнулось на противодействие, а именно: академик Бычков открыто заявил, что он все равно будет и в дальнейшем писать здесь ѣ. Возможно, именно поэтому Грот впоследствии отказался от своего первоначального намерения. ...Долго обсуждалось, насколько я помню, колеблющееся написание инфинитива *идти* или *итти*. По желанию Грота было санкционировано *итти*, хотя основание не было достаточно убедительным» [1].

В средних кругах преподавателей русского языка и профессоров, читавших курсы по русской грамматике, как правило, царило убеждение, что активная и тем более реформаторская роль ученых в деле нормализации языка обречена на неудачу. В этом отношении типично сохранившееся высказывание одного из грамматистов — современника тех лет. В лекциях по грамматике русского языка А. К. Бороздин в 1896 г. писал так:

«Если язык не смог возникнуть вследствие соглашения, то он не может изменяться по людскому произволу. Для иллюстрации этого положения приведем следующие два исторические анекдота: 1) Однажды на пиру император Тиверий в разговоре сделал какую-то грамматическую ошибку. Присутствовавший на пиру ученый Марцелл указал императору на его ошибку. Но другой ученый, отличавшийся лучшим знанием придворного этикета, заметил, что все, что бы ни сказал император, будет вполне грамматически правильно и должно считаться образцом самого хорошего латинского языка. Но Марцелл ответил: „Ты, император, можешь давать права гражданства людям, но словам ты этого права дать не можешь". 2) Император Сигизмунд на Констанцком Соборе сделал ошибку, и ему заметил ее один прелат. Император рассердился и сказал: „Откуда ты знаешь, что я говорю неправильно, а ты правильно?" Монах же ему ответил, что так думает Ал. Галль. „А кто такой Галль?" — спросил Сигизмунд.— „Монах",— ответил прелат. „Ну, так мне нечего стесняться, так как я император, и мои слова больше значат, чем слова какого-нибудь монаха",— ответил император. Но слова его не оправдались: он никогда не мог ввести свою ошибку в употребление в обществе. Приведенный закон объясняет нам лучше всего, насколько неосновательны бывают попытки некоторых ученых исправить живой литературный язык... Такая же неуда-

[1] *Ягич И. В.* Ein russisches Werk über die Richtkeit und Reinheit der russischen Sprache.— In: Archiv für slavische Philologie, Bd 33, Hf. 3—4. Berlin, 1912, S. 492—493. Перевел с немецкого В. Костомаров (перевод опубликован в кн.: *Чернышев В. И.* Избр. труды, т. I. М., 1970, с. 647—648). Образцы обсуждений, о которых рассказывает акад. Ягич, приводит и сам Грот, см.: *Грот Я.* Филологические разыскания, т. 2. 2-е изд. СПб., 1876, с. 384—391 (ст. «Орфографическая распря»).

ча предстоит и кружку любителей русского слова, в котором принимает между прочим участие академик Шахматов, кружку, поставившему своей целью борьбу со всевозможными варваризмами, наводняющими нашу литературу, особенно же газеты»[2]. Автор этих слов неточно представлял себе взгляды академика А. А. Шахматова. В общеизвестных замечаниях по поводу записки И. Х. Пахмана позиция А. А. Шахматова была высказана вполне определенно и в духе общего отрицательного отношения к идее нормализации языка в академической среде того времени: «Странно было бы вообще, если бы ученое учреждение вместо того, чтобы показывать, как говорят, решалось бы указывать, как надо говорить». Против этого авторитетного заявления позволил себе возразить в 50-е годы С. И. Ожегов, который справедливо заметил, что «никого не могло удовлетворить „решение ничего не решать, а только признать объективное наличие колебаний и расшатанности нормы»[3].

Несмотря на то, что фундаментальных трудов по теории литературной нормы в начале XX в. не было создано, работы по практической нормализации языка не прекращались ввиду ее настоятельной необходимости. В области грамматической нормы кодификация велась в трех направлениях. Нормализация грамматических форм по отдельным словам производилась в начале XIX в. в жанре словарей «неправильностей», затем в послереволюционное время в толковых словарях литературного языка и в ортологических словарях послереволюционного периода. Установление свода грамматических правил традиционно являлось основной функцией описательных грамматик и грамматических учебников, при этом исчерпывающая пословная кодификация форм в грамматиках, как правило, не проводилась.

Эти три совершенно разных жанра работ, в русле которых происходил процесс сознательной регуляции грамматических норм, составили предмет изучения, сопоставления и описания в данной главе.

---

[2] См.: Грамматика русского языка. Лекции, читанные А. К. Бороздиным. СПб., 1896, с. 14—16.

[3] *Ожегов С. И.* Очередные вопросы культуры речи.— В кн.: Вопросы культуры речи, вып. I. М., 1955, с. 18.

ПРАКТИЧЕСКИЕ РАБОТЫ В ОБЛАСТИ НОРМАЛИЗАЦИИ ГРАММАТИКИ В XIX — НАЧАЛЕ XX ВВ.

Словари «неправильностей» XIX — нач. XX в.; обзор грамматических колебаний, отраженных в ортологических словарях начала XX в.

§ 2. Оберегая литературные нормы, лексикографы, как правило, оказываются последними, кто принимает нововведения. В этой охранительной роли состоит основное назначение и смысл нормализующих исследований.

Если широкому читателю важна только рекомендательная часть работ такого рода, то специалиста наряду с фактографической и оценочной стороной дела интересуют также и те принципы, которые положены в основу описания.

У истока направления сугубо практических трудов, в которых на первый план выдвинуты задачи конкретной нормализации разных языковых колебаний, в том числе и грамматических, стоят известные словари неправильностей XIX — начала XX в. Это: «Справочное место русского слова» А. Н. Греча (СПб., 1839, 2-е изд.— 1843); *К. Зеленецкий.* О русском языке в Новороссийском крае (Одесса, 1855); *В. Долопчев.* Опыт словаря неправильностей в русской разговорной речи (2-е изд.— Варшава, 1909); *И. И. Огиенко.* Словарь неправильных, трудных и сомнительных слов, синонимов и выражений в русской речи (Киев, 1915) [4]. К этому же направлению примыкают исследования, посвященные вопросам стилистических норм русской речи: *И. М. Николич.* Неправильности в выражениях, допускаемые в современной печати. Филологические записки, вып. I (Воронеж, 1877); *В. И. Чернышев.* Правильность и чистота русской речи. Опыт русской стилистической грамматики (СПб., 1911; 2-е изд., вып. 1—2, 1914—1915; 3-е изд., сокр.— 1914); *И. И. Огиенко.* Правильность и чистота русской речи. Заметки по стилистике русской речи (Воронеж, 1912).

§ 3. Исследование грамматических вариантов, зафиксированных в упомянутых «словарях неправильностей», убеждает в том, что в них были отмечены наиболее типичные случаи колебаний и трудностей своего времени. Однако отбор явлений был в известной мере субъективным. В каждом из этих словарей отражены разные группы колебаний: и репертуар грамматических явлений, и полнота их фиксации были неодинаковы. Так, в словаре В. Долопчева грамматическим вариантам отведено очень много места — они составили около 700 словарных статей, тогда как у

[4] Общую характеристику словарей см.: *Цейтлин Р. М.* О словарях неправильностей XIX — начала XX в.— В кн.: Вопросы культуры речи, вып. III. М., 1961.

Греча их 24, а у Зелепецкого — лишь 20 пар вариантов. Высказанное положение достаточно наглядно может быть проиллюстрировано материалом трех таблиц (см. табл. 1—3), в которых грамматические «неправильности» трех словарей сопоставлены и по кругу явлений, и по характеру рекомендаций.

Этот круг грамматических колебаний, вероятно, мог бы быть дополнен и уточнен материалами журнальных статей, заметок и брошюр второй половины XIX — начала XX в., посвященных рассматриваемой теме [5].

§ 4. Сравнение материала современного литературного языка со списками грамматических колебаний в «словарях неправильностей» показывает общность основных грамматических типов, представленных в тех и других. Большая часть грамматических колебаний, отмеченных в «словарях неправильностей», затрагивает те же звенья грамматической системы, в которых и в современном русском языке конкурируют вариантные формы и конструкции.

Так, для синтаксических вариантов это такие категории, как варианты предложно-падежных конструкций, предложного управления и согласования (см. табл. 1).

Для словоизменительных вариантов это явления вариантности отдельных форм рода, числа, падежа у имен существительных, форм наклонения, времени, вида, залога у глагола, вариантные формы причастий, деепричастий, прилагательных, местоимений, числительных (см. табл. 2).

Для словообразовательных вариантов это прежде всего разнообразный класс суффиксального словообразования существительных, прилагательных, глаголов. Другие типы вариаций — префиксальные и префиксально-суффиксальные — в «словарях неправильностей» не отмечаются, очевидно, потому, что сравнительно с первыми они употребляются более редко.

Известную общность основных грамматических типов вариантов в «словарях неправильностей» и в современном словаре грамматических вариантов нельзя, конечно, понимать как их полное совпадение ни по лексическому составу, ни по отбору фактов. Выше отмечалась субъективность отбора пар вариантов в «словарях неправильностей»; некоторые грамматические колебания, несущие на себе следы этой субъективности отбора, не находят соответствующей пары вариантов в современном русском языке.

За внешним совпадением круга основных типов грамматических вариантов с аналогичным материалом современного лите-

---

[5] См., например: *Николич И. М.* Неправильности в выражениях, допускаемые в современной печати.— Филол. зап., 1877, вып. I; 1878, вып. I; «Отчего? зачем? и почему? Оскудпение и искажение русской речи. Наблюдения Л. Б.». СПб., 1889; *Огиенко И. И.* Правильность и чистота русской речи. Заметки по стилистике русской речи.— Воронеж, 1912.

Таблица 1. Синтаксические варианты

	Словарь В. Долопчева (1909 г.)		Список К. Зеленецкого (1855 г.)		Словарь А. Греча (1843 г.)	
	неправильно	правильно	неправильно	правильно	неправильно	правильно
Предложное управление:						
С предлогом *по*	панихида по усопшим братьям	панихида по усопших братьях			–	–
	снявши голову, по волосам не плачут	снявши голову, по волосах не плачут	купил по пять копеек	купил по пяти копеек		
	бьёт по чём попало	бьет по чему попало и под.	запишем по сорока, по тридцать	запишем по сороку, по тридцати		
С предлогом *на*	ехать пароходами, лошадьми	ехать на пароходах, лошадях	–	–	–	–
	пойти на концерт	пойти в концерт				
С предлогом *за*	ходатайствовать за кого	ходатайствовать о ком			–	–
	вздыхать за кем	вздыхать по ком	она была у них за кухарку, за горничную	она служила у них кухаркой, горничной		
	вслед ему послали письмо	вслед за ним послали письмо				
С предлогом *для*	принять меры для чего	принять меры к чему	участок земли для подножного корма	участок земли на подножный корм	–	–
	купить дрова для зимы	купить дрова на зиму	купить дров для зимы	купить дров на зиму		

Таблица 1 (окончание)

	Словарь В. Долопчева (1909 г.)		Список К. Зеленецкого (1855 г.)		Словарь А. Греча (1843 г.)	
	неправильно	правильно	неправильно	правильно	неправильно	правильно
Предложное управление в отдельных сочетаниях	–	–	–	–	лекарство против чахотки, кашля Говорят: отвращение к чему-нибудь и отвращение от чего-нибудь. Когда речь идет о предметах одушевленных, должно говорить: отвращение от этого человека; о неодушевлен.– отвращение к этой физиономии, шалостям.	лекарство от чахотки, кашля
Варианты беспредложного управления:						
Управление с род.-вин. падежом	не любит свою дочь не прочел эту книгу купить две гончие собаки	не любит своей дочери не прочел этой книги и под. купить двух гончих собак	–	–	–	–
Управление с род.-дат. падежом	грамоты не знать согласно чего...	грамоте не знать согласно чему... и под.	–	–	–	–
Управление с дат.-твор. падежом	поражён всему этому	поражён всем этим	–	–	–	–

Таблица 2. **Словоизменительные варианты**

	Словарь В. Долопчева (1909 г.)		Список К. Зеленецкого (1855 г.)		Словарь А. Греча (1843 г.)	
	неправильно	правильно	неправильно	правильно	неправильно	правильно
Формы существительных:						
Вариантные формы рода	абрикоса, апельсина, антика, артишока, баклажана, балдахина, бергамота и под.	абрикос, апельсин, антик, артишок, баклажан, балдахин, бергамот и под.	ставень	ставня	концертный зал, белый зал морская или сухопутная госпиталь французская кадриль	концертная зала, белая зала морской или сухопутный госпиталь французский кадриль
Формы числа	завести дрязгу белило	завести дрязги белила	–	–	–	–
Формы падежа:						
им. мн.	лоцманы, писари	лоцмана, писаря	–	–	цыгане	цыганы
род. ед.	продажа табака	продажа табаку	чая, огня, клея	чаю, огню, клею	–	–
род. мн.	каприз, дядь, кадетов	капризов, дядей, кадет и под.	–	–	–	–
твор. мн.	гвоздьми, гусьми и под.	гвоздями, гусями и под.	–	–	–	–
предл. ед.	–	–	в саде	в саду	был на балу	был на бале

Таблица 2 (продолжение)

	Словарь В. Долопчева (1909 г.)		Список К. Зеленецкого (1855 г.)		Словарь А. Греча (1843 г.)	
	неправильно	правильно	неправильно	правильно	неправильно	правильно
Склоняемые — несклоняемые формы	инженера-архитектора, Вальтера Скотта, кофем (тв. пад.)	инженер-архитектора, Вальтер-Скотта, кофе (тв.)	—	—	в Новгороде, близ Новгорода	в Новегороде, близ Новагорода
	история Новгородского вече	история Новгородского веча			играть на фортепьяно	играть на фортопьяне
Глаголы и другие глагольные формы:						
Формы вида	дотрагиваться	дотрогиваться	поправливает	поправляет	обрабатывать	обработывать
	одабривать	одобривать			проповедывать	проповедовать
Формы наклонения	ляжь, ляжьте	ляг, лягте	ляг, лягте	ляжь, ляжьте	—	—
	ехай, едь	поезжай	стери со стола	сотри со стола		
	выброси, вырежи	выбрось, вырежь				
Формы времени	победю, суетюсь, обезлесю, гнездюсь	побежду, суечусь, обезлешу, гнезжусь	сидю дома	сижу дома	я выздоровлю	я выздоровею
Формы причастий	пронжённый, вонжённый	пронзённый, вонзённый	—	—	—	—
Формы деепричастий	заперев, отерев	заперши, отерши				

Таблица 2 (окончание)

	Словарь В. Долопчева (1909 г.)		Список К. Зеленецкого (1855 г.)		Словарь А. Греча (1843 г.)	
	неправильно	правильно	неправильно	правильно	неправильно	правильно
Другие части речи:						
Формы прилагательных	искрен, откровен	искренен, откровенен	–	–	–	–
	нравственен, торжественен, резв.	нравствен, торжествен, резов и под.				
Формы местоимений	сам, саму	самый, самоё	–	–	ихная очередь	их очередь
	неким, некой	некиим, некоей			ихный брат	их брат
Формы числительных	более триста рублей	более трехсот рублей				
	тысячью	тысячею	понемного	понемногу		
	по несколько	по нескольку	по полкопейке	по полукопейке	до полтора часа, до полторы бочки	до полутора часа, до полуторы бочки
	по столько	по стольку	по полрублю	по полурублю		
	полштоф	полуштоф и под.				

Таблица 3. Словообразовательные варианты

	Словарь В. Долопчева (1909 г.)		Список К. Зеленецкого (1855 г.)		Словарь А. Греча (1843 г.)	
	неправильно	правильно	неправильно	правильно	неправильно	правильно
Суффиксальное словообразование:						
Суффиксальное образование существительных	кротость	кроткость	–	–	петербургский жилец	петербургский житель
	болтушка	болтунья (о женщине)			китайка (о женщине из Китая)	китаянка
	танцорша	танцорка			старица в значении «старуха»	старица означает монахиню
	дьявольство	дьявольщина			Аничкинский дворец	Аничковский дворец
	выжимачка	выжималка (снаряд для белья) и под.			Аничкин мост	Аничков мост
Суффиксальное образование прилагательных	соболиная шуба	соболья шуба	–	–		
	ванилевый	ванильный				
	бертолетная соль	бертолетова соль				
	плательный	платяной				
	парусиновый	парусинный				
	типический	типичный и типический				
	двухцветный	двуцветный и под.				
Суффиксальное образование глагола	аттестировать	аттестовать	–	–	–	–
	деморализировать	деморализовать				
	организировать	организовать				
Префиксально-суффиксальное словообразование:	парализировать	парализовать	–	–	–	–
	цензуровать	цензировать				
Префиксально-суффиксальное образование наречий	по-кошачьему	по-кошачьи				

ратурного языка скрываются значительные различия, причем различия, характеризующие не только процессы изменений в грамматической системе языка, но — в еще большей мере — изменение нормативных оценок[6].

§ 5. Достаточно привести несколько примеров из словаря В. Долопчева[7], в большей степени, чем другие составители словарей, уделившего внимание именно грамматическим формам.

В современном литературном языке очень часты вариации синтаксических форм: варианты управления, предложного и беспредложного, варианты согласования. В словаре В. Долопчева отмечено лишь около 20 типов синтаксических вариаций, в основном это вариации управления при некоторых предлогах и управление при глаголах с отрицательной частицей *не*. Как и другие современные ему грамматисты, В. Долопчев считал неправильными сочетания предлога *по* с дат. падежом: *тоскует по отцу* (надо *по отце*), *плакать по умершему брату* (надо *по умершем брате*), *по нему видно, что он болен* (*по нём*). И даже в пословице — *снявши голову, по волосам не плачут*, по мнению автора, надо было употребить предложный падеж: *снявши голову, по волосах не плачут*. На этой же форме в пословице настаивал за 30 лет до В. Долопчева и И. М. Николич.

Как бы предвидя необычную судьбу многих женских наименований, В. Долопчев отметил и этот тип колебаний в языке. Очевидно, считая перспективными наименования мужского рода в общем значении, автор именно их и рекомендует к употреблению. Неправильно говорить о женщине *авторесса* или *авторка* — только *автор*. Плохо сказано, если сказано так: *Это опасная фруктиса*!

Среди формообразовательных и словообразовательных вариантов оценки такие далеко не однородны. В одних случаях автору удалось предугадать тенденцию развития, и его рекомендации звучат вполне современно. Так, он стоял за несклоняемость форм в сложных словах типа *инженер-архитектора* и склонение первой части (*инженера-архитектора*) считал неправильным; то же самое с некоторыми иностранными именами; надо говорить *увлекаемся Вальтер-Скоттом*, а не *Вальтером-Скоттом*. Оказались перспективными все его рекомендации относительно новых тогда глаголов на *-ировать*, *-овать*: *аттестовать* (не аттестировать), *деморализовать* (и деморализировать), *организовать* (не организировать), *парализовать* (не парализировать).

Наблюдательность автора в отдельных случаях заставила его предпочесть формы не столь уж традиционные, но употребитель-

---

[6] Подробно изменение нормативных оценок охарактеризовано в ст.: *Граудина Л. К., Шварцкопф Б. С.* О грамматических колебаниях в русском языке (по словарям неправильностей XIX — начала XX в.).— Изв. АН СССР, СЛЯ, 1970, вып. 6, с. XXXI.

[7] *Долопчев В.* Опыт словаря неправильностей в русской разговорной речи. 2-е изд. Варшава, 1909.

ные в его время. Так, в им. мн. он считал правильными и рекомендовал к употреблению *невода*, *промысла*, *слесаря*, *циркуля* (с пометой — лучше), *шафера*, *фактора* в зн. «множители».

В других случаях рекомендовались книжные формы, сейчас для нас явно устарелые: *присвоивать* (*присваивать* рассматривалась как неправильная форма), *притрогиваться*, *дотрогиваться* (с пометой — лучше) и под.

§ 6. В чем же причина разной исторической судьбы нормативных оценок? Одни оказались долговечными, к ним мы присоединяемся и полвека спустя, другие безнадежно устарели.

Единственного ответа на этот вопрос, конечно, нет. Последние исследования показали, что за 60 лет литературный язык в отдельных элементах грамматической системы прошел значительный путь развития[8]. Но все же резкого обновления в составе варьирующихся форм не происходило. Не ломка, а перестройка в соотношении одних и тех же единиц — так можно характеризовать процесс обновления грамматической нормы.

ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА
им. В. В. ВИНОГРАДОВА

Очерк истории грамматик в первой трети XX в. Первая русская стилистическая грамматика этого времени

21716

§ 7. Самым значительным событием в области грамматической нормализации современного русского языка является создание нормативной Академической грамматики (см. об этом с. 38). Ее появление было подготовлено историей развития русской грамматической мысли. Нельзя забывать и о другой предыстории — длительной работе исследователей и составителей отдельных курсов по современной русской грамматике.

Потребность в грамматиках, ставящих цели обучения нормам литературного языка, была очень острой. За составление грамматик принимались авторы с разной филологической подготовкой, поэтому набор выходящих грамматик был достаточно пестрым. Не случайно в предисловии к своему курсу «Введение в языкознание» Бодуэн де Куртенэ высказывал искреннее возмущение по поводу выходящих в свет школярских грамматик: «Учебники, да не только учебники, но и многие сочинения, претендующие на научность, насаждают в головах путаницу и смешение понятий... На существующий живой, готовый материал никто не обращает внимания. Живой язык сам по себе, а обучение грамматическим тонкостям само по себе. Вместо того, чтобы приучаться относиться сознательно к собственному, давно усвоенному языку, ученики должны зазубривать бессмысленные определения и положения, чуждые всякой связи с живым материалом и, стало быть, психически мертвые»[9].

www.ruslang.ru

[8] См.: Русский язык и советское общество. Морфология и синтаксис современного литературного языка. М., 1968.

[9] *Бодуэн де Куртенэ И. А.* Введение в языкознание. СПб., 1911—1912, с. 6, 8.

Действительно, в предреволюционные годы наряду с серьезными грамматическими трудами выходили и такие низкопробные грамматики, как, например, «Упрощенная толковая грамматика для нижних чинов войск всех родов оружия, приспособленная к преподаванию в полковых учебных командах, ротных, эскадронных и батарейных школах, в писарских и фельдшерских командах, а также в народных и церковно-приходских школах» (Смоленск, 1903). Разъяснение основных грамматических понятий в этой книге давалось на таком уровне: «Все, о чем мы только можем думать, называется предметом... Предметы бывают живые, имеют душу, т. е. одушевленные... и предметы, распознаваемые только по запаху и умственные, т. е. воображаемые или представляемые в уме и под.»

§ 8. Основные, наиболее авторитетные грамматики начала XX в. отражали грамматические концепции их составителей. «Логическое» направление в его чистом виде к этому времени изживало себя. Принципы буслаевской грамматики использовались лишь отдельными авторами. Так, в духе логико-грамматического направления написаны учебники проф. Н. К. Кульмана [10]. В предисловии к учебнику синтаксиса автор подчеркивал преемственные связи с грамматической системой Буслаева, считая, что в его учебнике внесены лишь некоторые уточнения.

Однако заметный отпечаток в истории создания и составлении грамматик первой трети XX в. оставили два научно-теоретических направления: более старшее «психологическое», связанное с именами А. А. Потебни и Д. Н. Овсянико-Куликовского [11], и позднее возникшее «формальное», основоположником которого был Ф. Ф. Фортунатов. Крупнейший вклад в развитие грамматической мысли этого времени внесли такие ученые, как И. А. Бодуэн де Куртенэ, В. А. Богородицкий, Е. Будде, А. М. Пешковский, А. А. Шахматов и др.

Грамматическая система А. А. Потебни оказала огромное влияние на школьные учебники начала XX в.: «Грамматика русского языка» (1907), «Учебник русской грамматики» (1911) и «Практический курс русского синтаксиса» (1912) Д. Н. Овсянико-Куликовского, «Учебник русского языка» В. Харциева (1909), «Русский язык. Книга для изучения родного языка в школе и дома» С. А. Новикова (1909) и др. [12] В этих учебниках отражалась

---

[10] *Кульман Н. К.* Элементарно-практическая грамматика русского языка. Синтаксис. СПб., 1913; *Он же.* Элементарно-практическая грамматика русского языка. Этимология. СПб., 1913.

[11] Знаменем «психологического» направления стала докторская диссертация А. А. Потебни «Из записок по русской грамматике», т. I—II, 1874 (последующие тома вышли позже: т. III, 1899; т. IV, 1941). Научные идеи Д. Н. Овсянико-Куликовского изложены в работах: «Синтаксис русского языка» (1907—1912), «Руководство к изучению синтаксиса русского языка» (1907).

[12] Подробную общую характеристику этих учебников см. в кн.: *Кудрявцев В. Д.* Школьные грамматики русского языка. Улан-Удэ, 1965, с. 28—42.

в первую очередь смена научных представлений о грамматике и в особенности о синтаксисе. Возражая против логических схем грамматической системы Буслаева, авторы вводили новые определения предложения, членов предложения и частей сложного предложения. Грамматический материал подавался в соответствии с принятым подходом и классификацией.

Сторонники традиционных методов изложения грамматики в раздражении высказывались так: «Многое изменилось, и сама грамматика, покорная общему закону, вероятно, тоже изменилась. Настало „освободительное движение", появилась переоценка всех ценностей. Добрались и до грамматики... В маленьком Эртелевом переулке, в только что открывшейся женской гимназии г-жи Бернаскони образовался... кружок преподавателей, идущих на тебя, о злополучная русская грамматика! Образовался и начал заседать... Заманили туда на помощь против тебя и профессора Овсянико-Куликовского. Разослали листочки, в которых объявили: не существует больше на свете придаточных сокращенных предложений, и весь синтаксис можно пройти в две недели! Ура! Ура! Ура! ... И ты (о злополучная русская грамматика!), подобрав свой саван белый, поползла в овраг, в кусты. ... И каких-то ты только названий не претерпела, о злосчастная! И элементарная, и общедоступная, и упрощенная, и концентрическая, круговая, генетическая, космополитическая» [13].

Нововведений было немало. Однако трудные случаи употребления грамматических форм, когда имеющие место стилистические варианты нуждались в специальных оговорках и нормативных оценках, в учебниках этого направления или не приводились, или очень кратко комментировались в примечаниях к основному тексту грамматики. Например, в «Учебнике русской грамматики» Д. Н. Овсянико-Куликовского по поводу формы *ихний* в тексте приведены комментарии такого рода: «„Ихний" употребляется в разговорном языке чаще, чем в книжном. Какая разница между «ихний» и «их»? «Ихний» — прилагательное и определение, а «их» — существительное и дополнение (род. п. мн. ч.)» [14]. О вариантах в род. ед. сказано в одной строчке примечания: «В некоторых словах род. ед. оканчивается на *-у, -ю*: *фунт сахару, фунт чаю, насыпали песку*»; о вариантах в род. мн.: «В родит. мн. встречается окончание -ъ (как в имен. ед.): *много сапогъ, рота солдатъ*» [15] и т. д. В целом колебания грамматической нормы, так же как и

---

[13] *Петров К. Ф.* В защиту старухи-грамматики (смех и горе составителя русской грамматики). б/м., 1907, с. 1—2.— К. Ф. Петров был автором популярных в свое время учебников по русскому языку, выдержавших свыше 30 изданий. Последние издания его учебников редактировал Д. Н. Ушаков.

[14] *Овсянико-Куликовский Д. Н.* Учебник русской грамматики. СПб., 1911, с. 69.

[15] Там же, с. 42.

необходимость стилистической их оценки, не затронули внимания грамматиков «психологической» ориентации.

§ 9. Споры о содержании и качестве русской грамматики, которые в первой трети века были особенно острыми, велись под знаком борьбы за внедрение принципов научной грамматики в школьную практику [16]. «Школьная грамматика,— писал А. М. Пешковский,— не только упрощает факты, как всякая школьная переделка науки, но и искажает их, не только умалчивает о том, что недоступно школьному возрасту, но и дает ложные сведения о том, что могло бы быть доступно ему. Коротко говоря, школьная разновидность грамматики не только школьна, но и ненаучна» [17] (разрядка автора.— *Л. Г.*). Авторами отмечались следующие недостатки существующих грамматик: отсутствие исторической точки зрения на язык, отсутствие связи с современным состоянием языка и пренебрежение к нормам употребления живого языка, ненаучность, отсталость традиционных грамматических классификаций и связанная с этим ложность сообщаемых школьно-грамматических сведений. В трудах и университетских курсах В. А. Богородицкого, А. А. Шахматова, Е. Будде, А. М. Пешковского, Ф. Ф. Фортунатова в основу описания русской грамматики были положены иные научные принципы. Было обращено внимание на необходимость пристального и всестороннего изучения форм языка. Теоретические разногласия между грамматистами усилились. Различие в грамматических направлениях этого времени квалифицируется таким образом: «Блуждание в неуверенной ладье между Сциллой формы и Харибдой логоса становится типичным для данного момента знаменем новограмматистов» [18].

Усиливались призывы к переходу на позиции формально-грамматического принципа. Вопрос «За кем идти?» решался в 20-—30-е годы в пользу нового «формального» направления [19]. Грамматики этого времени отличает усиленный интерес к понятию формы слова, введение новых грамматических классификаций и новых определений частей речи и т. д. Проблема литературности норм в грамматике и в 20-е годы не составила предмета дискуссий или специальных изучений, хотя попутно, в связи с вниманием к реальному языковому употреблению, его исторической изменчивости, эта тема в трудах грамматистов так или иначе возникала.

Е. Ф. Будде писал: «Дайте в учебнике нормы, дайте детям типы грамматически построенной речи, приучите их к этим нормам, приучите их наблюдать за отклонением от этих норм и отли-

---

[16] См.: *Пешковский А. М.* Школьная и научная грамматика. 5-е изд. М., 1925. *Сланский В.* Грамматика как она есть и как должна бы быть. СПб., 1886, и др.

[17] *Пешковский А. М.* Школьная и научная грамматика, с. 36.

[18] *Павлович А. И.* Между Сциллой и Харибдой.— Родной язык в школе (1912—1922), 1923, № 1, с. 11.

[19] См.: *Шапиро А. Б.* За кем итти? (Современные грамматические разногласия).— Русский яз. в сов. школе, 1929, № 6.

чать эти отклонения, и вы убедитесь, что они получат надежный критерий и сами будут по привычке держаться этих норм и этого критерия в своих речах, сочинениях и разговорах» [20].

Наблюдения над грамматической стилистикой современной живой речи пронизывают популярные, новаторские для своего времени учебники по русскому языку А. М. Пешковского. В частности, в учебной книге по грамматике для школ II ступени и рабфаков «Наш язык» (М.— Л., 1927) автор впервые в практике советских грамматик ввел параграф о сокращенных сложных словах (типа *Совдеп*, *Губисполком*, *МХАТ*, *продработа* и т. д.), в котором в жанре «примерной беседы» рассказывал о грамматических и стилистических особенностях этих неологизмов. Упражнения стилистического характера, которые давали представление о синонимическом и стилистическом богатстве языка, были в этой книге особенно ценными.

§ 10. В истории смены содержания русских грамматик чередовались разные теоретические подходы к задачам грамматики и представления о том, каким должно быть описание грамматических категорий и самого грамматического материала. Можно согласиться с оценкой трудов, данной Н. Ю. Шведовой: «История развития русской грамматической мысли характеризуется повторяющимися сменами преимущественного внимания и интереса то к формальному, то к функциональному аспекту в изучении грамматических форм и категорий. Время от времени происходит как бы пересмотр научного метода, самого подхода к выделению и описанию грамматического объекта, собственно предмета грамматики. Исключительное внимание к формам и системам форм, к самой материи грамматики и к формальной организации тех или иных единиц в какие-то моменты сменяется усиленным интересом к тем внутренним смыслам и смысловым оттенкам, которые в этих единицах заложены и в аспекте синонимии существуют как бы над ними. Соответственно избираются то строго формальные, то смысловые обоснования для группировки и классификации грамматического материала» [21]. В пылу дискуссий о том, каким должен быть подход к изучению и описанию научной грамматики, практически вне поля зрения остается проблема нормативности. Отдельные реплики И. А. Бодуэна де Куртенэ, В. А. Богородицкого, Е. Ф. Будде, А. М. Пешковского о необходимости выработки критериев литературных норм не были восприняты составителями грамматик настолько, чтобы приковать внимание к концепции нормативности. Процесс кодификации, процесс преодоления инерции сложившихся грамматических канонов продолжал развиваться путем не столько сознательным, сколько стихийным.

---

[20] *Будде Е. Ф.* Элементы истории русского языка.— ЖМНП, 1916, XII, с. 165.
[21] *Шведова Н. Ю.* Русская научная описательная грамматика в Академии наук.— ВЯ, 1974, № 6, с. 14—15.

§ 11. В кругу разнообразных грамматик первой трети XX в. были бы почти забыты традиции русской стилистической грамматики, если бы ее жанр не был возрожден в выдающемся труде В. И. Чернышева — его «Опыте русской стилистической грамматики». Первое издание этой книги под названием «Правильность и чистота русской речи. Опыт русской стилистической грамматики» вышло в 1911 г.[22] Можно согласиться с отзывом акад. А. А. Шахматова, оценившего этот труд как замечательное явление в русской филологической литературе, несмотря на некоторые теоретические недочеты, слабость в методах изучения материала и приемах оценки языковых фактов[23]. В области грамматики В. И. Чернышева, в отличие от многих его современников-грамматистов, не увлекали теоретические построения, поиски определений грамматических форм и категорий. Будучи прирожденным стилистом, чутким к национальным чертам и особенностям русского языка, знатоком и ценителем народной речи, В. И. Чернышев в грамматике считал актуальным изучение ее нормативно-практического и стилистического аспекта. Складу и характеру умонастроения В. И. Чернышева отвечала прежде всего «Российская грамматика» Ломоносова с ее безыскусственным, лаконичным и непретенциозным описанием самого материала языка, с ее нормативно-стилистическими и практическими рекомендациями. Во введении к книге В. И. Чернышев писал: «Чем ближе к нашему времени, тем больше стилистика удаляется из грамматик. Литературный язык считается вполне сложившимся; колебания допускаются все меньше и меньше; в школе неограниченную власть приобретает тот или другой учебник, иногда весьма далекий от идеального совершенства; в печати корректоры с большим упорством и непониманием портят язык и слог знаменитых писателей, воображая, что они «исправляют ошибки», переделывая их богатую и свободную русскую речь по плохим школьным грамматикам. Все это говорит, что обсуждение вопросов стилистической грамматики в наше время дело не лишнее»[24].

По обилию собранного лексико-грамматического материала грамматика не имела себе равных. В. И. Чернышев исходил из убеждения, что основным критерием правильности и чистоты речи является общепринятость современного употребления («Основной источник лучшей современной речи — нынешнее ее употребление»); имела значение и авторитетность такого источника, как язык художественных произведений, созданных признанными мастерами слова («В создании литературного языка талантливые писатели идут впереди, грамматика должна идти вслед за ними»).

---

[22] Работа была издана затем дважды в 1914—1915 гг. Текст третьего издания воспроизводится в «Избранных трудах» В. И. Чернышева (т. I. М., 1970). Дальнейшие ссылки даются именно по этому изданию.

[23] Там же, с. 30—31, (предисловие акад. В. В. Виноградова — «О трудах В. И. Чернышева по русскому языку»).

[24] Там же, с. 446.

Поэтому именно материал служил основной опорой автору, выносившему суждения и приговоры относительно тех или иных форм. Рецензент книги И. В. Ягич справедливо заметил: «...Труд Чернышева преследует... высокие цели: не просто показать, как правильно писать данные языковые формы, но учесть их постоянное обновление, смену частично устаревших новыми, составляющими современный запас форм и оборотов... Книга не просто лишь предостерегает против неправильностей, но на многочисленных примерах показывает, как в языке, подобно живому лесу, отдельные формы и обороты, пройдя расцвет и всеобщее одобрение, затем начинают завядать и, наконец, полностью выходят из обращения под давлением молодых побегов»[25]. Ни в одной из грамматик с такой силой и убежденностью не было высказано очевидной теперь истины о том, что стилистические нормы и вкусы в грамматике существуют лишь для известного времени. Эволюция в области грамматических норм не только неизбежна, но и неравномерна: в кругу одних явлений замирание старых форм происходит постепенно, в кругу других процесс идет стремительно, натиском. Сверяясь с нормами современного словоупотребления, В. И. Чернышев смело мог ориентироваться в собранной им колоссальной коллекции грамматических фактов.

Высокая научная квалификация и стилистическая гибкость оценок обеспечила их проспективные достоинства. И в наши дни каталоги и перечни грамматических форм, собранные в «Опыте» В. И. Чернышева, были использованы при составлении списков форм в Академической грамматике; материалы В. И. Чернышева, также как и направление рекомендаций, учитываются и в современных словарях, и в отдельных грамматических работах.

§ 12. Как бы ни была совершенна стилистическая грамматика, выполненная 60 лет тому назад, современный исследователь, оглядываясь на историю с высоты пройденного времени, сразу может охватить ее общим сравнительным взглядом и понять, что в этой замечательной работе сохранило вес и по сей день, что уже устарело и нуждается в коррективах, какие новые грамматические явления стали теперь особенно значительными, хотя их появление автор не мог предвидеть. С этой точки зрения показателен даже беглый обзор по отдельным грамматическим явлениям. Как отмечал в рецензии И. В. Ягич, в книге В. И. Чернышева отсутствует систематическое обсуждение и строгая подача грамматических явлений. Поэтому сравнение удобно проводить по тексту книги, вслед за автором, и в том порядке, в каком материал подается в книге. Заметим, однако, что и самый порядок изложения основ стилистической грамматики сейчас уже должен быть видоизменен (см. гл. IV настоящей работы).

---

[25] *Ягич И. В.* Указ. соч., с. 648.— Критический разбор см.: *Огиенко И. И.* Указ. соч.

§ 13. Сложные слова. Остались актуальными отмеченные В. И. Чернышевым колебания в соединении прилагательных типа *болгаро-турецкая* и *болгарско-турецкая* (война), *итало-турецкие* и *итальяно-турецкие* (отношения), *цементо-бетонное* и *цементно-бетонное* (покрытие). Сейчас этот тип образований отличается высокой продуктивностью в публицистическом и научном стилях речи. Новые прилагательные по этой модели образуются легко, возникают и новые вариантные модели образований. Удовлетворительно этот тип колебаний не оценен ни в одной из современных нормативных работ. Относительно полное собрание этих вариантов сейчас зарегистрировано в орфографическом словаре, хотя алфавитное расположение словника затрудняет знакомство с этими вариантами в их совокупности.

К нашему времени появились новые сложения, образуемые путем сращения основ: *кремнийсодержащий*, *хлоруксусный*, *Ленинск-Кузнецкий*. Окончательно вышли из современного употребления образования с *противу* — типа *противугнилостное* (средство), *противуположный*, *противустоять*.

Остались по-прежнему колебания в старинных сложениях с *дву-* и *двух-* типа *двугодичный* и *двухгодичный*, *двулистный* и *двухлистный*. Число этих образований еще достаточно велико и тенденция к семантической закрепленности модели за определенными группами образований очевидна (см.: «Грамматическая правильность русской речи». М., 1976, с. 301—303).

§ 14. Склонение существительных мужского рода. Этот раздел написан В. И. Чернышевым с особой тщательностью. Детально разобраны колебания в окончании *-а/-у* у имен существительных муж. рода ед. Заметив, что «в общем родительный на *-а* не только преобладает в русском языке, но и вытесняет формы с *-у*»[26], автор с прискорбием отмечал, что современники отказываются от форм на *-у*, искони употреблявшихся в старинном русском языке и народной речи. В грамматике подробно, с приведением списков форм, автор перечислил все те случаи, в которых, на его взгляд, необходимо сохранить традиционную форму. В начале XX в. форма на *-у* употреблялась в письменной речи широко и повсеместно, поэтому сформулированные В. И. Чернышевым правила употребления варианта род. ед. на *-у* еще отвечали имевшей место действительности. Наиболее глубокое падение формы на *-у* в письменных стилях относится лишь ко второй половине 30-х годов. Теперь уже потеряли силу рекомендации употреблять форму на *-у* в таких, например, сочетаниях: *покажите атласу*, *купил крыжовнику*, *занял хмелю*, *привез цементу*. Устаревшими формами выглядят варианты *банку*, *капиталу*, *таланту*, *скандальозу*, *аппетиту*. Еще понятны, но уже не употребительны сочетания типа *около саду*, *у меня много долгу*, *ждать у дому* и под.

[26] Там же, с. 498.

§ 15. Варианты форм *-е/-у* в предложном падеже единственного числа у существительных мужского рода на твердый согласный при предлогах *в* и *на* даны В. И. Чернышевым в форме списков по отдельным лексемам. Как известно, именно с этой падежной формой связан мощный идиоматический пласт предложных образований. Процесс лексикализации формы на *-у* шел в языке исстари. Поэтому при описании колебаний В. И. Чернышеву пришлось показать и обособление вариантов по кругу разных значений, и закрепление их в разных оборотах речи. Собранный по словечку огромный материал до сих пор сохраняет значение и учитывается исследователями при описании этого явления. Устарели лишь немногие предлагаемые В. И. Чернышевым формы: *в пологу*, *в полону*, *на смеху*, *на яму*, *на горку*, *в кружку*, *на неводу*, *в овражу*.

§ 16. В параграфах, посвященных формам именительного множественного у существительных мужского рода, В. И. Чернышев привел длинные перечни форм, различающих по окончанию варианты на *-а(-я)* и на *-ы(-и)*. В своих оценках автор руководствовался наблюдениями за живым процессом, проходившим наиболее активно именно в начале века. «Если взять только самое близкое к нам время,— писал В. И. Чернышев,— то мы увидим полное господство в языке приведенных выше форм на *-а*, ... Мы видим вообще поступательное движение и победу новых форм с *-а*, *-я* над формами с *-ы*, *-и*, и это дает нам основание смело держаться новых форм, если мы усвоили их употребление»[27].

В целом приведенный материал и его нормативная квалификация не устарели и в наше время. Однако поступательное движение формы на *-а* несколько притормозилось. Во многих случаях в письменном литературном языке закрепились именно традиционные литературные варианты на *-ы(-и)*, хотя В. И. Чернышев рекомендовал для этих слов варианты с *-а(-я)*: *аптéкари*, *инспéкторы*, *кóнсулы*, *кóлеры*, *лéкторы*, *лéкари*, *орáторы*, *пóлоги*, *попечúтели*, *разы́*, *служúтели*, *ýльи*, *законоучúтели*, *фáкторы*, *цéнзоры*, *цúркули*. Очагом распространения флексии *-а(-я)* в наше время являются сферы профессионального языка и просторечия. Яркая стилистическая окраска формы мешает ее победному утверждению в нейтральных стилях письменной речи.

§ 17. В родительном множественного у существительных мужского рода на твердый согласный В. И. Чернышев отметил до сорока слов, принимающих древнюю нулевую форму, равную основе, типа *глаз*, *волос*, *сапог*, *чулок* (тогда употреблялись и формы *сапогов*, *чулков*), *погон*, *аршин*, *алтын*, *раз* и т. д. К настоящему времени в литературном языке закрепилась нулевая форма у широкого круга существительных — свыше двухсот в литературном языке и около трехсот в разговорных стилях речи. Состояние и качество нормализации в немалой степени зависит

[27] Там же, с. 506.

от степени изученности самого явления. Уже к 1900 г. в литературном языке появились названия новых единиц измерения — электрических, физических, весовых и т. д. У этой группы слов в 80—90-х годах XIX в. произошла смена формы род. мн. и вместо формы *-ов* стала употребляться нулевая (см. подробнее ниже). Однако ни одна из единиц измерения, составлявших в начале XX в. достаточно большую группу существительных, не попала в поле зрения автора. Более того, эти многочисленные формы с упрочившимся нулевым вариантом были замечены языковедами лишь в 40—50-е годы, а изучены более детально в 60-е годы. Это значит, что лишь спустя 80 лет после своего закрепления в языке нулевые формы у единиц измерения были кодифицированы в нормативно-стилистическом словаре в относительно полном объеме (см. «Грамматическая правильность русской речи», М., 1976, с. 125—128). В замеченном отставании проявляется не столько «консерватизм языкового идеала», которому склонны поклоняться многие языковеды, сколько неосведомленность в живом языковом употреблении и тех процессах развития, которые происходят в языке нередко помимо воли и участия языковедов.

§ 18. Род существительных. Стилистическое описание рода существительных В. И. Чернышев проводит применительно к следующим группам существительных: увеличительные существительные на *-ище*, колебания в среднем роде на *-о* и в женском на *-а* (*мочало—мочала*), колебания между мужским на твердый согласный и женским на *-а* (*апофеоз—апофеоза*), колебания в определении рода у существительных, оканчивающихся на мягкий согласный, *ж* и *ш* (*овощ* — мужского рода и *овощь* — женского), определение рода у заимствованных несклоняемых существительных. Наиболее обстоятельно, с приведением списка форм, с подробными комментариями, освещены варианты рода типа *апофеоз—апофеоза*, *арабеск—арабеска*. Каталог колеблющихся форм так тщательно составлен, что не превзойден ни одной из последующих стилистико-грамматических работ. Автор отмечал, что «колебания в роде слов в живом литературном языке нашего времени относительно немногочисленны»[28]. В самом деле, и к семидесятым годам число варьирующихся пар заметно сократилось: сейчас список вариантов составляет не более 100 пар. Список В. И. Чернышева насчитывал свыше двухсот пар. Значит, примерно в половине случаев колебания устранены: один из вариантов или безнадежно устарел (*авантюр, антилоп, арабеск, архива, атома, бацилл, бланка* и под.), или используется теперь лишь в специальном значении (*взяток, карьер, катаракт*), в областных (ср. *конопель, крылец, папах, сенокоса*) или в профессиональных стилях речи (ср. *желатина, метода, чинар*).

Все другие случаи колебаний В. И. Чернышевым оговорены менее обстоятельно. Так, о роде несклоняемых существительных

[28] Там же, с. 522.

написано совсем немного. Между тем именно этот тип существительных к нашему времени заметно расширился. В современном литературном языке несклоняемые существительные составляют около 350 нарицательных имен, исключая обширную группу несклоняемых собственных имен, географических названий, аббревиатур разного типа (ООН, РОНО, ТЭА, ПОРТ и т. д.). Вместе с ростом группы несклоняемых существительных увеличилась необходимость нормативной оценки их грамматических свойств. В. И. Чернышев при всем историзме подхода, конечно, не мог предвидеть, что через полвека в центре бурных научных дискуссий и самого пристального изучения окажутся случаи синтаксического выражения родовых отношений. Синтаксический способ выражения значений рода за прошедшие полвека породил длинные ряды вариантных форм. Помимо значительной группы несклоняемых существительных колебаниям подвержены следующие морфологические разряды слов: аббревиатуры, оканчивающиеся на твердый согласный (типа *наша ЖЭК — наш ЖЭК*); аббревиатуры, оканчивающиеся на гласный (типа *РОЭ повысилось — РОЭ повысилась*); составные существительные (*новое кафе-закусочная — новая кафе-закусочная*). Особенно неустойчива норма согласования с существительными, примыкающими к группе существительных так называемого общего рода, использующихся при назывании профессий, видов социальной деятельности применительно к наименованиям женщин (типа *редактор просмотрела рукопись — редактор просмотрел рукопись*; *уважаемый товарищ Иванова — уважаемая товарищ Иванова*; *пенсионер В. Журавлева — пенсионерка В. Журавлева*; *заведующая Иванова — заведующий Иванова*).

§ 19. Сопоставительный обзор можно было бы продолжить, но и приведенного материала достаточно для того, чтобы стали очевидными определенные выводы. Даже наилучшая стилистическая грамматика во многих своих важных разделах, касающихся стилистических тонкостей языка и в особенности нормативных оценок, уже через 30 лет не может быть воспроизведена без дополнительных, существенных переработок. Разумеется, речь идет о тех случаях, когда грамматика издается в качестве практического руководства к современному ей употреблению. Сам В. И. Чернышев относительность суждений весьма тонко осознавал: «Нелегко определить ... что является современным в языке, что стоит в нем прочно, что является случайным наносом, что отжило свой век. В языке всякой определенной эпохи для ее современников много неясного: слагающегося, но не сложившегося, вымирающего, но не вымершего, входящего вновь, но не утвердившегося. ... Нужно признать, что стилистические мерки и вкусы существуют для известного времени и меняются так же, как меняется язык»[29]. Если ремарки, комментарии, оценки

[29] Там же, с. 444, 449.

В. И. Чернышева во многих случаях не годятся для современного словоупотребления, все же они оказываются весьма ценным свидетельством и для современных исследователей. Однако самой неувядаемой частью грамматики остался непосредственный языковой материал, списки форм, фразеология, документированные иллюстрации. В стилистической грамматике составитель в первую очередь сталкивается с трудностями лексико-грамматического употребления форм; правило оказывается применимым лишь к определенной части лексики, лексический материал заставляет формулировать исключения и оговорки словарного характера. Материал, приведенный В. И. Чернышевым, был так обилен, что один из рецензентов словаря (И. И. Огиенко) заметил, что у В. И. Чернышева получилось «нечто вроде словаря неправильных слов и выражений, но только расположенного не в алфавитном, а в грамматическом порядке»[30]. Не случайно В. И. Чернышев предполагал в дополнение к изданию «Опыта» выпустить небольшой стилистический словарь, который содержал бы перечень затруднительных для употребления случаев. К сожалению, эти планы не осуществились, но самая идея не пропала. Под руководством и редакцией С. И. Ожегова в секторе культуры русской речи ИРЯЗ АН СССР было подготовлено издание «Правильность русской речи. Трудные случаи современного словоупотребления. Опыт словаря-справочника» (составители: Л. П. Крысин, Л. И. Скворцов, М., 1962), в расширенном издании вышедшее еще и в 1965 г. (подробнее о словаре ниже — с. 49). К 1973 г. в том же секторе был подготовлен словарь аналогичной ориентации, посвященный только грамматическим вариантам, под названием «Грамматическая правильность русской речи. Опыт частотно-стилистического словаря вариантов» (о словаре ниже — см. с. 77).

Идеи труда В. И. Чернышева продолжаются в работах С. И. Ожегова и исследованиях сектора культуры русской речи, в Академической грамматике (в первом ее издании), в современных курсах практической стилистики русского языка. В. И. Чернышева можно по праву считать создателем жанра новой русской стилистической грамматики.

---

[30] *Огиенко И. И.* Указ. соч., с. 46.

ОСНОВНЫЕ ТРУДЫ ПО НОРМАЛИЗАЦИИ ГРАММАТИКИ В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Словарная практика отражения грамматических норм в толковых словарях

§ 20. В послереволюционное время в нормах грамматического формоупотребления по сравнению с нормами XIX в. и даже начала XX в. произошли немалые изменения[31]. В известной мере эти сдвиги фиксировались и регламентировались в советских толковых словарях. Освещая историю русской лексикографии в Академии наук, Ф. П. Сороколетов писал: «В истории русской академической лексикографии советский период составляет особую главу. Русская лексикография советского времени накопила значительный опыт в составлении толковых словарей. Четыре словаря: «Толковый словарь русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова, «Словарь современного русского литературного языка» (в 17-ти томах), четырехтомный «Словарь русского языка» и «Словарь русского языка» С. И. Ожегова — важные вехи в изучении словарного состава языка, явления большого культурного значения»[32].

Отражение грамматических норм в толковых словарях на первый взгляд кажется косвенным и неполным. Затрагивались лишь те явления, которые входили в состав грамматических характеристик слова. Тем не менее в тех пределах, в которых сообщается грамматическая информация о словах, в словарях даются весьма обстоятельные сведения о состоянии грамматических форм всего лексического фонда литературного языка. Пословная кодификация норм в словарях сделана более тщательно, чем в грамматиках. Это утверждение может показаться в какой-то мере парадоксальным. В самом деле, в словаре как собрании слов, упорядоченных в алфавитном порядке, на первое место выдвинуты толкования значений, тогда как указания на грамматические категории и формы слов малозаметны, играют вспомогательную роль, отодвигаясь на последний план. Если же более углубленно всмотреться в те материалы по грамматике, которые дают в руки исследователя толковые словари, картина грамматических норм предстает в широком и разнообразном диапазоне.

§ 21. Исследование материала словарей с точки зрения репрезентации вариантных грамматических форм показывает, что при многих общих свойствах в каждом из четырех вышеназванных словарей черты отражения вариантов специфичны. Всем

---

[31] Основные процессы, происходившие в грамматике в советский период развития литературного языка, отражены в монографии «Русский язык и советское общество» См. том «Морфология и синтаксис современного литературного языка» (М., 1968).

[32] *Сороколетов Ф. П.* Русская лексикография в Академии наук.— ВЯ, 1974, № 6, с. 27.

толковым словарям вследствие их жанровых особенностей свойственны определенные ограничения. Поскольку центральной единицей словаря является слово, постольку в словарях помещены лишь те грамматические варианты, которые связаны непосредственно со словом, выражены в грамматической части самого слова, а не вне его. Поэтому, как правило, в словарях не представлены варианты словосочетаний. Это касается и вариантов согласования в составе подлежащего и сказуемого (*пришло* или *пришли несколько человек*), и вариантов согласования прилагательных в сочетаниях (*две основные* или *две основных задачи*), и многих вариантов предложных конструкций (*борьба против чего — борьба с чем*) и т. д. Правда, в семнадцатитомном словаре показаны некоторые варианты управления (ср. устар. *бежать кого- — чего-нибудь* и *бежать от кого- — чего-нибудь*; *между кем, чем* и *между кого, чего* и под.).

Отражение словообразовательных норм в словарях не лишено своеобразия. Внимание составителей специально не фиксировалось на том, чтобы привести все словообразовательные варианты и синонимы. Но поскольку эти варианты являются частью лексической системы языка, они были включены в состав словника. Чем объемнее словарь, тем шире в нем представлены словообразовательные варианты. С этой точки зрения 17-томный словарь содержит наиболее полный их перечень. В дальнейшем материалы рассматриваются именно по этому словарю. Сравнительное сопоставление синонимов и вариантов по кругу значений и стилистическому употреблению не входило в задачи словаря. Поэтому варианты не соотнесены друг с другом, их значения толкуются по отдельности. Варианты приводятся обычно в форме отдельных слов, каждое из которых имеет свою словарную статью. Так, без отсылок приводятся однотипные толкования у вариантов *осмысление* и *осмысливание*, *полуночь* и *полночь*, *полуночный* и *полночный*, *полусапожки* и *полсапожки*, *междусоюзнический* и *межсоюзнический*, *междупланетный* и *межпланетный*, *внештатный* и *нештатный*, *прочесть* и *прочитать*, *стандартизировать* и *стандартизовать* и мн. др. Очень немногие варианты снабжены отсылками: *междуусобица*, см. междоусобица; *погиблый*, то же, что гиблый. Лишь некоторые варианты объединены в заголовках одной и той же словарной статьи. Так, парами приводится ряд вариантов из группы сложений с *двух-* и *дву-*: *двухголовый* и *двуголовый*; *двухголосный* и *двуголосный*; *двухколёсный* и *двуколёсный*; *двухрядный* и *двурядный*. Объединены варианты *полсотня* и *полусотня*, *дискутировать* и *дискуссировать*. Как известно, 17-томный словарь — самый полный из существующих словарей (120 480 слов). Поэтому каталог словообразовательных вариантов, приведенных в этом словаре, превышает все другие собрания вариантов. Тем не менее даже здесь материалы по словообразовательным вариантам все же не исчерпаны. Так, ни в одном из толковых словарей не помещены варианты сложных

прилагательных (типа *японо-советский* и *японско-советский, авиахимический* и *авиационнохимический, серасодержащий* и *серосодержащий* и др.). Ни один из толковых словарей не фиксирует варианты названий жителей (*омич — омчанин, тверяк — тверянин, горьковец — горьковчанин*). Не отражаются и многие варианты наречий типа *по-геройски — геройски, по-научному — научно*. Неполны и списки продуктивного класса сложносокращенных образований, конкурирующих со словосочетаниями типа *телепрограмма* (телевизионная программа), *партсъезд* (партийный съезд), *профработа* (профсоюзная работа) и под. В целом вариантность, заложенная в потенциале словообразовательной системы языка, в 17-томном словаре была показана достаточно полно. На основе словаря можно составить большие списки и вариантов суффиксального и вариантов суффиксально-префиксального словообразования. Вместе с тем словообразовательные варианты не становились объектом нормативной квалификации, когда в результате хотя бы краткого сравнения составители характеризуют варианты с помощью стилистических помет, ориентирующих относительно особенностей употребления каждого из них. Словарь дает очень ценные материалы с толкованием значения разрозненных вариантов, предоставляя самому читателю право выбора.

§ 22. Нормативная направленность толковых словарей острее, чем в других ярусах грамматики, проявилась в отражении и закреплении морфологических норм литературного языка.

Каждое слово в словарях сопровождается морфологической характеристикой: указывается грамматическая категория слова (ср. *а*, союз; *аминь*, церк. в знач. утверд. частицы; *вразбивку*, нареч. и т.д.). Для изменяемых слов (существительных, прилагательных, глаголов) заголовочное слово приводится в исходной форме, а затем приводятся другие, наиболее важные морфологические формы. Так, для существительных к каждому слову обязательно приводятся пометы, характеризующие род слова (м., ж., ср., общего рода). Из падежных форм обязательны: форма именит. падежа — в качестве начальной обычно берется форма им. ед. ч., но для некоторых существительных — им. мн. числа; второй важнейшей для склонения формой признается форма родительного падежа. Другие падежные формы приводятся лишь спорадически, в отдельных случаях, когда, по мнению составителей, могут возникнуть затруднения в образовании форм или имеются вариантные формы (ср.: *берег, -а, о береге, на берегу*, мн. *берега; тысяча, -и*, тв. *-чей, -чью*).

Именно случаи неустойчивой литературной нормы привлекают наш особый интерес. Если в основных грамматических квалификациях все четыре толковых словаря совпадали, то характеристика вариантных форм во многих случаях различна [33].

[33] О трудностях описания вариантов в толковых словарях современного русского языка см.: *Филин Ф. П.* О слове и вариантах слова.— В кн.:

Существенно то, что словари составлялись в разное время. И это накладывало определенный отпечаток на характер их рекомендаций в случаях колеблющихся норм. Толковый словарь под ред. Д. Н. Ушакова, изданный в 1935—1940 гг., отражал нормы словоупотребления предшествующего времени. Поэтому во многих своих оценках в наши дни он воспринимается как устаревший. Так, словарь на равноправных началах рекомендовал варианты *фильм* и *фильма*, *дешевее* и *дешевле*, *плосче* и *площе* (от плоский в тв. пад.), *которой* и *которою*, *той* и *тою*, *всей* и *всею*; в качестве общеупотребительных нормативных форм деепричастий рекомендовались формы *прочитавши*, *наколовши*, *ослепши*, формы же *прочитав*, *наколов*, *ослепнув* квалифицировались как книжные [34]. В сравнении со всеми последующими словарями первый советский толковый словарь имел одно несомненное преимущество. Вводная статья, из которой читатель мог почерпнуть сведения о том, как пользоваться словарем, содержала подробнейшее, хотя и очень компактное, экономно изложенное грамматическое руководство по каждой из частей речи с образцами склонений и спряжений. Все отступления от норм оговаривались в особых параграфах. Были приведены длинные сравнительные списки форм. Словом, вся справочная грамматическая часть выполнена на редкость тщательно, продуманно, детально. В наши дни грамматическое введение Д. Н. Ушакова воспринимается как замечательный памятник грамматических норм первой трети XX в., воспроизведенных в самых существенных, нужных для словаря элементах. В последующих словарях объяснительная грамматическая часть была сведена к лаконичным параграфам, посвященным не столько характеристике отраженной в словаре грамматической системы, сколько тому, какие грамматические пометы используются в словаре и как их следует понимать.

В отличие от словаря под ред. Д. Н. Ушакова «Словарь русского языка» С. И. Ожегова [35], вышедший первым изданием в 1949 г., был и остается единственным однотомным и общедоступным словарем. Хотя этот словарь составлен на базе предшествующего, состав словника, словарные статьи, стилистические и грамматические пометы были автором критически пересмотрены и переработаны. Словарь С. И. Ожегова в большей степени соответствовал новым нормам литературного языка, сложившимся к сороковым годам. Он до сих остается самым популярным и пока что самым

Морфологическая структура слова в языках различных типов. М.— Л., 1963, с. 129—130; *Дружинина А. Ф.* О непоследовательности грамматических помет в толковых словарях русского языка.— Уч. зап. Московского обл. пед. ин-та, 1964, т. 148, вып. 10.

[34] См. грамматическую часть вводной статьи «Как пользоваться словарем» в «Толковом словаре русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова (М., 1935, т. I, XVI).

[35] Об этих толковых словарях подробную информацию см.: *Цейтлин Р. М.* Краткий очерк истории русской лексикографии. М., 1958.

современным толковым словарем. Грамматические и стилистические предписания, закрепленные в «Словаре русского языка» С. И. Ожегова, приняты как наиболее авторитетные в целом ряде ортологических словарей (см. с. 46).

Одновременно с работой над кратким однотомным словарем велась работа над самым полным семнадцатитомным словарем литературного языка, на базе которого был затем создан четырехтомный (средний) академический словарь. Большой академический словарь отразил «все лексическое богатство литературного языка от эпохи Пушкина до наших дней» (из предисловия к словарю). В таком же хронологическом диапазоне, с той же глубиной и размахом были отражены в словаре грамматические и стилистические особенности языка. Непревзойденная полнота лексического материала, семантических характеристик слова сопровождается многообразием приводимых стилистических и грамматических сведений. Отталкиваясь от Большого, Малый академический словарь отражает лишь современное состояние литературного языка (30—50-е годы). Поэтому в нем строже отбирался и оценивался лексический материал. Более последовательно проведены нормативные установки по отношению к вариантным и стилистическим явлениям.

§ 23. Особенности советских толковых словарей достаточно полно освещены в лексикографической литературе[36]. Здесь приходится о них упоминать в связи с тем, что различия в отражении грамматических норм, которые приходится наблюдать, сравнивая эти словари, обусловлены в немалой степени своеобразием и в каких-то чертах даже «непохожестью» каждого из них.

Чтобы эти утверждения не были голословными, достаточно привести хотя бы две иллюстрации, число которых при желании можно было бы увеличить. В качестве первой краткой иллюстрации может быть использована сравнительная таблица, в которой приводятся пометы всех четырех словарей, квалифицирующие род у некоторых заимствованных несклоняемых существительных. В таблицу включены те существительные, которые в своем синтаксическом согласовании по роду до сих пор испытывают колебания. Словари в таблице кратко обозначены аббревиатурами ТСУ — «Толковый словарь русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова (М.—Л., 1935—1940); СО — «Словарь русского языка» С. И. Ожегова (М., 1953), БАС (Большой академический словарь) — семнадцатитомный словарь современного русского литературного языка (М.—Л., 1948—1965); МАС (Малый академический словарь) — четырехтомный словарь современного русского литературного языка (М., 1957—1961).

Продемонстрированные пестрота и разнобой рекомендаций, хотя и нежелательны и ставят читателя в тупик, в отдельных

[36] См. следующие работы: *Ожегов С. И.* О трех типах толковых словарей.— ВЯ, 1955, № 1; *Сорокин Ю. С.* О нормативно-стилистическом словаре современного русского языка.— ВЯ, 1967, № 5.

	ТСУ	СО	БАС	МАС
авеню	–	–	ж. и ср.	–
авизо	–	–	м. и ср.	ср.
авто	ср. (разг.)	–	м. и ср.	ср. и м.
альпака	ср.	–	м.	–
бери-бери	ж. и ср.	–	род не указ.	род не ук.
бибабо	–	–	род не указ.	род не ук.
болеро	ср.	–	ср. и м.	ср.
виски	м. и ср.	ср.	ж. и ср.	ср.
джерси	ср.	–	ср. и м. (*джерсе́* и *джёрси*)	ср. (*джерсе́* и *джёрси*)
динамо	ж.	ср.	ср. и ж.	ср.
жабо	ср.	–	ср. и м.	ср. и м.
кантеле	–	–	ж.	ср.
контральто	ср. и м.	ср.	ср. и (устар.)	м. ср. и (устар.) м.
кофе	м. и (разг.) ср.	м.	м.	м.
ма́нго	ср.	–	м. и ср.	ср.
медресе́	–	–	ср. и ж.	ср.
меццо-сопрано	ср. и ж.	ср.	ср. и м.	ср.
наргиле́	м. и ср.	–	м. и ср.	м. и ср.
пенальти	–	–	м.	–
сабо	м.	–	мн.	мн., ср. *

* Прочерк означает, что этого слова нет в словаре.

случаях и понятны, и объяснимы. Многие из родовых квалификаций, данных в словаре под ред. Д. Н. Ушакова, отвечали нормам первого тридцатилетия XX в. Так, слово *виски* сейчас употребляется преимущественно в среднем роде: Он заказал *двойное виски* (К. Х. Тушель, Неприметный мистер Макхайн). Форма муж. рода, употребительная полвека назад, теперь воспринимается как отклонение от нормы. Устарели и другие рекомендации словаря относительно слов *динамо* (ж.), *контральто* (м.), *меццо-сопрано* (ж.), *сабо* (м.). В этих случаях норма к нашему времени изменилась. В словаре С. И. Ожегова редкие заимствования устранены, оставлены лишь немногие несклоняемые существительные.

Упразднение вариантов было проведено С. И. Ожеговым в соответствии с общей действующей нормой. Несклоняемые названия неодушевленных предметов принимают форму среднего рода. Все колеблющиеся слова помечены в словаре формой среднего рода. Исключение было сделано только для слова *кофе*. Принадлежность слова *кофе* к существительным мужского рода была закреплена затем и другими толковыми словарями. Тем не менее влияние общей тенденции оказалось столь сильным, что квали-

фикации словарей до сих пор не устранили существующей и в разговорной речи, и отчасти в письменной, практики употребления слова *кофе* в среднем роде: *Кофе* со столетним коньяком *выпито* (А. Толстой, Гиперболоид инженера Гарина); И все сливалось в одно: в счастливое чувство готовности на все, что угодно. Водка, бенедектин, *турецкое кофе*? Вздор, просто весна и все отлично... (И. А. Бунин, Пароход Саратов); Мы пьем *кофе, сваренное* токами высокой частоты. Оно не лучше обычного (Г. Альтов, Ослик и «аксиома») [37]. В 17-томном словаре, как видно из таблицы, приводится самый полный список колеблющихся в родовом оформлении несклоняемых существительных. В большинстве случаев все варианты рода сохранены. Только у слов *бери-бери* и *бибабо* род не был указан. Современный орфографический словарь определяет род этих слов по русскому эквиваленту: *бери-бери*, ж. (болезнь) и *бибабо*, ж. (кукла). Малый академический словарь квалифицировал варианты на базе материалов Большого словаря. Тенденция к унификации форм в отношении этих слов проявилась более четко. У большинства слов оставлена только одна помета: слова отнесены к среднему роду. Лишь для немногих слов сохранены варианты: *авто*, *жабо*, *наргиле* и *сабо*.

§ 24. В качестве второй иллюстрации взята вариантная форма род. ед. у некоторых групп существительных мужского рода на твердый согласный. Форма род. ед. в словаре приводится как обязательная, поэтому характер нормативных установок по отношению к вариантам формы и различие словарей в этом качестве здесь проявляется наиболее последовательно.

В словаре под ред. Д. Н. Ушакова приводится не менее 300 существительных [38], которые в род. ед. по рекомендации словаря принимают обе формы *-а* (*-я*) и *-у* (*-ю*). При обозначении количества предпочтительна форма *-у* вместо *-а* и *-ю* вместо *-я*: *продажа сахара,* но *кусок сахару*; *вкус чая*, но *чашка чаю*; *много шуму*, *мало толку*. Ниже списком помещены 60 существительных, для которых в литературном языке по рекомендации ТСУ обязательны оба варианта окончания. Все эти существительные просмотрены в четырех толковых словарях. Результаты сведены в таблицу.

Если словарь под ред. Д. Н. Ушакова последовательно приводил оба варианта, словарь С. И. Ожегова с не меньшей последовательностью регламентировал те сдвиги, которые произошли в

---

[37] В последних словарях «Трудностей» («Трудности словоупотребления и варианты норм русского литературного языка» под ред. К. С. Горбачевича и в «Словаре трудностей русского языка» Д. Э. Розенталя и М. А. Теленковой) подчеркнуто, что в разговорной речи широко используется форма ср. рода, хотя для строгого литературного употребления рекомендуется форма муж. рода.

[38] 60 существительных из этой группы приводятся в работе: *Вахид, Мир Абдул.* Отражение орфоэпических и морфологических норм в «Толковом словаре русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова. Автореф. канд. дис. Ростов-на-Дону, 1972, с. 17.

	ТСУ	СО	БАС	МАС
боржом	*-а (-у)*	*-а*	*-а*	*-а (-у)*
век	*-а (-у)*	*-а*	*-а* и *-у*	*-а (-у)*
вес	*-а (-у)*	—	*-а* и *-у*	*-а (-у)*
верх	*-а (-у)*	*-а*	*-а* и *-у*	*-а (-у)*
виноград	*-а (-у)*	*-а*	*-а* и *-у*	*-а (-у)*
голод	*-а (-у)*	*-а*	*-а* и *-у*	*-а (-у)*
горох	*-а (-у)*	*-а*	*-а* и *-у*	*-а (-у)*
дом	*-а* (но в сочет. из дому и из дома)	*-а*	*-а* и *-у*	*-а (-у)*
жар	*-а (-у)*	*-а*	*-а* и *-у*	*-а (-у)*
изюм	*-а (-у)*	*-а (-у)*	*-а* и *-у*	*-а (-у)*
испуг	*-а (-у)*	*-а*	*-а*	*-а (-у)*
клей	*-я (-ю)*	*-я*	*-я* и *-ю*	*-я (-ю)*
коленкор	*-а (-у)*	*-а*	*-а* и *-у*	*-а (-у)*
корм	*-а (-у)*	*-а*	*-а* и *-у*	*-а (-у)*
край	*-я (-ю)*	*-я*	*-я* (края, но с краю)	*-я (-ю)*
лак	*-а*	*-а*	*-а*	*-а (-у)*
лед	*-а (-у)*	*-а*	*-а* и *-у*	*-а (-у)*
ледок	*-а (-у)*	—	*-а* и *-у*	*-а (-у)*
ливер	*-а (-у)*	*-а*	*-а* и *-у*	*-а (-у)*
лоск	*-а (-у)*	*-а*	*-а* и *-у*	*-а (-у)*
лук	*-а (-у)*	*-а*	*-а* и *-у*	*-а*
люд	*-а (-у)*	*-а*	*-а* и *-у*	*-а* и (прост.) *-у*
мел	*-а (-у)*	*-а*	*-а* и *-у*	*-а (-у)*
мех	*-а (-у)*	*-а*	*-а*	*-а*
мед	*-а (-у)*	*-а*	*-а* и *-у*	*-а (-у)*
миндаль	*-я (-ю)*	*-я*	*-я*	*-я (-ю)*
нагрев	*-а (-у)*	—	*-а*	*-а*
нарзан	*-а (-у)*	*-а*	*-а*	*-а (-у)*
панталык	*-а (-у)*	*-а (-у)*	*-а* и *-у*	*-а (-у)*
перепуг	*-а (-у)*	*-а*	*-а* и *-у*	*-а (-у)*
пол	*-а (-у)*	*-а*	*-а* и *-у*	*-а (-у)*
припек	*-а (-у)*	*-а*	*-а*	*-а (-у)*
приступ	*-а (-у)*	*-а*	*-а* и (разг.) *-у*	*-а*
прокорм	*-а (-у)*	—	*-а*	*-а (-у)*
просып	*-а (-у)*	*-а (-у)* без просыпу (разг.)	*-а* и *-у*	*-а (-у)*
разговор	*-а (-у)*	*-а (-у)*	*-а*	*-а*
разлет	*-а (-у)*	—	*-а* и *-у*	*-а*
размах	*-а (-у)*	*-а*	*-а* и *-у*	*-а*

	ТСУ	СО	БАС	МАС
рот	*-а* (но в сочет. разг. *изо рту*)	*-а* (но в сочет. разг. *изо рту*)	*-а*	*-а*
сахар	*-а(-у)*	*-а(-у)*	*-а* и *-у*	*-а(-у)*
смак	*-а(-у)*	*-а*	*-а* и *-у*	*-а(-у)*
смех	*-а(-у)*	*-а(-у)*	*-а* и *-у*	*-а(-у)*
совет	*-а(-у* разг.)	*-а*	*-а* и (устар.) *-у*	*-а*
сор	*-а(-у)*	*-а*	*-а* и *-у*	*-а(-у)*
срок	*-а(-у)*	*-а*	*-а* и *-у*	*-а(-у)*
страх	*-а(-у)*	*-а*	*-а* и *-у*	*-а(-у)*
творг	*-а(-у)*	*-а*	*-а* и *-у*	*-а(-у)*
терпеж	*-а(-у)*	—	*-а* и *-у*	*-а(-у)*
тес	*-а(-у)*	*-а* и *-у*	*-а* и *-у*	*-а(-у)*
товар	*-а(-у)*	*-а*	*-а* и *-у*	*-а*
толк	*-а(-у)*	*-а*	*-а* и *-у*	*-а(-у)*
упад	*-а(-у)*	до упаду	*-а* и *-у*	*-а(-у)*
упёк	*-а(-у)*	—	*-а*	—
чай	*-я(-ю)*	*-я(-ю)*	*-я* и *-ю*	*-я(-ю)*
час	*-а(-у)*		*-а*	*-а*
чернослив	*-а(-у)*	*-а*	*-а* и *-у*	*-а(-у)*
чеснок	*-а(-у)*	*-а*	*-а* и *-у*	*-а(-у)*
шаг	*-а(-у)*	*-а*	*-а* и *-у*	*-а(-у)*
шум	*-а(-у)*	*-а*	*-а* и *-у*	*-а(-у)*

норме употребления формы род. ед. к 40-м годам. В нейтральных стилях письменной речи (газета, деловая и научная речь) в 30-е годы происходило активное падение форм на *-у*. К нашему времени в литературном языке нет уже ни одного оттенка партитивного значения род. пад., куда бы не проникла форма на *-а*. Форма на *-у* стойко держится лишь в фразеологических сочетаниях. Именно эти формы и регистрирует словарь С. И. Ожегова как вариантные: *из дому* и *из дома*, *с панталыку*, *без просыпу*, *изо рта* и *изо рту*, *до упаду*. Во всех остальных случаях за редким исключением (для слов *изюм*, *сахар*, *смех*, *тес*, *час*) словарь рекомендует как нормативную и основную форму *-а* во всех значениях род. падежа и для всех стилей литературного языка. Рекомендации С. И. Ожегова находились в полном согласии с тенденцией развития этой падежной флексии. Большой академический словарь с его стремлением к регистрации всех вариантов литературного языка, существовавших в хронологическом диапазоне от Пушкина до наших дней, восстановил оба варианта как равноправные почти для всех слов приведенного списка. Немногие

слова помечены одной формой *-а*: *боржом*, *испуг*, *лак*, *мех*, *миндаль*, *нагрев*, *нарзан*, *припек*, *прокорм*, *разговор*, *рот*, *успех*, *час*. Малый академический словарь регистрирует варианты, отталкиваясь от материалов Большого словаря. При этом видоизменение касается следующих моментов. МАС подчеркивает стилистическую иерархию вариантов. В качестве основной рекомендуется форма *-а*. Форма *-у* приводится лишь как второй возможный вариант. Возможная вариантность допускается даже у бóльшего круга слов, чем это рекомендовано в 17-томном словаре. Если для слов *боржом, испуг, лак, миндаль, нарзан, припек, прикорм* и словарь С. И. Ожегова, и БАС рекомендовали единственную форму на *-а*, то МАС восстановил для них возможность вариантного окончания *-а* (*-у*). Лишь в единичных случаях, по сравнению с Большим словарем, Малый рекомендует унифицированную форму *-а* для слов *лук*, *приступ*, *разлет*, *размах*, *совет*, *товар*. Самый факт разноречивости рекомендаций и оценок вариантов, имеющий место в толковых словарях, ярко демонстрирует прежде всего неустойчивость самой надежной формы. Однако нельзя не заметить и другое. Существующее расхождение между практикой нормативных оценок и нормой употребления форм в живой речи объясняется отчасти слабостью научной теории, которая наряду с изучением норм предписания (кодификации) должна уделять также внимание законам, управляющим нормами употребления единиц в речи.

Роль и значение нормативной Академической грамматики. Курсы практической стилистики

§ 25. В 1952 г. в издании Института языкознания АН СССР вышла «Грамматика русского языка», явившаяся первой Академической грамматикой послереволюционного времени. Авторами был избран жанр общедоступной нормативной грамматики. Акад. С. П. Обнорский писал о ней: «Основным принципом грамматики было то, чтобы она была возможно проста, чтобы она не полемизировала ни с кем, чтобы она не давала никаких гипотез, ориентируясь на читателя лишь со средним образованием»[39]. Заслуга и достоинство этой грамматики заключалось прежде всего в том, что в ней впервые были закреплены грамматические нормы современного литературного языка. Роль Академической грамматики в развитии самого жанра описательной грамматики достаточно подробно освещена в статье Н. Ю. Шведовой «Русская описательная грамматика в Академии наук» (ВЯ, 1974, № 6). Свод нормативных правил в этой грамматике был наиболее полным по сравнению с другими грамматиками XX в. Целью грамматики стало исчерпывающее описание грамматического строя литературного национального языка. В ней поэтому представлена вся грамма-

[39] *Обнорский С. П.* Замечания на «Грамматику русского языка», т. I.— Докл. и сообщ. Ин-та языкознания АН СССР, 1954, № 6.

тическая система русского языка, дано описание всех частей речи, приведено определение всех грамматических категорий, дан свод правил по употреблению всех литературных форм словоизменения, словообразования и синтаксиса.

Поскольку задачи упрочения грамматических норм выдвигались на первый план, существующие варианты (местные, разговорные или иные стилистические эквиваленты литературной нормы) хотя и приводились в тексте грамматики, но не находились в центре внимания составителей. Для иллюстрации того, как интерпретировались в грамматике колебания и стилистические модификации нормы, приведем краткий обзор морфологических вариантов существительных. Так, при сопоставлении материала по главам становится очевидно, что варианты рода, числа, падежа, склоняемых и несклоняемых форм существительных освещены в грамматике с разной степенью полноты. Полярны по характеру подачи вариантов две группы форм. Систематически и с приведением большого материала поданы варианты падежных форм, намного меньше внимания уделено вариантам склоняемых и несклоняемых форм существительных. В последующем обзоре сохранен порядок описания вариантов в грамматике.

§ 26. Род и смежные с ним явления. В грамматике этой теме отведен § 181 под названием «Колебания в роде имен существительных» (с. 111—113). Как известно, колебания в роде в современном литературном языке охватывают достаточно широкий круг явлений. Так, около ста существительных колеблется между формой мужского рода на твердый согласный и женской на *-а* (*рельс — рельса*, *манжет — манжета*, *жираф — жирафа*, *спазм — спазма*) и т. д. Варианты рода имеют также около 50 существительных, оканчивающихся на мягкий согласный, *ж* и *ш* (*вежеталь*, *-я*, м. и *вежеталь*, *-и*, ж., *псалтырь*, *-я*, м. и *псалтырь*, *-и*, ж.). Именно эти две группы существительных оговорены в четырех пунктах параграфа о колебаниях в роде. Приведена стилистическая квалификация отдельных пар слов, иллюстрированная примерами, в основном из художественной литературы XIX (Пушкин, Лермонтов, Некрасов, С. Аксаков) и начала XX в. (Горький, Чехов, Блок). Прокомментированы 22 пары вариантов. Списки всех колеблющихся вариантов не приводятся. В параграфе нет оговорок относительно существующих смешений родовых вариантов в группе существительных с суффиксами субъективной оценки (*этот домишко — это домишко*, *был холодище — было холодище*). По поводу существительных общего рода приводится лишь общее правило (см. с. 111). Детального разбора особенностей согласования в роде здесь не сделано. Между тем в современном литературном языке насчитывается свыше 200 существительных общего рода. В литературном языке XIX в., в современной художественной литературе и в устной речи нередко можно встретить согласование по внешней грамматической форме, чаще всего по женскому роду, иногда — по среднему. Прилагательное нередко употребляется в

женском роде, несмотря на то, что называется лицо или особь мужского пола: *бедная сирота — этот* медвежонок; Да ведь *он — совершенная тупица* (разг. речь); в выражениях — *сирота казанская, калика перехожая*; ср. также в фольклоре: *Иванище сильное, головище толстое*! Применительно к слову *жертва*, если названо лицо мужского пола, принята форма согласования только по женскому роду, например: *Жертва* французских террористов *скончалась* (речь идет о мужчине).

Колебания в роде несклоняемых существительных оговорены только в одном пункте: «Следующие несклоняемые имена существительные раньше имели, наряду с основными формами среднего рода, формы с иным родовым значением: *боа* (среднего рода) и *боа* (мужского рода, устар.), *какао* (среднего рода) и *какао* (мужского рода, устар.)» (с. 112—113). Общее правило о роде несклоняемых существительных сформулировано в § 33 (с. 22). Как видим, приведены только два случая отступлений от нормы. Между тем их гораздо больше. Из 350 нарицательных несклоняемых имен не менее 30 слов отступают от общего правила и колеблются в родовом оформлении: *авеню, авизо, авто, альпака, бибабо, болеро, бери-бери, динамо, па-де-де, па-де-труа, шимми, виски, джéрси, джерсé* и *джерсú* и др.

В грамматике не прокомментированы многочисленные случаи колебаний в роде аббревиатур, оканчивающихся на твердый согласный (типа *наша ЖЭК — наш ЖЭК*), аббревиатур, оканчивающихся на гласный (*ГОРФО закрыто — ГОРФО закрыт, РОЭ повысилось — РОЭ повысилась*). Не нашли отражения и случаи отступлений от правил в родовых согласованиях у составных существительных (типа *новое кафе-закусочная* и *новая кафе-закусочная*). В первом издании грамматики совсем не отмечались особенности согласований в конструкциях типа *директор пришла — директор пришел* (применительно к женщине), так же как и сочетания типа *уважаемый товарищ Иванова — уважаемая товарищ Иванова*. Правда, в новой Академической грамматике 1970 г. были введены формулировки правил относительно подобных сочетаний (с. 320).

§ 27. Число. Относительно категории числа в первом издании Академической грамматики освещены такие вопросы: имена существительные, употребляемые в ед. и во мн. числе; имена существительные, употребляемые только в ед. числе; имена существительные, употребляемые только во мн. числе. Вариантные случаи взаимозамены форм мн. и ед. числа упомянуты лишь в двух коротких примечаниях (с. 117, 118). Первое примечание касается отвлеченных существительных: «При конкретизации значения некоторые отвлеченные имена существительные (*боль, высота, глубина, радость, шум*) могут употребляться и в формах множественного числа». Второе примечание гласит: «При обозначении видов или сортов того или иного вещества имена существительные вещественные получают формы множественного числа, например:

дорогие вина, красные и белые глины, смазочные масла...» В литературном языке 40—70-х годов тенденция к появлению вариантных форм числа обнаруживается особенно интенсивно. По силе проявления значительным является широко происходящий процесс «опредмечивания» отвлеченных и абстрактных существительных. В связи с этим у многих слов расширилась сфера употребления форм мн. числа. Безоговорочное зачисление их в группу существительных, употребляющихся только в ед. числе, не соответствует существующей норме употребления (ср. *инициатива — инициативы, ремонт — ремонты, мощность — мощности* и мн. др.).

Вышли за пределы узкопрофессиональных стилей речи вариантные формы мн. числа у вещественных существительных. У многих используется по преимуществу форма мн. числа: *хлебопродукты, ядохимикаты, полимеры* и мн. др. Видоизменилась норма употребления у ряда существительных, которые традиционно зачислялись грамматиками в группу вещественных существительных, имеющих форму только единственного числа (*соли, черноземы, сахара, кислоты, нефти, пшеницы*). По-прежнему за формами мн. числа, как правило, закрепляется обозначение сорта, «разбора» вещества, но участились случаи взаимозамены форм ед. и мн. числа. Усилились смешения форм числа в разряде отвлеченных существительных, которые различаются по значению как обозначение действия и результата или продукта действия (*продажа — продажи, стрельба — стрельбы, подкормка — подкормки*).

Как видим, вариантность форм числа в Академической грамматике затронута лишь в небольшой степени.

§ 28. Падеж. Склонение имен существительных представлено в грамматике с особой обстоятельностью. Вариантные падежные формы не только упомянуты, но и показаны в списках слов, принимающих вариантные окончания. Некоторые параграфы характеризуются почти полной исчерпанностью лексического материала. Таковы части, написанные по поводу им. мн. у сущ. муж. рода, род. ед. у сущ. муж. рода (типа *снега — снегу*), предл. ед. у сущ. муж. р. (типа *в цехе — в цеху*) и др. В этом разделе грамматики с наибольшей последовательностью варианты форм охарактеризованы как со стороны их стилистического употребления (просторечные, разговорные, книжные, профессиональные), так и со стороны их исторической динамики (старые, устаревшие, новые). Именно Академическая грамматика впервые ввела стилистические характеристики форм. При этом составители использовали достижения лучших научно-исследовательских трудов по русской грамматике — В. И. Чернышева, С. П. Обнорского, В. В. Виноградова.

Варианты склоняемых и несклоняемых форм. Эти колебания литературной нормы составителями не были зафиксированы. В § 249, посвященном несклоняемым именам существительным, только в одном примечании (на стр. 182) сделана следующая оговорка: «Мужские фамилии на *-енко* могут склоняться как сущест-

вительные женского рода II склонения: *Шевченки, Шевченке, Шевченкой, о Шевченке*». Между тем некоторые разряды существительных выходят на первое место по интенсивности образований параллельных склоняемых и несклоняемых форм. Здесь могут быть названы обширные группы нарицательных имен существительных, такие, как аббревиатуры, составные слова и не менее обширные группы собственных имен. Среди них неустойчивы в склонении многие иноязычные и русские топонимы (см. гл. IV). В укреплении грамматических норм и дополнительных оговорках нуждаются и обозначения имен и фамилий, ср. колебания в склоняемости фамилий типа *Грудей, Заяц, Нередка, Шуба, Икэда, Березинска* и мн. др.

§ 29. Краткий обзор вариантных форм существительных убеждает в том, что проведенная в грамматике строгая кодификация норм в деталях, частностях, спорных случаях не была исчерпывающей. Тем не менее именно Академическая грамматика служила образцом при составлении всех республиканских, школьных изданий грамматик, так же как и при создании многочисленных методических пособий и руководств, помогающих в изучении русского языка. Авторитет Академической грамматики в научных и широких общественных кругах был непререкаем. После 1952—1954 гг. составители словарей при подаче форм слов опирались в первую очередь на материалы и рекомендации грамматики. Однако расхождение между грамматической теорией и речевой практикой окончательно не было преодолено.

В издании Академической грамматики 1970 г. развитие жанра проходило под знаками большей теоретической и терминологической последовательности в определении грамматических категорий, причем задача эта соединялась с замыслом создания компактной грамматики. В предисловии к изданию 1970 г. были подчеркнуты отличия этой грамматики от издания 1952—1954 гг. «Эта книга не может служить всеобъемлющим справочником. Она прежде всего отражает поиски «модели описания». Ее цель не в том, чтобы дать исчерпывающий свод действующих грамматических правил... а в том, чтобы показать языковые явления в системе, последовательно разделяя аспекты формы и ее функции...» [40] Переработка первого издания грамматики происходила не только в направлении пересмотра грамматической теории и перехода к более строгому формальному описанию грамматической системы и ее единиц [41]. Сведение трех томов 1952—1954 гг. к однотомнику 1970 г. достигалось отчасти путем сокращения текста в первую очередь за счет описания конкретного материа-

---

[40] Грамматика современного русского литературного языка. М., «Наука», 1970, с. 3.

[41] См.: *Хохлачева В. Н.* Некоторые вопросы теории словообразования (К выходу «Грамматики современного русского литературного языка»).— ВЯ, 1973, № 3.

ла и, в частности, упразднения списков варьирующихся словоформ. В издании 1970 г. грамматическим вариантам уделено еще меньше внимания, нежели в первом издании 1952—1954 гг.

§ 30. Вслед за появлением Академической грамматики, на ее основе и на материальной базе вышедших в свет современных словарей, стали создаваться учебные пособия по практической стилистике русского языка[42]. Курс практической стилистики возник как прикладная дисциплина, служащая задачам обучения студентов, редакторов, корректоров по программам этого предмета, утвержденным для филологических факультетов, факультетов журналистики и гуманитарных факультетов университетов и педвузов[43]. Продолжая традиции русских нормативно-стилистических работ, в «практических стилистиках» авторы стремились дать представление о функциональных стилях литературного языка, показывали распределенность вариантных лексических, грамматических и синтаксических средств внутри этих стилей, характеризовали нормы современного литературного языка в их стилистическом разнообразии. По своему содержанию курс практической стилистики смыкается и самым непосредственным образом связан с теорией стилей, так же как и с теорией культуры языка и речи. Общий характер и уровень работ в области стилистики в значительной мере определялся состоянием теории. Именно этим объяснял недостатки первого издания своей книги проф. А. Н. Гвоздев, один из первых авторов стилистики. В предисловии ко второму изданию «Очерков по стилистике русского языка» (М., 1955) он писал о том, что нельзя считать случайностью более чем скромный итог прошедшей в 1955 г. дискуссии по общим вопросам стилистики, нашедшей отражение на страницах «Вопросов языкознания». По заключению акад. В. В. Виноградова дискуссия «дала меньше обоб-

---

[42] Среди них могут быть названы: *Гвоздев А. Н.* Очерки по стилистике русского языка (М., 1955); *Никольский Н. Н.* Учебное пособие по стилистике и литературному редактированию (вып. 1, М., 1954; вып. 2, М., 1956); *Мамонов В. А., Розенталь Д. Э.* Практическая стилистика современного русского языка (М., 1957); Очерки по стилистике русского языка. Под ред. К. И. Былинского (М., 1959); *Чижик-Полейко А. И.* Стилистика русского языка (Воронеж, 1964); *Лившиц В. А.* Практическая стилистика русского языка (М., 1964); *Листвинов Н. Г.* Вопросы стилистики русского языка (М., 1965); *Сенкевич М. П.* Практическая стилистика русского языка и литературное редактирование (М., 1966); *Розенталь Д. Э.* Практическая стилистика русского языка (1-е изд., М., 1966; 2-е изд., М., 1968, 1974); *Михайлов М. М.* Стилистика русской речи (Чебоксары, 1968); *Ефимов А. И.* Стилистика русского языка (М., 1969); *Абрамович Л. В., Бельчиков Ю. А., Вакуров В. Н., Вомперский В. П., Зарва М. В., Панюшева М. С.* Практическая стилистика русского литературного языка (М., 1970).

[43] См. программы курсов: Практическая стилистика современного русского языка. М., 1952; Программа по практической стилистике современного русского литературного языка. М., 1954; Программа курса «Стилистика». М., 1958, и под.

щений и выводов, меньше достоверных результатов и доказанных положений, чем предложений и вопросов»[44]. Значительны, однако, те положительные стороны лингвистической практики, которые принес с собой жанр практической стилистики. Именно в пособиях по стилистике был сделан шаг вперед в направлении более пристального внимания к живым стилистическим нормам языка.

Сама история этого жанра в известной мере складывалась под давлением потребностей культуры письменной речи. Как видно из библиографической справки, большинство изданий практической стилистики приходится на 50—60-е гг. Однако еще в 1941 г. вышел известный и нужный в практике журналистской работы сборник «Язык газеты» (М.—Л., 1941). В этом сборнике большой раздел был посвящен практической стилистике языка газеты, написанный проф. К. И. Былинским, впоследствии автором программ по стилистике современного русского языка (М., 1954) и соавтором книги по литературному редактированию[45]. Часть, посвященная грамматико-стилистическим средствам языка, в этой книге была написана проф. Д. Э. Розенталем. В течение целого ряда лет Д. Э. Розенталь на страницах журнала «Русский язык в школе» вел раздел, посвященный трудным и спорным вопросам по современной орфографии и грамматике. Впоследствии эти материалы были опубликованы в книге: В. А. Добромыслов и Д. Э. Розенталь. Трудные вопросы грамматики и правописания (М., 1955).

§ 31. К этому же времени относится работа Д. Э. Розенталя над практической стилистикой современного русского языка (см. библиографическую справку) и над брошюрой по культуре речи[46]. Исследовательские разыскания Д. Э. Розенталя были откликом на самые непосредственные языковые нужды. Этим отчасти объясняется такая широкая популярность «Практической стилистики», выдержавшей несколько изданий и являющейся настольной книгой в издательствах и редакциях, так же как и на гуманитарных факультетах вузов. Многочисленность, полнота и систематичность собранного в течение десятилетий материала обеспечили «Практической стилистике» Д. Э. Розенталя особую популярность и влиятельность. Именно поэтому труд Д. Э. Розенталя заслуживает более детального критического разбора, касающегося нормативного аспекта грамматической части стилистики. Первое издание этой книги (1965) рецензировалось в секторе культуры русской речи ИРЯЗ АН СССР. В рецензии была дана общая оценка работы: «В отличие от других (кстати, очень немногочисленных!) пособий по практической стилистике книга профессора Д. Э. Розенталя характеризуется строго научным подходом

[44] ВЯ, 1955, № 1, с. 87.
[45] *Былинский К. И., Розенталь Д. Э.* Литературное редактирование. М., 1957.
[46] *Розенталь Д. Э.* Культуры речи. М., 1959.

к рассмотрению языковых явлений и к формулировке культурно-речевых рекомендаций. Обоснование теоретических позиций автора дано во «Введении» (с. 7—29), в котором на основе сопоставительного анализа разных современных отечественных и зарубежных концепций стилистики очерчен круг важнейших проблем, проведена классификация функциональных стилей языка и речи, учтена специфика «стиля» художественной литературы, решены другие существенные и мало еще исследованные вопросы»[47].

Существенную часть книги составил раздел «Грамматическая стилистика. Стилистическое использование форм частей речи». Здесь дано детальное описание грамматических вариантов, их стилистических свойств и особенностей употребления. Материал расположен по главам, соответствующим частям речи; текст глав разбит на параграфы, каждый из которых посвящен отдельному явлению, например, синонимические формы кратких прилагательных, числительные в составе сложных слов и т. д. При описании стилистических явлений автор опирался на собственные непосредственные наблюдения над языком — коллекция собранного материала необычайно богата и разнообразна. Ценна и библиографическая часть пособия. В нем использованы многие работы последних лет — статьи, диссертации, книги. Д. Э. Розенталь настойчиво пропагандирует мысль о том, что важнейшим фактором, создающим вариативность форм, является тенденция к экономии языковых средств. Эта мысль, высказывавшаяся автором в ряде более ранних работ, четко обозначалась и в «Практической стилистике», где именно так толкуются, например, родовые колебания типа *рельса—рельс*, *санатория—санаторий*, *фильма—фильм*; нулевые формы род. падежа *грамм*, *баклажан*, *лезгин* и пр.; краткие формы прилагательных типа *свойствен*, *бесчислен*, *бессмыслен* и т. д. Мысль справедлива, но не безусловна и не абсолютна. Можно было бы привести примеры, когда нормативной становится более длинная форма *приобрести*, *нести*, а не *приобресть*, *несть* и под. Односложным местоименным формам предпочитаются двусложные *-ею* (а не *-ей*), с *нею* (реже — *с ней*) и т. д. Особенно популярными стали длинные сложносоставные наименования, которые насчитывают в составе два, три, иногда даже четыре слова: ср. название туристского снаряжения *палатка—лодка—рюкзак—гамак*; *автомашина—дача—прицеп* и др. Самое крупное достоинство «Практической стилистики» видится в том, что в ней сокращен разрыв между грамматической теорией и живыми нормами употребления. Именно практическая стилистика возродила, казалось бы, со времен В. И. Чернышева забытый жанр функционально-стилистической грамматики. В сопоставлении с

---

[47] *Костомаров В. Г., Граудина Л. К., Золотова Г. А., Скворцов Л. И., Шварцкопф Б. С.* [Рец. на кн.:] *Розенталь Д. Э.* Практическая стилистика русского языка. М., 1965.— РЯШ, 1966, № 4.

Академической грамматикой заметна большая ориентация на те случаи формоупотребления, где стилистические нормы бывают по тем или иным причинам нетвердыми. Поэтому вариации нормы, которые в Академической грамматике часто комментируются лишь в примечании — в стилистике выступают в качестве основного объекта описания. В этом — одна из отличительных особенностей работ жанра практической стилистики.

Отдельные главы «Практической стилистики» Д. Э. Розенталя могли быть усилены: это — тема склоняемости иноязычных и русских топонимов, склоняемости аббревиатур и сложносоставных существительных. Не все рекомендации выдерживают проверку временем. Так, теперь уже не склоняется собственное название *Республика Куба* (в составе приложения), тогда как стилистика рекомендует его склонять.

В целом же вопросы кодификации решались автором в духе соблюдения преемственности традиционных норм, сверенных с практикой живого современного употребления.

Ортологические словари и справочники 50—60-х годов. Отражение нового репертуара грамматических колебаний в этих словарях

§ 32. Книги по культурно-речевой проблематике с нормализаторским устремлением имеют яркую практическую направленность. Обращение к широкому читателю определяет общественную полезность этих книг. В них задача нормализации выдвигается на первый план и решается она в жанре популярных доступных работ, рассчитанных на массовое потребление[48]. Образцом таких работ в наше время является популярный словарь-справочник «Русское литературное произношение и ударение» (под ред. Р. И. Аванесова и С. И. Ожегова), М., 1960; словарь-справочник «Правильность русской речи» 1-е изд., М., 1962; 2-е изд., М., 1965 (сост. Л. П. Крысин, Л. И. Скворцов под ред. С. И. Ожегова); Краткий словарь трудностей русского языка, М., 1963. В Ленинграде подготовлен обширный словарь-справочник «Трудности словоупотребления и варианты норм русского литературного языка» под ред. К. С. Горбачевича (Л., 1973).

В перечисленных пособиях колебания в области формообразования затрагиваются частично, вопросы нормализации отдельных форм ставятся попутно, на фоне других трудных случаев словоупотребления, ударения, логических неправильностей и т. д.

Пособия составлялись разными авторами, поэтому принципы отбора колеблющихся форм далеко не единообразны, так же как нередко различны и предполагаемые рекомендации.

[48] Об особенностях словарей этого жанра см.: *Ахманова О. С., Веселитский В. В.* Словари правильной речи.— В кн.: Лексикографический сборник, IV. М., 1959.

§ 33. Словарь «Русское литературное произношение и ударение» (под ред. Р. И. Аванесова и С. И. Ожегова, первое издание относится к 1955 г., переработан и переиздан в 1959 г., затем в 1960 г.) в истории жанра ортологических словарей[49] занимает особое место. Будучи первым самым массовым словарем, по выражению рецензентов, в котором собрана уникальная коллекция вариантов произношения и ударения, он не утратил своего выдающегося значения и в наши дни. Идея создания словаря относится ко второй половине 40-х годов. На расширенном юбилейном заседании Ученого Совета ИРЯЗ АН СССР в 1975 г., посвященном 75-летию со дня рождения С. И. Ожегова, Р. И. Аванесов вспоминал: «Мы очень много и долго думали о самом типе словаря. Дело в том, что ведь такой словарь для русского языка создавался впервые. Зарубежный опыт подобного труда (например, английский большой орфоэпический словарь) нам не подходил, потому что соотношение между русским произношением и русской орфографией и английским произношением и английской орфографией совершенно разные. В английском орфоэпическом словаре фактически каждое слово давалось в фонетической транскрипции. А нам, например, давать слова *вода* или *нога* не имело смысла, поскольку есть четкие законы произношения того, что написано. Потому что у нас все-таки превосходная орфография, хотя мы хотим что-то еще улучшать. Так что надо было обдумать самый тип словаря, что давать, как давать и т. д. Во втором издании была значительно увеличена грамматическая информация, и я должен сказать, что это было сделано главным образом Сергеем Ивановичем Ожеговым. Я не сказал, С. И. ведал также и словником, что включать, что не включать. Его вклад был очень велик. Работа над словарем длилась в общей сложности около 15 лет».

Грамматическая часть представлена в словаре достаточно полно в тех пределах, которые были определены характером словаря. Поскольку словарь ставил прежде всего задачи орфоэпического характера, это не могло не повлиять на отбор словоформ. Как сообщается во введении, отбор был «в значительной степени связан с особенностями русского ударения, которое часто бывает подвижным, т. е. меняет место при грамматическом изменении слова. Но наряду с такими формами даются и формы, нерегулярные по образованию, или такие, в которых наблюдаются «ошибки». В словаре помещены колебания в формах им., род., твор. и предложного падежей существительных, колебания в кратких и полных прилагательных, колебание в степенях сравнения, колебания в глагольных формах и т. д.— словом, все те варианты словоизмене-

---

[49] Термин «ортологический» в применении к работам нормативного и нормализующего характера широко применялся уже в 60-е годы.— См., например: *Ахманова О. С., Беляев В. Д., Веселитский В. В.* Об основных понятиях «нормы речи» (ортология).— НДВШ. Филол. науки. М., 1965, № 4.

ния в исходных формах и некоторые варианты словоизменения в косвенных формах.

Колебания в синтагматических связях форм или морфем, в синтаксисе и отчасти в словообразовании остались за пределами словаря: таковы разнообразные колебания в согласовании форм типа *работает сто тысяч — работают сто тысяч*, *заведующая Иванова — заведующий Иванова*, *наш школа-интернат — наша школа-интернат*, варианты предложных конструкций типа *план по заготовкам — план заготовок*, *высота в сто метров — высота сто метров*, *критика в адрес кого-л.— по адресу кого-л.* и многие подобные варианты управления *ждать поезда — ждать поезд*, *не любить сестру — не любить сестры* и т. д. По сравнению с современным состоянием грамматических норм многие из тех рекомендаций, которые предлагались в издании 1960 г., сейчас уж устарели. Так, в словаре приведены как равноправные формы *дискутировать* и *дискуссировать*. Сейчас укрепилась первая форма, вторая существует лишь в качестве разговорного варианта. К слову *дитя* давалась двухсложная форма творительного падежа — *дитятею*. В наши дни нормативна односложная форма. Были рекомендованы как равноправные формы *дешифровать* и *дешифрировать*, *дешифрованный* и *дешифрированный*. Эти слова не имеют длительной традиции литературного употребления и варианты *дешифрировать, дешифрированный,* возникшие поначалу в качестве возможных видовых форм, не закрепились в литературном языке. Формы предложного падежа количественных числительных в сочетаниях с предлогом *по* в распределительном значении типа *по девять*, *по десять* в словаре квалифицировались как разговорные. Теперь эти варианты стали нормативными. Отмеченные устаревающие рекомендации будут, очевидно, пересмотрены в готовящемся новом издании словаря. Как показал обзор словарей начала века, преходящий характер стилистических оценок закономерен. Акад. С. П. Обнорский в своей рецензии на словарь [50] справедливо писал о тех трудностях, с которыми сталкивается составитель, когда ему нужно решать вопросы нормализации языка: «Установление норм орфографии — большое дело. Еще большее дело установление норм языка... В русском литературном языке за революционное время произошли большие сдвиги. Необходимо экспериментально, как это всегда делалось, изучить литературный язык. Та орфоэпия, которая содержится в рецензируемом словаре, производит впечатление субъективной. Только эксперимент поможет разобраться в литературном аканье, в палатализации согласных, в ударяемости слов и т. д. Тогда у нас будет настоящее знание литературного языка, тогда можно объективнее разрешать вопрос его нормализации».

---

[50] *Обнорский С. П.* [рец.] Русское литературное ударение и произношение. Опыт словаря-справочника. Под ред. Р. И. Аванесова и С. И. Ожегова. М., 1955.— РЯШ, 1956, № 5, с. 106.

Общественное значение этой книги заключалось в том, что она ставила своей первой задачей повышение культуры речи.

К достоинствам труда следует отнести стремление делать словарь максимально доступным и полезным для широкого круга читателей. В словаре были учтены часто встречающиеся ошибки в формах словоизменения. Введение предупредительных помет помогало более четко ориентировать читателей относительно правильных и неправильных форм: *инженер* им. мн. *инженеры* (но не *инженера*), *конструктор*, им. мн. *конструкторы* (но не *конструктора́*). Этот словарь и по сей день остается необходимым пособием для преподавателей, пропагандистов-агитаторов, лекторов, работников радиовещания и телевидения, актеров и всех тех, кто стремится овладеть нормами чисто литературной речи.

§ 34. Словарь-справочник «Правильность русской речи» II изд. М., 1965 (сост. Л. П. Крысин, Л. И. Скворцов, под ред. С. И. Ожегова) посвящен «наиболее типичным случаям трудностей современного словоупотребления». Из 600 словарных статей, помещенных в словаре, около 30 содержат материал собственно грамматических колебаний.

В отличие от орфоэпического словаря чисто морфологических вариантов в словаре очень мало. Это статья о повелительной форме у глагола *ехать* (*езжай—ехай—поезжай*), о некоторых формах местоимений (*ихний—их*, *обеих—обоих*, употребление притяжательного местоимения *свой* в значении ‘мой’, употребление местоим. *чего* вместо ‘что’), о форме рода у слова *кофе*. Трудности в словоупотреблении часто затрагивают синтаксические построения, поэтому в словаре освещены некоторые варианты управления: *заведующий школой — заведующий школы*, *благодаря чего — благодаря чему*, *вопреки чего — вопреки чему*, *согласно чего — согласно чему* (последние три случая отмечены и в орфоэпическом словаре); трудность в употреблении отдельных предложных конструкций *критика в адрес кого — по адресу кого*, *отзыв на* (*статью*) — *отзыв о* (*статье*), употребление предлогов *за счет*, *насчет*, *по линии*. Отмечен один факт неправильного синтаксического согласования со словом *большинство*: большинство окончило десятилетку (а не окончили).

Впрочем, грамматические варианты и в этом словаре поданы микродозами; специальное, особое внимание авторы уделяли трудностям лексического словоупотребления — смешению значений, их неоправданному расширению, сужению, тавтологичности сочетаний, разрушению фразеологизмов и т. д.

§ 35. В 1968 г. вышел «Краткий словарь трудностей русского языка» (для работников печати), подготовленный коллективом сотрудников Московского университета: словарь составлен на материале газет, журналов, радио и телепередач (за период с 1956 г. по 1966 г.). В 1974 г. этот словарь вышел в свет в переработанном и усовершенствованном варианте под названием «Трудности русского языка. Словарь-справочник журналиста»

(под ред. Л. И. Рахмановой). По сравнению с предшествующим изданием расширились хронологические рамки материалов, явившихся основой словаря: в издании 1974 г. был охвачен период с 1956 г. по 1973 г. Объем словаря увеличился в особенности за счет появившихся новых словарных статей. В издании 1968 г. содержалось около 400 словарных статей, в издании 1974 г. число словарных статей увеличилось до 656. По своим задачам словарь родственен справочнику «Правильность русской речи». Особенно ценным кажется продолжение традиций жанра развернутого стилистического и лингвистического комментирования особенностей употребления слова, случаев отступлений от норм, ошибочных смешений в значении слов и т. д. Не менее существенно и то, что рекомендации подкрепляются в словаре широким иллюстративным материалом. Это как раз тот пример, когда обильное цитирование воспринимается как большое достоинство работы. В словаре заметно бережное и вместе с тем критическое отношение к материалам газетной и журнальной речи. Словарь воспринимается как своеобразный лексикографический памятник словоупотреблению журналистов в 50—60-е годы. Колебанию грамматических форм в словаре посвящено до 60 словарных статей. В поле зрения составителей попали в основном те варианты употребления грамматических форм, которые тесно связаны с особенностями лексического и фразеологического бытования слова в контексте и достаточно часто встречаются в газетной речи. Планомерного обследования грамматических вариантов не проводилось — это и не составляло главную задачу словаря; в центре внимания находились трудные случаи словоупотребления. О грамматической части в предисловии сообщается, что «в словаре отражены трудности, связанные с наличием вариантных грамматических форм (ср. *с краю—с края*, *приготовлять—приготавливать*, *саму—самоё* и т. д.), с синтаксической сочетаемостью (ср. конструкции *сказаться в чем* и *сказаться на чем*, различающие разные значения слова; *перемежаться чем* и *перемежаться с чем*; *несколько трактористов работало* и *несколько трактористов работали* и т. д.)» (М., 1974, с. 4). Иногда грамматические формы комментируются не сами по себе, а затрагиваются попутно, на фоне общей характеристики употребления какого-либо слова. Так, в словарной статье на слово *воздвигнуть* в комментарии по поводу значений этого слова заодно сообщается и о форме прош. вр. муж. рода: *воздвиг—воздвигнул*; там же помещены замечания о формах деепричастий *воздвигши—воздвигнув—воздвигнувши*. Относительно тенденции к несклоняемости в некоторых контекстах числительного *несколько* сообщается в обширной словарной статье на слово *несколько*, где рассматриваются разнообразные значения и словоупотребления этого слова. О распространившейся форме мн. ч. у существительного *инициатива* замечено в словарной статье к этому слову. Эта статья вызвала одно замечание.

Самый тип ортологического словаря диктует необходимость предписания, наряду с толкованием и описанием. В соблюдении нужной пропорции между этими составными элементами словарной статьи — описанием и предписанием состоит основное искусство словарников. История словарных рекомендаций учит известной осторожности; излишне суровые, ригористические оценки приемлемы лишь в бесспорных случаях, но далеко не все новые значения или грамматические формы следует осудить в самом же начале их распространения. В частности, вызывает сомнение следующая оценка словаря: «Слово *инициатива*, будучи отвлеченным существительным, не может употребляться в форме мн. числа» (см. с. 184). В грамматических нормах литературного языка нет противопоказаний для появления формы мн. числа у отвлеченных существительных (ср. *шумы, мощности, шорохи, красоты, мировоззрения* и мн. др.). Поэтому не кажется ошибочным пример, приведенный из «Советской России»: «Основой этого наступления являются мирные *инициативы* СССР». Здесь речь идет о многих и разнообразных инициативах СССР. См. также оглавление полосы в «Правде»: Новые важные *инициативы* Советского Союза (Правда, 30.IX.76). Очевидно, здесь более уместно было бы сказать о непривычности, новизне такого словоупотребления, но нет грамматических правил, формулирующих запрет образований форм мн. числа. Отмеченное образование не нарушает какого-либо закона русской грамматики и тем более кажется уместным, когда речь идет о нескольких конкретных начинаниях в какой-либо области. Точно так же слишком суровой кажется формулировка в применении к редуцированной форме род. пад. от личного местоимения *она*: форма *от* (*у*) *ней* в словаре квалифицируется как просторечная и недопустимая (см. с. 283). Между тем эта форма широко распространена в разговорной речи, употребляется в поэзии: Я ей служил Служеньем добровольца! Все тайны знал, весь склад её перстней! Грабительницы мертвых! Эти кольца Украдены у ней (М. Цветаева Тебе — через сто лет).

Не случайно такой наблюдательный стилист, как В. И. Чернышев, писал: «Форма *ней* для родительного падежа местоимения *она* после предлогов, когда-то не одобряемая грамматиками, теперь может считаться принятой и утвержденной в языке образцовыми писателями: Нет, не агат в глазах *у ней* (Пушкин, Ответ Туманскому); Покажет Русь, что есть *в ней* люди, Что есть грядущее у ней (Некрасов, Несчастные); Чепец прыгал *у ней* на голове вместе с накладкой (Тургенев, Отцы и дети)»[51]. Форму *у* (*от*) *ней* в наши дни следовало бы оценить согласно принятому употреблению как разговорную, иногда на правах версификационного варианта применяющуюся в стихотворной речи,

[51] *Чернышев В. И.* Правильность и чистота русской речи. Опыт русской стилистической грамматики.— Избр. труды, т. I. М., 1970, с. 543.

но не рекомендуемую для употребления в нейтральной письменной речи. Как кажется, категорическая оценка «недопустимо» и «неправильно» в ряде статей должна быть пересмотрена. Так, употребление глагола *подъехать* вместо *приехать* квалифицируется как просторечное, нелитературное и недопустимое (см. с. 326—327). Такая оценка была справедливой в 40—50-е годы [52]. Теперь она должна быть несколько смещена в сторону дозволенности употребления этой формы в разговорной речи. В обиходной интеллигентской речи эта форма прочно закрепилась. Трудно согласиться и с тем, что просторечно и недопустимо выражение «с полсотней рублей в кармане» (с. 333), неправильна форма «Мне пришлось побывать на его родине — в селе Катино [следует: в селе Катине]» (см. с. 408). Однако приведенные отдельные примеры не зачеркивают основных достоинств работы; словарь отличает обилие живого материала, зоркость наблюдений, профессиональность комментирования. С точки зрения характера оценок в качестве образцовых могут быть названы грамматические статьи, посвященные словам *кофе* (с. 209), *мощность* (с. 236), *остров* (с. 291), *командировочный* (с. 201—202), *выражениям в адрес* (с. 48), *благодаря чему-либо* (с. 29) и др. Впервые в жанре словарей-«правильностей» оцениваются конструкции со словами так называемого общего рода — названиями профессий муж. р. применительно к женщинам типа *автор оценила*. Жаль только, что из широкого круга этих имен взят только случай трудностей со словом *автор*. И даже актуальные в 60-е годы для журналистов сочетания со словом *министр* (типа *министр культуры выступила*) или *премьер-министр* (*премьер-министр Индии заявила*) в словаре не отмечены. Из других грамматических вариантных форм внимание авторов привлекло колебание форм ед. и мн. числа у существительных тех семантических разрядов, которые некогда, лет 20—40 назад, употреблялись преимущественно в одной из форм (речь идет о словах типа *мощность—мощности*, *резерв—резервы*). Расширен круг предложных форм: детально и обстоятельно описано употребление предлогов *на*, *по*, *в*, *от*. Словарные статьи, посвященные предлогам,— одни из лучших в словаре. Отмечен развивающийся параллелизм конструкций с предлогом и без него типа *мощность в 200 квт — мощность 200 квт*, *размером в 300 куб. м — размером 300 куб. м*, *ширина в 20 м — ширина 20 м*, *площадь в — площадь...*, *объем в — объем...*, *длина в — длина...*, *вес в — вес...*, *высота в — высота...* Грамматизм этого явления очевиден: все аналогичные конструкции с выражением пространственных, объемных, весовых и подобных отношений теряют предлог *в*. Алфавитный принцип распределения материала несколько мешает целостности восприятия этого типа колебаний как единого грамматического явления. Существенно

[52] См.: *Ожегов С. И. Подойти, подъехать, подослать.*— В кн.: Вопросы культуры речи, вып. II. М., 1959.

то, что не в лексике тут дело. Одинаковая судьба ждет все сочетания с теми существительными, которые могут употребляться в этой конструкции: *скорость в 30 км—скорость 30 км, сила тока в 200 ампер — сила тока 200 ампер, давление в 100 атмосфер — давление 100 атмосфер, мороз в 30 градусов — мороз 30 градусов, дом в 5 этажей — дом пять этажей* и т. д. Круг существительных, которые могут выступить в этом грамматическом значении, достаточно широк, и, конечно, не исчерпывается теми лексемами, которые приведены в словаре.

Грамматическая часть словаря постоянно вызывает один и тот же вопрос, почему из круга отмеченных явлений взято одно и оставлено в стороне другое?

Если составители сочли необходимым включить колебания по географическим названиям типа *на Москва-реке* и *на Москве-реке, в селе Веселом — в селе Веселое*, то почему не взяты аналогичные колебания и при других родовых наименованиях: со словом *республика, станция, штат, гора* и т. д.? Почему забыт активный пласт колебаний в разнообразных собственных именах, в составе аббревиатур, сложносоставных наименований, вариантов рода и некоторых падежных форм (ср. им. мн., род. мн. и др.)?

Если и предположить, что составителями взяты только те случаи, которые зафиксированы в картотеке, то к названным типам колебаний эта оговорка никак не может быть отнесена. Особенно важен тот факт, что в грамматической части словаря составители обратили особое внимание на необходимость нормализации синтаксических вариантов. Этот словарь фиксирует трудные случаи согласования подлежащего и сказуемого в числе в тех случаях, когда в качестве подлежащего выступают слова *большинство, несколько*+существительное, *миллион, тысяча*, хотя не все случаи этого типа согласований охвачены (не комментировались сочетания с количественными числительными, со словами *ряд, много*+существительное, с выражением *все, кто*+глагол).

Основной вывод, который может быть сделан в результате обзора грамматической части словаря: грамматика затронута, но не исчерпана и не подана в систематизированной, грамматически упорядоченной форме.

§ 36. Новую страницу в истории русских ортологических словарей открыл оригинальный по замыслу и построению словарь «Трудные случаи употребления однокоренных слов русского языка», составленный Ю. А. Бельчиковым и М. С. Панюшевой (М., 1968). Это — первый опыт словаря современных паронимов, встречающихся в письменном и повседневном обиходном русском языке. Представление о «правильном» и «неправильном» употреблении слов, имеющих частичное структурное и звуковое сходство, лежало в основе отбора материала для словаря. В словаре помещено 180 словарных статей, рассмотрено около 400 слов [53]. Авторами про-

[53] См. рецензию В. А. Ицковича (РЯНШ, 1969, № 5).

комментированы наиболее трудные, легко смешивающиеся в употреблении однокоренные слова, например, гнезда прилагательных: *деловитый—дельный—деловой, защитительный—защитный, сборный—сборочный*; существительных: *сорт—сортность, таблица—табло, тема—тематика*; глаголов: *надеть—одеть, покрыть—укрыть, сигнализировать—сигналить* и т. д. В предисловии к словарю авторы подчеркивают, что синонимия и паронимия — два разных круга явлений. Литературная норма требует разграничения паронимов, а носители языка употребляют их иногда в качестве синонимов. Ложная вариантность стала, таким образом, основной темой этого словаря. Авторам приходилось иногда обнаруживать виртуозность в определении весьма тонких различий в значении и употреблении однокоренных паронимов.

Новый тип словаря требовал и новой формы. Авторам пришлось продумывать не только содержательный репертуар словаря, но и особую композицию словарной статьи. Задачам словаря в наибольшей степени отвечает часть словарных статей, в которых дается собственно нормативная характеристика сопоставляемых явлений под рубрикой «Обратите внимание» и «Ошибочно». Опубликованный словарь популярен и требует нового и пополненного переиздания. В частности, в этом словаре хотелось бы видеть пояснения и к таким парам слов, как *атомщик—атомник, командировочный—командированный, организационный—организаторский, приемочный — приемный* и некот. др.

Удачно найденный авторами жанр паронимического словаря должен быть поддержан и упрочен в русской лексикографической традиции. Названный словарь не только практически полезен, но и представляет теоретический интерес как первый опыт словаря такого рода.

§ 37. Словарь-справочник трудности словоупотребления и варианты норм русского литературного языка (под ред. К. С. Горбачевича, Л., 1973) обращен к широким кругам учителей и учащихся, журналистов, филологов и нефилологов. В соответствии с замыслами составителей словарь-справочник «характеризует те языковые факты, которые нуждаются в оценке с точки зрения правильности или неправильности, уместности или неуместности употребления» (см. «Предисловие»).

В словаре дана нормативная оценка фактам с точки зрения современного русского литературного языка в узком, или строгом, смысле слова как языка советской эпохи, пережившего значительные сдвиги фонетических, грамматических и лексических норм.

По сравнению со всеми предшествующими ортологическими словарями рецензируемый справочник шагнул далеко вперед и по полноте вариантов, и по разнообразию приводимых сведений относительно грамматических трудностей современного литературного языка. Об этом свидетельствует даже беглое сопоставление самых общих цифр. Из общего круга в 8000 слов в словаре содержится свыше 1500 грамматических вариантов — синтаксиче-

ческих, словоизменительных и словообразовательных (не считая акцентологических и произносительных).

Более детальное знакомство с представленными в словаре грамматическими вариантами убеждает нас в том, что составители нашли правильный подход к теме. Поскольку словарь универсален и в нем показаны разные стороны возможных параллельных способов выражения (как уже было сказано, в словаре помещены, помимо грамматических, и акцентологические, и произносительные, и лексические варианты), неизбежен был путь ограничения материала. Из круга грамматических взяты лишь наиболее употребительные варианты и типичные речевые ошибки. Впервые в еще большем объеме в нормативном словаре вводятся синтаксические варианты: в словаре достаточно широко представлено управление в словосочетаниях типа *контроль над чем — контроль за чем — контроль чего, между камней — между деревьями — меж полей* и т. д., согласование типа *большинство старалось уехать — большинство согласились с ним, много друзей пришло — много молодых идут* и под.

Не было в прежних словарях оценки трудных случаев употребления аббревиатур. Между тем класс этих слов непрерывно пополняется. В словаре оговорены многие распространенные аббревиатуры: ВАК, роно, РОЭ, ЖЭК, ГРЭС, НОТ, ТАСС и др., но далеко не все! К сожалению, в словаре нет даже таких широко известных и колеблющихся в употреблении аббревиатур, как МХАТ, ВГИК, ВАСХНИЛ, ДОСААФ, МИД, ВТЭК. Правда, в приложении дается общая грамматическая характеристика аббревиатур, из которой можно почерпнуть нужные сведения, но не каждый читатель догадается обратиться к приложению, а в тексте словаря по поводу аббревиатур отсылок нет. Очень нужны сведения о трудных случаях употребления собственных имен и топонимов (склоняемость и оценка рода). Обычно нормативные словари оставляют эти явления в стороне. Составители рецензируемого справочника не отказались от этих вопросов. Словарь включает, например, и такие факты: *под Бородином* (не *под Бородиным*); *Москва-река, Москвы-реки; Алма-Ата, в Алма-Ате* и нек. др. Однако перечень этого весьма многочисленного и актуального для современной публицистики разряда слов должен быть значительно пополнен (ср. колебания в склоняемости иноязычных топонимов типа: *в Осака — в Осаке, в Республике Куба — в Республике Кубе*, склоняемость таких имен, как *встреча с Гамаль Абдель Насером — встреча с Гамалем Абдель Насером* и мн. др.).

В конце словаря дано важное приложение, в котором развернуто описаны некоторые типы грамматических колебаний. Ценность этой части словаря не вызывает сомнений.

Следует подчеркнуть одну из особенностей словаря — его лаконизм, экономную подачу материала. Составители стремились к тому, чтобы по поводу каждой лексемы был приведен исчерпывающий круг трудных форм и сомнительных употреблений.

По мере чтения словаря возникает необходимость оценить его содержательную сторону не только с точки зрения того, что в нем есть и чего нет. Очевидно, в любом словаре может быть по разным причинам что-либо опущено. В ортологических словарях само качество работы, характер нормативных оценок зависит в первую очередь от того, какова общая концепция составителя, каково его отношение к пуризму.

Языковая традиция живет не сама по себе, она должна черпать силы из повседневной речевой практики и на нее опираться. Не соотнесенная с действующими в жизни нормами рекомендация останется мертвым и никому не нужным предписанием. С этой точки зрения составителям пришлось провести тщательную ревизию существующих грамматико-стилистических оценок вариантов. Заметно стремление авторов не изгонять живую разговорную практику в угоду уходящему идеалу традиционной нормы. С этой целью в словаре принят, по словам редактора, «избирательный и целенаправленный способ характеристики слов и форм». Предлагаются разные приемы нормативной характеристики форм. Равноценные и стилистически нейтральные варианты соединяются в словаре посредством союза *и*, причем на первом месте подается предпочтительный вариант: *застичь* и *застигнуть* (в скобках заметим, что формы *застичь, настичь, достичь, постичь*, рекомендуемые словарем как предпочтительные, пришли в литературный язык из народной речи), *свойствен* и *свойственен, мха* и *моха* (род. пад. ед. числа существительного мох), *лазить* и *лазать, скирд* и *скирда* и т. д.

В этом случае, если вариант представляет собой относительное новообразование и широко распространился в современной речевой практике, в словаре используется помета «допустимо»: *секторы* и допустимо *сектора*; *обусловливать(ся)* и допустимо *обуславливать(ся)*; *мурлыкать, мурлычу, мурлычешь* и допустимо *мурлыкаю, мурлыкаешь* и под. Для характеристики форм, которые широко употребляются в бытовом общении, придавая речи непринужденный характер, применяется помета «разговорное»: *редакторы* и разг. *редактора, откупори* и разг. *откупорь*. Варианты, употребляющиеся преимущественно в терминологических сферах профессиональной речи, квалифицируются как «профессиональные», например: *боцмана́, мичмана́, желатина, георгина*; даются их общелитературные варианты: *бо́цманы, ми́чманы, желатин, георгин*, и под. Пометой «просторечное» квалифицируются факты литературного просторечия: *их* и простор. *ихний, цвести* и прост. *цвесть*.

В работе над словарем, диктующим литературные нормы, бывает неизбежен момент, когда теория сталкивается с практикой и составитель пытается отстоять пошатнувшиеся нормы согласно литературной традиции. Однако в отдельных случаях условность и сомнительность традиционной оценки слишком уж очевидны. Так, в наши дни невозможно рекомендовать как стилистически равноправные варианты в род. падеже ед. числа: *аванса* и *авансу, бага-*

жа и *багажу, борща* и *борщу, брака* и *браку, груза* и *грузу, магарыча* и *магарычу, процента* и *проценту, приказа* и *приказу*. В таких случаях форма на *-а* предпочтительна и общелитературна, а форма на *-у* стилистически окрашена, она свойственна только разговорной речи, и то не повсеместно. Сейчас чаще всего эта форма употребляется лишь писателями для целей стилизации и воссоздания колорита разговорной речи в диалогах художественных произведений; ср.: — Дело задержало? — Какое же? — Мирового *масштабу* (К. Тренев, Любовь Яровая, диалог Кошкина и Шванди); — Николай, богом тебя прошу, не делай *скандалу*. В лес поїду, блином лягу, только *скандалу* не делай! Летательного *исходу* побойся! (З. Журавлева, Товарищ ведьма).

Составители и сами прекрасно осознают стилистическую обособленность формы на *-у* и в отдельных словарных статьях вводят специальные пометы: устарелое *грохоту*, устаревающее *голосу*. Можно отметить некоторую непоследовательность в пометах грамматических явлений. Например, как характеризуются варианты в род. падеже мн. числа? В словаре представлен относительно полный ряд лексики в этом типе вариантов: примерно из 300 лексем этой группы отмечено около 150 наиболее актуальных слов, впервые для единицы измерения *грамм* допускаются оба варианта: *граммов* и *грамм*. Но почему-то форма *килограмм* квалифицируется иначе. Для технических единиц измерения справедливо рекомендуется форма без окончания, но подается эта рекомендация по-разному: *ампер* и устарелое *амперов, вольт* (не вольтов), *микрон* и устаревшее *микронов, рентген* и *рентгенов*. Однако исторически у единиц измерения *ампер, вольт, ватт, герц* форма род. падежа мн. числа *-ов* устарела в одно и то же время — в начале XX в. *Микрон* и *рентген* — сравнительно новые единицы измерения, но и в данном случае, конечно, нужно рекомендовать форму *рентген* и *микрон* — слишком обширен уже класс единиц измерения, у которых упрочилась нулевая форма. В этом ряде слов подача, конечно, должна быть унифицирована. Это тем более важно, что диктуется практической необходимостью стандартизации технической терминологии.

К сильным сторонам словаря следует отнести справки об историческом измерении норм, достаточно определенные нормативные квалификации, богатый иллюстративный материал.

§ 38. Словарь трудностей русского языка (М., 1976) Д. Э. Розенталя и М. А. Теленковой продолжает традиции словарей «правильной речи», но вместе с тем характеризуется и некоторыми особенностями. Авторы поставили перед собой задачу создания «единого словаря трудностей, не очень громоздкого, но включающего наиболее распространенные языковые трудности» (из предисловия). Как положительный момент следует отметить поступательное движение словаря в сторону расширения репертуара отображаемых языковых явлений. Словарь 1955 г. (под ред. Р. И. Аванесова и С. И. Ожегова) показывал варианты произношения, ударения и не-

которых групп грамматических форм. Вышедший в 1973 г. ленинградский словарь «Трудностей словоупотребления и вариантов норм» (под ред. К. С. Горбачевича) охватывает и лексические, и синтаксические, и словообразовательные явления. Словарь Д. Э. Розенталя и М. А. Теленковой пошел еще дальше в этом направлении. В этом словаре помещено около 30 тысяч слов (в словаре 1973 г.— 8 тысяч слов). По сравнению с другими словарями своего жанра новым является введение элементов орфографического словаря. В состав словаря включены написания тех или иных слов, которые, по мнению авторов, могут вызывать затруднения: *астронавтика, бегония, безатомный* и т. д.

Словарь Д. Э. Розенталя и М. А. Теленковой отличается от других еще одним новшеством — введением объяснительных словарных статей по синонимическим и паронимическим рядам слов. Так, в словаре показано разграничение по значению и употреблению вариантов, паронимов и синонимов типа *гололедица—гололед—гололедь—гололедка*; *закал—закалка—закаливание*; *индеец—индиец—индус; изнашиваемость—изнашивание—износ—изношенность; капер—корсар—пират—флибустьер; ширина—широта—ширь; яхтенный—яхтный—яхтовый* и мн. др. Насколько выдержат эти нововведения проверку временем, покажет будущее. Отдельные соображения все же могут быть высказаны уже сейчас. Написание слов успешно фиксируется в самых массовых изданиях популярного орфографического словаря. По вопросам орфографии читатель будет обращаться в первую очередь к орфографическому словарю. Поэтому необходимость фрагментарного дублирования материала орфографического словаря в словарях «правильностей» должна быть специально обоснована. Второе нововведение кажется более перспективным. Семантическая и нормативно-стилистическая характеристика вариантов и паронимов оказывается особенно ценной в тех случаях, когда сопоставляются близкие по звучанию и значению слова — *гололед* и *гололедица*, *индиец* и *индус*, *закалка* и *закаливание* и т. д. Смешение подобных вариантов — типичное явление в письменной и устной разновидностях литературного языка. Подробное толкование различий в употреблении этих слов, подчас очень тонких и еле уловимых,— одно из самых крупных достоинств словаря Д. Э. Розенталя и М. А. Теленковой. Скрещивание в одной книге элементов разных словарей — орфографического, орфоэпического, грамматического, синонимического и паронимического — привело к тому, что авторам пришлось принять весьма дифференцированные способы подачи материала. Контрасты в подаче явлений столь заметны, что заслуживают особого внимания.

1. В орфографической части словаря, когда приводятся написания слов, они подаются без всяких помет: *безрассудный, безрасчетный, безрессорный* и т. д. Такая форма подачи орфографического материала в целом возражений не вызывает. Однако в отдельных случаях эти написания кажутся слишком уж простыми и бесспор-

ными: *араб*, *бюргер*, *варенье*, *велоспорт*, *камыш*, *караван*, *люк*, *молить*, *эге*, и т. под. Если уж идти по пути отражения орфографических явлений, то в словарь трудностей должны отбираться действительно сомнительные и сложные случаи, типа *поролон*, *постижерский*, *эксплуатация*. Критерии отбора трудностей в написании слов нуждаются в дополнительной аргументации.

2. Многие слова в словаре сопровождаются определенными грамматическими пометами и тем самым ориентируют читателя относительно правильного образования отдельных грамматических форм (например, *белильня*, род. мн. *-ен*). Этот материал подан удачно и нареканий не вызывает. Отдельные соображения можно высказать по поводу других фактов. В словаре помещено немало случаев, когда грамматические варианты приводятся рядом без всяких помет: *гложа* и *глодая*; *грозди* и *гроздья*; *заподозривать* и *заподазривать*, *позднее* и *позже*, *постичь* и *постигнуть* и т. д. Конечно, составитель должен показывать читателю равноценные и равновероятные варианты. Однако в трудных случаях всегда бывают важными дополнительные нормативные указания лексикографа относительно характера предпочтений каждого из вариантов в тех или иных условиях речи. Например, вариант *заподозривать* — традиционная письменная форма, а вариант *заподазривать* свойствен разговорной речи. Вариант *постигнуть* сейчас употребляется реже, чем *постичь*, хотя и признается традиционной книжно-письменной формой. Теперь уже варианты *постичь*, *застичь*, *настичь* стали общеупотребительными, но многим кажутся более разговорными формами, чем их эквиваленты на *-стигнуть*.

Нормативные комментарии необходимы, так как помогают читателю понять различия в употреблении форм. Бесстрастная констатация одного только факта, что существуют две вариантные грамматические формы, вызывает естественное желание узнать нечто большее о приведенных вариантах.

3. Особняком стоят случаи, когда помещены ряды слов, насчитывающие два, три, иногда даже четыре члена (типа *капер—корсар—пират—флибустьер*). В словаре вводятся на каждое слово специальные сопоставительные толкования. Словарные статьи такого рода были самыми трудоемкими и потребовали от авторов большого мастерства в определении совпадающих (и различающихся) значений, в подборе иллюстраций, в нормативной характеристике слов. Этот тип словарных статей в наибольшей степени выражает специфику жанра ортологического словаря. Польза приведенного материала бесспорна. Лишь в отдельных случаях сопоставление кажется излишне лаконичным, а сравнительная семантико-стилистическая характеристика слов недостаточно глубокой (см. статьи *латвийский—латышский*, *латвийцы—латыши*, *дальше—далее—дале*, *тетка—тетя*. В то же время можно назвать немало прекрасных, образцовых статей: *алеть—алеться*, *англо—английско-*, *деверь — зять — свояк — шурин*, *казачий — казацкий*, *языковой—языковый* и мн. др.

4. В словаре введены статьи, разъясняющие вопросы пунктуации. В этих случаях к одному слову (союзу, предлогу, вводному слову) приводятся обширные статьи с формулировками правил о постановке знаков препинания в предложениях (ср. статьи на слова *как*, *однако*, *благодаря*). Поскольку подобный материал помещен в словаре «трудностей» впервые, он заслуживает особого обсуждения. Критериям отбора явлений пунктуации в предисловии к словарю уделено внимания меньше, чем хотелось бы читателю. Самый репертуар представленных трудностей оставляет впечатление разрозненного материала. Правила постановки знаков препинания выводятся из наблюдений над грамматико-синтаксическим строем предложения. Поэтому методически неудачным кажется отнесение и прикрепление трудных случаев пунктуации к отдельным союзным или предложным словам. «Трудности» пунктуации как бы теряются в общем потоке слов, расположенных по алфавиту. Несмотря на кажущуюся фрагментарность и неполноту сведений по пунктуации, отдельные словарные статьи (по союзу *как*, оборотам со словом *благодаря*, *ввиду*, *несмотря на*) написаны обстоятельно, со знанием всех тонкостей употребления этих слов. Грамматическая часть словаря сделана тщательно и детально. Не менее трети словарных статей содержат рекомендации относительно правильного употребления форм. По сравнению с другими словарями более широко представлены словообразовательные варианты и паронимы, экспрессивно-оценочные формы (уменьшительные и увеличительные), собственные наименования в склоняемых формах, аббревиатуры.

В четвертой главе настоящей книги в соответствующих разделах особо комментируется информация о каждом типе грамматических вариантов, отраженных в словаре Д. Э. Розенталя и М. А. Теленковой.

§ 39. Особый интерес представляет «Грамматический словарь русского языка (словоизменение)» А. А. Зализняка (М., 1977). Этот словарь уникален не только по содержанию, но и по избранному автором жанру. Основное назначение этого словаря, как отмечает сам автор, — «отразить современное русское словоизменение, т. е. для каждого входящего в словарь слова дать сведения о том, изменяемо ли оно, и если да, то как именно оно склоняется или спрягается» (из предисловия, с. 3). В словаре помещено около 100 000 слов, причем принят инверсионный алфавитный порядок.

Новым элементом, по сравнению с другими грамматическими трудами, является органическое соединение основного каркаса действующей грамматической системы с запасом лексических форм, наполняющих грамматические модели. Идея системности и строгой грамматической логики пронизывает весь словарь. В тех случаях, когда система позволяет определенные грамматические построения, не встречающиеся в узусе, автор все же считает необходимым показать возможность подобных образований и вводит

понятие потенциальных форм. Так, существительные группы Singularia tantum (типа *еда́, диета́, нейтралите́т, го́рдость, горе́ние*) признаются имеющими оба числа. Автор отмечает, что формы мн. числа здесь имеют потенциальный характер. Такие формы отмечены в словаре пометой «затрудн.», т. е. образование данной формы затруднительно, но возможно (например, род. мн. от слова *башка*, или 1 лицо наст. вр. при слове *галдеть*).

Словарь не акцентирует внимания читателя на случаях отклонения от «правильных» образований. Случаи вариантности форм в определенной степени отражены в словаре, но показ вариантов сопровождается рядом ограничений, сформулированных в предисловии. Вариантные формы регистрируются «только при условии смыслового равенства парадигм-вариантов и лишь в том случае, когда внешние различия касаются: а) типа словоизменения, например *вольера* и *вольер*, б) ударения, например *тво́рог* и *творо́г*, в) фонологического, но не морфологического состава основы, например *калоша* и *галоша*. Напротив, пары, где неодинаковый морфологический состав основы (*осман* и *османец*, *индустриализировать* и *индустриализовать*), не отмечаются как варианты» (из предисловия, с. 9). Не отмечалась также и вариантность у неизменяемых частей речи.

Поскольку в словаре принят инверсионный алфавитный порядок для каждой формы, поиск отдельных пар вариантов затруднен. Нормативные характеристики подаются в лаконичной форме: обычно, путем расположения материала — на первом месте приводится употребительный вариант типа тв. мн. *лошадьми // лошадями*; *без спро́су // без спро́са*. Часто нормативные оценки вообще отсутствуют, ср. пример из словника: *застигнуть*, инф. также *застичь* — форма приведена на одной странице в столбце с разными формами на *-нуть*; *застичь*, см. *застигнуть* — форма приводится на другой странице в столбце с формами на *-чь*.

Фрагментарная подача вариантов в словаре объяснима. Грамматическая вариантность не имела прямого отношения к основным задачам, стоявшим перед словарем, и не выдвигалась автором в качестве ведущей темы.

*

Краткий очерк истории кодификации грамматических норм за прошедшее шестидесятилетие позволяет осмыслить и точнее осветить современное состояние работ в этой области.

Нельзя не согласиться с мнением Д. Н. Шмелева: «Регулируя речевое общение, грамматические нормы должны быть достаточно устойчивыми и стабильными; но поскольку они отражают свойства самого языка в его развитии, они не могут не претерпевать изменений. В конечном счете, общественная речевая практика узаконивает то или иное явление языка в качестве литературной нормы, но нельзя преуменьшать и роли сознательного воздействия на

ее признание и закрепление. По существу такое воздействие в наши дни неизбежно проявляется через школу, а также печать, радио и т. д., где всегда присутствует «языковой редактор», за деятельность и требования которого в значительной мере ответственны лингвисты, так как именно они формируют этого «редактора» своим изложением и оценками языковых фактов»[53]. Фиксация грамматических норм в разных жанрах нормативных трудов неоднородна — имеется в виду жанр ортологических словарей, жанр толковых словарей и грамматики различных типов. Характер воспроизведения норм с наибольшей определенностью выражен в толковых словарях и в Академической грамматике. Жанр ортологических словарей, как известно, не попадает в поле зрения описательных работ по классической лексикографии. И это не случайно. Из сопоставления этих словарей со всей очевидностью явствует, что самый тип кодификации грамматических норм в словарях в полной мере еще не установился. Пределы сознательного и стихийного в области кодификации норм иные, нежели в сферах общественного речевого поведения. К нашему времени заметен прогресс в сторону роста влияния и авторитета грамматик и словарей. Ограничение и преодоление стихийных элементов составляет основную канву истории сознательной нормализации языка. Однако все же зоны некодифицированного в грамматике, особенно в части лексического наполнения моделей, еще достаточно обширны.

В распоряжении преподавателей, лекторов, научных работников, писателей, журналистов, сотрудников издательств и редакций должен быть труд, в котором содержался бы полный инвентарь всех грамматических вариантов, употребляющихся в современном литературном языке, — синтаксических, словоизменительных и словообразовательных с разветвленной и тщательно разработанной шкалой нормативных стилистических оценок.

---

[54] *Шмелев Д. Н.* Некоторые вопросы развития и нормализации современного русского языка.— Изв. АН СССР, ОЛЯ, 1962, т. XXI, вып. 5, с. 421.

Глава вторая

НОРМА УПОТРЕБЛЕНИЯ
(из теории вопроса)

В качестве мерила для определения достоверности наших представлений о норме обычно выдвигаются следующие критерии:

1. Критерий соответствия системе языка, в применении к грамматике — это соответствие определенным образом организованной совокупности морфем и способов группировки морфем.

2. Критерий традиционности литературной нормы. Норма не определяется одними только системными закономерностями языка. Она складывается как итог взаимодействия общественного выбора и индивидуальных вкусов. Решающая роль социальных оценок в истории становления литературной нормы подчеркивается многими исследователями — В. В. Виноградовым, Г. О. Винокуром, С. И. Ожеговым, Ф. П. Филиным и др.

3. Критерий употребления, или речевого узуса, т. е. реализации языковой системы в определенных условиях общения. Как известно, употребление равноправно с традицией и является одним из источников развития нормы.

В качестве объективных выразителей употребительности, распространенности языковых единиц могут быть использованы статистические показатели. Статистический критерий нормы, как кажется, должен занять свое место в ряду других важнейших признаков нормы. В статье «Проблемы культуры речи и некоторые задачи русского языкознания» В. В. Виноградов писал: «Неотложной задачей советского языкознания является исследование теоретических основ культуры языка и культуры речи. Для этого необходимо раскрытие и обобщение закономерностей и тенденций развития советского русского языка на базе изучения всех сторон системы русского языка в ее фукционально-стилистических вариациях... Для решения этих задач должны быть использованы все живые и продуктивные методы современного языкознания — качественные и количественные, структурные и внутренние, семантические и др.» [1]

---

[1] *Виноградов В. В.* Проблемы культуры речи и некоторые задачи русского языкознания.— ВЯ, 1964, № 3, с. 18.

Дальнейшее изложение теории вопроса строится таким образом, чтобы осветить возможности статистического метода, который используется в данной работе в применении к проблеме языковой нормы и прежде всего к проблеме нормы употребления.

Сущность нормы. Система и узус. Различия во взглядах на норму. Квантитативный аспект нормы

§ 1. Понятие нормы в разных областях деятельности оказывается существенным, но строится на основе различных конструктивных признаков, ср. норма выпадения осадков (среднее количество осадков в отдельные времена года) и норма права (свод юридических правил поведения), норма прибавочной стоимости (отношение массы прибавочной стоимости к переменному капиталу, выраженное в процентах) и норма медицинских показателей здоровья (совокупность мер этих показателей в некоторых допустимых пределах) и т. д. Есть ли у языковой нормы количественные стороны и чем может быть полезна статистика — в этих вопросах сомнений больше, чем единодушия. Впрочем, и разногласия выражены на так уж резко — работы в этой области начаты сравнительно недавно.

Оценка квантитативного аспекта нормы связана с общетеоретическими представлениями о ней, и здесь высказываются различные, иногда даже противоречивые взгляды.

Кратко эти взгляды могут быть изложены в форме антитезисов, характеризующих различные подходы к норме у представителей разных лингвистических школ.

§ 2. Э. Косериу рассматривает понятие нормы в оппозиции к понятию системы. «В структурах, составляющих язык, важно различать то, что является нормальным, или всеобщим (норма), и то, что является функциональным и дается в противопоставлении (система)»[2]. В дихотомии система — норма существенно различие между системой возможностей языка и системой их реализации, традиционно закрепленных в языке. «Различие между системой и нормой можно до известной степени уподобить различию, которое в американской лингвистике проводится между «продуктивными моделями», такими, как множественное число на *-s* в английском языке, и «фиксированными», или «ограниченными», такими, как ох — охеп. Правда, для нас норма включает не только «окаменевшее», но и все установленное и общее в традиционных языковых реализациях, в то время как система охватывает «возможности»,

---

[2] *Косериу Э.* Синхрония, диахрония и история.— В кн.: Новое в лингвистике, вып. III. М., 1963, с. 173.— Аналогичные взгляды развиваются в кн.: *Buttler D., Kurkowska H., Satkiewicz H.* Kultura języka polskiego. Zagadnienia poprawnos'ci gramatycznei. Warszawa, 1973.

направляющие линии и функциональные пределы реализации, т. е. саму технику языкового творчества. В случаях ох—oxen фактом нормы является не форма oxen как таковая (которая в качестве функциональной возможности является не менее системной, чем oxes), а тот факт, что здесь традиционная реализация проявляется именно в oxen, а не в oxes».

Понятие нормы здесь раскрывается через систему, в связи и в сопоставлении с ней.

«В определенном смысле норма шире, чем система, ибо норма содержит большее число признаков (так, например, в случае исп. /b/ согласно норме следует различать фрикативность и взрывность, тогда как с функциональной точки зрения эти признаки нерелевантны). Однако в другом смысле норма у́же, чем система, поскольку она связана с выбором в пределах тех возможностей реализации, которые допускаются системой» [3].

Систему составляют функциональные, т. е. существенные, значимые противопоставления, в норме же в недрах языковой традиции складываются варианты, не несущие смыслоразличительной нагрузки. По аналогии с испанскими примерами в русском можно привести такие факты, как *загляденье* и *заглядение*, *тра́кторы* и *трактора́*, *рукою* и *рукой* и под. Звуковые различия между членами этих пар не значимы в противовес системным функциональным противопоставлениям в соотношениях типа *он — она*, *из лесу — в лесу*, *идем — идет* и под. Тождественные языковые варианты составляют критические точки в системе; слабость внутрисистемных смыслоразличительных связей открывает здесь двери для широких внешних влияний.

Мысль Э. Косериу о существенности и несущественности противопоставлений в системе и норме находит отклик в отдельных работах по культуре речи. В частности, в статье «Некоторые теоретические вопросы культуры речи» авторы пишут: «Если систему языка рассматривать как нечто данное и неизменное, то норма как ее коррелят выступает константным, принятым, но подверженным колебаниям, варьированию и изменению. Система может быть определена как совокупность существенных переменных, норма — как совокупность несущественных переменных в их связи с существенными переменными при обязательном анализе правил перехода одних в другие. Предметом теории речевой культуры как учения об оптимальном выборе и фукционировании вариантных средств являются нормы в их взаимной зависимости, тогда как система может быть объектом изучения других лингвистических дисциплин» [4].

К сожалению, остается нераскрытым выдвинутый тезис о правилах перехода существенных переменных в несущественные.

---

[3] Там же, с. 237 (примеч.).

[4] *Костомаров В. Г., Леонтьев А. А.* Некоторые теоретические вопросы культуры речи.— ВЯ, 1966, № 5, с. 9.

Э. Косериу считает противопоставления в системе внутренними, а в норме — внешними. Если в первом случае имеются в виду смыслоразличительные оппозиции, в последнем случае речь идет о состоянии межиндивидуальных языковых навыков, о пространственном разнообразии языка. «Факт нормы может быть „функциональным" (например, он может иметь экспрессивную или апеллятивную функцию), но лишь по отношению к другой норме (соответствующей другой социальной среде, другой территории, другому „месту" в системе) или просто по отношению к тому, что „не говорит" (к несуществующей норме), а не внутри той же самой нормы» [5]. Увлекшись философией языка, автор не касается вопросов о формах существования нормы, ее материальном воплощении, о методах и способах ее изучения.

Количественная сторона нормы Э. Косериу также не интересует. Очевидно, существование нормы в речи в форме некоего видоизменяющегося или стабильного множества не кажется важной ее характеристикой.

Даже принимая тезис о том, что распространенность или «принятие» вариантных средств в коллективе составляет специальную область изучения нормы, автор не идет дальше этого общего утверждения. Что может означать для исследователя проблема «принятия», как это отвлеченное и смутно очерченное понятие может приобрести черты строгого научного термина — на эти вопросы работа Косериу не дает ответа.

§ 3. Диаметрально противоположную позицию в подходе к вопросам нормы занимает профессор статистики в Бристольском университете Густав Хердан. Как представитель формально-математической школы Г. Хердан подходит к явлениям нормы со стороны ее внешнего проявления в речевой деятельности. Он считает стабильность частот основным законом языка как средства общения.

«Огромным шагом вперед было возникновение статистической теории информации (Шеннон, Гелор), благодаря которой статистические методы, рассматриваемые ранее как вспомогательный инструмент в лингвистическом исследовании, внедрились в самое сердце структурной лингвистики...

Язык включает не только энграмы как лексемы, но также соответствующие вероятности их употребления. Это я и называю статистической стороной соссюровского различия... Язык есть собрание лингвистических энграмов (фонем, слов, форм) вместе с их вероятностями употребления. Наша концепция «языка» включает также нормативные законы, если они регулируют относительную частоту лингвистических форм, принадлежащих определенному классу; реализация этих законов определяет частоту языковых единиц в «речи»...

Эта как будто бы небольшая модификация соссюровской концепции имеет важное следствие — «язык» теперь получает харак-

[5] *Косериу Э.* Указ. соч., с. 176.

теристику статистического множества... «Речь» при таком взгляде является обозначением статистических выборок (samples), взятых из «языка» как статистического множества» [6].

В лингвистике, как и в других естественноисторических науках, произошла революционная смена представлений. Взгляды старого поколения о строго детерминированных закономерностях заменились представлениями о закономерностях вероятностного характера. Описание речевой деятельности сводится, таким образом, к тому, что мы можем (а не должны) ожидать с известной степенью точности. Эти представления легли в основу рассуждений Г. Хердана о норме.

«Понимание принципов статистического вывода и владение процедурой статистического исследования поможет лингвисту избежать путаницы, царящей в области «лингвистических норм». B. Bloch подчеркивал статистическую природу лингвистических норм в том смысле, что они не должны рассматриваться как законы, действительные при всех обстоятельствах... A. G. Yuilland из Вашингтонского университета рассуждает таким образом: до тех пор, пока не очерчено различие между нормой и исключением, невозможно количественно установить, что есть норма и ненорма (Language, v. 30, с. 318). Это заключение страдает недостаточностью понимания, что означает статистическая норма и что означает «ошибка» или исключение из нее. Если статистическую норму понимать как указание на статистическое множество (в вышеуказанном смысле), и «исключения» или ошибки — как отклонения от частот этого множества, то провести разграничение между «множеством» и «отклонением» от него вполне можно посредством количественного исследования. Это и есть сущность статистического заключения. Если отклонения эмпирических частот от вероятностей множества больше, чем при обычной случайной выборке... то заключаем, что пограничная линия между «тождеством» и «различием» была смещена» [7].

Итак, Г. Хердан выдвигает понятие статистической нормы как некоего статистического множества, а исключения или «ошибки» рассматриваются как отклонение от частот этого множества. Количественный же анализ дает возможность нащупать пограничную линию между ними. Сам по себе этот тезис в наши дни не вызывает возражений, хотя несколько десятилетий назад Н. Трубецкому приходилось отстаивать идею о возможности применения статистики в речи. Э. Цвирнер, которому возражал Трубецкой, рассуждал так: «Исследование конкретных речевых актов речи как самоцель бессмысленно и не нужно. В самом деле, языкознанию совершенно безразлично не только то, что наговорил в микрофон

---

[6] *Herdan G.* Language as choice and chance. Groningen, 1956, p. 93. Критику этой книги см. в рецензии: *Kramsky.* Рец. на: *Herdan G.* Language as choice and chance: — Philologia Pragensia, 1, 1958.

[7] *Herdan G.* Language as choice and chance, p. 93.

в определенное время в той или иной лаборатории какой-то там X, науке вообще нет никакого дела до того, что кто-то там однажды что-то сказал». Н. Трубецкой же считал, что язык действительно лежит «вне меры и числа» (ср. взгляды Г. Хердана!), тогда как речь по своей природе прежде всего количественна [8].

Принимая тезис Г. Хердана о количественной природе норм, но не в языке, а в речи, необходимо, однако, внести одно существенное ограничение, связанное с представлениями о дуализме нормы.

§ 4. В этом отношении важен тот подход к теории нормы, который отличает исследователей Пражского лингвистического кружка. Одно из основных достижений этой школы состоит в разграничении понятия нормы и понятия кодификации. В работах Б. Гавранка [9], М. Докулила, А. Едлички подчеркивалась необходимость различать действительность нормы, ее реальное состояние и представление о ней, материализованное в нормативной литературе — в грамматиках, справочниках, словарях. (Подробнее эти взгляды изложены в статье В. А. Ицковича «Норма и ее кодификация» в кн.: Актуальные проблемы культурной речи, М., 1970).

«От объективно существующей нормы языка следует отличать ее кодификацию, т. е. установление правил употребления слов, правил словообразования, словоизменения, правил построения словосочетаний и предложений... Норма существует в любом коллективе. Кодификация же, осознанная и зафиксированная норма,— явление, свойственное только литературному языку» [10].

Эти два плана норм существенно и структурно различаются.

1. Идеал кодификации (I план) заключается в незыблемости, стабильности языковых установлений. Функциональные же и стилистические потребности языка создают необходимость его изменений. Поэтому кодифицированные нормы ретроспективны, обращены в прошлое, нормы же в речевой деятельности (II план), напротив, обращены в будущее.

2. Кодификация как свод языковых правил может существовать отдельно от говорящих, и в такой отвлеченно законодательной форме, конечно, не имеет черт статистического множества, тогда как функционирующие нормы, т. е. нормы в действии, не могут существовать вне коллектива и в своем внешнем выражении имеют строение бесконечной статистической совокупности.

В советском традиционном языкознании разграничение понятия литературной нормы и ее статистического аспекта широко осознается пока лишь с одной точки зрения. Справедливо подчеркивается, что литературная норма как сложное общественное явление не может быть охарактеризована исчерпывающим образом

---

[8] *Трубецкой Н.* Основы фонологии. М., 1960, с. 8.

[9] *Гавранек Б.* О функциональном расслоении литературного языка.— В кн.: Пражский лингвистический кружок. М., 1967.

[10] *Ицкович В. А.* Языковая норма. М., 1967, с. 7—8.

с помощью одних лишь статистических показателей. В этом направлении большое влияние оказали взгляды С. И. Ожегова. В частности, известен и популярен тезис, выдвинутый в связи с понятием языковой нормы: «Языковая норма — не статистическое явление, ибо распространенной и часто повторяющейся в языке может быть, как известно, и ошибка. Языковая норма есть прежде всего явление типическое, т. е. соответствующее сущности данного социально-исторического явления, а не просто наиболее распространенное, часто повторяющееся, обыденное. Именно поэтому нельзя рассматривать языковую норму как некое статистическое среднее» [11]. Соображение о том, что употребительность, распространенность не может быть единственным показателем нормативности того или иного явления, развивается во многих работах и составляет одну из популярных сторон освещения проблемы взаимоотношения литературной нормы и ее квантитативной интерпретации. Так, в работах Ф. П. Филина по культуре речи неоднократно высказывалась мысль о необходимости трезвой оценки возможностей статистики. «Даже при самых оптимальных результатах широкого применения статистических и иных количественных методов,— пишет Ф. П. Филин,— проблема установления языковых норм не может быть решена. Большая употребительность того или иного варианта далеко не всегда может быть достаточным основанием для того, чтобы считать этот вариант образцовым, единственно правильным. Во времена Пушкина литературным языком владел ничтожный процент населения, подавляющее большинство народа говорило на диалектах... Нормы, которые были установлены и освящены гением Пушкина, дали бы низкие статистические показатели (в смысле их распространенности в пушкинское время среди широких слоев населения), а между тем многие из них выжили и являются образцовыми и в настоящее время» [12].

Аналогичные взгляды высказаны и в книге К. С. Горбачевича: «Некоторые исследователи считают, что важнейшей чертой нормы литературного языка служит степень употребительности, т. е. чисто количественный фактор. Конечно, учитывать этот признак при выведении нормы совершенно необходимо... Но сам по себе признак распространенности речевого явления еще не может служить надежным показателем его нормативности» [13]. Действительно, при

---

[11] *Ожегов С. И.* Очередные вопросы культуры речи.— В кн.: Вопросы культуры речи, вып. I. М., 1955, с. 14.

[12] *Филин Ф. П.* Несколько слов о языковой норме и культуре речи.— В кн.: Вопросы культуры речи, вып. VII. М., 1966, с. 20.— См. аналогичные его высказывания в других работах: «О норме и стилях литературного языка (в кн.: Проблема нормы и социальная дифференциация языка. М., 1967); «О норме литературного языка» (в кн.: Развитие стилистических систем литературных языков народов СССР. Ашхабад, 1968).

[13] *Горбачевич К. С.* Изменение норм русского литературного языка. Л., 1971, с. 9.

исследовании просторечных или диалектных элементов в городской речи, когда при оценке их нормативности на первый план выдвигается социально-экспрессивная характеристика вариантов, находящихся за пределами литературной нормы, статистические выкладки не нужны. «— *Примай* не ради проздравления, а как лечебное» (из диалога рабочего, недавнего выходца из деревни), «*Найтить* здесь спокойство!» (ироническая надпись на фронтоне городской беседки) — отмеченные варианты *примай*, *найтить*, как бы широко ни исследовалась их употребительность, останутся за чертой литературного употребления. Исторически сложившаяся социальная оценка составляет сердцевину литературной нормы и размерности не имеет. Однако в области параллельных языковых средств, находящихся в пределах литературной нормы, при решении отдельных вопросов преимущественного употребления в ряду конкурирующих вариантов, использование статистики перспективно. Осознавая некоторую ограниченность поля применения статистики в нормативных исследованиях, нельзя не сожалеть, что конкретных работ в этом направлении сделано не так уж много.

Возвращаясь к характеристике центральных понятий, важно внести одно терминологическое уточнение. В теории статистики за понятием статистической нормальности закреплен определенный, узкопрофессиональный смысл. Статистическая нормальность есть прежде всего свойство распределения событий (ср. закон нормального распределения). Когда статистик устанавливает характер распределения единиц в речи, он не должен задумываться о том, как людям следует говорить или писать. Его интересует лишь фактическая сторона вопроса, как в действительности говорят и пишут. Основу же представлений о литературной норме составляет предписание; на практике норма осознается обычно как свод существующих и действующих правил [14]. Если нормализатор отвечает на вопрос «как нужно», статистик ограничивается формулой «как есть». В своем большинстве обычно речевая реакция соответствует предписанию. Тогда мы можем говорить о том, что статистические данные согласуются с предлагаемыми правилами. Но если большинство речевых реакций в устной и письменной речи в разных слоях литературно-говорящего населения отклоняется от рекомендаций нормативных пособий, статистик может установить «порог», за которым системно-обусловленная «ошибка» может рассматриваться и как новообразование. Статистическая нормальность (свойство распределения событий) дает эталон, образец, с которым сопоставляются многие другие формы распределения событий (ср. виды распределения событий, изложенные в теории статистики). Лингвист-статистик, изучающий характер употребления языковых единиц в речи, сталкивается в первую очередь с указанным специальным понятием нормального или не-нормального их распределения. Однако в данной работе в отличие от по-

[14] Вопрос подробно освещен в кн.: *Ицкович В. А.* Указ. соч.

пятия «статистическая нормальность распределения» придется употреблять термин «статистическая норма» в более обобщенном значении — установленная система некоторых статистических показателей, характеризующих употребление языковых единиц в речи (подробнее об этом см. ниже).

До сих пор в регламентирующей сфере языка лингвисты не обращались к статистическим характеристикам. Правда, в академической грамматике, как, впрочем, и в других учебных пособиях, в случае колеблющихся вариантов приводятся словесные количественные оценки типа «употребляется чаще», «реже», «обычно» «почти всегда» и под. В рекомендательных работах большой необходимости точных оценок нет: говорящему вовсе не надо думать о том, сколько раз в день он употребит форму *чая* и сколько *чаю*. Для практических целей важно ответить на вопрос (и каждый говорящий все-таки вынужден сделать этот выбор в момент речи), какой из существующих вариантов можно считать литературным.

§ 5. Как уже отмечалось, математико-статистическое описание нормы в речи может принести ощутимую пользу в спорных случаях, когда нормализаторы не знают существующей практики употребления вариантов, кроме самого общего представления о том, что 1) такие варианты имеются, 2) что традиционная грамматика и словари рекомендуют один из них.

Например, академическая грамматика рекомендует вариант *самоё* как традиционно-литературный. В наши дни даже корректоры, самые усердные блюстители чистоты и правильности речи, сплошь и рядом пропускают жизнелюбивый вариант *саму* вместо *самоё* [15]. Когда в сектор культуры речи обращаются с вопросом, что же правильно, любая рекомендация (будь то совет употребить традиционный вариант или разрешение употреблять варианты по своему усмотрению) окажется легковесной, если не изучить детально, в том числе и количественно, характер соотношения этих вариантов, отношение к ним говорящих и т. д. Статистическое обследование может показать реальный перевес одного из вариантов, дать представление о возможной будущей судьбе каждого из них. Это поможет выйти из состояния беспомощного соглашательства, в котором кодификатор вынужден пребывать, пока реальное исследование не проведено.

Критерий употребительности и широты распространения существующих в пределах литературного языка вариантов в случаях их оценки оказывается едва ли не решающим.

Е. С. Истрина именно так и характеризует норму: «Норма определяется степенью употребления при условии авторитетности источников. То, что является вообще общеупотребительным, то и составляет норму языка» [16]. И в этом смысле использование ста-

[15] См.: *Шварцкопф Б. С.* Сам идет, самоё ведет.— Русская речь, 1967, № 6, с. 60.

[16] *Истрина Е. С.* Нормы русского литературного языка и культура речи. М.— Л., 1948, с. 19.

тистики поможет создать тот необходимый запас фактов, который может быть использован в работах, связанных с нормализацией литературного языка.

Итак, частота языковых единиц составляет одну из наиболее существенных характеристик речи. В силу своей количественной и в то же время случайной природы речевая деятельность определяется закономерностями вероятностного характера. Статистическая норма есть коррелят статистического множества в речи. Частный выход статистической нормы составляют нарушения нормы в отдельных точках языковой системы. В целях нормализации наиболее перспективным является количественный анализ тождественных вариантов, не несущих смыслоразличительной нагрузки. Варианты должны удовлетворять условиям, определяющим их доступность статистическому исследованию.

Статистический метод как инструмент исследования. Обзор отечественной литературы

§ 6. Математико-статистические приемы исследования получают широкое признание не только в лингвистике, но и в смежных гуманитарных науках: психологии, социологии, экономике. По словам П. Лафарга, Маркс считал, что «...наука только тогда достигает совершенства, когда ей удается пользоваться математикой» [17]. Основное достоинство математической статистики состоит в том, что это метод индуктивного анализа, ведущий от фактов к обобщениям. Исследователем создается фундамент из систематизированных фактов, они выстраиваются в упорядоченную систему объективных количественных показателей. В. И. Ленин писал:

«...как собрать факты? как установить их связь и взаимозависимость?

В области явлений общественных нет приема более распространенного и более несостоятельного, как выхватывание *отдельных* фактиков, игра в примеры. Подобрать примеры вообще — не стоит никакого труда, но и значения это не имеет никакого, или чисто отрицательное, ибо все дело в исторической конкретной обстановке отдельных случаев. Факты, если взять их в их *целом*, в их *связи*, не только «упрямая», но и безусловно доказательная вещь. Фактики, если они берутся вне целого, вне связи, если они отрывочны и произвольны, являются именно только игрушкой или коечем еще похуже...

...надо попытаться установить такой фундамент из точных и бесспорных фактов, на который можно бы было опираться, с которым можно было бы сопоставлять любое из тех «общих» или «примерных» рассуждений, которыми так безмерно злоупотребляют... в наши дни» [18].

---

[17] *Лафарг П.* Воспоминания о Марксе. М., 1957, с. 11.
[18] *Ленин В. И.* Полное собр. соч., т. 30, с. 350—351.

Далеко не все спорные вопросы разрешаются с помощью подсчетов. Можно согласиться с Л. В. Щербой — универсальных методов нет, но в каждом из методов заложены ценные возможности, которые могут быть использованы [19].

В гуманитарно-социологических науках существует опасность переоценки математических приемов. Об этом, в частности, писал Н. Винер: «Математическая социология (социометрика) и математическая экономика, или эконометрика, страдают от неправильного понимания того, как следует применять математический аппарат в общественных науках и чего вообще можно ожидать от применения математических методов...

Мы должны привести количественные наблюдения окружающего нас мира в стройную систему, исходным пунктом которой служит эксперимент, а конечным — предсказание новых явлений.

Как ни труден отбор надежных данных в физике, гораздо сложнее собрать общую информацию экономического или социологического характера, состоящую из многочисленных серий однородных данных» [20].

В этом замечании речь идет о чистоте эксперимента. Действительно, если работа сделана недостаточно тщательно, ее выводы могут оказаться ложными. Поэтому справедлив афоризм, что статистика относится к роду тех наук, «служители которых должны развивать в себе самоограничение художника» [21]. Одной из сложных проблем лингвистики оказывается то, что на первый взгляд должно быть самым легким, — умение поставить полезные и выполнимые задачи. В некоторых же работах применение метода гелертерское; утонченные и отточенные математические приемы приходят в противоречие с замыслом работы — решаются вопросы обобщенные, лингвистически малоинтересные, даже общеизвестные.

Несоответствие между возможностями метода и самими задачами исследования иногда бывает резким до очевидности. Это дает оружие в руки критиков статистического метода. Нельзя признать несправедливым, например, упрек Б. Гавранка: «Мы должны хорошо осознать, что чистая статистика может ввести в заблуждение. Например, что может дать для живого литературного употребления процент печатных форм существительных на *-ost'*, *-t'* в определенный период прошлого столетия или употребления наречий jediné, когда речь идет, например, о корректорской правке.

В других науках, особенно в психологии, также обнаруживается в настоящее время бесполезность «математического бешенства», которое при помощи многочисленных статистических выкладок и

---

[19] *Щерба Л. В.* Избр. работы по русскому языку. М., 1957, с. 61—62.
[20] *Винер Н.* Творец и робот. М., 1966, с. 96, 97, 99.
[21] *Юл Д. Э.* и *Кендел Дж.* Теория статистики. М., 1960, с. 28.

так называемых тестов устанавливает совершенно очевидные факты, которые можно проверить повседневным опытом» [22].

§ 7. Экспериментальные статистические приемы анализа материала в современных исследованиях нормы русского литературного языка теперь уже получили признание, хотя число работ по норме в лавинообразно нарастающем потоке лингвостатистической литературы пока невелико [23].

В отечественной литературе идея использования количественного метода в нормативных целях высказывалась еще в 20—30-е годы в работах Е. Д. Поливанова, А. М. Пешковского, Л. В. Щербы, С. П. Обнорского, Так, в статье «10 тысяч звуков» А. М. Пешковский пишет о необходимости введения «объективной мерки» в фонетике: «Исследователю чрезвычайно важно было бы иметь хоть какую-нибудь объективную мерку для установления самого факта преобладания того или иного звука. Между тем такой объективной мерки у него нет... Он судит исключительно интуитивно, на слух (если, что еще хуже, не на глаз). Ему кажется, что такого-то звука в тексте «много», а такого-то «мало»... В самом деле интуитивно отмечается только такого рода преобладание, которое, так сказать, «бьет в уши». Преобладание средней степени может остаться незамеченным. Далее, степень преобладания остается во всяком случае неизвестной. А между тем для сравнения отдельных произведений между собой и отдельных «инструментовок» между собой они должны иметь большое значение» [24].

В 1939 г. С. П. Обнорский, Л. В. Щерба и А. Н. Никулин составили «Вопросник по нормативной грамматике русского языка», который был распространен среди лиц разных возрастов и профессий; на него было получено 96 ответов (РЯШ, 1939, № 1 и № 3, а также отдельное издание: М. — Л., 1940) [25].

Опыт не был продолжен, но идея вопросника получила поддержку и развитие в работах С. И. Ожегова. В 1956 г. был опубликован «Вопросник по произношению, ударению и грамматическим формам современного литературного языка» (М., 1956). В предисловии С. И. Ожегов писал: «Сама норма в отношении некоторых языковых явлений представляется многим, в том числе и языковедам, трудно определимой. Существуют разные, порой противоречивые точки зрения на одно и то же явление, на те или иные

www.ruslang.ru

---

[22] *Гавранек Б.* Задачи литературного языка и его культура.— В кн.: Пражский лингвистический кружок, с. 375—376.

[23] См. вышедшие за последние годы сводные библиографические труды: *Ермоленко Г. В.* Лингвистическая статистика. Краткий очерк и библиографический указатель. Алма-Ата, 1970; *Бектаев К. Б.* Статистика речи. 1957—1972 гг. Алма-Ата, 1972.

[24] *Пешковский А. М.* Методика родного языка. Лингвистика. Стилистика. Поэтика (Сборник статей). М.— Л., 1925, с. 167.

[25] Теоретические вопросы, предшествовавшие появлению вопросника, были изложены в ст.: *Щерба Л. В.* Спорные вопросы русской грамматики.— РЯШ, 1939, № 1.

конкретные случаи употребления. Следовательно, первоочередной задачей является установление объективно оправданных, убедительных для всех взглядов на те или иные языковые явления... На чем же должна основываться нормализация? Нормализация современной литературной речи должна прежде всего опираться на анализ закономерностей исторического развития литературного языка. Одним из лучших источников для изучения закономерностей развития языка является современная живая речь, ибо в ней, как в фокусе, во всей полноте, сосредоточены одновременно и отражения путей развития языка, и новые тенденции этого развития. Анализ современного состояния языка в свете закономерностей исторического развития — основа убедительной нормализации литературной речи. Но такой анализ возможен только при наличии большого материала. Поэтому Институт языкознания АН СССР подготовил вопросник, посвященный трем разделам языка: 1) произношению, 2) ударению и 3) грамматическим формам. Вопросы всех трех разделов касаются только тех явлений или конкретных случаев употребления, в которых литературная норма испытывает наиболее заметные колебания и которые могут быть обследованы анкетным способом». В предварительных замечаниях к анкете (в части «Сведения о себе») были сформулированы пять наиболее значимых признаков социального характера, оказывающих влияние на употребление языковых вариантов: 1) год и место рождения, а также место, где прошло детство; 2) кто родители: рабочие, крестьяне или интеллигенты; 3) образование и место, где оно получено; 4) профессия; 5) место жительства.

В разделе «Произношение» вопросы охватывали 200 пар вариантов; раздел «Ударения» был особенно полным — в нем содержалось свыше 500 пар вариантов, в грамматическом разделе — 315 пар вариантов. Этот вопросник, отпечатанный стеклографическим способом тиражом в 1500 экз., был распространен среди студентов Московского государственного педагогического института иностранных языков. На вопросник было получено около 700 ответов. По материалам ответов на вопросник была опубликована статья А. В. Суперанской «О произношении современной студенческой молодежи» (ВКР, 1959, вып II). Автор приходит к выводу, что «опрос говорящих — очень важный метод определения литературной нормы, так как он помогает обнаружить пути, по которым идет орфоэпическое развитие. Даже та небольшая часть ответов на вопросник, которую мы обработали, показывает, что ответы могут быть хорошим вспомогательным пособием для суждений о произносительных нормах». Положительной стороной статьи было и то, что автором приведены полученные абсолютные количественные показатели по каждой паре вариантов, о которых шла речь в статье.

Параллельно с развитием анкетного метода внимание исследователей привлекала возможность использования статистики для

наблюдений за характером вариаций нормы в условиях естественной устной речи методом непосредственного опроса, когда это возможно, путем прямого наблюдения за речью городских жителей. Так, в статье Н. Д. Андреева «Об одном эксперименте в области русской орфоэпии» (Вопросы культуры речи, 1963, вып. IV.) были статистически обследованы варианты произношения прилагательных на *-ский* (типа *невский*, *казанский*): *-скъй* и *-ский*. В статье убедительно доказано, что для основной массы носителей русского языка живой нормой употребления является мягкий вариант произношения: *-ский*, а не *-скъй*.

Вопросник 1956 г. обрабатывался вручную, чем и вызвано было сравнительно небольшое число полученных ответов. В 1959—1964 гг. в связи с разработкой темы «Русский язык и советское общество» по инициативе руководителя темы (С. И. Ожегова) коллективом сотрудников были подготовлены 4 вопросника — по произношению, грамматике, словообразованию и лексике[26]. По сравнению с предшествующими вопросниками 1939 и 1956 гг. вопросники 1959—1964 гг. имели некоторые преимущества. Во-первых, вопросники были специализированы: каждый из них был посвящен отдельным звеньям языковой системы. Во-вторых, паспортная часть вопросника (в главных чертах сформулированная еще в вопроснике 1956 г.) подана в развернутой и детализированной форме.

Шаг вперед был сделан и в отношении обработки данных вопросника. В 1965 г. была предпринята первая механизированная обработка вопросника по морфологии. Тем же способом обработаны и другие вопросники — по произношению и словообразованию. Механизированная обработка дала возможность собрать обширный статистический материал: по одному только морфологическому вопроснику было обработано свыше 4000 заполненных вопросников, а в итоге их обработки получено 1890 таблиц. Частично материалы вопросников были использованы в монографии «Русский язык и советское общество» (М., 1968), но бо́льшая часть этих материалов легла в основу книги «Русский язык по данным массового обследования» (М., 1974). В этой работе на первый план была выдвинута проблема описания, а не предписания.

Попытка использования некоторых материалов упомянутого вопросника в целях нормализации была сделана автором данной монографии в статьях, опубликованных в «Вопросах культуры речи»: Носков или носок? Об одном приеме исследования (ВКР, 1965, вып. VI); Опыт количественной оценки нормы форма род. ед. *чая — чаю* (ВКР, 1966, вып. VII) [27]. Метод требовал тщатель-

[26] Подробно эти материалы описаны в кн.: Лингвистические источники. Фонды Института русского языка. М., 1967.

[27] Статья перепечатана в немецком сборнике: Ein Versuch der quantitativen Normbewertung.— In: Sprache und Gesellschaft in der Soviet Union. München. 1975, S. 164—175.

ной вероятностно-математической интерпретации материала, поэтому в качестве иллюстрации были использованы данные лишь по отдельным словоформам. Дальнейшая разработка проблемы привела к обобщениям, опубликованным в сборнике «Актуальные проблемы культуры речи» (см. главу «Норма и статистика»). Для дальнейшей работы имело принципиальное значение соображение о том, что оценка нормы не должна исчерпываться материалами вопросника [28].

Метод пассивного наблюдения за устной (см. статью Н. Д. Андреева) и письменной речью можно считать идеальным с точки зрения безыскусственности условий собирания материала. Однако он не всегда может обеспечить репрезентативность выборки для вариантов с низкой частотой употребления. Сочетание активного и пассивного способа наблюдения нейтрализует и возмещает недостатки каждого из них и в небольшой степени раскрывает возможности статистического метода в целом.

В связи с поставленной задачей собирания данных о частоте употребления вариантов в письменной речи в 1968 г. была предложена идея создания частотного словаря грамматических вариантов. Наиболее доступны количественному описанию именно грамматические варианты, поэтому удобнее и легче начинать планомерное статистическое обследование с грамматических вариантов. В 1971 г. был опубликован проспект этого словаря (Л. К. Граудина, В. А. Ицкович, Л. П. Катлинская. Грамматические варианты. Опыт частотного словаря. М., «Наука», 1971). В проспекте сформулирована задача словаря, его построение, методика выборки, принципы отбора материала и т. д. В течение 1968—1972 гг. в секторе культуры речи подготовлен частотно-стилистический словарь вариантов под названием «Грамматическая правильность русской речи» (М., 1976, авторы: Л. К. Граудина, В. А. Ицкович, Л. П. Катлинская; редколлегия: чл.-корр. АН СССР С. Г. Бархударов, чл.-корр. АПН СССР И. Ф. Протченко, канд. фил. наук Л. И. Скворцов). По своему жанру он стоит в ряду словарей-справочников, посвященных проблемам кодификации и нормализации литературного языка, продолжая традицию ортологических словарей типа «Правильность русской речи».

Словарь дает систематизированную сводку наиболее употребительных синтаксических, словоизменительных и словообразовательных вариантов. В нем рассмотрены и смежные явления, воспринимаемые пишущими и говорящими как варианты.

В словаре приводятся важнейшие справочные данные по затронутым вопросам грамматики: статистические показатели употребления вариантов в речи; развернутый лингвистический комментарий с учетом всех новых исследований о каждом типе вариантов; общая и постатейная библиография. Статистические данные получены на основе выборочного обследования пятисот

[28] См.: Актуальные проблемы культуры речи. М., 1970, с. 364.

номеров газет за 1968—1972 гг. Длина выборки составляет около 2 млн. слов. Такая выборка содержит 100 000 вариантов. Словарь (объемом 40 л.) содержит основной корпус (30 л.) и справочный раздел. Центральную часть справочного раздела составляет алфавитный указатель вариантов, насчитывающий 6000 пар вариантных словоформ. Здесь помещены в алфавитном порядке все словоформы, которые упомянуты в словарных статьях, расположенных в определенной грамматической последовательности. Библиография к словарю содержит свыше 600 названий. Она включает как обобщающие названия, так и работы, посвященные частотным проблемам. К словарю прилагаются сводные статистические таблицы. В третьем разделе данной монографии проводится теоретическое и практическое обобщение материала этого словаря по словоизменению.

В секторе подготовлен также сборник «Языковая норма и статистика» (М., 1977; редколлегия: доктор фил. наук Р. Г. Пиотровский, кандидаты фил. наук Л. К. Граудина, В. А. Ицкович). Статьи сборника объединены в три раздела: I. Норма — система — узус; II. Динамика нормы; III. Социально-профессиональные аспекты нормы. Статьи объединяет применение методов количественного анализа в исследовании языковых явлений. Эти методы помогают при решении ряда лингвистических проблем. В частности, количественные показатели, характеризующие динамику процесса, оказывают большую помощь в установлении направления языковых изменений, что необходимо при кодификации литературной нормы.

Вероятностная интерпретация нормы развивается в некоторых работах общесоюзной группы «Статистика речи», возглавляемой проф. Р. Г. Пиотровским. В 1971 г. в сб. «Статистика речи и автоматический анализ текста» была опубликована статья Р. Г. Пиотровского и Л. А. Турыгиной «Антиномия «язык — речь» и статистическая интерпретация нормы языка». «...Само понятие нормы,— сообщают авторы,— имплицитно предусматривает присутствие вероятностных оценок; правда, таких оценок здесь только две: 1 — допустимость употребления данного варианта и 0 — запрещение его употребления. Однако ...использование только двух этих оценок не может описать «реальную картину языковой действительности», чтобы получить достаточно богатое описание норм речи, необходимо использовать весь интервал вероятностной меры от нуля до единицы» [29].

Представление о статистической природе нормы глубоко укореняется в теоретических и практических работах. Такова исходная позиция Л. И. Белоцерковской в кандидатской диссертации «Исследование сегментов текста в аспекте нормы и узуса» (Алма-Ата, 1973): «Норма, сообщая лингвистическим единицам различные вероятности, сама имеет вероятностную природу, так как за-

[29] Статистика речи и автоматический анализ текста. Л., 1971, с. 13.

висит от общественных сфер использования языка, хронологических рамок и других экстралингвистических причин» [30].

Наиболее последовательно вероятностно-математический подход к норме выражен в книге К. Б. Бектаева, Р. Г. Пиотровского «Математические методы в языкознании» (ч. I. Теория вероятности и моделирование нормы языка. Алма-Ата, 1973, 281 с.).

Книга представляет собой полезное пособие для языковедов, специалистов и научных работников, интересующихся математическими методами в лингвистике. В отличие от всех известных работ этого жанра в книге подробно рассматриваются вероятностные методы моделирования нормы языка, в частности, вопросы взаимодействия и системы—нормы и модели построения текста. Авторы избрали математическую композицию изложения материала, считая, что «учебное пособие по вероятностно-статистической лингвистике не должно выглядеть как перечисление отдельных разрозненных приемов вероятностно-статистического анализа, но должно давать более или менее последовательное изложение основ того математического языка, с помощью которого могут быть описаны лингвистические объекты и связи» (с. 5). Работа посвящена описанию дедуктивных вероятностных моделей. Авторы замечают, что «лингвистическая интерпретация этих моделей в примерах носит условный и фрагментарный характер» (с. 19). Известный интерес представляет гл. 1 — «Элементы комбинаторной математики». В исследованиях, занимающихся изучением норм языка, приходится решать задачи, в которых рассматриваются комбинации элементов некоторого множества. Так, например, предложение «Сегодня идет дождь» имеет в разговорной речи шесть позиционных вариантов (сегодня дождь идет, дождь сегодня идет, дождь идет сегодня и т. д.), каждый из которых имеет свои стилистические и смысловые оттенки. В главе «Задачи, в которых требуется ответить на вопрос «сколько?» или «сколькими способами?»» ставятся и рассматриваются разнообразные комбинации вариантов: размещения с повторениями; размещения и перестановки с повторениями; сочетания (т. е. группы комбинаций, различающиеся либо элементами, либо их порядком, либо и элементами и их порядком); сочетания с повторениями; произведения биномов, отличающихся только вторыми членами, и бином Ньютона.

Заголовку и теме книги в наибольшей степени отвечает пятая глава — «Вероятностные законы распределения и норма языка». Интерпретация, предложенная авторами, отличается от традиционных взглядов на норму. «...Норма рассматривается, с одной стороны, как система вероятностей употребления лингвистических единиц (от букв и фонем до словосочетаний и синтаксических схем), накладывающихся на „внеположенную числу“ систему языка. С другой стороны, норма может рассматриваться как форма ве-

[30] *Белоцерковская Л. И.* Исследование сегментов текста в аспекте нормы и узуса. Автореф. канд. дисс. Алма-Ата, 1973, с. 3.

роятностного упорядочения и организации порождения текста» (с. 252).

Это определение может быть условно принято лишь с точки зрения задач книги, если не ставить других целей — критического сопоставления разных определений понятий «норма языка». В книге характеризуются только статистические нормы поведения случайных лингвистических величин в тексте. В специальных разделах этой главы излагаются особенности гипергеометрического, биномиального, пуассонова и нормального распределения. Большинство из теоретических распределений представляет собой вариацию этих четырех распределений. В работе особое внимание уделяется тем видам распределения, «которые используются при экспликации нормы языка» (с. 216): логарифмическое нормальное распределение (ему подчиняется распределение буквенных или фонемных длин слов в словарях и в некоторых текстах), распределение Вейсбулла (для накопленных частот в частотных словарях различных языков), распределение Фукса (используется при характеристике слоговой структуры текста).

В 1974 г. вышла в свет вторая книга К. Б. Бектаева и Р. Г. Пиотровского — «Математические методы в языкознании, ч. II. Математическая статистика и моделирование текста» (Алма-Ата, 334 с.). Во второй части учебника, как и в первой, развивается идея статистической интерпретации нормы языка. Некоторые методы испытания лингвостатистических гипотез ставят целью выяснить, «существует ли согласие между наблюдаемым в данном тексте эмпирическим распределением и его предполагаемой нормативной моделью — теоретическим законом распределения. Если такое согласие обнаруживается, то это сигнализирует о нормативности интересующего нас лингвистического объекта... Если такого согласия ни с одной моделью не обнаруживается, то это свидетельствует о нормативности употребления данной лингвистической единицы» (291). Важно подчеркнуть, однако, что механизм соотношения система—норма не может быть раскрыт исчерпывающим образом, если не учитывать социально-исторической сущности нормы, оценки которой связаны и с понятием кодификации. И в первой, и во второй части учебника оставлены в стороне вопросы взаимоотношения параллельных средств языка, когда возникает необходимость выбора. Однако «там, где нет возможностей выбора, нет и проблемы нормы» (Ф. П. Филин).

С этой точки зрения идея математической экспликации нормы языка и построения текста могла бы быть обогащена и усилена ее лингвистической интерпретацией, в своем традиционном виде опирающейся на систему иных представлений. Нельзя не вспомнить в связи с этим определение нормы литературного языка, предложенное в свое время С. И. Ожеговым: «Норма — это совокупность наиболее пригодных («правильных», «предпочитаемых») для обслуживания общества средств языка, складывающаяся как результат отбора языковых элементов (лексических, произноси-

тельных, морфологических, синтаксических) из числа сосуществующих, наличествующих, образуемых вновь и извлекаемых из пассивного запаса прошлого в процессе социальной, в широком смысле, оценки этих элементов» (С. И. Ожегов. Очередные вопросы культуры речи). Очевидно, в учебнике по математической статистике нет надобности давать сопоставление различий в понимании нормы в разных лингвистических школах, но отсутствие каких-либо ремарок о существовании разногласий воспринимается как известное упущение.

Можно согласиться с В. В. Виноградовым, отмечавшим вслед за Б. В. Томашевским некоторую ограниченность статистического метода в сравнении с субъективным изучением языка: 1) «площадь исследования сужена пределами, доступными данному методу, в то время как область субъективных впечатлений неограничена», 2) «статистический метод подчинен „закону больших чисел", т. е. для достоверности методического исследования необходим достаточно богатый материал, и подобное исследование может отметить лишь общие, типические явления, в то время как субъективное чувство может дать ценные указания и на ограниченном поле» [31].

Второе замечание требует пояснений. Даже небольшие подсчеты могут дать материал для решения отдельных задач. В математической статистике существуют специальные разделы, разработанные применительно к изучению количественных признаков в малых выборках (подробнее об объеме выборки см. ниже).

§ 8. В применении к проблеме нормы вопросы об объекте изучения, единице счета и задачах исследования в данной работе ставятся следующим образом.

Как выше было отмечено, использование статистики наиболее перспективно прежде всего в области вариантных языковых средств. Варианты нуждаются в количественной оценке со стороны их употребления в речи.

При этом первостепенный интерес представляют именно те пары или те ряды, члены которых варьируются лишь своим соотношением не столько качественным, сколько количественным.

1. Разные лингвистические единицы (фонемы, формы, лексемы, сочетание слов) имеют свои относительные частоты: частота обращения этих единиц в речи различна. Типы их статистического распределения в сравнении даны лишь в немногих работах [32]. Наиболее частотны фонемы и формы. Тождественные лексемы и сочетания слов по употребительности составляют другой класс частот. Иерархия частот самих единиц определяет возможности ме-

[31] *Виноградов В. В.* Проблема авторства и теория стилей. М., 1961, с. 205.

[32] На эту тему имеются следующие работы: *Фрумкина Р. М.* О законах распределения слов и классов слов.— В кн.: Структурно-типологические исследования. М., 1962; *Якубайтис Т. А.* Сравнение вида распределений языковых единиц разных уровней.— В кн.: Математические методы в языкознании. Рига, 1969.

тода: более доступны статистическому изучению частые единицы, менее досягаемы самые редкие. При известных усилиях и редкие варианты поддаются статистическому описанию, однако необходимость в такого рода описаниях не так настоятельна, как в тех случаях, когда тождественные единицы составляют в речи действительное статистическое множество.

Поскольку варианты принадлежат к разным языковым типам единиц, различающимся по частоте обращения, статистическому анализу они поддаются также неодинаково. Так, по принадлежности к типам единиц различаются варианты:

1. Варианты произношения: *сʼнег* и *сʼънег*, *дожди* и *дожʼжʼи* и под.

2. Варианты словоизменения: *редáкторы — редактóра*, *в отпускý — в óтпуске*, *брызгает — брызжет* и под. В «Вопроснике по современной русской морфологии» (М., 1963) помещено более 100 таких типов вариантных форм. Причем приходится различать типы грамматических вариантов, скажем, варианты форм им. ед. у сущ. муж. р. (типа *трáкторы — трактóра* и под.) или варианты форм род. ед. у сущ. муж. р. в партитивном значении на *-а* и *-у* (*табака — табаку* и под.), с одной стороны, и, с другой стороны, самый репертуар лексем, колеблющихся внутри каждой грамматической формы.

Круг таких варьирующихся лексем изменчив, иногда на временном отрезке в 30—60 лет трудно с достаточной достоверностью установить его очертания. Не случайно, например, в партитивном значении род. ед. у сущ. муж. р. рекомендации в нормативной литературе разноречивы. В «Толковом словаре русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова отмечено 332 лексемы, которые принимают обе флексии *-а* и *-у*. В академической грамматике проводится до 100 таких слов. В наиболее авторитетном нормативном словаре — справочнике «Русское литературное произношение и ударение» отмечено 210 слов, принимающих обе флексии.

В письменных текстах круг этих слов также не оставался неизменным. Так, в первой четверти XX в. в кулинарно-рецептурной литературе зарегистрировано более 90 слов, принимавших форму на *-у*, а в 50—60-е годы в этой же литературе отмечено только 15 слов, принимающих в род. ед. форму на *-у*.

3. Варианты словообразования: *резание — резка*, *прошивание — прошивка*, *львовцы — львовяне — львовчане*, *полтавцы — полтавчане* и под. Круг таких вариантов намечен в «Вопроснике по современному русскому словообразованию» (М., 1963).

4. Синтаксические варианты: варианты предложного управления типа *ехать на поезде*, *на троллейбусе — ехать в поезде*, *в троллейбусе — ехать поездом*, *троллейбусом*; *высота в 2 м*, *скорость в 30 км — высота 2 м*, *скорость 30 км*; *замечания по адресу кого-либо — замечания в адрес кого-либо* и т. д.; варианты беспредложного управления типа *ждать поезда — ждать поезд*; *не могут создать музея — не могут создать музей*; *две основные задачи —*

две основных задачи; варианты согласования и примыкания типа *сто человек сидело — сто человек сидели, он был веселый — он был веселым, он был учитель — он был учителем* и под. В словаре грамматических вариантов, который подготовлен сектором культуры речи, отмечено более 100 типов подобных вариантов.

5. Лексические варианты: *средина — середина, позлащённый — позолоченный, ветер — ветр, постлать — постелить, нестроганый — неструганый, идальго — гидальго, хамса — камса.*

От словообразовательных, словоизменительных и синтаксических вариантов лексические варианты отличаются тем, что не составляют парадигмы, ряда слов, объединенных общностью грамматического значения. Их общность только функционально-стилистическая. По этому признаку они могут быть объединены в поля слов, например, неполногласная возвышенная лексика в сравнении с общеупотребительной полногласной, поэтизмы в сравнении с прозаизмами, заимствованная книжная лексика в сравнении с нейтральными исконными вариантами и т. д.

Фонетические, словообразовательные и грамматические варианты [33], очевидно, к ним примыкают и синтаксические, по существу представляют собой семантические дублеты, лексические же варианты стоят несколько обособленно. Различия в употреблении вариантов в лексических парах более значительны, чем в грамматических. В этом отношении важны наблюдения И. С. Ильинской над употреблением вариантов в стихотворных произведениях пушкинской поры [34]. «Версификационные варианты словообразовательного характера по сравнению с лексическими версификационными вариантами представляли собой элементы семантически менее емкие. Большинство из них не обладало развитой системой значений, реже выступало в переносно-метафорических сочетаниях или в перифрастических выражениях... Лексические же варианты поддавались устранению из поэтической речи значительно труднее. Это различие, на наш взгляд, коренилось в различном характере семантики этих двух групп с вытекающими отсюда для них стилистическими последствиями».

Из всех типов перечисленных вариантов наиболее доступны количественному описанию грамматические варианты — морфологические, синтаксические и варианты словосложения, они достаточно частотны и в письменной, и в устной речи. Область же орфоэпиче-

---

[33] Особого внимания заслуживают фразеологические варианты типа *на босу ногу — на босую ногу, скинуть со счетов — скинуть со счета.* Грамматически и семантически не мотивированные, они ведут себя иначе, чем свободные единицы. Подробнее об этом см.: *Шварцкопф Б. С.* Единица фразеологического состава языка и норма.— В кн.: Актуальные проблемы культуры речи. М., 1970.

[34] *Ильинская И. С.* Лексика стихотворной речи Пушкина. М., 1970.— См. также: *Марков Ю. К.* К вопросу о частотности грамматических категорий.— РЯНШ, 1960, № 4; *Адмони В. Г.* Качественный и количественный анализ грамматических явлений.— ВЯ, 1963, № 4.

ских вариантов ограничена устной речью [35]. Словообразовательные префиксальные и суффиксальные варианты, и лексические варианты, очевидно, легче поддаются статистическому изучению, если материал собирается методом опроса.

В общем речевом потоке последние варианты, как правило, редки и разрозненны [36]. Количественный анализ этих вариантов по наблюдениям за устной и письменной речью затруднен, хотя и не невозможен.

§ 9. Классификация вариантов по их принадлежности к языковым типам единиц интересна с точки зрения относительной частоты вариантов одних типов сравнительно с другими, что определяет степень их доступности статистическому обследованию.

Г. О. Винокур предложил иную классификацию вариантов, с точки зрения их стилистического функционирования. Так, в статье «О славянизмах в современном русском литературном языке» Г. О. Винокур раскрыл понятие «стилистического» славянизма, т. е. славянизма по употреблению в отличие от славянизма по происхождению. Развивая мысль Г. О. Винокура, Р. М. Цейтлин делает попытку классифицировать варианты по видам стилистических соотношений между членами пар [37]. «Варианты никогда не обладают одинаковыми стилистическими свойствами. Один член пары употребляется в самых разнообразных словосочетаниях, а потому лишен определенного стилистического оттенка, является в данном отношении нейтральным, его следует назвать общеупотребительным. Второй член пары вариантов употребляется не во всех литературных произведениях, характеризует определенный и ограниченный круг текстов и выходит за его пределы только при определенных условиях. Этот вариант, в отличие от своей обратной параллели, обладает определенным стилистическим обертоном» [38]. Автор выделяет, с одной стороны, группы пар вариантов, в которых один член в паре резко стилистически окрашен (*блато — болото, брещи — беречь, шлем — шелом*), с другой стороны, пары, в которых варианты наиболее близки друг к другу в стилистическом отношении (*краткий — короткий, беспрестанный — бесперестанный* и под.).

---

[35] Фонетистам приходится прибегать к специальным приемам, чтобы наблюдать варианты в условиях естественной речи, см. об этом: *Гловинская М. Я.* В защиту одного приема фонетического обследования.— В кн.: Развитие фонетики современного русского языка. М., 1966; *Панов М. В.* О тексте для фонетической записи.— Там же.

[36] Частота вариантов естественной речи, иерархия этих частот и место каждого типа варианта в частотной сетке исследовано в упомянутом частотном словаре грамматических вариантов.

[37] См.: *Винокур Г. О.* О славянизмах в современном литературном языке.— РЯШ, 1947, № 14; *Цейтлин Р. М.* Употребление полногласных и неполногласных вариантов в художественной речи карамзинско-пушкинского времени.— Докл. к сообщ. филол. ф-та, кн. 8. М., 1949.

[38] *Цейтлин Р. М.* Указ. соч., с. 37.

Такой подход к вариантам кажется плодотворным. В основу классификации вариантов должны быть положены типы стилистической оппозиции.

§10. Можно предположить, что в закономерностях развития вариантов разных уровней языка есть немало общего. Варьируются ли синтаксемы, лексемы, морфемы или фонемы — стилистические закономерности, управляющие их поведением в речи, доступны обобщению. Когда языковые единицы лишаются значимых различий и приобретают черты тождественных единиц (т. е. различаются не по значению, а по употреблению), на смену смысловым оппозициям приходят оппозиции стилистические. Отношения между членами бывшей смысловой оппозиции меняются, вступают в иную стадию, стадию вариантности.

Понятие «закономерности» здесь приобретает особый смысл. Закономерности проявляют себя в данном случае не в форме причинно-следственных связей, а в форме взаимного воздействия, взаимных влияний, усиленных многократным повторением в речи одних и тех же ситуаций [39].

Можно заметить следующее:

1. Тенденция к стилистическому размежеванию (дифференциация вариантов по окрашенности).

Так, нейтральные и широко употребляющиеся в начале XIX в. неполногласные варианты в парах *брадатый — бородатый, позлатить — позолотить, хладеющий — холодеющий, средина — середина* к 70—80 годам XIX в. стилистически резко размежевались. Неполногласные члены пар стали употребляться лишь в поэтической речи и приобрели те же стилистические черты повышенной поэтической лексики, которую уже в начале XIX в. имели другие неполногласные варианты (*блато, мрежа, врата* и под.). Другой пример словообразовательных вариантов. В поэзии начала XX в. среди прочих неологизмов резко участились случаи употребления народно-поэтических и диалектных образований отвлеченных существительных с нулевым аффиксом — слов, «усеченных на древний лад»: *толщь, трясь, хмурь, сырь, нищь, алчь, близь, сонь, аль* и под., параллельные соответствующим нейтральным общелитературным образованиям *толща, нищета, сырость, алчность, алость* и под. [40]

---

[39] Можно согласиться с пониманием языкового закона в формулировке В. Дорошевского: «Нашим словам „существует закон“ соответствует объективно бесконечное множество повторяющихся явлений определенного типа. Закон земного притяжения — формула обобщения наблюдений над фактами падения тел, предопределяемыми в каждом отдельном случае этим законом» (*Дорошевский В.* Несколько слов о понятии системы в языке (язык и шахматы).— В кн.: Проблемы современной филологии. Сб. к 70-летию акад. В. В. Виноградова. М., 1965, с. 124). См. также: *Звегинцев В. А.* Теоретические аспекты причинности языковых изменений.— В кн.: Новое в лингвистике, вып. 3. М., 1963.

[40] См. замечания о словах этого типа у Ф. И. Буслаева: «Древнерусский язык и областное просторечие любят имена жен. рода на *-ь*. Напр., в древнерусских памятниках: имена собирательные *погань* (поганые), *таль* (за-

Мода распространилась и на образования от существительных *славь, -грозь, черть, волчь* и др. (хотя, как считает В. В. Виноградов, их появление противоречит современным словообразовательным нормам).

Образование по народно-диалектному образцу новых слов и частое их использование в особом поэтическом окружении и контексте (стилистическая синтагматика) наложило теперь уже неизгладимый отпечаток — эти слова сейчас воспринимаются как собственно поэтизмы; народная и областная окраска даже у старых областных слов (*новь, стынь, крепь, кипень* и др.) если и не стерлась окончательно, то все же не воспринимается такой, какой она была, скажем, во времена Ф. И. Буслаева. В том же направлении к усилению контраста и стилистической окрашенности изменилось соотношение произносительных вариантов *тих*/ъи/ и *ти*/х'ьи/, *строг*/ъи/ и *стро*/г'ьи/, *ломк*/ъи/ и *лом*/к'ьи/. «Первое характеризует сейчас высокий стиль, поскольку оно ассоциируется со сценической речью, освящено традицией; наконец — потому, что оно стало редкостью (следовательно, соотношение этих форм в настоящее время прямо противоположно их соотношению в XVIII — начале XIX в.)» [41].

Наблюдается и противоположная тенденция — к стилистическому сближению вариантов (нейтрализация книжной или разговорной окраски). В частности, еще в 80-е годы XIX в. формы на *-ов* у единиц измерения в род. мн. были нормальны (*ваттов, вольтов, ампероў*), усеченные же формы — разговорными. Затем общеупотребительная форма была вытеснена, нулевая же форма нейтрализовалась, более того, у большинства технических единиц измерения она стала господствующей.

2. Тенденция к временно́му параллелизму. По некоторым фактам можно предположить, что время, в течение которого происходят существенные количественные сдвиги в соотношении членов вариантных пар, может быть примерно одинаково у разных типов вариантов. Такой временно́й параллелизм наблюдается как у лексических, так и у грамматических вариантов.

Так, заметные количественные перемещения у неполногласных вариантов произошли за 30—40 лет (от 30—40-х годов к 70—90-м годам XIX в.) со сменой определенных поэтических школ.

ложники), *чадь* (челядинцы), *дороговь* (дороговизна), *прямь* (откуда впрямь), *сыть, ярь* (яровой хлеб) и проч. В областном просторечье: в костр. *людь* (люди, собир.), в кур. *калѣчь* (калечи, собират.), во влад. *лють* (лютость), в повг., тверс. *новь* (вымолоченный вскоре после жатвы хлеб), в олон., спб., новг., *любь*: «ешь и пей до люби» (Рыбн. II) и т. д. (*Буслаев Ф. И.* Историческая грамматика. М., 1959, с. 130).

[41] Цит. по ст.: *Панов М. В.* О стилях произношения.— В кн.: Развитие современного русского языка. М., 1963, с. 21—22; см. также материалы в ст.: *Кузнецова Л. Н.* О норме произношения актеров на сцене и в жизни.— В кн.: Языковая норма и статистика. М., 1977.

Примерно такой же отрезок времени понадобился для крутого переворота в количественных соотношениях вариантных форм род. мн. у единиц измерения. Начался этот процесс в 80-е годы XIX в. и закончился по существу в первом десятилетии XX в., т. е. со сменой одного поколения физиков.

Время наиболее бурных сдвигов вариантных форм в род. ед. (*-а, -у*) в деловой речи также укладывается в рамки тридцатилетия: активное падение форм на *-у* началось в 20—30-х годах XX в., а почти завершилось к 50-м годам нашего века. Однако в других стилях, в частности в драмах, под сильным влиянием разговорной речи процесс вытеснения форм на *-у* был более затяжным, он не кончился и в наши дни. Очевидно, время сдвигов находится в тесной связи с частотой вариантов: чем чаще в каком-то стиле употребляются варианты определенной лексической или грамматической категории, тем более бурно и активно протекают процессы сдвигов в их соотношении, если они поддержаны внутриязыковой тенденцией.

Предположение о временной фазе количественных перемен нуждается в специальной проверке.

3. Пути распространения изменений. Процесс сдвигов в соотношении вариантов далек от прямолинейности. Он начинается в одних парах и лишь постепенно перекидывается на другие. К тому же процесс этот по разным жанрам и стилям речи протекает неравномерно и неодинаково. Обычно центральные позиции, укрепленные кодифицированной нормой, сдаются в последнюю очередь. Например, неполногласные варианты дольше всего держались в антологическом жанре.

Нулевая форма в род. мн. у единиц измерения прежде всего утвердилась в технических единицах, почти неупотребительных в общелитературном языке. В то же время бытовые единицы измерения, широко известные в обиходе (*грамм, килограмм*), до сих пор в письменной речи, благодаря деятельности редакторов, удерживают форму *-ов*.

В. А. Ицкович процесс вытеснения одного варианта другим дает схематически следующим образом:

«Первый этап — явление $А^1$ — норма, явление $А^2$ встречается только за пределами литературного употребления (в аффективной разговорной речи, в просторечии, в профессиональной речи и т. п.).

Второй этап — явление $А^1$ — норма, но явление $А^2$ начинает распространяться и в литературном языке — первоначально в устной форме языка.

Третий этап — явление $А^2$ — употребляется в устной и письменной форме литературного языка, наряду с явлением $А^1$, т. е. устанавливается в употреблении, оба явления сосуществуют на равных правах.

Четвертый этап — явление $А^2$ закрепилось в нейтральной письменной и устной речи, явление $А^1$ в нейтральной устной

речи уже не употребляется, сохраняясь только в письменной речи.

Пятый этап — явление $А^2$ — единственная форма литературного языка, явление $А^1$ — за пределами литературной нормы.

Не всегда вытеснение одного явления другими происходит именно таким путем — схема показывает наиболее обычный процесс смены норм» [42].

Указанные закономерности в употреблении вариантов не абсолютны; проявляясь в большей или меньшей повторяемости тождественных языковых ситуаций, они носят вероятностный характер, т. е. составляют систему статистических предпочтений. Это дает возможность, используя математико-статистические приемы, ставить и решать задачи, полезные с точки зрения нормализации [43].

Программа обследования. Объем и тип выборки. Методика и техника эксперимента

§ 11. В предыдущей части были поставлены задачи и контурно очерчена их сущность. Реальное выполнение требовало большой подготовительной работы.

В целом статистическая работа распадается на следующие этапы:

1. Собирание первичных данных. Поскольку обследование речи — выборочное, особое значение приобретает техника отбора интересующих нас признаков.

2. Полученные первичные данные, по выражению Юла, должны быть «вылиты в определенную форму». На втором этапе важно продумать приемы упорядочения и группировки данных, способы уплотнения материала. С этим этапом связано продумывание техники подсчета данных.

3. Из всех стадий обследования наиболее важна последняя стадия обработки материала: освещение и использование полученных количественных данных, сравнение одного ряда статистических данных с другими с целью открыть зависимость отношения между рядами цифр и воздействием предполагаемых факторов (см. постановку задачи).

Выработка предварительного плана статистического исследования требует целенаправленности и определенности на всех стадиях работы как в технике собирания первичных данных, так и в приемах группировки, уплотнения и распределения этих данных по таблицам.

§ 12. Собирание первичных данных, техника отбора признаков. Выборка не дает нам исчерпывающих сведений об исходной совокупности. Но даже если выборка и мала — она все-таки что-либо говорит о совокупности. Чем больше выборка, тем полнее ин-

[42] *Ицкович В. А.* Указ. соч., с. 48.

[43] См.: *Kniaginina M.* Proba zastosowania metod statystychnych w badaniach stylistyczno-skladniowych.— Język polski, XLII, 1962, zesz. 2.

формация о генеральной совокупности. Соразмерность объема и пропорций выборки — одна из важнейших проблем лингвостатистического исследования. Достаточность объема материала обеспечивает статистически надежные результаты. Результаты исследования могут быть ошибочными, если плохо составлена программа выборки, определен ее объем и самый ее тип.

Наша выборка представляется двусторонней: с одной стороны, из арсенала языка отбираются определенные языковые единицы, с другой стороны, обследуются группы людей, говорящих на этом языке. Если, например, речь идет о вопроснике, то, поместив в вопросник ограниченное число интересующих нас единиц, мы задаем таким образом объем языковой выборки. Поскольку нас интересует, как эти единицы употребляются в речи, необходимо обследовать определенные общественные совокупности.

Отбор из социальной совокупности заключается в том, что нас интересуют признаки в объеме анкетных сведений, приведенных в начале вопросника.

Каково должно быть число обследованных информантов? В каждом отдельном случае вопрос об объеме выборки решается по-разному. Трудно сказать, насколько велико должно быть значение n, чтобы получилось достаточно хорошее приближение. Выборка, состоящая из 1000 единиц, почти всегда достаточна по своему объему [44]. Для выборок меньше 100 единиц тщательно изучать следует обстоятельства и действовать с осторожностью,— добавляют авторы.

При решении проблемы объема может быть использована техника кумулятивной выборки. Например, в обследованиях лексики (при определении частоты слов и отдельных значений) это обозначает, что к существующей первичной базе подсчитанных слов добавляют новые порции — 10 тыс., затем 20 тыс. слов и т. д. и определяется эффект такого добавления. Опыт подобной работы описан в книге Гуда «Методы исследования» (Нью-Йорк, 1959). Автор сообщает выводы: «Изучение материала показало, что можно сокращать выборку, набрав, примерно, от 60 тыс. до 90 тыс. слов письменного материала и к ним добавлять дополнительные данные. В исследовании словаря и словарных значений сравнение двух выборок в 100 тыс. ходовых слов указывает на малозначительные расхождения». В случае обследования форм, более частотных в речи, чем лексемы, выборка может быть еще меньше. Проведен пробный эксперимент с целью установить примерный порог выборки, допустимый при опросе. Сравнены данные из двух выборок — малой и большой. В малой выборке данные извлечены из 650, а в большой — из 3792 вопросников. Исследуется форма род. пад. мн. ч. у одного слова, испытывающего колебания в речи: *носков* и *носок*. Проводилась проверка: зависит ли употребление вариантов *носков—носок* от возраста людей, отвечаю-

[44] *Юл. Д. Э.* и *Кендел Дж.* Указ. соч., с. 445.

Таблица 4. Употребление форм *носков – носок*

а)		Конец XIX — начало XX в.	20-е годы	30-е годы	40-е годы	Суммы по горизонтали
Выборка 1 (из 650 вопросников)	*носок*	19	24	80	193	316
	носков	54	23	70	187	334
Суммы по вертикали		73	47	150	380	650

б)		Конец XIX — начало XX в.	20-е годы	30-е годы	40-е годы	Суммы по горизонтали
Выборка 2 (из 3729 вопросников)	*носок*	89	190	565	754	1598
	носков	258	243	727	903	2131
Суммы по вертикали		347	433	1292	1656	3729

в)	Конец XIX — начало XX в.	20-е годы	30-е годы	40-е годы
Выборка 1	0,261	0,510	0,533	0,512
Выборка 2	0,255	0,439	0,437	0,455

щих на вопросник, связано ли различие в употреблении вариантов с возрастными поколениями? [45] Данные из обеих выборок сведены в две идентичные таблицы (см. табл. 4а, б).

Сравним частоты, рассчитанные из таблиц для формулы *носок* по этим двум выборкам (см. табл. 4в).

По малой выборке в результате специальной проверки (см. указанную статью) было установлено, что различие в частоте не случайно, значимо только у первой старшей возрастной группы. У других возрастных групп (20-, 30- и 40-х годов) различия в частоте несущественны и могут объясняться действием случайных факторов. Это означает, что по употребительности форм *носок—носков* резко разделяются только два поколения — старшее

[45] Описание материала, подробные расчеты и ход рассуждений по малой выборке см.: *Граудина Л. К.* Носков или носок? (об одном приеме исследования).— В кн.: Вопросы культуры речи, вып. VI. М., 1965, с. 140—146.— Для большой выборки все расчеты аналогичны, поэтому в целях экономии места здесь приводятся только основные данные и выводы (см. рецензию в журнале «Naše Reč. Ústav pro jazyk česky Ročnik», 49. 1960, № 1).

и нестаршее: поколению людей, родившихся в конце XIX в.— начале XX в., форма *носок* чужда, более молодые современники эту форму употребляют гораздо активнее. Результаты большой второй выборки не противоречат этим выводам. Гипотеза о значимости отличий старшей возрастной группы от всех других и относительном росте нулевой флексии у более молодых современников данными второй выборки также подтверждается. Но если бы мы попытались установить среднюю частоту употребления варианта *носок* в первой и во второй выборке для каждой возрастной группы — частоты, это видно из табл. 3, оказываются неравноценными. Степень состоятельности оценок во 2-й выборке выше, чем в 1-й.

Очевидно, для разных целей нужен разный объем выборки: для общей цели подтверждения или отвержения гипотезы о существенности или несущественности количественных различий бывает достаточна выборка в небольшом объеме. Для установления более точных параметров, например оценок частот в интервале, выборка должна быть увеличена. При расчете объема выборки обычно делается пробная выборка и по специальной формуле с заданными условиями определяется число n, т. е. количество наблюдений, необходимых, чтобы получить результат с определенной степенью точности [46].

В нашем случае может возникнуть такой вариант задачи. Проведено 73 наблюдения, в которых форма *носок* была названа или записана 19 раз (данные взяты из первой таблицы для информантов старшего возраста конца XIX — начала XX в.). Найти ориентировочно число наблюдений n, которое понадобится для того, чтобы с вероятностью $\beta=0{,}9$ ошибка от замены вероятности эмпирической частотой (p^*) не превзошла бы 5%.

Вывод: выборка больше 100 единиц дает достаточно хорошее приближение по оценке частоты во второй таблице, где 100 может считаться состоятельной при заданной нами точности (см. условия выше).

Забота о представительности (репрезентативности) выборки заставляет заранее продумывать технику отбора интересующих нас признаков. Существуют три способа отбора: а) отбор случайный (собственно случайный), б) отбор по заранее намеченному принципу (направленный), в) сочетание способов «а» и «б» (смешанный).

Случайность выборки состоит в том, что все единицы совокупности имеют равные шансы попасть в выборку.

---

[46] Описание подобной задачи см.: *Вентцель Е. С.* Теория вероятностей. М., 1962, с. 324—325 (в учебнике приводится задача и способы определения приближенного числа n. Именно этот способ использован в настоящей работе. Существуют и другие способы определения объема выборки. См., в частности, следующие работы: *Фрумкина Р. М.* Статистические методы изучения лексики. М., 1964).

При направленном отборе совокупность предварительно расчленяется на типические группы (доли или слои), после чего уже производится выбор из каждой группы. Например, если в плане обследования намечается опросить 30% филологов, а из 70% нефилологов — 50% рабочих и 20% сельской интеллигенции, выборка носит ярко направленный характер. При случайном же отборе мы должны каждый из обследуемых признаков поставить в равные условия, т. е. если нас интересует 5 признаков, то в выборке соответственно должно быть представлено 5 равных доль, причем внутри каждой доли случайность должна достигаться определенным способом. Установлено, что человек не способен осуществить идеально случайный отбор[47]. Выработаны специальные приемы, как достигнуть случайности отбора. В частности, существует таблица случайных чисел, пользуясь которой исследователь может достаточно случайно отбирать элементы в выборку. Имеются характерные ограничения для каждого типа выборки: и случайная, и направленная выборки имеют достоинства и недостатки. По свидетельству Юла, «мнение современных статистиков склоняется в целом в пользу случайной, а не направленной выборки». «Направленный метод дает выборку более типическую... чем чисто случайный отбор. Случайная выборка дает значительные отклонения от средней, в то время как в направленной выборке этого не бывает. Это дает преимущества направленной выборке. Но одновременно следует отметить:

а) чем больше становится объем случайной выборки, тем точнее она воспроизводит исходную совокупность, чего нельзя сказать о направленной выборке;

б) направленная выборка может точнее рассказать о среднем весе признака, но, вероятно, даст худшее представление об изменчивости его веса...»[48].

И главное: «При направленной выборке опасность внесения ошибки гораздо больше, т. к. наблюдатель дает волю своему усмотрению». Предположим, надо отобрать из повозки несколько груш. Случайная выборка может дать нам несколько или очень больших или очень малых груш, хотя это маловероятно. Но если наблюдатель имеет возможность окинуть взглядом всю повозку, а затем выбрать,— вероятнее всего, что он отберет средние по форме и величине груши. При такой направленной выборке мы получаем лучшее представление о среднем весе, зато при случайной — сможем точнее сказать об изменчивости веса по всей совокупности. На практике можно сочетать оба приема, сведя к минимуму недостатки каждого типа выборки.

---

[47] Опыт: предложить кому-нибудь наудачу назвать сто единиц однозначных чисел, включая нуль, затем сосчитать названные нечетные. Если числа будут называться действительно случайно, то четных и нечетных цифр будет примерно поровну. Однако чаще наблюдается преобладание каких-либо одних.

[48] *Юл Д. Э.* и *Кендел Дж.* Указ. соч.

В частности, опыт распространения морфологического вопросника представляет несовершенный тип смешанной выборки. Один пример с распределением вопросников среди социально-профессиональных групп общества.

Было разослано 20 тыс. вопросников. Опрашивались информанты, владеющие литературным языком. Вопросники распространялись примерно равными долями среди следующих групп населения: 1) интеллигенция с высшим образованием (были выделены группы с филологическим и нефилологическим образованием, писатели и журналисты); 2) студенты, т. е. лица с незаконченным высшим образованием, из них половина филологов, половина не-филологов:, 3) служащие — лица, не имеющие высшего образования (сотрудники сферы обслуживания, конторские и торговые работники, военнослужащие, воспитатели и учителя без высшего образования, спортсмены и под.); 4) рабочие. Вопросники были разосланы на заводы Москвы и Подмосковья, Горького, Ленинграда, Риги, но получены в основном только вопросники, распространенные в Москве и Подмосковье (с заводов МЗМА, Шинного, Шарикоподшипникового, Мясокомбината, Трехгорки и с подмосковных фабрик легкой промышленности). Из 20 тыс. разосланных вопросников получено было 5 тыс., из них для обработки было отобрано только 4 тыс.

В конечном итоге выборка по социально-профессиональному признаку осталась следующей:

Интеллигенты — 1238, из них группа филологов составила 342 человека, не-филологов — 805, писатели и журналисты — 64, остальные, не указавшие специальности,— 27. Самую большую группу заполненных вопросников составили ответы студентов — 1291 вопросник, из них студенты — филологи — 675 и не-филологи — 171; студенты, не указавшие специальности, составили группу в 445 человек. Среди служащих в итоге было собрано 925 вопросников. Рабочие возвратили заполненными 449 вопросников, прочие группы составили 97 человек. В процентном отношении обследованная совокупность по социально-профессиональному признаку предстает в следующем виде: интеллигенты — 30,95%, студенты — 32,27%, служащие — 23,12%, рабочие — 11,22%, прочие — 2,44%. Таким образом, по способу распространения выборка была случайной, по результатам — смешанного типа; направленность проявилась здесь в том, что наибольшую долю в выборке все же составили информанты с высшим или незаконченным высшим образованием (около 63%), т. е. основные носители литературного языка. Информанты с начальным и средним образованием (рабочие и служащие), среди которых вероятность появления разговорно-просторечных элементов более высокая, составили относительно меньшинство (примерно 37%).

Тем не менее даже и в таком неравноценном распределении выборка представляет собой определенный интерес: впервые массово обследуются информанты нелингвисты. Неизбежные не-

достатки выборки, в данном случае неравноправная представительность группировок, требуют применения специальных статистических приемов для их сравнения.

§ 13. Группировка данных. Техника подсчета. Полученные первичные данные должны быть разобраны, расклассифицированы, подсчитаны, размещены по таблицам. На этой стадии работы встречаются значительные трудности. Как наилучшим способом зарегистрировать полученную нами информацию, как правильно организовать систему большого числа единиц с тем, чтобы отдельные подсчитанные единицы или их сочетания могли бы быть быстро обнаружены и использованы. Наконец, больной вопрос о производительности труда: считать ли единицы вручную или имеется возможность привлечь на помощь вычислительные машины. Пример с вопросником. Прежде всего пришлось решительно отказаться от обработки вопросников рутинными способами разнесения одной единицы по одному признаку на отдельную карточку. Авторитетная критика этого непроизводительного метода приводится, например, в книге «Перфорированные карты и их применение в науке и технике» (под ред. Р. Кейси, Дж. У. Перри. М., 1963): «Старые формы картотек, по-видимому, изжили себя. Составленные по алфавиту или по номерам (т. е. по одному признаку), они дают видимый эффект только при числе карточек до нескольких сотен и с трудом поддаются обработке в количестве до нескольких тысяч. Необходимость учета по нескольким признакам заставляет заводить новые дублирующие картотеки. Кроме того, расстановка вынутых и новых карточек на свои места является не только утомительной, но и очень ответственной операцией, не допускающей никаких ошибок, так как поставить карточку не на свое место означает просто потерять ее. Решение всех этих задач может быть достигнуто с позиции одной научной дисциплины, такой дисциплиной является документалистика, которая как специальность пережила второе свое рождение с появлением кибернетики» (с. 646).

Следует, однако, заметить, что «перфокарты и близкие к ним приемы не могут делать все сложные проблемы простыми, но они в состоянии делать некоторые проблемы менее утомительными и трудоемкими».

В этой связи заслуживает внимания опыт механизированной обработки вопросника, о котором выше упоминалось. В 1963 г. в секторе современного литературного языка и культуры речи Института русского языка АН СССР в связи с работой над темой «Русский язык и советское общество» был подготовлен вопросник по современной русской морфологии (отв. ред.— И. П. Мучник). Цель вопросника — с новой стороны исследовать взаимодействие внутри- и внеязыковых факторов — определила его композицию и отбор материала. Основной темой явилась дублетность отдельных грамматических словоформ. Выбор определенного грамматического варианта может оказаться случайным, но чаще бывает связан

с фактами биографии человека: его образованием, происхождением, возрастом и т. д. При массовых опросах закономерности должны обнаружиться.

Поэтому вопросник содержит две основные части, различающиеся по типу вопросов. Первая, анкетная, часть ставила целью собрать некоторые сведения об информанте, прежде всего о тех сторонах его жизни, которые, по предположению лингвистов, могут оказать влияние на его речевую деятельность. Это: возраст говорящего, свободное владение вторым языком, социально-профессиональное положение в обществе, образование и место, где оно получено; место, где прошло детство, места наиболее длительного пребывания, профессия родителей или воспитателей, их местное происхождение; степень знакомства с языком массовых коммуникаций (часто, ежедневно, несколько раз в неделю или изредка отвечающий смотрит телевизор, слушает радио, радиопередачи). Всего — 10 таких вопросов.

Во второй, основной, части вопросника поставлены собственно языковые вопросы; отвечающий должен ответить в каждом конкретном случае, какие формы свойственны его речи.

В целом в вопроснике 311 вопросов (словоформ несколько больше).

По специальной программе вопросник был распространен среди разных слоев населения, в разных республиках, преимущественно среди городского населения. Было получено 5 тыс. заполненных книжечек. Предстояло обработать свыше полутора миллионов ответов.

Суть обработки состояла в том, чтобы выделить различные социологические группы, заданные нам вопросами анкетной части вопросника, и к каждой из выделенных социологических групп прикрепить варианты ответов второй, лингвистической, части вопросника.

Из 5 тыс. вопросников к обработке было отобрано 4 тыс. Откладывались вопросники, в которых не было ответов на все разделы, вопросники с незаполненной анкетной частью и т. д.

Из анкетной части учитывались ответы на первые 10 вопросов; из лингвистической части было отобрано 210 наиболее существенных для работы вопросов (всего 220 вопросов).

Вся поступающая информация обрабатывалась на цифровых (счетно-перфорационных) вычислительных машинах. Массив 80-колонных перфокарт составил 56 тыс.[49]

§ 14. Полученные цифры не абсолютны; они не дадут абсолютного отражения существующих количественных соотношений. В частности, материал вопросников представляет собой выборку из бесконечной совокупности; в действительности количественные вариации дублетов находятся в текущем переменном состоянии.

[49] Описание техники обработки на машинах принадлежит инженеру С. П. Поляковой.

Истолкование полученных первичных данных составляет сущность специального анализа.

Прежде чем перейти к образцам лингвостатистического анализа, необходима еще одна оговорка. Оценка нормы не должна исчерпываться материалами вопросника.

Неизбежные жесткие ограничения, сформулированные в программе опроса, вносят условное однообразие в процесс, где царят спутанность и переплетение психологических, социальных, исторических и иных предпосылок.

Психологическая эластичность, подвижность речевой реакции улавливаются даже вопросником, хотя с точки зрения методики психологического анализа данный вопросник, может быть, и не был достаточно совершенным инструментом.

Изменение формы постановки вопроса может оказать заметное влияние на характер ответа.

Прибегая только к опросному методу, наблюдатель рискует оперировать искаженными данными. Поэтому в обследованиях с помощью анкеты необходимо попутно ставить психологические эксперименты, в которых оценивалась бы сама форма постановки вопроса. Надо создать шкалу ценностей для вопросов, чтобы наперед знать, с каким коэффициентом поправки можно доверять собранным с их помощью данным [50].

§ 15. Идеальным, с точки зрения безыскусственности условий, в которых статистик имеет возможность собирать материал, является пассивное наблюдение за устной и письменной речью.

Как отмечалось выше, основная трудность в этом случае заключается в сложности организации представительной выборки по всем интересующим нас вариантам. Одни варианты достаточно употребительны, другие встречаются реже.

В целом сочетание активного и пассивного способов наблюдения если и не сведет к нулю, то все же нейтрализует и возместит недостатки каждого из них.

Попытка соединения трех разных приемов количественной оценки была предпринята в микроисследовании вариантов форм в род. ед. на *-а* и *-у* [51].

Эта работа убедила в том, что сами источники познания литературной нормы представляют собой предмет разнородный и

---

[50] Подобные работы широко проводились психологами еще в 20-е годы. В частности, информантам задавались такие вопросы: — Есть ли у Вас дома телефон? Да. Нет.— Посещал ли отец среднюю школу? Да. Нет.— Имеешь ли счет в банке на свое имя? Да. Нет.— Чтобы измерить степень надежности полученных ответов, прибегали к повторному опросу. Причем оба опроса очень близки по времени, в противном случае разница в результатах может быть следствием фактических изменений. Чем выше коэффициент корреляции, тем точнее измеряющий инструмент (описание опыта см.: *Бернштейн М. С.* Методика и техника обследования среды в Америке. М., 1930).

[51] См.: Русский язык и советское общество. Морфология и синтаксис современного русского литературного языка. М., 1968, с. 175—200.

сложный. Е. С. Истрина в качестве одного из важнейших условий нормализации выдвигает авторитетность источников: «При наличии колебаний приходится обращаться к авторитетным источникам книжно-литературного языка — произведениям художественной литературы, лучшим образцам публицистики и передовой прессы, к материалам научной и деловой речи. Грамматики и словари строятся в основном из данных, собираемых из этих источников, и подтверждаются примерами — цитатами из них»[52]. Несколько иной, более широкий взгляд на источники нормы находим в работах лингвистов Пражского кружка. В частности, в этих работах опровергается тезис о «хорошем авторе»: нормы литературного языка не должны опираться только на узус лучших писателей.

По мнению Б. Гавранека, один источник — это «средняя литературно-языковая практика за последние 50 лет. При этом нельзя исключать и ту старую художественную и научную литературу, на основе которой в XIX в. подготавливалась современная стабилизация нормы языка»[53]. Следующим источником является «языковое сознание интеллигентных слоев, их языковая устная практика, не учитывающая, однако, индивидуального, местного колорита и арготизмов»[54].

Как видим, чешские лингвисты при установлении нормы предлагают исследовать, с одной стороны, письменную речь «средних» авторов, с другой стороны, устную языковую практику интеллигентных слоев населения. Письменные и устные формы литературного языка, предлагаемые для обследования, существенно различаются. Они идут во времени как бы двумя разными потоками, самостоятельно и внешне независимо. Письменная речь оставляет материальный след, устная — утрачивается бесследно, разумеется, если она не записана (ср. дневниковые записи, устные рассказы). Но даже если и записана, объем записанной речевой информации в обоих случаях несравним.

Как правило, устная речь мгновенна и непреднамеренна. По словам Есперсена, она выражает «нестесненные тенденции свободной жизни»; можно повторить вслед за Соссюром, что говорящий — король своей речи.

Письменные же формы литературной речи появляются в результате сознательного, обдуманного языкового творчества, про-

---

[52] *Истрина Е. С.* Указ. соч., с. 19.

[53] *Гавранек Б.* Общие принципы культуры языка.— В кн.: Пражский лингвистический кружок, с. 39. Критику рассуждений о «хорошем авторе» находим и у французских лингвистов; см., например: *Sauvageot A.* Pour un dirigism linguistique. Qui fait la loi? — Vie et langage, 1959, N 86.— Автор приводит примеры, когда язык лучших писателей не может служить образцом, а в то же время «средние авторы», в частности журналисты, оказывают немалое влияние на изменение нормы употребления).

[54] Там же, с. 396.

контролированного не только пишущими, но также и людьми, издающими текст. Поэтому нормы литературного языка в одном случае бесконтрольны, в другом — строго обязательны. Эти черты обусловливают и строевые, и стилистические особенности обеих форм речи, они накладывают особый отпечаток и на самый характер выборки.

Здесь выборки из письменной и устной речи различаются как вырезанные кадры из художественного фильма и документального кино. Первые создаются режиссером-нормой и ее служителями, вторые — самой жизнью. Выборки из письменных текстов дают возможность воссоздать микроисторию вариантов на обоих концах временного отрезка, как, впрочем, и в других его точках. Это исследование по вертикали. Выборки же из устных форм речи достаточно надежно характеризуют лишь один конец изучаемого отрезка — современную речь. С известной долей ошибок можно воспроизвести особенности старой устной речи, как она существует в речевом сознании старшего поколения. Но в основном все же это исследование по горизонтали.

§ 16. В отличие от письменной речи статистическое обследование разговорной речи носит массовый характер в том смысле, что социолингвистическая совокупность может насчитывать несколько тысяч человек. Данные же письменной речи представляют собой речевую деятельность сравнительно небольшого числа авторов (порядка десятков, в крайнем случае сотен, но не тысяч человек). К тому же лишь немногие авторы, по преимуществу это известные писатели и журналисты, удостоены авторитетного права сохранять речевые вольности. В строгой и нейтральной речи (деловая, научная литература) речь авторов, как правило, унифицируется по принятым образцам. Автор вынужден подчиняться нормам, принятым редакторами и корректорами.

Вернемся к примеру. Количественный анализ форм род. ед. на *-а* и на *-у* был завершен определением частоты флексии *-у* (в %) в разных жанрах и стилях литературного языка. Современное употребление формы *-у* характеризуется следующими показателями (см. табл. 5).

Как видно из табл. 5, в партитивном значении род. п., приметой которого в традиционной грамматике являлась форма *-у*, сейчас по существу преобладает форма *-а*. Правда, в разговорном стиле и в диалогах художественных произведений процент употребления флексии *-у* еще высок (свыше 50%), однако не настолько, чтобы это давало возможность говорить о существовании особого партитивного родительного падежа в русском языке. Основываясь на этих данных и учитывая тенденцию развития в соотношении форм *-а* и *-у*, очевидно, следовало бы рекомендовать форму *-а* как единственно полномочную представительницу род. падежа во всех его значениях и для всех стилей литературного языка. Флексия же *-у* в этом случае должна характеризоваться как второстепенная остаточная форма, свойственная прежде всего

Таблица 5. Употребление формы род. падежа ед. числа (*-у*)

Конструкция	Книжно-деловая речь	Язык художественной литературы (диалогическая речь)	Письменный ответ на заданный вопрос	Разговорная речь
С партитивно-выделительным значением:				
а) у вещественных сущ.	26,5	61,5	34,7	51,5
б) у отвлеченно-собирательных сущ.	–	40,9	37,9 (для сочетаний *много народа, -у, много блеска, -у*)	–
Предложные конструкции с обстоятельными значениями	–	35,4		–
Фразеология		54,2		

устной речи (в письменных же стилях она держится преимущественно в фразеологии).

Очевидно, в будущем научно-исследовательская работа нормализатора могла бы предусматривать еще одну новую техническую возможность — формальную проверку правильности такой рекомендации на ЭВМ. С этой целью может быть специально составлена программа нашей логической задачи. В программе должны быть учтены: 1) с одной стороны, рекомендации основных авторитетных работ нормализаторского характера, например «Словаря литературного произношения и ударения», «Словаря современного русского литературного языка» (в 17-ти томах), 2) с другой стороны, в программу будут введены статистические данные, которые отражают современную практику употребления форм в разных стилях литературного языка. На основе четко составленной программы и сформулированных условий логического анализа с помощью ЭВМ может быть предпринята попытка формального выбора решения.

Глава третья

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ВАРИАНТОВ В НОРМАТИВНОМ АСПЕКТЕ

Смена языкового употребления, его текучесть и динамичность составляет, как уже было показано выше, одну из важнейших сторон стилистики. Г. О. Винокур писал о значительности этой темы: «Наряду с проблемой языкового строя существует еще проблема языкового употребления, а так как язык вообще есть только тогда, когда он употребляется, то в реальной действительности строй языка обнаруживается только в тех или иных формах его употребления. То, что здесь названо употреблением, представляет собой совокупность установившихся в данном обществе языковых привычек и норм, в силу которых из наличного запаса средств языка производится известный отбор, неодинаковый для разных условий языкового общения» [1].

Вариации параллельных средств речи, из которых осуществляется выбор той или иной формы, конструкции, слова, составляют существенную черту стилистической структуры литературного языка. Если лингвисты единодушны в убеждении, что синонимия в языке создает основу его богатства, то в определении терминов, называющих разные виды существующих синонимических средств в языке, наблюдается значительный разнобой, граничащий в отдельных случаях с долей скептицизма относительно возможности когда-либо прийти к однозначному и согласному определению терминов. Вряд ли в одной работе возможно дать исчерпывающее описание проблемы, имеющей огромную литературу, и тем более предложить единственное решение спорных вопросов. Однако любая попытка конкретного отбора и анализа фактов требует некоторой системы представлений о предмете и терминах, его называющих.

Определение терминов: понятие грамматического варианта; варианты слов и варианты форм

§ 1. Вопрос о морфологическом варьировании слов изучен пока что недостаточно прежде всего со стороны фактического описания самих типов морфологических вариантов в литературном

[1] *Винокур Г. О.* О задачах истории языка.— Избр. работы по русскому языку. М., 1959, с. 221.

языке. Со стороны же общетеоретического осмысления проблема грамматической синонимии была поставлена в работах А. М. Пешковского, В. В. Виноградова, Г. О. Винокура, А. И. Смирницкого, О. С. Ахмановой, Ф. П. Филина, В. Н. Ярцевой и др.[2]

Сопоставление разных суждений, высказанных в этих работах, пожалуй, больше убеждает в сложности этой темы, нежели в разработанности и определенности ее теоретических основ.

Начать хотя бы с термина грамматический вариант и грамматический синоним. Одни исследователи считают, что грамматические варианты — это равнозначные тождественные формы в отличие от грамматических синонимов — форм не тождественных, но близких друг другу по грамматическому смыслу[3]. Другим кажется, что если в основу синонимии положить близость или сходство смысловых отношений, то само определение степени этой близости останется неясным, пределы выбора непомерно расширяются.

Если принимается тезис о равнозначности синонимов, введение дополнительных критериев, сужающих круг параллельных форм и конструкций по существу приводит к тесному сближению понятий грамматического синонима и варианта[4]. Эти термины становятся чуть ли не дублетами.

---

[2] *Пешковский А. М.* Принципы и приемы стилистического анализа и оценки художественной прозы.— В кн.: Вопросы методики родного языка, лингвистики и стилистики. М.— Л., 1930; *Виноградов В. В.* О формах слова.— ИАН, ОЛЯ, 1944, т. 3, вып. 1; *Винокур Г. А.* Наследство XVIII в. в стихотворном языке Пушкина; *Он же.* О славянизмах в современном русском литературном языке.— РЯШ, 1947, № 14; см. также теоретическое введение о вариантах: *Цейтлин Р. М.* Употребление полногласных и неполногласных вариантов в русском литературном языке конца XVII — нач. XIX в. М., 1946; *Смирницкий А. М.* К вопросу о слове (проблема «тождества слова»).— Труды Ин-та языкознания АН СССР, 1954, т. IV; *Ахманова О. С.* Очерки по общей и русской лексикологии, ч. II. Фонетическое и морфологическое варьирование слова и синонимия как предел такого варьирования. М., 1957; *Ярцева В. Н.* О грамматических синонимах.— В кн.: Романо-германская филология, вып. 1. М., 1957; *Филин Ф. П.* О слове и вариантах слова.— В кн.: Морфологическая структура слова в языках различных типов. М.— Л., 1963; *Рогожникова Р. П.* Варианты слов в русском языке. М., 1966; *Шенделъс Е. И.* Понятие грамматической синонимии.— Филол. науки, 1959, № 1; *Она же.* Синтаксические варианты.— Филол. науки, 1962, № 1; *Михайловская И. Г.* К вопросу о категории вариантности.— В кн.: Вопросы культуры речи, вып. VIII. М., 1967.— Библиографию работ по грамматической синонимии см. в кн.: Синонимы русского языка и их особенности. Л., 1972; *Геккер С. Ф.* Библиография по синонимике русского языка.— В кн.: Синонимы русского языка и их особенности, 1972.

[3] См., например, следующее высказывание: «Критерием вариантности являются равнозначность сосуществующих форм... Именно это создает демаркационную линию между вариантностью и синонимией» (*Москальская О. И.* Вариантность и дифференциация в лексике литературного немецкого языка.— В кн.: Норма и социальная дифференциация языка. М., 1969, с. 57; см. также: *Семенюк Н. Н.* Некоторые вопросы изучения вариантности.— ВЯ, 1965, № 1).

[4] См. на эту тему: *Щетинин В. Е.* Синонимия или вариантность.— В кн.: Синонимия в языке и речи. Новосибирск, 1970.

§ 2. Грамматические варианты[5] представляют собой частный случай более широкой категории параллельных средств речи. Имеются в виду, с одной стороны, лексические и фразеологические синонимы, с другой стороны, орфоэпические варианты, понимаемые как вариации произношения одних и тех же слов. К последним относятся фонетические варианты (*калоша*, *галоша*, *ноль*, *нуль* и под.) и акцентологические (*лéмех* — *лемéх*, *áтомный* — *атóмный* и под.) [6].

На фоне того общего, что объединяет все параллельные средства речи как некую общую совокупность в языке[7], существуют и отличительные признаки, отделяющие грамматические варианты от всех других параллельных единиц.

В работах по синонимии настойчиво пробивает дорогу мысль о том, что лексические и грамматические варианты различаются достаточно резко, настолько резко, что прежде чем не изучены их различия, объединение этих во многом разных сущностей будет поверхностным, а потому преждевременным.

Грамматические варианты характеризуются прежде всего тождеством грамматической функции. Функциональное тождество, родившееся вследствие ассоциативной близости грамматических значений, приводит к позиционной нейтрализации грамматических различий, т. е. к внешнему тождеству грамматического значения. «Образование грамматических синонимов происходит главным образом при функциональном сближении двух грамматических конструкций, имевших вначале различное грамматическое значение и впоследствии приобретающих общность значения и однородность использования»[8].

Эти различия легко обнаруживаются при сопоставлении лексических синонимических пар и вариантных грамматических пар. В основе объединяющего тождества в первом случае лежит общность семантического значения, во втором — общность грамматического значения. Что особенно важно — это различие выражено и формально. В лексическом ряду объединяющей частью являются сходное или тождественное (в зависимости от понимания сино-

---

[5] В работе принят термин «грамматический вариант» в отличие от многозначно понимаемого термина «грамматический синоним».

[6] См.: *Филин Ф. П.* О слове и вариантах слов.

[7] Теме вариантности в отношении к языковой норме посвящены работы: *Веселитский В. В.* Норма и вариант.— РЯШ, 1967, № 5; *Горбачевич К. С.* Вариантность слова и языковая норма (на материале современного русского языка). Автореф. докт. дис. М., 1975.

[8] Наиболее четко отличия морфологических вариантов от других типов вариантов (фонетических и лексико-семантических) были сформулированы в работах: *Смирницкий А. И.* К вопросу о слове.— Труды Ин-та языкознания. М., 1954; *Ахманова О. С.* Очерки по общей и русской лексикологии. М., 1957; *Ярцева В. Н.* О грамматических синонимах.— В кн.: Романо-германская филология, вып. I, М., 1957; *Она же.* Проблема вариативности на морфологическом уровне языка.— В кн.: Семантическое и формальное варьирование. М., 1979.

нима) понятийное, смысловое ядро слов. В грамматических же вариантах основным носителем значения является грамматический элемент слова. Лексические синонимы индивидуальны. Лексическая синонимия — это синонимия лексем. Грамматическая синонимия — это синонимия моделей, независимо от их лексического наполнения: ср., например, синонимию конструкций типа *Он был веселый* и *Он был веселым*. На модель могут накладываться ограничения, определяемые лексикой. Например, реализация вариантной модели типа *поручить выполнить — поручить выполнение*, *рекомендовать использовать что-нибудь — рекомендовать использование чего-нибудь* возможна не для всех глаголов. При глаголе *приказать* такая соотносительность отсутствует. Ср. *приказать* выполнить при невозможном «приказать выполнение».

Описанное различие предопределяет принципиально разный отбор языковых единиц в ряды лексических синонимов, с одной стороны, и грамматических вариантов, с другой. Скажем, если понимать лексические синонимы как слова подобные или сходные (не тождественные) по значению, можно было бы выстроить синонимический ряд, объединенный общностью понятия *красный*. Например, подбор эпитетов для поэтической речи: *красный—багровый — багряный — алый — пунцовый — кумачовый — рубиновый—рдяный*.

Различием в оттенках цвета и связанным с этим различием в употреблении при таком понимании синонима можно пренебречь. Хотя ясно, что если в одних контекстах эти эпитеты могут быть взаимозаменимы, например в употреблениях со словом *заря*, *закат*, *стяг*, *знамя*, то в других контекстах, в сочетаниях с другими словами замена невозможна. В большинстве сочетаний с этими эпитетами ограничения неизбежны: *красное* (по цвету) *вино* не *кумачовое*, не *рдяное*; *алая кровь* — не *рубиновая* или *кумачная*; *багряный клен* — не *алый*, не *рубиновый*; *кумачный сарафан* — не *рубиновый*, *багряный*, *рдяный* и т. д.

Более строгое понимание синонима как слов тождественных по значению требует и более жестких ограничений. В этом случае синонимический ряд ограничивается двумя, тремя лексическими дублетами, различающимися лишь стилистической окраской и употребляющихся в разных стилях, жанрах и речевых ситуациях[9]: *кинофильм—кинокартина*, *языкознание—лингвистика—языковедение* и под. Однако при любом понимании лексического синонима начало, объединяющее слова в один синонимический

[9] Подробнее о разных подходах к теории синонима см. в предисловии к «Словарю синонимов русского языка» (М., 1968).— Согласно достаточно широко распространенному представлению дублеты представляют собой разновидность синонимов с тождественным значением, но различающиеся происхождением и стилистическим употреблением. Чаще всего источником появления дублетов в языке является перевод иностранных терминов, ср. *водолечение — гидротерапия, грипп — инфлюэнца, заражение — инфекция* и под.

ряд, остается одним и тем же — семантическое сходство или тождество в значении лексем. Когда составитель словаря синонимов отбирает слова в синонимический ряд, он пренебрегает их грамматической формой, для него важно прежде всего тождество смысловых ассоциаций. *Красные зори, багряная заря, багровый восход, рубиновый закат, алый свет, рдяное небо* и т. д. — Каким бы ни был здесь род и число прилагательных, это несущественно.

Объединение слов предполагает прямую соотнесенность с действительностью. Именно на этом основании синонимы иногда делятся на однопредметные (*месяц—луна, голова—башка*) и разнопредметные, уточнительные (*способный, талантливый, одаренный*). Важно тождество не означающего, а означаемого.

У грамматических же вариантов сходное значение никак не соотносится с действительностью — миром вещей, признаков, действий, состояний и т. д. Так, варианты согласования *зима была лютая — зима была лютой, море было холодное — море было холодным, он был добрый — он был добрым* — здесь отождествляется значение отношений между словами. Это тождество значения означающего, а не означаемого, тождество в формах связи слов или частей слов. Поэтому ряд грамматических вариантов, хотя редко насчитывает больше двух-трех-четырех способов передачи отождествленного грамматического значения, этот ряд относительно широк, свободен, не замкнут и разнообразен в своем лексическом составе. В качестве члена грамматической вариантной пары выступают многочисленные и лексически разные единицы с единой грамматической моделью. С этой точки зрения сочетание *обучалось сто человек* входит в одну и ту же вариантную модель, что *тысяча докеров бастовало, пятьсот человек посетило выставку.*

Итак, ряд лексико-семантических синонимов одномерен: пучок таких синонимов располагается на одной линии только по горизонтали, например, *участь—доля—жребий—удел—рок.* Ряд грамматических вариантов создается общностью грамматического значения плюс регулярностью форм. В отличие от лексического ряда грамматический ряд двухмерен. Он выстраивается по горизонтали (разные грамматические формы с тождественным значением), а для каждого грамматического члена пары еще и по вертикали (разные лексемы или лексические словосочетания с общей грамматической формой); например: *лететь на самолете—лететь в самолете—лететь самолетом*[10]; *плавать на пароходе—в пароходе—пароходом*; *ехать на катере—в катере—катером;*

[10] По поводу этого варианта в 1967 г. между ж. «Русская речь» и «Литературной газетой» разгорелась дискуссия. «Русская речь» опубликовала заметку Л. И. Скворцова, в которой, опираясь на практику употребления в литературном языке, письменную и устную, автор справедливо писал о допустимости варианта *лететь самолетом: самолетом вылетел* в Москву, *доставлен самолетом* и т. д. («Русская речь», 1967, № 3), «Литературная газета» под рубрикой «Служба русского языка» опубликовала статью Л. Борисова, в которой автор дилетантски, но «художественно» пытался

на машине—в машине—машиной; *на автобусе—в автобусе—автобусом* и т. д.

Правда, степень грамматической регулярности, от которой зависит длина вертикального ряда, может быть очень разной. Работа над материалом словаря убедила в том, что по существу не было ни одного случая действительно широкого и всеохватного действия грамматической модели ни в составе синтаксических, ни в составе словообразовательных, ни в составе собственно морфологических вариантов. Идеал совершенного и безотказно действующего грамматического механизма остается недосягаемым. Это и понятно. В поле стилистического взаимодействия взаимное влияние и сцепление лексики и грамматики особенно заметно. Оно усиливается действием привходящих факторов — привычностью употребления, отношением и оценкой говорящих, ситуативными условиями речи и т. д.

Так, в приведенном выше примере лексическая прикрепленность форм очевидна. Например, новизна словосочетания *космический корабль* и его жанрово-стилистическая приподнятая окраска явно мешает легкости образований вариантов по аналогии: *лететь на самолете—в самолете—самолетом*; *лететь на космическом корабле — в космическом корабле — космическим кораблем*. Нормальной формой кажется только первая — *лететь на космическом корабле*.

Некоторые другие сочетания из этого же семантического поля вообще не испытывают колебаний и употребляются только с одним из предлогов: *ехать в карете скорой помощи*; *плавать на баржах, на речных судах*; *лететь на дирижабле, на воздушном шаре*.

Само грамматическое значение тесно связано с семантическим значением слов. Семантическое значение постоянно ограничивает, лексикализует грамматические возможности формы[11]. В отношении семантической емкости и лексического наполнения грамматические значения далеко не равноценны. Лексикализации в той или иной мере подвержены все формы, но ее степень не может не быть различной.

В некоторых случаях грамматическая форма варьируется лишь в составе нескольких лексем. Таковы, например, варианты

доказать безграмотность этой конструкции: «Что касается плаката „Летайте самолетами!“ абсолютно безграмотного, вызывающего смешные представления о человеке, летящем в черном пиджаке с разведенными в стороны руками, летящем над полями и лугами, то высоко, то низко...» (Лит. газ. 10.I.68 г.).

[11] См. об этом: *Шендельс Е. И.* Взаимодействие между лексическими и грамматическими значениями.— Иностр. языки в школе, 1962, № 4.— Автор различает внутреннюю и внешнюю лексическую обусловленность грамматического значения: «грамматическая структура имеет ограниченное лексическое наполнение (внутренняя лексическая обусловленность); под внешней лексической обусловленностью понимается влияние на значение грамматических структур лексического окружения»; см. также: *Капитонова Т.* Лексическое наполнение моделей.— РЯНШ, 1966, № 1.

глагольной формы инфинитива типа *достигнуть—достичь*, *постигнуть—постичь*, *застигнуть—застичь*. В других же случаях проявляется тенденция к свободе грамматических вариаций. Тогда вертикальный ряд остается открытым. Так, варианты словосочетаний и частично сокращенных слов типа *партийная организация—парторганизация* по материалам пробного словаря (всего лишь 4 тыс. вариантов по газетам 60-х годов) насчитывают до 500 разных лексических единиц в составе этого одного типа.

Указанные выше свойства грамматических вариантов определяют их самостоятельность и обособленность в системе других параллельных средств речи. Это отмечено в работах А. И. Смирницкого и О. С. Ахмановой: «Вопрос о морфологических вариантах слова значительно сложнее, чем вопрос о фонетических (или звуковых) вариантах слова [12]. Как уже было сказано выше, фонетическое варьирование слова выступает как прямой и простейший антитезис к его лексико-семантическому варьированию. Если в случае лексико-семантического варьирования слова семантические различия лишены внешнего выражения, не связаны с различиями в материальной звуковой оболочке слов, то при фонетическом варьировании, наоборот, внешние различия, различия материальной звуковой оболочки не связаны с различиями значения. Хотя звуки языка и находятся друг к другу в сложных фонологических отношениях, функционируя в качестве различителей звуковых оболочек морфем и слов, тем не менее они не являются языковыми единицами в точном смысле слова этого термина, так как они не являются двусторонними, не имеют свойственного каждому из них и закрепленного за ними значения. Элементарными (предельными) языковыми единицами являются морфемы, так как морфы, в отличие от звуков, даже при рассмотрении последних в фонологическом плане, являются двусторонними единицами; у морфем данная внешняя оболочка связана с определенным значением» [13].

Звуковые различия у акцентолого-фонематических вариантов не имеют самостоятельного значения. Они связаны с фонологической позицией в слове.

Различия в лексических синонимах связаны только со значением слов, их семантикой.

Различия в грамматических вариантах связаны и со значением, но значением обобщенным, грамматическим, и с позицией, но

---

[12] Наряду с фонетическими имеются и орфографические варианты слов. Они противоположны друг другу. У фонетических вариантов при одном написании наблюдается вариантное произношение, ср. *дожди* [ж'ж' и жд']. *шаги* [ы и Λ]. Область их употребления — только в звучащей речи, не на письме. У орфографических вариантов при одном произношении — разное написание: *паралон* и *поролон*, *плексиглаз* и *плексиглас*, *фломастер* и *фламастер*. Варианты написания обычно легко устраняются в пользу одного из них.

[13] *Ахманова О. С.* Указ. соч., с. 123.

позицией грамматической в отличие от фонематических вариантов. Поэтому отношения между членами грамматических вариантных пар несколько иные, чем в лексических парах, с одной стороны, и акцентолого-фонематических, с другой[14]. От лексических синонимов грамматические отличаются закрепленностью грамматической позиции и большей, хотя и неполной независимостью от значения слова. Это обусловливает большую силу ассоциативных влияний, возможность широкого и открытого действия аналогии. В связи с этим фактор частоты, повторяемости конкурирующих форм приобретает реальные, весомые очертания[15].

§ 3. Следует специально оговорить термины варианты слов и варианты форм. Проблема разграничения вариантов слов и вариантов форм вызвана уже названной необходимостью провести четкое размежевание лексических и грамматических параллельных средств речи.

Термином варианты слов обозначаются разновидности одного и того же слова, характеризующиеся тождественной лексико-семантической функцией и частичным различием звукового состава не формальной части слов: *брег—берег*, *пред—перед*, *меж—между*, *полупощник—полуночник* и под. Варианты форм, т. е. грамматические варианты,— это разновидности грамматической формы слов[16], характеризующиеся тождеством грамматической функции и различием звукового состава грамматического элемента слов: *секторы—сектора*, *узаконивать—узаканивать—узаконять*, *внештатный—нештатный*, *обточка—обтачивание* и т. д.

Как видно из предлагаемого определения, одним из важнейших критериев вариантности является лишь частичное различие в звуковой стороне слова или формы. Любые синонимические слова или формы, если они не обладают звуковым тождеством (пусть неполным), должны рассматриваться не как варианты, а как синонимы.

Критерий частичного звукового тождества разделяет, таким образом, сопредельные области вариантных и синонимичных средств. Эту мысль в свое время высказывал Ф. Ф. Фортунатов: «Так как словами являются звуки речи в их значениях, то поэтому различия в звуковой стороне образуют различия самих слов, хотя бы значения таких слов и совпадали (как совпадают, например, значения слов *неправда* и *ложь*, которые тем не менее пред-

---

[14] См.: *Соколов О. М.* Морфологическая синонимика в ряду смежных явлений.— В кн.: Синонимия в языке и речи.

[15] См.: *Марков Ю.* К вопросу о частотности грамматических категорий.— РЯНШ, 1960, № 4.

[16] Под термином формы слова понимают разновидности одного и того же слова, различающиеся звуковыми элементами его грамматической (формальной) части и грамматическим значением, при этом по звукам формальная часть может быть и нулевой. Определение восходит к основным положениям, высказанным по поводу формы А. М. Пешковским («Русский синтаксис в научном освещении». М., 1956, с. 16) и акад. В. В. Виноградовым в статье «О формах слова» («Изв. АН СССР, ОЛЯ, 1944, т. III, вып. 1).

ставляют собою два различных слова), если только при этом различие в звуковой стороне не есть частичное (т. е. касающееся части звуковой стороны), которое сознается говорящими как видоизменение в части звуков одного и того же слова, не изменяющее значения этого слова; таково, например, в русском языке частичное различие в звуковой стороне слова *зимою* и *зимой*» [17].

Вторую часть определения вариантов составляет положение о функциональном тождестве их значений — лексических у вариантов слов и грамматических у вариантов форм.

Разбирая этот признак, особенно важно подчеркнуть функциональный характер тождества. Равенство значений строится на элементах равного или подобного окружения. Всякий раз, когда осуществляется одно и то же контекстное окружение, мы можем говорить о тождестве значения. Вспомним знаменитое сравнение Соссюра — «лингвистическое тождество подобно тождеству не костюма, но поезда и улицы»: представление об одном и том же скором поезде образовано временем его отправления и его маршрутом, между тем и вагоны, и поездная бригада раз от раза могут быть другими.

И у лексических, и у грамматических вариантов пределы тождества положены употреблением; при этом существенным критерием проверки тождества является взаимозаменяемость вариантов в границах сравниваемых контекстов. Так, в лексической паре *глава—голова* члены ряда далеко не во всех контекстах могут сопоставляться как варианты. Из спектра многих значений, переносных употреблений и фразеологизмов неполногласный вариант *глава* и полногласный *голова* синонимизирует в прямом значении, ср. *склонить главу* (*голову*), *приклонить главу* (*голову*), *опустить главу* (*голову*) и в переносном значении *вершина чего-либо,* ср. *главы* (*головы*) *деревьев*, *гор* и т. д. Высокая стилистическая окраска неполногласного варианта суживает и сферу его употребления — вариант *глава* используется преимущественно в поэзии XIX в., редко в поэзии XX в. Оба члена пары разошлись в значениях и не варьируют в таких, например, сочетаниях: *быть во главе чего-либо*, *поставить во главу угла*, *глава правительства*, *глава направления*, *течения*, *школы*, *главы церквей*, *главы книги*, с одной стороны, и — с другой: *поставить с ног на голову*, *уйти во что-либо с головой*, *броситься очертя голову*, *в первую голову*, *городской голова* и т. д.

Аналогичные примеры можно привести из области грамматических вариаций. Например, существительные, колеблющиеся в роде между мужским на твердый согласный и женским на *а* (типа *рельс—рельса*), в современном литературном языке насчитывают около 100 пар. Некоторые равноправны (*скирд—скирда*, *ставень—ставня*, *спазм—спазма*), а некоторые варьируют лишь в отдельных значениях и словосочетаниях, обнаруживая в целом

[17] *Фортунатов Ф. Ф.* Избр. труды, т. I. М., 1956, с. 132.

тенденцию к размеживанию. Так, в значении 'очищенная от деревьев полоса земли в лесу' обычно употребляется вариант *просека*, но иногда используется и вариант *просек*: Здесь пересеклись рельсы городских трамваев. Дальше служат сосны. Дальше им нельзя. Дальше воскресенье, Ветки обрывая, Разбежится *просек*, по траве скользя (Б. Пастернак, Сестра моя жизнь), ср. также и в названиях улиц *Майский просек*, *Лучевой просек*. В специальном же значении (вспомогательная горизонтальная подземная горная выработка) закрепился только вариант муж. рода, например *вентиляционный просек*. Коннотативные (контекстуальные) варианты составляют большой пласт в сфере грамматических вариаций.

То общее, что отличает понятие варианта и на лексическом, и на грамматическом уровне заставляет многих исследователей ограничиться термином варианты слов и применительно к лексическим, и применительно к грамматическим вариантам. Так, именно термином варианты слова пользуется О. С. Ахманова в книге «Очерки по общей и русской лексикологии» (М., 1957), характеризуя и фонетические, и орфографические, и грамматические варианты. Та же терминология используется в книге Р. П. Рогожниковой «Варианты слов в русском языке» (М.— Л., 1963), обозревающей наряду с лексическими и грамматические варианты. В этой книге проводится сопоставление вариантов слов и однокоренных слов русского языка с лексикологической точки зрения. Варьирование слов на словообразовательном уровне характеризуется рядом особенностей — и это хорошо показано в книге — по сравнению с морфологическим варьированием. В тех случаях, когда в работе речь шла о падежных или родовых вариантах, автору приходилось использовать термин «варианты форм», а не «варианты слов» (см. с. 65, 69—71, 77 и др.). Однако различия между этими понятиями не акцептировались, очевидно, прежде всего потому, что в этом не было необходимости.

Не разграничиваются понятия «варианты слов» и «варианты форм» в работе К. С. Горбачевича: «Варианты слова — это регулярно воспроизводимые видоизменения одного и того же слова, сохраняющие тождество морфолого-словообразовательной структуры, лексического (и грамматического) значения и различающиеся либо с фонетической стороны (произношением звуков, составом фонем, местом ударения или комбинацией этих признаков), либо формообразовательными аффиксами (суффиксами, флексиями)»[18]. Для общих целей исследований, которые ставят задачи изучения категории вариантности в языке, такое понимание ва-

[18] *Горбачевич К. С.* Указ. соч., с. 9.— В работах последних лет термин «лексико-семантический вариант» используется иногда при разграничении разных значений одного и того же слова, см.: *Иванова Т. Ф.* О семантической регулярности словообразовательно-соотносительных слов. Канд. дисс. М., 1975, с. 68 и др.— В настоящей работе термину «вариант» придается иное значение.

рианта возможно и приемлемо. Однако есть тысячи слов, к которым неприменим термин «варианты слова», потому что они не имеют вариантов в исходной форме, ср. *трактор*, *тысяча*, *цех*, *инженер-полковник*, ТАСС и мн. др. В то же время эти же слова в пределах той грамматической позиции, в которой наблюдаются грамматические вариации формы-модели, могут выступить в двух вариантных формах: им. мн. *трактора́* и *тра́кторы*, твор. ед. *тысячей* и *тысячью*, предл. ед. *в це́хе* и *в цеху́*, в склоняемых косвенных формах *инженер-полковника* и *инженера-полковника*, в ТАССе и в ТАСС и т. д. Тогда как *средина* и *середина*, *тоннель* и *туннель* варьируют и в исходной форме, и в любых грамматических позициях. Идея настоящей работы состоит именно в том, чтобы подчеркнуть качественные различия, существующие между грамматическими вариантами и другими типами вариаций, прежде всего лексическими. Это различие должно быть закреплено и терминологически. К какому типу относятся словообразовательные варианты, к вариантам разных слов, к вариантам одного и того же слова или вариантам форм? Словообразование, принадлежа к разделу грамматики, занимается морфологией лексем. Поэтому к грамматическим вариантам должны быть отнесены варианты всех трех ярусов грамматической системы — синтаксические, словоизменительные и словообразовательные. Однако грамматическая общность не исключает специфики каждого из трех названных классов вариантов. В частности, степень близости к лексическим вариантам слов у вариантов форм неодинакова [19]. Из всех типов именно словообразовательные варианты находятся на грани между лексическими и грамматическими: «Словообразование занимает особое место в системе языка. С одной стороны, процессы словообразования согласуются с законами грамматического строя данного языка... и с этой точки зрения словообразование теснейшим образом связано с грамматикой. И с другой стороны, процессы словообразования направлены на создание новых слов, на пополнение словарного состава языка... Более уместно выделить вышеуказанные типы словообразовательных синонимов в особую группу» [20].

Словообразовательные морфемы выполняют и лексическую, и грамматическую функцию. Лексическая функция способствует семантической специализации вариантов. В то же время активное словотворчество создает ряды вариаций с обобщающим грамматическим значением: *обточка—обтачивание*, *фрезеровка—фрезерование*, *шлифовка—шлифование*, *опиловка—опиливание*, *зенков-*

---

[19] Проблема синонимии и вариантности на словообразовательном уровне рассматривается в ст. *Иванникова Е. А.* К вопросу о взаимоотношении понятия варианта с понятием синонима.— В кн.: Синонимы русского языка и их особенности. Л., 1972.

[20] *Ярцева В. Я.* Указ. соч., с. 21; см. также: *Андреев Н. Д.* Морфемное членение слова и статистико-комбинаторная граница между словоизменением и словообразованием.— В кн.: Статистико-комбинаторное моделирование языков. М.— Л., 1965.

ка—зенкование, *шабровка—шабрение*, *обтяжка—обтягивание* и под. Регулярность образований переводит частное лексическое значение в более обобщенный грамматикализованный семантический тип; все названные варианты, в частности,— это существительные, обозначающие действие по прямому значению глагола [21].

Одновременно идущий процесс опрощения, иррегулярности образований ведет к лексикализации вариантов: слова *обвенчаться* и *повенчаться*, *обжог* и *ожог* не могут быть отнесены к грамматическим вариантам — они не встают в регулярный грамматический ряд. Здесь «лексическая функция словообразовательных морфем, несмотря на то, что эти морфемы одновременно несут и грамматическую нагрузку, совершенно очевидна» [22]. В словообразовании, как и в богатейшем источнике разнообразных вариаций, постоянно появляются и варианты слов, и варианты форм [23], причем границы между тем и другим далеко не абсолютны,— можно наблюдать немало переходных случаев. Возьмем пару *воспрещать(ся)—запрещать(ся)*. В широко распространенных городских надписях «Курить воспрещается (запрещается)», «Входить воспрещается (запрещается)» в Москве преобладает вариант с приставкой *вос-*, а в Крыму, например, с приставкой *за-*. В наше время эта пара должна рассматриваться в разряде лексических пар: нет никакой другой глагольной пары с этими же приставками, где бы соблюдалась параллельная семантико-грамматическая пропорция в значении. Между тем в литературном языке XVIII — нач. XIX в. можно было выстроить словообразовательный ряд варьирующих пар, где соотношение глаголов с приставкой *воз-* и *за-* создавало подобие некоего словообразовательного грамматического типа: *восхотеть—захотеть* (Восхочешь ли узреть родителей своих? Не огорчишься ли, Евмений, видом их? — Сумароков); *восшуметь—зашуметь* (Но что-то меж кустов прибрежных *восшумело*.—Пушкин); *вострубить—затрубить* (Уж воинственные трубы *вострубили*, уж стекались все полки славянски.— Радищев) и т. д.

Ведущим признаком грамматических вариаций оказывается критерий грамматической системности, предполагающий регулярное колебание грамматической формы. В сомнительных случаях, когда встает вопрос, считать ли варианты членами лексического или грамматического ряда, регулярность образований безошибочно обнаруживает грамматическую природу явления. Так, вариан-

---

[21] См. об этой модели: *Булич П. В.* О соотносительных отглагольно-именных образованиях с суффиксами *-ние* (*-ение*) и *-ка* в современном русском языке.— Уч. зап. Ленинградского гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена, 1965, т. 257.

[22] *Филин Ф. П.* О слове и вариантах слова, с. 132.

[23] Иной взгляд на словообразовательные варианты изложен в тезисах доклада С. А. Емельяновой на тему «Словообразовательная синонимия и вариантность форм слова» (В кн.: Актуальные проблемы русского словообразования. Материалы республиканской научной конференции. Самарканд, 1972); см. также: *Лукьянова Н. А.* Однокоренные синонимы и варианты слова.— В кн.: Синонимия в языке и речи. Новосибирск, 1970.

ты *прием материала—приемка материала* должны быть отнесены к грамматическим (словообразовательным), потому что имеются *раздир—раздирка*, *прокат—прокатка*, *накат—накатка* и т. д.

Понятие «вариант формы» шире понятия «вариант слова». Эти понятия соотносятся как общее и частное (родовое и видовое). Так, строение ряда вариантов грамматической, в том числе и словообразовательной, модели предполагает три необходимых элемента:

1) грамматический тип вариантов, т. е. ряд варьирующихся форм-моделей. Например, словообразовательный тип двувидовых глаголов на *-изова(ть)/-изирова(ть)*;

2) варианты формы-модели внутри каждого типа: все формы на *-изовать* (один грамматический вариант этой модели) и все формы на *-изировать* (второй вариант модели);

3) варианты словоформ: это лексемы, которые принимают один из варьирующихся формантов. Например, в приведенном типе могут быть следующие варианты словоформ: *стандартизовать—стандартизировать*, *экранизовать—экранизировать*, *паспортизовать—паспортизировать*, *локализовать—локализировать*, *кристаллизовать—кристаллизировать* и т. д. Варианты словоформ выступают в качестве параллели к вариантам слов. Только у вариантов слов грамматическое значение не реализуется в ряду грамматической модели, пара единична.

Различия между вариантами словоформ и вариантами слов в области словообразовательных параллельных единиц возникают в результате действия двух противоположных тенденций. Варианты словоформ создаются по образцу существующей грамматической модели вследствие стремления к унификации и в подражание другим формам. Не случайно Соссюр называл грамматическую аналогию «драмой с тремя персонажами». Одна из конкурентных форм выступает в качестве первого компонента, например, форма *популяризировать*; существование второго компонента — глаголов с суффиксом *-изовать* (*авторизовать*, *мобилизовать*, *реализовать*, *стерилизовать*, *стандартизовать*, *локализовать* и т. д.) создает условия для появления третьего — новообразования *популяризовать*[24]. Соучастие всех трех «персонажей» в истории возникновения вариантов форм обязательно. Оно обусловливает их временное сосуществование, пока не произойдет или специализация вариантов, или выпадение из грамматической системы одного из них. Между тем варианты слов появляются в результате воздействия факторов, обратных грамматической аналогии. Происходит процесс грамматического «расподобления» форм. Если варианты словоформ, как видно из приведенного выше грамматического ряда вариантов, выстраиваются в виде пропорции, то варианты слов из нее выбиваются. В процессе смыслового, семантического обособления слов

[24] См.: *Мучник И. П.* Двувидовые глаголы в русском языке.- В кн.: Вопросы культуры речи, вып. III. М., 1961.

устраняется действие важнейшего компонента — грамматической модели, вследствие ли ее грамматической слабости, неполноты лексического ряда или каких-либо других исторических причин. Различие в качестве вариантов определяет их историю, время сосуществования, т. е. характер и продолжительность самой фазы вариантности. Вековая история грамматических вариантов и однолетнее существование орфографических (ср. сознательное устранение вариантных написаний слов, например *фломастер* и *фламастер*, *постижерский* и *пастижерский*, *шпаклевка* и *шпатлевка*) должны осмысляться как неизбежная закономерность, осуществляющаяся для контрастных явлений языка по-разному. С этой точки зрения утверждение о том, что вариантность в языке идет на убыль[25], не может провозглашаться в качестве универсальной формулы, истинной для всех ярусов языковой системы. Вариантность в грамматике живого языка — это извечная форма ее развития[26]. Как показывают конкретные исследования, состав и частота употребления грамматических вариантов в современном литературном языке отнюдь не малочисленны. В этом отношении нельзя не согласиться с мнением А. Л. Воронова, утверждающим, что роль вариантов в истории языка «заключается не только в том, что они получают стилистическую или семантическую дифференциацию. Их большая роль, с нашей точки зрения, заключается в том, что они являются маленькими, но неизбежными ступеньками в постоянной трансформации системы языковых средств»[27].

§ 4. Отношения между грамматическими вариантами противоречивы. Стремлению отождествить функционально сходные единицы противостоит тенденция к их различению. Хотя в речевом употреблении варианты как будто бы и взаимозаменимы, но безусловным или абсолютным тождеством они все же не являются. Рассматривая явление синонимии (в частности, и повелительных форм типа *Встать*! *Встаньте*!), С. Карцевский отмечал, за счет чего создается асимметричный дуализм подобных отношений. «Всякий знак является потенциально «омонимом» и «синонимом» одновременно, т. е. он образуется скрещением этих двух рядов мыслительных явлений... Обозначающее (звучание) и обозначаемое (функция) постоянно скользят по «наклонной плоскости реальности». Каждое «выходит» из рамок, назначенных для него партнером: обозначающее стремится обладать иными функциями, нежели

---

[25] См.: *Горбачевич К. С.* Указ. соч., с. 11. Мысли об убывании формальных вариантов в современном языке высказываются тем же автором в тезисах доклада на тему «Литературно-традиционные нормы и речевой стандарт в литературном русском языке» (сб. «Проблемы нормы в славянских литературных языках в синхронном и диахронном аспектах». М., 1976, с. 159).

[26] См. историческую интерпретацию грамматической синонимии в работе: *Ходова К. И.* К проблемам славянской синонимии (синонимичность как стадия развития системы).— Сов. славяноведение, 1971, № 1.

[27] *Воронов А. Л.* Варианты слов в немецком языке. Горький, 1973, с. 11.

его собственная, обозначаемое стремится к тому, чтобы выразить себя иными средствами, нежели его собственный знак. Они асимметричны; будучи парными (accouples), они оказываются в состоянии устойчивого равновесия. Именно благодаря этому асимметричному дуализму структуры знаков лингвистическая система может эволюционировать: «адекватная» позиция знака постоянно перемещается вследствие приспособления к требованиям конкретной ситуации ...формальные значимости, естественно, более общи, чем семантические значимости, и они должны служить типами, из которых каждый включает почти неограниченное число семантических значений. Поэтому грамматические значимости более устойчивые, а их транспозиция менее часта и более «регулярна» [28].

Мысли об асимметрии морфологических противопоставлений развиваются во многих современных теоретических работах. Так, на материале чешского языка Вл. Барнет приходит к убеждению, что «в асимметрических морфологических противопоставлениях обычно исчезает (полностью или частично) маркированный член. С точки зрения диахронии маркированный член является динамической частью коррелятивной пары, а его немаркированный антипод — частью статистической. Объяснение этому можно искать, очевидно, в том, что новое положение, которое создается в грамматическом строе языка, прежде всего затрагивает маркированный член, который является носителем признака, характеризующего все противопоставление в целом» [29].

§ 5. Изложенное выше понимание сущности грамматических вариантов позволяет сформулировать некоторые наиболее важные критерии их отбора.

1. Как было показано, основную отличительную черту грамматического варьирования составляет функциональное отождествление грамматического значения. Объектом изучения являются варианты форм в отличие от вариантов слов, где в основу сопоставления положена понятийная, а не грамматическая общность. Поэтому для составителей словаря исключительно важным был критерий грамматической системности. С этой точки зрения грамматическими считались только пары вариантов, у которых наблюдается регулярное колебание грамматической формы. Так, в парах *воскресный день—воскресенье, выходной день—выходной* первую пару нельзя зачислить в разряд грамматических вариантов, потому что нет грамматических аналогов этому ряду, вторую следует рассматривать именно в составе грамматических явлений, так как здесь мы имеем дело с явлением грамматической субстантивации

---

[28] *Карцевский С.* Об асимметричном дуализме лингвистического знака.— В кн.: История языкознания XIX—XX веков в очерках и извлечениях, ч. II. М., 1965, с. 85—90; о специфике значений в грамматике см.: *Бондарко А. В.* Общие и частные значения грамматических форм.— ВЯ, 1968, № 4.

[29] *Барнет Вл.* О морфологических противопоставлениях в структурной диахронии.— In: Travaux linguistiques de Prague. Prague, 1966, p. 193.

(ср. аналогичные отношения в парах *яровые культуры—яровые* в контексте *уборка яровых культур—уборка яровых*).

Требование регулярности можно считать реализованным, если существует не менее двух пар вариантов формы: *переговоры по Вьетнаму—переговоры о Вьетнаме* (ср.: беседа по этому вопросу... беседа об этом вопросе...); *решение утверждено на собрании—решение утверждено собранием* (ср.: отзыв утвержден на секторе, отзыв утвержден сектором); *экранизованный—экранизированный* (потому что есть *специализованный—специализированный*) и т. д.

2. Функциональное тождество по определению составляет непременное условие варьирования форм. Видимо, лучшим практическим способом доказательства существующего тождества является возможность естественной и встречающейся на практике замены одного варианта другим.

Критерий взаимозаменяемости хотя и важен в практической работе, но он не может считаться ни единственным, ни основным.

Прибегая к методическому приему замен и подстановок, нельзя не отметить известную ограниченность его применения. Грамматические варианты составляют неотъемлемую часть грамматической системы. Однако системная соотнесенность вариантных форм ослаблена тем, что эти формы утратили способность значимых грамматических противопоставлений. И все же они принадлежат к определенным грамматическим классам. В этом своем категориальном качестве варианты резко отличаются от всех других случаев возможных ситуативно-стилистических вариаций. О неправомерности смешения чисто стилистических и грамматико-стилистических вариаций пишет В. Н. Ярцева: «...Следует отметить незаконное, с нашей точки зрения, включение в «грамматические синонимы» тех слов, когда та или иная форма может при данных конкретных условиях выступать в обычно несвойственном ей значении. Когда М. К. Милых говорит о синонимии временных глагольных форм и о том, что в разговорном русском языке наблюдается часто замена одного глагольного времени другим, примеры, приводимые этим автором, доказывают лишь тот факт, что форма настоящего времени глагола может в определенном контексте быть употреблена для передачи прошедшего события. Например: «Бывало, он еще в постеле: к нему записочки несут...»

Глагольные формы будущего времени совершенного вида могут также употребляться и в значении прошедшего времени, но при этом в контекст вводится «бывало», «вдруг» или еще какие-либо другие уточняющие слова...

Очевидно, если для передачи желаемого смысла приходится добавлять уточняющие слова, то сама по себе глагольная форма этого значения не имеет. Можно ли в таком случае говорить о «синонимике временных глагольных форм»? Ведь глагольные формы, подобные приведенным выше, оказываются синонимами

чисто ситуативными, т. е. такими, сходное значение которых представляется как возникающее даже не из узкого словесного контекста, а из содержания всей ситуации в целом. Очевидно, что нельзя такие вещи признавать как характеризующие грамматическую синонимию» [30].

3. Признак функциональной эквивалентности грамматических значений составляет существенную черту вариантов [31]. Абсолютного равенства в значении форм нет. Наблюдаемое тождество устанавливается лишь в границах тех контекстов, в которых возможна взаимозамена вариантов.

По характеру отождествляемых значений различаются два полярных типа вариантов.

У первого типа вариации происходят в основном значении грамматической формы. Например, в значении им. мн. у сущ. муж. рода: *тра́кторы—трактора́, конду́кторы—кондуктора́*, или в значении тв. ед. у сущ. ж. р.: *рекою—рекой, зимою—зимой* и т. д. В таких случаях для установления тождества значений бывает достаточно одной словоформы: расширение контекста не столь уж обязательно, если не ставятся задачи более широкого стилистического обследования.

У другого типа вариации происходят во вторичном значении. Как и в лексике, вторичное значение несвободно, оно реализуется только в контексте. Тождество варьирующихся форм в этом случае без контекста установить совершенно невозможно. Таковы все перечисленные в словаре пары форм ед. и мн. числа:

1) употребление форм ед. числа со значением грамматически невыраженной собирательности: *читатель ждет новых книг* (ср.: читатели ждут новых книг), *произошла встреча со зрителем* (=со зрителями), *депутата у нас ценят* (депутатов у нас ценят) и т. д.;

2) появление формы мн. ч. у отвлеченных существительных в текстах с нейтрализованным значением множественности: *ускорить темпы развития* (ср.: ускорить темп развития); *сказалось влияние температур* (=ср.: влияние температуры); *в университете изменились контингенты учащихся* (ср.: изменился контингент учащихся);

3) употребление формы мн. числа у вещественных существительных в контекстах с немаркированным значением множественности или обозначением сортов вещества: *обработка почв* (ср.

---

[30] *Ярцева В. Н.* Указ. соч., с. 15.

[31] По мнению О. И. Москальской, равнозначность выступает в качестве ведущего признака вариантности: «Критерием вариантности является равнозначность сосуществующих форм, свободное варьирование их в пределах одной эпохи и одного стиля. Именно это создает демаркационную линию между вариантностью и синонимией» (*Москальская О. И.* Указ соч., с. 57); см. также: *Черемисина М. И.* Синонимия как функциональная эквивалентность языковых знаков.— В кн.: Синонимия в языке и речи. Новосибирск, 1970.

=почвы) *улучшается*; *налаживается производство комбикормов* (=комбикорма); *применить ядохимикаты в сельском хозяйстве* (=ядохимикат) и т. д.;

4) конкуренция форм у отглагольных существительных со значением действия или результата действия: *усилить творческий поиск* (творческие поиски); *увеличить заготовку зерна* (=заготовки); *организовать поставку материалов* (=поставки) и т. д.;

5) форма мн. числа у существительных, собирательных по своему лексическому значению: мы научились *ценить роль коллективов* (=коллектива), *обрабатываются массивы древесины* (массив древесины), *судьба лесов* (=леса) *в наших руках.*

К этому же типу относятся и варианты употребления форм с родовым различием у существительных — названий женских профессий и других женских наименований, а также колебания в согласовании с этими существительными прилагательных и глаголов в прош. вр. типа: *уважаемая* (ср. уважаемый) *товарищ Иванова*; *приветствовала* (ср. приветствовал) *директор Иванова*; *выступили женщины — ветераны* (=ветеранки) *фабрики*; *Иванова анонимщица-рецидивист* (ср. возможное: *анонимщик-рецидивист* или *анонимщица-рецидивистка*, или *анонимщик-рецидивистка*); *Уганда вышла победителем* (=победительницей).

Существуют разные способы называния этих двух типов грамматической синонимии: денотативные или системные для первого типа и коннотативные или контекстуальные для второго типа[32].

Пара терминов денотативный — коннотативный удобна тем, что подчеркивает производность, дополнительность, вторичность значения во втором типе вариантов в отличие от первого, где варианты конкурируют в основном (=денотативном) значении.

Вторая пара терминов системный — контекстуальный подчеркивает контекстуальную обусловленность второго типа вариантов, по способу называния эта пара терминов менее удачна. Антитеза системный — контекстуальный может привести к заблуждению относительно того, что второй тип грамматических вариаций находится вне грамматической системы. На самом же деле появление вторичного значения носит закономерный системно-обусловленный характер и является следствием перестройки внутрисистемных отношений в грамматике.

Итак, чтобы учесть многозначность форм, необходим контекст прежде всего в случаях употребления вариантов 2-го типа.

4. Для выражения одной и той же мысли в языке существует богатейший запас языковых средств. Если говорящий затрудняется в выборе грамматических вариантов, он всегда может построить фразу так, чтобы избежать их. Вспомним один пример А. М. Пешковского: свободный порядок слов в русском языке в полном предложении из пяти слов (я завтра пойду гулять) до-

---

[32] См.: *Шендельс Е. П.* Понятие грамматической синонимии; *Она же.* Синтаксические варианты.

пускает 120 перестановок. «А так как каждая перестановка всегда изменяет значение всей фразы, то получается 120 синонимов!» [33].

Конечно, далеко не все равнозначные способы выражения мысли могут считаться грамматическими вариантами.

С этой точки зрения важный критерий выдвигается в статье Е. П. Шендельс «Понятие грамматической синонимии»: «Грамматическая синонимия требует условия однородности, „разновалентности" сравниваемых структурных единиц... Между неоднородными единицами отношений грамматической синонимии нет. Так, сочетание слов *после легкого завтрака* и придаточное предложение *после того, как я легко позавтракал*, несмотря на то, что они выражают примерно одинаковые отношения реальной действительности, не представляют собой грамматических синонимов, так как они относятся к разным грамматическим единицам, расположенным на разных уровнях внутри грамматики (предложение, даже придаточное,— единица высшего порядка по отношению к словосочетанию). Они не обладают «равновалентностью» и потому могут быть отнесены только к разноаспектным синонимам» [34].

Тезис о том, что сопоставлять следует лишь одноструктурные образования (или словоформы одного слова, или словосочетания, или предложения), при всей его справедливости и внешней бесспорности, как кажется, не должен быть понят слишком категорически. Например, синонимы *телеспектакль—телевизионный спектакль*. Отношения в способе соединения с определяемым словом между членами этой пары грамматически регулярны (ср. *телепередача — телевизионная передача*, *телеателье — телевизионное ателье*, *телеогонек—телевизионный огонек* и т. д.).

О том же свидетельствуют аналогичные образования с другими, как называл их С. И. Ожегов, «лексикоморфемами»: *био* (=биологический) защита, институт, станция, свойства, *авто* (=автомобильный) дорога, трасса, завод, строительство, *электро* (=электрический) ток, провода, поезд, станция и под.

Грамматическая регулярность и взаимозаменяемость, свидетельствующая о тождестве этих вариантов в пределах некоторых словосочетаний и контекстов, заставляет признать членов этих пар грамматическими вариантами. Но отвечают ли эти варианты требованию «разновалентности»?

Требование «разновалентности», по нашему мнению, не предполагает чисто внешнего формального ограничения (форма в одно слово или в два слова) и не исключает сопоставления единиц, тождественных по значению, но представленных внешне по-раз-

---

[33] *Пешковский А. М.* Принципы и приемы стилистического анализа и оценки художественной прозы, с. 157; см. также: *Ковтунова И. И.* О порядке слов в русском языке (стилистические варианты словорасположения в языке художественной прозы).— РЯНШ, 1969, № 2.

[34] Филол. науки, 1959, № 1, с. 75.

ному — в двух- или однословной, в синтетической или аналитической форме.

Поскольку различие внешней грамматической формы у вариантов неизбежно, степень допускаемых различий обычно вызывает наибольшие споры и сомнения. И чтобы допущение о сопоставимости синтетической и аналитической формы не привело к подмене грамматического анализа логическим, важно каждую пару вариантов рассматривать особо, взвешивая все за и против в каждом отдельном случае и не исключая возможности пересмотра своих позиций в случае убедительных контраргументов.

Рассуждая о сопоставимости подобных форм, В. Н. Ярцева приводит примеры, когда сравнительный анализ помогает установить различия: «Спорным случаем является сопоставление в качестве грамматических синонимов синтетических форм и форм аналитических. Особенно часто поднимается этот вопрос в отношении падежей и сочетаний существительных с предлогами. М. Н. Петерсон безоговорочно выделяет как синонимы „прохожу лесом“ и „прохожу по лесу“; в грамматиках английского языка как эквивалентны приводятся: my father's house и the house of my father; I gave him a pencil I gave a pencil to Him. Сочетание с предлогом of нельзя считать в английском языке синонимичным существительному с флексией 's по соображениям двоякого порядка. Если предполагать, что *of* превратилось в „падежный префикс“, „аналитический формант“ (точка зрения, которая нам не кажется убедительной) и что предлог с существительным дает падежную форму, то столь же мало оснований находить здесь синонимию, как в несовпадающих по различным типам склонения флективных окончаниях родительного падежа русского языка. Если же придерживаться того мнения, что падеж это форма имени существительного, тогда флективная форма существительного английского языка на 's принадлежит к области морфологии, а конструкция с предлогом of... принадлежит к области синтаксиса» [35]. Аналогичны формы русского языка *книга сестры* и *сестрина книга*, *улица города* и *городские улицы*, *платье из ситца* и *ситцевое платье, дом из камня* и *каменный дом*: смысловое сходство членов этих пар весьма относительно. А. Н. Гвоздев дает следующую характеристику этим парам:

«Общим различием всех таких парных оборотов является то, что в сочетаниях с прилагательными имеется обозначение одного предмета, дополняемое указанием на его признак. Сочетание же двух существительных вызывает отчетливое представление двух предметов; так, выражение „улицы города“ вызывает представление о городе, чего нет в выражении „городские улицы“, или „жесть“ в выражении „ведро из жести“ выступает как самостоятельно существующий материал, из которого могут делаться разные предметы, тогда как выражение „жестяное ведро“ не вызы-

[35] *Ярцева В. Н.* О грамматических синонимах. с. 24—25.

вает представление о жести, а только указывает на один предмет (ведро) с его качествами»[36]. К этому следует добавить, что сочетания с прилагательными шире по значению и употребляются в более разнообразных контекстах, чем сочетания с существительными: именно прилагательные составляют базу всех переносных и метафорических и метонимических употреблений.

Требование структурной однородности не должно исключать сравнение равнозначных аналитических и синтетических способов выражения форм. В сознании говорящих эти формы сосуществуют и постоянно конкурируют. Аналитические конструкции идут на смену синтетическим и от того, что мы не будем их сопоставлять, процесс вытеснения не остановится.

Основной смысл критерия «разновалентности» состоит в том, что он отсекает все случаи логических взаимозамен. Например, можно сказать: *Уганда вышла победителем*; *Уганда вышла победительницей*; *Уганда победила*. Первые два сочетания содержат грамматические варианты, последнее должно быть исключено, так как нельзя создать подобную параллель в других случаях, ср. возможность только двух вариантов в примере *она стала учителем — она стала учительницей*. Но последняя конструкция (существительное + глагол в прош. времени) может составить вариант в таком ряду: *доктор выступила — доктор выступил* (когда речь идет о женщине).

Так, на основании критерия одноструктурности в словаре грамматических вариантов пришлось отказаться от сопоставления таких внешне синонимизирующих единиц как *Советский Союз*—СССР, *коммунистическая партия*—КПСС и под. (но пара *коммунистическая партия — компартия* включена).

По этим же причинам в словаре не рассматривались те логически сходные, но структурно-грамматически различные обороты, которые А. М. Пешковский[37] считал грамматическими синонимами: *пришел и сказал — придя, сказал*; *человек пришел к нам и заявил...— человек, пришедший к нам, заявил...*; *он решается и идет — он решается идти*; *я жалею о своей доброте — я жалею о том, что был добр*; *с рассветом мы выедем — как только рассветет, мы выедем*; *он не пришел по болезни — он не пришел, потому что был болен* и т. д.

Итак, грамматическими вариантами считаем функционально тождественные грамматические единицы, отличающиеся регулярным несовпадением грамматической формы. В отличие от других параллельных средств речи грамматические варианты должны отвечать следующим требованиям: 1) критерию грамматической системности, 2) регулярной взаимозаменяемости, 3) функциональной эквивалентности грамматического зна-

---

[36] *Гвоздев А. Н.* Очерки по стилистике русского языка. М., 1952, с. 97.

[37] *Пешковский А. М.* Принципы и приемы стилистического анализа и оценки художественной прозы, с. 155—156.

чения в пределах сравниваемых контекстов, 4) однородности сравниваемых грамматических структур.

Именно это понимание грамматических вариантов было положено в основу отбора и обработки материала словаря вариантов «Грамматическая правильность русской речи».

Классификация грамматических вариантов

§ 6. Как известно, единицы грамматического уровня составляют в тексте высокочастотную зону. Поэтому в спонтанной письменной речи грамматические варианты более доступны статистическому изучению, чем варианты лексические и тем более фразеологические или орфографические. Материалы частотно-стилистического словаря вариантов дали возможность не только оценить общий удельный вес вариантных средств в грамматике, но и установить классификацию вариантов по общности их грамматических и количественных характеристик.

В результате специального обследования выяснилось, что в газетном тексте в среднем на 1000 слов приходится от 50 до 60 вариантов[38]. Все три грамматических яруса — словоизменение, словообразование и синтаксис, характеризуются своим набором вариантных средств. В выборке из 100 тыс. вариантов было зарегистрировано 56 232 словоизменительных варианта; 31 821 форму составили синтаксические варианты и 11 947 — словообразовательные.

Одна из отличительных черт вариантов форм, характеризующих собственно грамматическую систему языка, заключается в их категориальной природе: различаются варианты падежных форм, форм числа, рода, степень сравнения, вида и т. д. Как показывает материал, грамматические категории и классы слов подвержены явлениям варьирования в неравной степени. Ниже помещена обобщающая таблица (см. табл. 6), в которой представлены три грамматические яруса (словоизменение, синтаксис словосочетаний и словообразование). В каждой из этих таблиц указаны все грамматические группы вариантов, зарегистрированные в выборке из 100 тыс. словоформ. Приведенные в таблицах количественные характеристики представляют собой абсолютные показатели. Из таблиц с очевидностью следует, во-первых, какие грамматические категории и классы форм подвержены варьированию в современном литературном языке. Во-вторых, в известной степени и в самых общих чертах обнаруживается сравнительная доля одних групп вариантов относительно других. Внутри основных грамматических классов вариантов данные размещены в таблицах в порядке убывания количественных характеристик.

---

[38] См. данные, приведенные в проспекте словаря: *Граудина Л. К., Ицкович В. А., Катлинская Л. П.* Грамматические варианты. Опыт частотного словаря. М., 1971, с. 52.

Конкретное содержание каждого из указанных грамматических классов вариантов в основном корпусе словаря раскрывается и подробно комментируется. Более подробная детализация сведений, обобщение и анализ материала относительно словоизменительных вариантов дается в гл. IV.

§ 7. На основе данных словаря установлена классификация вариантов по количественным признакам: 1) по частотным зонам; 2) по характеру количественных соотношений вариантов внутри каждого типа. Практический смысл предлагаемой классификации заключается в том, чтобы составить перечень грамматических вариантов, у которых нужно и можно дать количественную оценку нормы употребления. Эти сведения могут быть использованы при уточнении неустойчивой и неопределенной литературной нормы.

1. Под частотной зоной в данном случае понимается объединение типов вариантов в группы по признаку относительной близости частоты их употребления в выборке [39]. Разделены 4 зоны вариантов, по исходящей частоте употребления (в выборке из 100 тыс.):

а) к первой зоне отнесены типы вариантов, составляющие в выборке 1000 форм и выше. Варианты этой группы квалифицируются как «самые употребительные». Эта группа немногочисленна: ее составляют первые тридцать типов вариантов [40]. Некоторые примеры: формы превосходной степени прилагательных варианты типа *звончайший* (3337) — *самый звонкий* (2267) — *самый звончайший* (25), всего 5629, явление субстантивации прилагательных варианты типа *сборная СССР* (4360) — *сборная команда СССР* (747), всего 5107; склоняемость—несклоняемость аббревиатур варианты типа *сообщение ТАСС, работник МИД* (2575) — *сообщение ТАССа, работник МИДа* (387), всего 2962; согласования в словосочетаниях варианты типа *он был веселым* (2021) — *он был веселый* (262) — *он был весел* (630), всего 2913; *сто человек сидели* (1346) — *сто человек сидело* (1163), всего 2514; варианты типа *она вице-чемпионка* (1204) — *она вице-чемпион* (533), всего 1737 и т. д.;

б) ко второй зоне отнесены типы вариантов, зарегистрированные в выборке в пределах 100—999 форм. Типовые варианты этой группы квалифицируются как «достаточно употребительные». Примеры: вариантные формы мн. числа типа *сорта масел, табаков, сахаров* (687) — *сорта масла, табака, сахара* (227), всего 910; варианты словосочетаний типа *бороться против чего* (423) — *бороться*

---

[39] Понятие частотной зоны наполняется конкретным содержанием, если сравнить ряды лексики по частотным словарям, особенно тем из них, которые отражают разные стилистические сферы языка: *Jelinek J., Bečka J. U., Těšitelová M.* Frekvence slov. slovnich druhů a tvaru v Českém jazyce. Praha, 1961; *Jakubaite T., Kristovska D., Ozola V., Prūse R., Sika M.* Latviešu valodas biežuma vārdnīca. I—IV sēj. Rigā, 1966—1976.

[40] В приложении I (варианты 1-й частотной зоны) перечислены все эти варианты и приведены количественные данные.

Таблица 6. а) Словоизменительные варианты (56232)

Варианты форм имен существительных	27710 (общее количество)	Варианты форм прилагательных, местоимений, числительных	25192 (общее количество)	Варианты форм глаголов, причастий, деепричастий	3309 (общее количество)
Варианты форм склоняемых-несклоняемых		Вариантные формы прилагательных	22014	Вариантные формы залога	2010
а) географические и другие названия	5101	Вариантные формы местоимений	2170	Вариантные формы наклонения	371
б) нарицательные имена	3937	Вариантные формы числительных	1002	Вариантные формы времени	221
в) собственные имена	3692			Вариантные формы вида	181
Вариантные формы числа	9118			Вариантные формы деепричастий	502
Вариантные формы падежа	4971			Вариантные формы причастий	23
Вариантные формы рода	891				

б) Синтаксические варианты (31821)

Варианты согласования и примыкания	13898 (общее количество)	Варианты предложного управления	12136 (общее количество)	Варианты беспредложного управления	5883 (общее количество)
Варианты согласования в числе	5893	Варианты с предлогом *по*	5344	Варианты управления с род.-вин. падежом	5272
Варианты согласования в именном сказуемом и в отдельных способах определения	5724	» » *за*	1650	Варианты управления с тв. объекта-род. объекта	606
Варианты согласования в роде	2274	» » *для*	1143	Варианты с тв. сравнения-сравнительными оборотами	4
		Варианты отдельных сложных предлогов (*в области — в деле, посредством — путем, в виду — вследствие, насчет — по поводу — относительно, с помощью — при помощи* и т. д.)	1143		

Варианты согласования и примыкания	13898 (общее количество)	Варианты предложного управления	12136 (общее количество)	Варианты беспредложного управления	5883 (общее количество)
Варианты в достигательных оборотах	6	Варианты с предлогом *на*	892		
		» » *в*	851		
		Варианты предложного управления в отдельных именных и глагольных сочетаниях (*бороться против чего – бороться с чем* и др.	860		
		Варианты с предлогом *между*	153		

в) Словообразовательные варианты (11947)

Варианты словосложения	630 * (общее количество)	Варианты суффиксального словообразования	10621 (общее количество)	Варианты префиксально-суффиксального словообразования	710 (общее количество)
Варианты словосочетаний и сложносокращенных слов с аббревиатурной морфемой	589 *	Варианты суффиксального образования существительных	7798	Варианты префиксально-суффиксального образования прилагательных	420
Варианты словосочетаний и сложных слов с соединительной гласной	51 *	Варианты суффиксального образования прилагательных	1763	Варианты префиксально-суффиксального образования наречий	257
Варианты традиционного и нулевого соединения двухсложных слов	572	Варианты суффиксального образования глаголов	1073		33

* В этих парах количественное соотношение вариантов достаточно определенно выяснилось уже на первом этапе пробной обработки материала. Варианты оказались настолько частотные, что при включении их в программу обследования появились опасения, не займут ли эти варианты самую большую долю выборки, и тем самым наиболее редкие варианты могут не попасть в поле выборки. Это соображение заставило исключить указанные варианты из дальнейшего подсчета. Для названных случаев приводятся статистические данные, основанные не на полной выборке в 100 тыс. вариантов, а на предварительной выборке в 4 тыс. вариантов.

с чем (413), всего 836; варианты типа *высота в два метра* (231) — *высота два метра* (395), всего 626; варианты типа *ждать поезд* (404) — *ждать поезда* (130), всего 534; варианты предл. ед. типа *в цехе* (443) — *в цеху* (212), всего 655; варианты типа *ехать на поезде* (64) — *ехать в поезде* (8) — *ехать поездом* (51), всего 133 и т. д. Зарегистрировано 85 типов вариантов этой зоны;

в) к третьей зоне отнесены типы вариантов, зарегистрированные в выборке в пределах 10—99 форм. Типовые варианты этой группы квалифицируются как «употребительные». Примеры: варианты определения рода у аббревиатур типа *Ростовский СКА* (57) — *Ростовская СКА* (40), всего 97; словообразовательные варианты типа *ацетоновый* (35) — *ацетонный* (47), всего 82; варианты словосочетаний типа *приехать на село* (40) — *приехать в село* (20), всего 60; варианты типа *кофе остыл* (17) — *кофе остыло* (9), всего 26 и мн. др.

г) к последней зоне отнесены типы вариантов, зарегистрированные в выборке в пределах 1—9 форм. Типовые варианты этой группы квалифицируются как «редкие». В качестве примеров могут быть приведены варианты типа: *этот чудила* (7) — *эта чудила* (2), *слесарничать* — *слесарить* (3), *шестьюдесятью* (7) — *шестидесятью* (1), *выздоровею* (4) — *выздоровлю* (2), *дискутировать* (5) — *дискуссировать* (1), *полотенец* (5) — *полотенцев* (1) и т. д.

Материал показывает, что расположение вариантов по убыванию их частоты совпадает с распределением по усилению их социально-стилистической оценки. Самые редкие варианты на фоне их употребительных партнеров часто воспринимаются как стилистически окрашенные или непривычные, и на этом основании иногда интуитивно зачисляются в разряд отклонений от нейтральной нормы (ср. устаревающие варианты *в стах метрах*, *промокнул*, *выгресть* и т. д.).

По виду количественных соотношений между членами пар, относящихся к частотным зонам «а», «б», «в», за исключением редких типов вариантов, условно выделяются следующие разряды пар. (расчет ведется в процентах).

1) Пары, в которых соотношение вариантов колеблется в пределах 0—10/100—90. В этих случаях считается, что практически общеупотребительным является один из вариантов, второй употребляется редко. Так, варианты типа *критика в адрес кого-либо* (152) — *критика по адресу кого-либо* (10) по сумме вариантов (162) относятся ко второй частотной зоне, а по типу оппозиции к первому разряду: 93, 86/6, 14. В приведенных данных насчитывается 30 пар с подобным соотношением вариантов.

2) Второй разряд составляют пары, в которых соотношение колеблется в пределах 11—20/89—80. В этих случаях считаем, что преобладает один из вариантов, сравнительно редко употребляется второй. Так, варианты типа *управление производством* (187) — *управление производства* (31) по сумме относятся ко второй частотной зоне, по виду оппозиции ко второму разряду: 85, 78/14, 22.

Зарегистрированы 32 пары типовых вариантов с указанным соотношением конкурирующих форм.

3) Третий разряд составляют варианты со следующим стереотипом отношений: 21—40/79—60. В этом случае считаются употребительными оба варианта с преимуществом одного из них. Так, варианты типа в *цéхе—в цеху́*, входящие во вторую частотную зону, по типу соотношений относятся к третьему разряду: 67, 63/32, 37. Отмечено 57 подобных пар.

4) Последний разряд составляют варианты, которые квалифицируются как равновероятные в употреблении. Их стереотип: 41—50/59—50. К этому разряду относятся по нашим данным, например, следующие типы вариантов:

уполномоченный чего – уполномоченный по чему	56,11	43,89
решения об оплате труда – решения по оплате труда	56,80	43,20
бороться против чего – бороться с чем	50,60	49,40
купить молоко, прибавить скорость – купить молока, прибавить скорости	57,06	42,94
нельзя купить спичек – нельзя купить спички	57,81	42,19
не могут создать музей – не могут создать музея	56,65	43,35
две основных задачи – две основные задачи	52,21	47,79
сто человек сидели – сто человек сидело	59,53	46,47
отец с сыном пошел – отец с сыном пошли	50,0	50,0
собрать урожай хлеба – собрать урожаи хлеба	50,0	50,0
в городе Алапаевск – в городе Алапаевске	52,40	47,60
выставка в Осаке – выставка в Осака	53,33	46,67
у министра Икэды – у министра Икэда	50,92	49,08
продажа диван-кроватей, обратиться к капитан-инженеру – продажа диванов-кроватей, обратиться к капитану-инженеру	58,76	41,24
обусловливать – обуславливать	51,72	48,28
мерзнул, чахнул – мерз, чах	53,44	46,67
более (чем), позднее – больше (чем), позже	58,97	41,03
омич, горьковец – омчанин, горьковчанин	56,90	43,10
домарксовый – домарксовский	58,44	41,56
ацетонный – ацетоновый	57,32	42,68
двусторонний – двухсторонний	54,82	45,18
изготовлять – изготавливать	53,22	46,78
прочесть – прочитать	53,14	46,86

Понятие частотных зон родилось в статистической лексикографии. В применении к грамматическим вариантам выделение четырех частотных зон было обусловлено статистическим материалом словаря грамматических вариантов. В 1974 г. на Всесоюзном научно-техническом симпозиуме, состоявшемся в г. Махачкале, основные соображения по этому поводу автором данной книги были высказаны в докладе «Статистическая кодификация нормы» (см. «Лингвистическое обеспечение автоматизированных систем управления и информационно-поисковых систем». Махачкала, 1974,

с. 184—188). Важно подчеркнуть, что представления о частотных зонах не имеют прямого отношения к мысли о сильной и слабой зонах вариантности, высказанной в книге К. С. Горбачевича «Вариантность и языковая норма». Как считает К. С. Горбачевич, в зоны сильного варьирования «входят вариантные ряды, члены которых обладают относительно регулярной воспроизводимостью (на отдельном этапе развития языка) и нередко функциональным своеобразием» (указ. соч., с. 24). Употребительность грамматической формы, имеющей варианты, лишь опосредствованным образом влияет на самый характер их конкуренции. Так, многие варианты, находящиеся в первой (самой высокой) частотной зоне, отнюдь не входят в зону сильной вариантности: ср. варианты творительного ед. типа *весной—весною*, где, по сравнению с XIX в., вариантность резко ослабла. В то же время есть немало грамматических форм, входящих в предпоследнюю (третью) частотную зону, которые в современном литературном языке испытывают значительные колебания нормы, пока что не идущие на убыль. Такова склоняемость—несклоняемость первой части сложносоставных географических названий (типа из *Ленинска-Кузнецкого* — из *Ленинск-Кузнецкого*), вариантность формы рода у аббревиатур (типа *горфо закрыто — горфо закрыт*) и мн. др. К этому следует добавить, что сама идея сильной и слабой зон вариантности в своей основе верна и весьма плодотворна. Должны быть специально исследованы те существенные признаки, по которым разграничиваются эти контрастные зоны.

§ 8. Не раз высказывалось мнение о том, что в языке заложена система вероятностей поведения языковых единиц, обусловленная историей этих единиц. В характере количественных соотношений между членами пар отражаются разные фазы вариантности. Как известно, состояние вариантности, когда языковые единицы лишаются значимых различий и приобретают черты функционально тождественных единиц (т. е. различаются не по значению, а по употреблению), бывает временным. Причем отрезок времени, в течение которого сосуществуют конкурирующие формы вплоть до специализации вариантов по значению или выпадения из грамматической системы одного из них, различается по длине даже внутри одного и того же типа вариантов. Так, у аббревиатуры НЭП форма рода сменилась с женской на мужскую в течение одного только года (1921—1922) [41], тогда как у аббревиатуры ЖЭК варианты рода сосуществуют уже около 30 лет (со времени организации жилищно-эксплуатационных контор в 50-х годах) и до сих пор норма окончательно не стабилизировалась. У электротехнических единиц измерения типа *ватт*, *вольт*, *ампер* и другие нулевая форма род. мн. вытеснила конкурентную традиционную (на *-ов*) за 30 лет (с 1870 по 1900-е гг.), а бытовые единицы измерения *грамм*, *килограмм*

[41] См. об этом: *Алексеев Д. И.* Склонение буквенных аббревиатур.— В кн.: Вопросы теории и методики изучения русского языка. Куйбышев, 1961.

в род. мн. имеют две вариантные формы в течение полувека. Стремительность или, напротив, замедленность изменений, в результате которых устраняется один из вариантов, определяется в первую очередь экстралингвистическими факторами. Однако независимо от длительности сосуществования вариантов закономерности их развития в некотором отношении имманентны и универсальны. Стилистические оппозиции подчиняются общим тенденциям и характеризуются одинаковыми чертами. На первой ступени, когда происходит нейтрализация грамматических различий, новая форма, только-только пробивающая себе дорогу, помимо качественных особенностей, заключающихся в соответствии грамматической модели, существующей тенденции и т. д., имеет и количественные приметы. Неоформа малочастотна в употреблении и обычно не выходит в начале за пределы узких жанровых или профессиональных сфер речи. Так, у славянских фамилий на *-а* (типа *Нередка*, *Сметана*, *Головня*) наряду с традиционной склоняемой формой под влиянием грузинских, японских, литовских, финских и других иноязычных, часто несклоняемых фамилий на *-а* появились неизменяемые варианты, прежде всего в плохо отредактированных специальных изданиях. Соотношение этих вариантов по данным словаря следующее: варианты типа *у Нередки* — 90,91%, *у Нередка* — 9,09%. Очевидно, что в этом случае дальнейшие подсчеты не нужны, и без того вырисовывается достаточно четкая картина. Традиционная норма склонения славянских фамилий должна быть укреплена, несклоняемые варианты могут квалифицироваться как единичные отклонения от литературной нормы.

Качественно иную ступень составляет фаза интенсивной конкуренции форм, когда варианты равновероятны в употреблении или оба используются в письменной речи лишь с небольшим преимуществом одного из вариантов, при этом оба варианта не вызывают ни у говорящих, ни у пишущих негативной стилистической экспрессии. На третьей ступени окончательное вытеснение традиционного варианта конкурентными формами сопровождается не только качественными сдвигами в соотношении форм, но и усилением контраста в степени употребительности вариантов. Так, весьма красноречиво соотношение вариантов в конструкциях типа *директор пришла* — 95,43% и *директор пришел* — 4,57%. Речь идет о согласовании сказуемого, выраженного глагольной формой прош. вр., и подлежащего, выраженного существительным муж. р. в применении к лицам женского пола. В настоящее время сочетания с «самостоятельным женским родом глагола» (по терминологии А. М. Пешковского) и в устной, и в письменной речи стали правилом. Аналогичные в формах деепричастий *возникнув* — 94,6% и *возникши* — 5,4%. Очевидно, что деепричастные формы на *-ши*, еще в первом двадцатилетии XX в. весьма широко употреблявшиеся в письменной речи, сейчас находятся на периферии грамматической системы. То же самое произошло и с формой твор. пад. у существительных ж. р.: варианты типа *рекою* вытеснены редуци-

рованными формами [42]. Все подобные типы вариантов по характеру количественных показателей попадают в I или II разряд приведенной классификации. Дальнейшие подсчеты в этих случаях не прибавят ничего принципиально нового к непреложному факту уже установившейся новой нормы. Если количественные соотношения вариантов разряда I и II свидетельствуют о явном неравноправии одного из членов пары, будь то традиционная форма или новация, то из соотношения вариантов в разрядах III и IV предпочтительность одного из них не столь очевидна. Именно эти пары в первую очередь нуждаются в дальнейшем статистическом обследовании.

Статистические оценки нормы употребления

§ 9. Те количественные характеристики, которые получены в результате обследования грамматических вариантов в газете 60—70-х годов, отнюдь не рассматриваются нами как абсолютные выразители статистической нормы. Полученные соотношения — это лишь первые ориентиры на пути всестороннего изучения узуального существования параллельных форм. Количественная оценка нормы вообще не может быть выражена единственным числом. Для удовлетворительного описания статистической нормы необходимо установить по крайней мере два ряда величин:

1. Основными показателями центральной тенденции являются средние величины. Именно средние величины представляют основу, с помощью которой можно обнаружить фактическую стабильную норму употребления вариантов и отклонения от нее.

Характер распределения грамматических вариантов в речи неизвестен, поэтому желательно установить группу средних показателей: арифметическая средняя ($\bar{X}$), мода ($\check{X}$) как наиболее типичная частота употребления варианта и медиана (Me) — центральная по размерам величина, устанавливающая водораздел между высшей и низшей частотами. При симметричном распределении, в чем нет уверенности, все три показателя — средняя ($\bar{X}$), мода ($\check{X}$) и медиана (Me) должны совпасть [43].

2. Взаимосвязь между средней нормой употребления вариантов и индивидуальными частотами проявляется в размахе колебаний. В качестве показателя вариации обычно используется квадратическое отклонение, с помощью которого может быть охарактеризована степень сосредоточенности отдельных значений около их цент-

---

[42] Подробнее см. об этом: *Катлинская Л. П.* Варианты флексий творительного падежа имен женского рода в современном русском литературном языке. Автореф. канд. дис. М., 1969.

[43] Получение всех средних статистических показателей требует большой и трудоемкой предварительной работы. Чаще всего исследователи на практике удовлетворяются лишь средней арифметической, см. об этом: *Ермоленко Г. В.* Об использовании выборочной средней в лингвистических исследованиях.— Русское языкознание, 1968, № 1.

ра. Оценка статистической нормы, как сказано, не может исчерпываться единственным числом, но она не должна ограничиваться и единственной системой показателей. Даже в том случае, если мы в своем стремлении свести к минимуму элементы интуитивного исследования установим систему средних величин с их вариационными показателями только для одного какого-либо жанра речи (скажем, для языка газеты, стиль информации), нам не удастся показать употребление вариантов в самых типичных его чертах. «Любой из показателей, взятый изолированно, может дать лишь одно измерение набора данных. Изолированное его применение подобно подглядыванию через замочную скважину: часть комнаты, которую можно увидеть, не даст полного представления о всей комнате» [44].

Различие в формах существования литературного языка предопределяет специфику жанрово-стилистических типов речи, которые, при прочих качественных отличительных признаках, роднятся еще и количественным соотношением синонимических средств. Газета, деловая и научно-техническая речь, устный бытовой диалог дадут разную картину употребления вариантов. Количественная оценка на шкале нормы должна быть подвижной, по словам С. И. Ожегова, «резиновой», меняясь в зависимости от условий употребления определяемых единиц. Для новых условий следует вычислять и новые средние. Поэтому статистическая норма тем полнее отражает реальную действительность, чем точнее изучены системы средних с их вариационными показателями применительно к разным выборочным совокупностям, будь то функциональные стили письменного языка или образцы социально-профессиональной устной речи.

§ 10. В качестве иллюстрации могут быть приведены данные, подробно освещенные в статье «Норма употребления топонимов с финалями *-ов/о/*, *-ев/о/*, *-ёв/о/*, *-ин/о/*, *-ын/о/*» [45]. Помимо статистических показателей нормы употребления этих вариантов в письменной речи, в статье приведены и данные, полученные в результате обработки «Вопросника по современной русской морфологии». Данные по указанным вариантам сгруппированы в двух сводных таблицах, где информанты распределяются по трем возрастным и семи социально профессиональным группам. Первичные данные и объяснения к ним приведены в статье. Здесь уместно показать лишь сводную таблицу вычисленных средних показателей и краткие выводы из нее (см. табл. 7).

Данные этой таблицы дают возможность сделать следующие выводы:

1. В каждом из рядов мода и медиана меньше средней, а медиана находится между $\bar{X}$ и $\check{X}$. По величине все три средних показателя не совпадают (распределение не симметрично), но отстоят

---

[44] *Рейхман Дж.* Применение статистики. М., 1969, с. 63.

[45] См.: Ономастика и норма. М., 1976.

Таблица 7. Сводная таблица средних показателей несклоняемых вариантов по данным вопросника в разных возрастных и социальных группировках (топонимы типа *Шувалово, Ананьево, Тасино*)

Параметры / Группы информантов	$\bar{X}$ арифм. средняя	$\tilde{X}$ мода	Me медиана	σ (квадрат. отклон.)
1870–1909 гг.	0,34	0,2	0,271	0,111
1930–1939 гг.	0,574	0,4	0,5	0,189
1940–1949 гг.	0,622	0,4	0,549	0,212
Служащие с в/о – филологи	0,335	–	0,332	0,126
Служащие с в/о – нефилологи	0,512	0,4	0,455	0,136
Служащие без в/о	0,567	0,4	0,494	0,183
Рабочие	0,648	0,4	0,589	0,133
Студенты-филологи	0,6	–	0,524	0,232
Студенты-нефилологи	0,654	0,4	0,639	0,119

довольно близко друг от друга (умеренно скошенное распределение), причем сам порядок величин прямой,— такой порядок величин, как известно, свидетельствует об отрицательной асимметрии, т. е. левая ветвь длиннее правой.

2. Основная масса частот лежит по левую сторону от медианы. И хоть в большинстве рядов (кроме 1- и 4-го) по значению арифметической средней ($\bar{X}$) варианты оказываются в употреблении примерно равноправными, все же в целом замечается уклон в сторону ниже половинного употребления несклоняемых форм, т. е. по существу предпочтительного употребления склоняемых вариантов. Причем типичная (модальная) частота употребления вариантов в разных прослойках общества оказывается достаточно устойчивой: 0,4, т. е. примерно 40% информантов, оказывают предпочтение несклоняемым формам, а около 60% ответивших эти названия склоняют.

3. Две общественные группировки — самая старшая возрастная группа информантов 60–70-летнего возраста и профессионально-образовательная группа филологов — по частоте употребления вариантов резко отличаются от всех прочих. В своем подавляющем большинстве представители этих групп являются основными носителями кодифицированной литературной нормы и употребляют преимущественно склоняемые формы. Однако и в группе филологов-студентов 40-х годов, которые сейчас уже пополнили ряды работающей интеллигенции, процент употребления несклоняемых вариантов оказывается гораздо выше, чем у филологов более старшего поколения. Норма у филологов молодого поколения расшатана — об этом свидетельствует довольно высокий показатель размаха колебаний вокруг средней.

4. Относительно величины среднего квадратического отклонения (σ). Она достаточно высокая и по разным рядам неодинаковая: в группах хранителей литературной нормы совокупность более однородна, частоты ложатся ближе к средней. В других группах, условно называемых «молодежью», частота употребления несклоняемых форм заметно повышается, но и размах колебаний, свидетельствующий о степени однородности частот, заметно возрастает. Тенденция к росту неизменяемых форм, таким образом, сопровождается ростом неустойчивости в их употреблении.

Динамика нормы (статистический метод абсолютного датирования изменений, исчисление темпов изменений; проблема прогнозирования)

§ 11. В работах по культуре речи стал общим местом тезис о том, что норма должна рассматриваться в аспекте синхронно-диахронического изучения языка[46]. Здесь подходила бы формула Шухардта: «Движение действительно, покой воспринимаем». С этой точки зрения должна быть уточнена формулировка о консерватизме языкового идеала. Для нормативных исследований наиболее перспективной представляется идея динамической нормы, которая изложена достаточно подробно в работе Л. И. Скворцова «Норма. Литературный язык. Культура речи»[47]. Известно, что теория представляет собой результат обобщения практических наблюдений и дает адекватное действительности описание и объяснение существенных закономерностей и тенденций развития языка. Под изменением в норме в дальнейшем понимается введение в пределы литературной нормы всякого нового элемента для общеупотребительного использования в литературном языке. С помощью статистического анализа могут ставиться и решаться, в частности, такие задачи: а) проблема абсолютного датирования изменений, б) исчисление темпов изменений, в) проблема прогнозирования.

§ 12. Статистический метод абсолютного датирования. Проблема изучения хронологизации языкового развития имеет давние и прочные традиции. В трудах младограмматиков, в истории оте-

---

[46] См. об этом: *Ахманова О. С., Бельчиков Ю. А., Веселитский В. В.* К вопросу о «правильной» речи.— ВЯ, 1960, № 2.— По поводу этой статьи в критическом письме в редакцию (*Скребнев Ю. М.* К вопросу об «ортологии».— ВЯ, 1964, № 1) автор писал, что «констатация норм вообще осуществима лишь в ретроспективном плане, в плане создания работ, отражающих вчерашний день языка». С этим положением трудно согласиться. Хорошая констатация норм, как кажется, отражает не столько вчерашний, сколько сегодняшний и завтрашний день языка. См. об этом: *В. Г. Костомаров.* О ретроспективности учения о культуре речи.— ИАНОЛЯ, 1966, 2; см. также: *Sommerfelt A.* Diachronic and synehronic aspects of language. s'Gravenhage, 1962.

[47] Сб.: Актуальные проблемы культуры речи. М., 1970.

чественного языкознания установлены и типы языковых изменений в грамматике, и приемы установления относительной хронологии языковых явлений[48]. Среди разнообразных приемов лингвистической хронологии используется и статистика. В работах по сравнительно-историческому языкознанию лексико-статистический метод хронологизации изменений применяется для определения абсолютного времени дифференцированного развития доисторических языков внутри праязыковых единств. Этот метод до сих пор широко дискутируется на страницах научных журналов[49]. Сам по себе факт использования статистики в целях достижения более высокой точности при установлении даты языковых изменений сомнений не вызывает. В настоящей работе развивается тезис о приеме определения абсолютного времени сдвигов в грамматической системе литературного языка в рамках относительно краткой диахронии в пределах пятидесяти — ста лет[50].

В новейшей истории литературного языка, когда письменные источники доступны самому доскональному статистическому изучению, имеется возможность точно датировать не только век, но и десятилетия и даже годы, в течение которых происходили наиболее интенсивные перемены в истории конкретных грамматических форм и категорий. Статистический метод датирования предполагает построение некоторой статистической модели употребления вариантов. Модель строится с применением следующих рабочих приемов хронологизации.

1. Каждый из временных отрезков, в течение которых наблюдается употребление обследуемых форм, в данном случае речь идет о грамматических вариантах, должен быть относительно коротким — берется интервал времени в 10—20 лет.

---

[48] *Березин Ф. М.* Некоторые проблемы общего языкознания (относительная хронология и морфологические процессы) в лингвистическом наследии В. А. Богородицкого (Из истории отечественного языкознания). Автореф. канд. дис. М., 1961.

[49] См.: *Сводеш М.* К вопросу о повышенной точности в лексико-статистическом датировании.— В кн.: Новое в лингвистике, вып. I. М., 1960; *Он же.* Лексикостатистическое датирование доисторических этнических контактов.— Там же; *Климов Г. А.* О лексико-статистической теории М. Сводеша.— В кн.: Вопросы теории языка в зарубежной лингвистике. М., 1961; Общее языкознание. Методы лингвистических исследований. М., 1972, с. 84—88; *Čeika M., Lamprecht A.* Yak stare jsow slovanské jazyky.— Vědá a život, 1963, N 2.

[50] Заметим, что предлагаемый метод весьма существенно отличается от глоттохронологического. М. Сводеш сравнивает между собой группы языков (преимущественно доисторических), тогда как в данной работе предполагается сравнение языковых единиц внутри одного литературного языка. Второе наиболее важное различие заключается в определении интервала времени. Для М. Сводеша самый короткий период времени — 300 лет, продолжительный — 2000 лет. В данной работе предлагается подсчет методом малых промежутков времени (низший предел — 10 лет, высший — 100 лет).

2. Система выделенных для изучения временных отрезков располагается последовательно, с тем, чтобы в конечном итоге дать линейную картину изменений во времени.

3. При построении модели самым сложным оказывается определение пограничных синхронных срезов, начинающих и заключающих подсчеты. Важно избрать пограничные временные интервалы с хронологическим «шагом» не менее чем в 30 лет, в течение которых происходили сдвиги. Это означает необходимость длительной подготовительной работы, связанной с наблюдением за употреблением вариантов, прежде всего с качественной стороны, в том круге источников, которые подвергаются обследованию. Одно из существенных требований, предъявляемых к данным, заключается в следующем. Подсчеты должны строиться на совокупности, достаточно однородной и устойчивой, чтобы давать динамическую сопоставимость рядов по годам. Важно проявить наиболее острые моменты в истории конкуренции вариантов. Если модель построена удачно и временные отрезки для наблюдения избраны правильно, из статистических таблиц, выборочно иллюстрирующих употребление вариантов в речи, со всей очевидностью обнаружатся хронологические рубежи, разграничивающие наиболее значительные смещения в их употреблении. В подтверждение сказанного в качестве иллюстрации могут быть приведены три хронологические таблицы, характеризующие употребление падежных вариантов. В табл. 8 показано употребление вариантов в род. ед. (типа *сахара — сахару*), в табл. 9 употребление вариантов в род. мн. у единиц измерения (типа *ваттов—ватт*) (см. приложение). Из табл. 8 следует, что время наиболее интенсивных сдвигов в род. ед. в письменной речи приходится

Таблица 8. Хронологическая таблица вариантных форм в род. ед. у существительных на твердый согласный (типа *сахара — сахару*)

Номер выборки	1900—1918 гг.			Конец 20-х—начало 30-х годов			Конец 30-х годов			50—60-е годы		
	-а/-у		*-а/-у*		*-а*	*-а*		*-а*	*-у*		*-а*	*-у*
1	12/88	11	32/68	1	36	64	1	98	2	1	95	5
2	11/89	12	17/83	2	46	54	2	94	6	2	86	14
3	10/90	13	3/97	3	52	48	3	81	19	3	66	34
4	11/89	14	10/90	4	37	63	4	80	20	4	87	13
5	19/81	15	5/95	5	45	55	5	46	54	5	89	11
6	8/92	16	17/83	6	52	48	6	47	53	6	61	39
7	10/90	17	15/85	7	61	39	7	65	35	7	56	44
8	6/94	18	0/100	8	65	35	8	83	17	8	61	39
9	9/91	19	8/92	9	56	44	9	55	45	9	59	41
10	4/96	20	10/90	10	57	43	10	75	25	10	75	25
$\bar{X}$	10,9/89,1			50,7/49,3			71,4/28,6			73,5/26,5		

Таблица 9. Хронологическая таблица вариантных форм в род. мн. у единиц измерения (типа *вольтов – вольт*)

Номер выборки	1881—1890 гг.		1891—1900 гг.		1901—1910 гг.	
	Год	Число отмеченных форм, слева — на *-ов*, справа — нулевые	Год	Число отмеченных форм, слева — на *-ов*, справа — нулевые	Год	Число отмеченных форм, слева — на *-ов*, справа — нулевые
1	1881/1882	94/6	1891	43/57	1901	5/95
2	1883	99/1	1892	42/58	1902	2/98
3	1884	100/0	1893	41/59	1903	10/90
4	1885	99/1	1894	84/16	1904	48/52
5	1886	99/1	1895	53/47	1905	11/89
6	1886/1887	97/3	1896	24/76	1906	3/97
7	1887/1888	97/3	1897	32/68	1907	8/92
8	1888	91/9	1898	28/72	1908	1/99
9	1889	89/11	1899	4/96	1909	0/100
10	1890	100/0	1900	2/98	1910	1/99
$\bar{X}$		96,5/35		35,3/64,7		8,9/91,1

на послереволюционные годы. Уже к концу 20-х годов заметен резкий спад форм на *-у*. В течение 30-х годов происходило дальнейшее развитие и стабилизация новой нормы. К нашему времени столь резких скачков в употреблении форм больше не наблюдалось. Сейчас, как показывают материалы словаря, по характеру соотношений в письменной деловой и нейтральной речи (не в драмах и художественной прозе!) эти варианты находятся в III разряде 1 частотной зоны: из 1018 форм зарегистрировано 74,85% вариантов на *-а* и 25,15% вариантов на *-у*. Частота вариантов на *-у* по этим данным $P_у$=0,251 очень близка к средней частоте тех же форм в стилистически нейтральной деловой речи 50—60-х годов (см. в таблице последнюю графу). Нормативная характеристика этих вариантов в современной письменной речи сомнений не вызывает. Флексия *-а* стойко держится лишь в уменьшительных формах типа *чайку*, *лучку*, *кофейку* и фразеологических сочетаниях: *с пылу — с жару*; *ни слуху*, *ни духу*; *без просыпу*, *сживать со свету* и под. Точно так же хронологические рубежи определяются из табл. 9. Пик изменений в норме употребления вариантов приходился на одно десятилетие — 90-е годы XIX, в дальнейшем новая норма лишь упрочивалась. Подробно указанные явления комментируются в предшествующих статьях на эту тему (см. сб.: Развитие грамматики и лексики современного русского языка. М., 1964; Морфология и синтаксис современного русского языка. М., 1964; Морфология и синтаксис современного русского языка, М., 1968).

Таблица 10. Хронологическая таблица вариантных форм конструкции географический термин + топоним в косвенных падежах (типа *в городе Гранаде – в городе Гранада*)

Номер выборки	1901—1913 гг.		1930—1960 гг. **		1966—1975 гг.	
	Год	Число отмеченных форм *	Год	Число отмеченных форм *	Год	Число отмеченных форм *
1	1901	70/30	1930	75/25	1966	27/73
2	1902	83/17	1931	72/28	1967	21/79
3	1903	75/25	1932	68/32	1968	20/80
4	1904	70/30	1938	67/33	1969	25/75
5	1905	69/31	1941	70/30	1970	28/72
6	1906	68/32	1948	66/34	1971	26/74
7	1907	78/22	1954	50/50	1972	17/83
8	1908–1909	71/29	1958	48/52	1973	20/80
9	1910–1911	72/28	1959	44/56	1974	24/76
10	1912–1913	85/15	1960	33/67	1975	15/85
$\bar{X}$		74,1/25,9		59,3/40,7		22,3/77,7

* Слева — склоняемые формы, справа — несклоняемые.

** В средней графе заметны хронологические разрывы, особенно в ряду 40-х — начале 50-х годов. Это не случайно. Во время войны и послевоенные годы туристские справочники и журналы, послужившие источником сквозной выборки, не издавались. Поэтому сплошной выборки в эти десятилетия быть не могло.

Табл. 10 наглядно показывает переломные сдвиги в норме склонения топонимов (в сочетаниях с географическим термином): пик изменений приходится на 50-е годы, и в настоящее время процесс еще не завершился.

§ 13. Исчисление темпов изменений. Проблема изучения скорости изменений в литературной норме составляет одну из важнейших сторон теории языковой политики.

Здесь затрагивается вопрос, касающийся определения константы скорости. В статье Г. В. Ермоленко «Языковые изменения, измеряемые средним коэффициентом роста (убывания)»[51] предлагается использовать формулу среднего коэффициента роста (убывания), который может быть вычислен как средняя геометрическая величина нескольких данных по формуле

$$\overline{K} = \sqrt[n-1]{\frac{y_n}{y_1}}.$$[52]

Если известно, что частота употребления какой-либо языковой единицы в обследованных хронологических отрезках характе-

[51] Русское и зарубежное языкознание, вып. 3, Алма-Ата, 1970, с. 138—143.

[52] Аналогичная формула среднего коэффициента роста приводится в книге А. М. Айрапетова «Таблицы исчисления среднегодовых темпов роста, прироста и снижения». 3-е изд. М., 1971, с. 4—5.

ризуется числами $y_1, y_2, \ldots, y_n$, то отношение $\frac{y_2}{y_1}, \frac{y_3}{y_2}, \frac{y_n}{y_n - 1}$ Г. В. Ермоленко называет коэффициентами роста. В приведенной формуле y_n это абсолютный уровень конечного периода, а y_1 — абсолютный уровень базисного периода, n — число выделенных временных интервалов. Так, по данным табл. 9, характеризующей количественные изменения в употреблении вариантов форм в род. мн. у единиц измерения, Г. В. Ермоленко высчитал коэффициент ($\overline{K}$) нулевых форм:

$$\overline{K} = \sqrt{\frac{91{,}1}{3{,}5}} = 5{,}08.$$

$\overline{K}$=5,1 — определенное значение коэффициента роста за каждое десятилетие. Каждые 10 лет частота нулевых форм возрастала в среднем в 5 раз. Проведенное нами аналогичное измерение темпов роста у форм род. ед. типа *сахара — сахару* (см. итоговые данные табл. 8) приводит к иным показателям:

$$\overline{K} = \sqrt{\frac{49{,}8}{23{,}1}} = \sqrt{2{,}16} = 1{,}47.$$

Употребительность форм на *-а* через каждые тридцать лет с конца XIX в. по 60-е годы XX вв. возрастала в среднем в полтора раза (1,47). Действительно, проверка показывает неплохое согласование с данными таблицы:

$23{,}1 \times 1{,}47 = 33{,}95; \quad 33{,}95 \times 1{,}47 = 49{,}9.$

Коэффициент роста в двух приведенных примерах заметно различается. По словам Мальмберга, «эволюция языка обусловлена только внешними факторами и несовершенством системы». Резкие социальные смещения в составе носителей языка, начиная со времен войны 1914 г., в годы революции и гражданской войны явились важнейшим стимулом тех подспудно зреющих изменений, которые были подготовлены всем развитием грамматической системы в литературном языке XIX в.[53]

Однако отмеченное различие в характере изменений двух разных падежных форм не может быть объяснено только лишь факторами социолого-демографического порядка. Интенсивные перемены в форме род. мн. у единиц измерения, в течение 30 лет изменившие падежную форму, произошли еще в дореволюционное время, на рубеже XIX и XX вв. Как показывает вычисленный коэффициент роста, скорость изменения проходила на максимальном уровне. В то же время эволюция вариантов в род. ед., приходящаяся на шестидесятилетие в пред- и послереволюционное время (когда, казалось бы, можно было ждать максимальную скорость изменения), протекала в форме более плавных

[53] См.: *Филин Ф. П.* К проблеме социальной обусловленности языка.— ВЯ, 1966, № 4.

и втрое более замедленных сдвигов, чем в род. мн. Очевидно, воздействие разговорной практики в профессиональной среде физиков при отсутствии сдерживающих нормативных тормозов ускоряло рост новой формы, тогда как формы род. ед. (на *-а*) шли из книжной письменной речи, а разговорная практика (где пока еще в большинстве своем держится форма на *-у*) препятствовала, да и сейчас еще препятствует книжной форме, чем и объясняется сравнительная постепенность и замедленность сдвигов в род. ед. Предложенная методика исчисления скорости изменений в дальнейшем будет использована при исследовании других типов вариантов. Заметим, что динамика может быть выражена и с помощью других количественных показателей (см. с. 28).

§ 14. Проблема прогнозирования. О необходимости предвидения языковых изменений писали Е. Поливанов[54], С. И. Ожегов, К. С. Горбачевич, В. П. Григорьев, В. Г. Костомаров и многие другие ученые. Между тем попытка заглянуть в ближайшее будущее языка иногда расценивается как гаданье на кофейной гуще, а само «прогнозирование» зачисляется в разряд прожектерских занятий, далеких от насущных практических задач. Сомнения не лишены оснований. В области социального прогнозирования (скажем, в предсказаниях победы той или иной политической группировки на выборах) проверка результатов сделанных расчетов происходит в кратчайшее время. Прогнозы могут быть легко прокорректированы ближайшей историей событий. В языкознании проблема прогнозирования зиждется на иных качественных основаниях и совокупность всех сопутствующих такому исследованию условий пока что детально не изучена. В смежных областях, например в социологии, экономической статистике, разработаны специальные приемы прогнозирования — метод аналогии, метод экстраполяции, метод экспертных оценок, метод моделирования. Избрание специальной методики диктуется конкретными исследованиями и теми непосредственными задачами, которые решаются в каждом отдельном случае.

Не претендуя на полноту освещения этой многосторонней и сложной темы, в работе будут предложены некоторые приемы определения ближайшего будущего литературной нормы.

§ 15. Определение вероятностных оценок в области прогноза требует некоторого единообразного употребления словесных выражений. В этом отношении интересен опыт унификации терми-

---

[54] См. актуальное для наших дней высказывание Е. Поливанова: «Нам пора, однако, вернуться к основному вопросу насчет исторического языкознания (или компаративной лингвистики),— к вопросу, в какой мере может эта дисциплина представлять ценность для нас, ставящих в число первых задач не изучение, а обследование настоящего состояния языков и возможный прогноз языкового будущего, т. е. то именно, что служит материалом для активных мероприятий языковой политики!» *Поливанов Е.* «Историческое языкознание и языковая политика».— В кн.: За марксистское языкознание. М., 1931, с. 2.

Таблица 11

Словесные выражения, характеризующие степень вероятности	Числовые значения вероятности, выраженные в долях единицы	Числовые значения вероятности, выраженные в шансах (общее количество — 100 шансов)	
		за	против
Практически невероятно	0,05	5	95
Маловероятно	0,25	25	75
Возможно	0,4	40	60
Достаточно вероятно	0,5	50	50
Весьма вероятно	0,6	60	40
Очень вероятно	0,75	75	25
Практически неизбежно	0,95	95	5

нологии в современных работах по комплексному прогнозированию в области экономической статистики. В результате опроса группы экспертов выработана некоторая шкала измерения вероятностей, соответствующая словесным оценкам прогнозируемых событий. Ниже приводится шкала оценок и соответствующих им обычных числовых значений вероятностей в долях единицы, и равносильных ему измерений вероятностей в шансах.

§ 16. Будущий уровень ряда динамики может быть определен при помощи приема перспективной экстраполяции. Известно, что экстраполяция может дать в отдельных случаях удовлетворительные результаты, если расчет ведется на ближайший интервал времени. Если же экстраполировать данные на более отдаленные хронологические срезы, результаты могут существенно отклониться от действительности. В качестве иллюстрации в статье используются данные по двум типам вариантов (род. мн. и род. ед.), для которых уже составлены ряды динамики и вычислен коэффициент роста (первичные данные приведены в таблицах в приложении).

Для табл. 12 (род. мн.) последующий интервал времени — десятилетие с 1911 по 1920 г. Существенна одна оговорка. Все расчеты ведутся в предположении, что те закономерности и случайности, которые действовали в предшествующее десятилетие, сохраняются и в последующее. Чтобы выяснить тип динамического ряда, выразим характер динамики не только в форме коэффициента роста, но узнаем и скорость движения в форме абсолютного прироста вариантов в средних частотах, и темп роста, характеризующий относительную скорость движения. Абсолютный прирост исчисляется как разность уровней, темп роста как отношение прироста к предшествующему уровню. Ниже приводятся результаты расчета.

Как видим из табл. 12, уровень ряда непрерывно возрастает, но характер роста и его интенсивность по десятилетиям различа-

Таблица 12. Динамика роста нулевой формы в род. мн. в научно-технических текстах

Интервал времени	Средняя частота (уровень ряда)	Прирост	Средний коэффициент роста	Темп роста
1881–1890 гг.	0,350	–	–	–
1891–1900 гг.	0,647	0,612	–	$\frac{0,612}{0,350} = 17,5$
1901–1910 гг.	0,911	0,264	5,8	$\frac{0,264}{0,647} = 0,4$
1911–1920 гг.	≈1 *	≈0,113 *		

* Звездочкой в табл. 12, 13 обозначена экстраполированная величина.

ются. Абсолютный прирост форм в средних частотах понижается. Экстраполяция в этом случае производится на основе закона падающих абсолютных приростов. Направление тенденции предопределено, если предположить, что сохраняется действие всех влияющих на употребление факторов. С темпом роста 0,4 абсолютный прирост за интересующее нас десятилетие составил бы 0,113. Если бы мы руководствовались только этими статистическими выкладками, мы могли бы сказать, что нулевая форма у единиц измерения именно в последний отрезок времени вытеснит конкурентную форму на *-ов*. Эта иллюстрация может представить интерес в том отношении, что статистические данные мы можем прокорректировать исторической действительностью. Как известно, в технической терминологии у единиц измерения физических величин (если иметь в виду именно те единицы, которые приведены в статье) сейчас повсеместно утвердилась нулевая форма. Приведенные данные делают реальным предположение о том, что новая и ныне действующая литературная норма сложилась уже к 20-м годам. Отсюда может быть сделан важный практический вывод: для относительно новых единиц измерения (типа *бит, рентген, микрон*) во избежание разнобоя в род. мн. следует рекомендовать только нулевую форму.

Приведем для сравнения второй пример. В табл. 13 (род. ед.) ряд динамики будет иным. По данным этой таблицы, уровень ряда хотя и возрастает, но интенсивность по десятилетиям заметно снижается. Повышение частоты употребления форм на *-а* в 50—60-е годы весьма незначительно по сравнению с концом 30-х годов. Прирост средней частоты падает. С темпом роста 0,03, как показывает расчет, прирост за последнее двадцатилетие должен был бы составить очень незначительную величину. На основании этих данных можно полагать, что хотя в деловой письменной речи бесспорно преобладание форм на *-а*, полного вытеснения конкурентных форм на *-у* в 60—70-е годы не произойдет, если, конечно, корректорам издательств не будет дана настоя-

Таблица 13. Динамика роста формы *-а* в род. ед. в деловой речи

Интервал времени	Средняя частота (уровень ряда)	Прирост	Средний коэффициент роста	Темп роста
1900–1918 гг.	0,109	–	–	–
Конец 20-х – начало 30-х годов	0,507	0,398	1,47	$\frac{0,398}{0,109} = 3,65$
Конец 30-х годов	0,714	0,207		$\frac{0,207}{0,507} \approx 0,4$
50–60-е годы	0,735	0,021		$\frac{0,021}{0,714} = 0,03$
60–70-е годы	≈0,737 *	≈0,002 *		

тельная рекомендация употреблять только формы на *-а*. Приводимые данные находятся в согласии с теми результатами, которые были получены автором по материалам морфологического вопросника [55]. Например, предполагаемая частота формы *чая* в ближайшем поколении по графическому изображению тенденции будет колебаться в пределах 0,6–0,8. Однако в устной речи количественные оценки форм род. ед. существенно отличаются от письменной нормы употребления: подсчеты по записям устной речи показывают, что оба варианта равновероятны. Характер рекомендации относительно вариантов в род. ед. должен соответствовать результатам исследования. В письменной речи бесспорное предпочтение следует отдать формам на *-а*, но запрет конкурентной формы был бы преждевременным, тем более что в устной речи фактической нормой является употребление обоих вариантов, равноправное в количественном отношении, но с разным стилистическим обертоном [56].

В работе приведены примеры экстраполяции только для узких стилистических сфер речи. Прием перспективной экстраполяции в форме ли табличного расчета или в форме графического продления временного ряда может быть использован и в более широких масштабах. Достоинство этого приема заключается не столько в строгом определении прогнозируемой частоты — педантическая точность исследователю не нужна,— сколько в общей исторической ценности перспективного обзора тенденции. Этот прием может рассматриваться как одно из средств установления особых объективных примет динамики литературной нормы.

---

[55] *Граудина Л. К.* Опыт количественной оценки нормы (форма род. ед. *чая — чаю*).— В кн.: Вопросы культуры речи, вып. VII. М., с. 87–88.

[56] Русский язык и советское общество. Морфология и синтаксис современного русского литературного языка. М., 1968, с. 189–200; см. также: *Чичерин А. В.* Заметки о стилистической роли грамматических форм.— В кн.: Слово и образ. М., 1964.

Полученные результаты интересны в том отношении, что в истории разных типов вариантов обнаруживаются общие закономерности. Так, у вариантов типа *в Рощине—в Рощино* и у вариантов типа *сахара—сахару* характер динамики нормы оказался одинаковым. Для сравнения приведем табл. 14.

Таблица 14. Динамика роста несклоняемой формы в косвенных падежных формах

Интервал времени	Средняя частота ряда (уровень ряда)	Прирост	Средний коэффициент роста	Темп роста
1899–1913 гг.	0,11			
30-е годы	0,38	0,47	2,52	$\frac{0,47}{0,11} = 4,27$
1966–1972 гг.	0,70	0,32		$\frac{0,32}{0,38} = 0,84$

В обоих случаях исходное время исследования — начало XX в. (точнее, первое десятилетие XX в.). В качестве источника были взяты профессионально-деловые тексты одного и того же жанра: для вариантов форм географических наименований журналы «Русский турист» 1899—1913 гг. издания, «Турист-активист», издававшийся в 30-е годы и «Турист», который издается с 1966 г. по настоящее время; для вариантов форм род. ед. были взяты кулинарно-рецептурные справочники на протяжении тех же 70 лет. В начале века традиционный вариант в обоих типах был преобладающим, почти единственным: в 90 случаях из 100 употреблялся склоняемый вариант у географических наименований на *-ино*, *-ово* и вариант на *-у* в форме род. ед. За 70 лет, т. е. к настоящему времени, конкурирующие варианты в своем количественном соотношении практически поменялись местами: нетрадиционный вариант вытеснил традиционный и частота его в обоих типах форм одинакова и составляет 0,7, т. е. в 70 случаях из ста в указанных стилистических сферах (профессионально-деловой речи) мы встречаем формы, которые когда-то считались ненормативными. Исключение само стало правилом и тем самым перестало его подтверждать. Данные показали, что средний коэффициент роста оказался у обоих типов вариантов ближе, чем у вариантов род. ед. и род. мн. Направление тенденции предопределено, если предположить, что сохраняется действие всех влияющих на употребление факторов. По сделанным расчетам, частота вариантов несклоняемых топонимов типа *в Рощино* в профессиональных стилистических сферах будет колебаться в ближайшем времени — в 70-е годы в пределах 0,7—0,8.

Опираясь на исследования такого рода, можно с достаточной степенью уверенности констатировать существующую норму употребления и предлагать обоснованные рекомендации.

Глава четвертая

ЛИТЕРАТУРНАЯ НОРМА И ВАРИАНТНОСТЬ В ГРАММАТИКЕ
(словоизменение)

УДЕЛЬНЫЙ ВЕС ВАРИАНТОВ В ГРАММАТИКЕ. ФАКТОРЫ, ОПРЕДЕЛЯЮЩИЕ СИЛУ И МЕРУ ВАРИАНТНОСТИ

§ 1. Открытость, несбалансированность языковой системы создает условия для появления вариантных форм. Коренные проблемы вариантности, главная тема, ядро исследования, вокруг которых кристаллизуется решение других и более частных вопросов, не могут быть освещены достаточно глубоко, если не будет сделано полного и конкретного описания всех языковых вариантов — орфоэпических, грамматических, лексических, фразеологических. «Панорамное» обозрение категории вариантности, соблюдение перспективы в соотношении целого и частей требуют определения веса каждого из этих типов вариантов в том языковом ярусе, к которому они принадлежат.

В рамках одной работы может быть поставлена одна из упомянутых задач в применении к определенному типу грамматических вариантов. Характер употребительности грамматических вариантов в спонтанной речи изучен далеко не в полной мере, однако некоторые конкретные данные получены. Так, в газетном тексте в среднем на 1000 слов приходится от 50 до 60 вариантов[1].

Все три грамматических яруса — словообразование, словоизменение, синтаксис — характеризуются своим набором вариантных средств, каждый из которых заслуживает отдельного изучения. Фактическое описание всех основных типов вариантов приведено в словаре «Грамматическая правильность русской речи. Опыт частотно-стилистического словаря вариантов» (М., 1976, авторы: Л. К. Граудина, В. А. Ицкович, Л. П. Катлинская; редакторы: С. Г. Бархударов, И. Ф. Протченко, Л. И. Скворцов). По словам Соссюра, «обилие накопленных деталей само по себе ценности не имеет: ценен только синтез». Атомарная регистрация вариантов должна быть дополнена проблемным осмыслением собранного материала.

---

[1] См.: *Граудина Л. К., Ицкович В. А., Катлинская Л. П.* Грамматические варианты. Опыт частотного словаря. М., 1971, с. 52. Детальное статистическое обследование лексики в языке газет см.: *Поляков Г. П., Солганик Г. Я.* Частотный словарь языка газеты. М., 1971.

Выборка из 100 тыс. грамматических вариантов, составившая обследованную стилистическую совокупность словаря, в газетном тексте содержала 56 232 словоизменительных варианта. Синтаксические и словообразовательные варианты поделили между собой оставшуюся меньшую часть: 31 821 форму составили синтаксические варианты и 11 947 — словообразовательные. По этим данным эмпирическая частота вариантных словоизменительных форм, на первый взгляд, достаточно высока: $p^* \approx 0{,}562$, т. е. в каждой сотне колеблющихся словоформ именно словоизменительные варианты составляют ее большую часть. В спонтанной речи частота этих вариантов снижена, при пересчёте на словоформы она составляет $p^* \approx 0{,}562 \times 0{,}057 \approx 0{,}032$.

Грамматическая система ограничена в своих отклонениях в том смысле, что ей не свойственны беспредельные вариации. Отклонения допускаются лишь до некоторого порога — сообщение должно быть понято собеседником или читателем. Устойчивость грамматической системы зависит от многих факторов, в частности от степени воздействия и взаимодействия ее динамических элементов. Определение непосредственных «обратных» влияний (динамических элементов на устойчивые) и меры возможных последствий этих влияний составляет одну из сторон освещения затронутой проблемы. Одна из отличительных черт словоизменительных вариантов, возникающих непосредственно в недрах грамматической системы языка, заключается в их категориальной природе: различаются варианты падежных форм, форм числа, рода, степеней сравнения, вида и т. д. Поскольку каждый лексико-грамматический разряд слов обладает особыми, только ему свойственными грамматическими категориями, представления о предельности и весе вариантов в грамматике удобнее дать в наглядной, обозримой форме по отдельным частям речи. Как показывает собранный материал, грамматические категории и классы слов подвержены явлениям варьирования в неравной степени. Очень резко различаются по употреблению вариантов имя и глагол. Антитеза имени и глагола решается здесь в пользу имени: существительные и прилагательные охвачены широким поясом вариантных форм, глагол же относительно стабилен. Самой высокой частотой употребления вариантов характеризуется прежде всего имя существительное: в выборке отмечено 27 710 вариантных форм, на втором месте стоит прилагательное (22 020 форм). Глагольные варианты употребляются почти в десять раз реже: в выборке из 100 тыс. зарегистрировано лишь 3 156 форм. На последнем месте по весу вариантов находятся малые части речи — местоимение и числительное (см. табл. 15).

За числовыми соотношениями в таблице скрываются самые разнообразные качества вариантов, их пестрые грамматические и лексико-семантические черты. Кажется целесообразным поэтому раскрыть и детализировать приведенную схему по частям

Таблица 15. Употребления вариантов по частям речи

Части речи	Число вариантных форм	То же в % *	Части речи	Число вариантных форм	То же в % *
Существительное	27 710	49,4	Местоимение	2 187	3,9
			Числительное	1 002	1,7
Прилагательное	22 020	39,2			
Глагол	3 156	5,8			

* При вычислении процентных соотношений за 100 принималась совокупность всех словоизменительных вариантов (56232).

речи, снабдив ее комментариями, отвечающими теме и задаче работы, и подчеркнуть ведущие особенности в норме употребления вариантов основных грамматических категорий. Собранные количественные данные позволили проследить некоторые общие закономерности в употреблении вариантов.

СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ

§ 2. Имя существительное в самой крайней степени обнаруживает результаты влияния действующих факторов, которые определяют сдвиги современной литературной нормы.

Все зарегистрированные варианты форм существительных (27 710) упорядочены по грамматическим категориям и грамматическим типам вариантов. В приложении приводится таблица этих вариантов. Данные в таблице расположены по степени употребительности вариантов — от самых частых к более редким. Этот принцип расположения материала, хотя и определялся результатами исследования только одной выборки (других работ пока нет), тем не менее может быть предпочтен, так как существенно ограничивает момент субъективной оценки материала. С этой точки зрения небезынтересным может быть опыт составления таблицы вариантов (еще до получения статистических характеристик), которая была нужна для машинной обработки будущих материалов частотного словаря. Порядок расположения вариантов в этой предварительной таблице был традиционным. Как и в академической грамматике, варианты размещались по грамматическим категориям в следующем порядке: род, число, падеж. Несклоняемость в разряде имен существительных, как известно, в грамматике рассматривается лишь в одном из параграфов. Поэтому варианты склоняемых и несклоняемых форм существительных были занесены в последнюю рубрику таблицы, которая вначале казалась самой незначительной. По мере обра-

ботки материала именно последняя рубрика разрослась, а первая (варианты форм рода) осталась весьма скромной по размерам. В итоге проведенного обследования порядок расположения вариантов изменился коренным образом. На первое место вышли варианты склоняемых и несклоняемых форм существительных, на второе — варианты форм числа, на третье — падежные варианты. Варианты форм рода оказались самыми редкими (см. табл. I Приложения).

Аналитизм: наиболее интенсивные области вариаций. Факторы, определяющие силу и меру вариантности

§ 3. В трудах, посвященных проблеме грамматического аналитизма, исследователи прибегают к характеристике неоднородных явлений. В общем языкознании термин «аналитические языки» обычно прилагается к тем индоевропейским языкам, которые утратили падежную систему. В основе традиционного языковедческого термина «аналитизм» лежит понятие раздельности в форме выражения двух основных значений — лексического и грамматического[2]. Обычно аналитически развитыми называют языки, которые совсем не имеют падежной системы. Русский язык с этой точки зрения относится к группе флективно сверхразвитых языков[3]. Если не отказываться от общепринятого определения аналитизма, то в применении к русскому языку речь может идти лишь об отдельных аналитических элементах, в известной степени проявляющихся в грамматической системе русского языка[4]. Основанием для зачисления некоторых явлений в разряд аналитических служит тот факт, что в языке развиваются и расширяются в микроструктурах грамматической системы способы обособления форм, предназначенных для выражения грамматического значения порознь от лексического. Из всех форм аналитических элементов, имеющихся в современной русской грамматике (пласты предложно-падежных конструкций; рост удельного веса лексически пустых слов, служащих целям передачи собственно грамматического значения; усиление нулевого способа соединения сложных слов), в словоизменении

[2] *Рождественский Ю. В.* Типология слова. М., 1969, с. 190.

[3] *Цывин А. М.* Именной аналитизм в славянских языках (на материале русского и болгарского литературных языков). Автореф. канд. дис. М., 1970, с. 3.

[4] См. работы: *Олонцева И. В.* К вопросу о развитии аналитизма в именном склонении современного русского языка.— В кн.: Слово и предложение. Тезисы к научной лингвистической конференции. Тамбов, 1971; *Леков И.* Отклонения от флективного строя в славянских языках.— ВЯ, 1956, № 2; *Чалъков М.* Към въпроса за наличието на аглутинативни елементи в славенските езици.— Изв. на Ин-та за бълг. език. София, 1964, № 11; Аналитические конструкции в языках различных типов. М.— Л., 1965; *Реформатский А. А.* Агглютинация и фузия как две тенденции грамматического строения слова.— В кн.: Морфологическая типология и проблема классификации языков. М.— Л., 1965.

с нормативной точки зрения обращает внимание одна черта. В классе имен существительных заметна тенденция к утрате некоторых форм склоняемости. В научных исследованиях эта тенденция замечена и освещена [5]. Однако с нормативной точки зрения оценка этих явлений пока что не проводилась. Беспристрастный и трезвый обзор фактов позволит избежать «перехлестов» в оценке материала. Настало время очертить конкретные границы, в пределах которых проявление аналитических элементов принимается литературной нормой.

Неустойчивостью в способе согласования форм падежа и числа — синтетическом и аналитическом — охвачены лишь специфические разряды существительных, которые в общей массе существительных всего словарного фонда языка составляют относительно малую и обособленную долю. Уместно напомнить, что из списка в 34 тыс. нарицательных существительных около 1800 (т. е. в 20 раз меньше) представляют собой заимствованные неизменяемые существительные [6]. Эти 1800 существительных лишь в самой незначительной степени подвержены колебаниям грамматической формы, причем случаи отклонений от установившейся литературной нормы находятся за пределами нейтральных стилей литературного языка (ср. просторечные варианты *по́льта, в метре, у мадамы, из депа́* и под.). Не впадая в преувеличение общего веса данных аналитических форм существительных, нельзя, однако, не заметить, что именно варианты склоняемых — несклоняемых форм занимают почти половинную долю всех зарегистрированных вариантных форм существительных. Обнаруживается сильное воздействие следующих факторов, поддерживающих появление и функционирование отмеченных вариантов:

1) неполная кодификация. По глубине и широте влияния на первом месте должен быть поставлен фактор культурно-лингвистического характера — кодифицированность или некодифицированность отдельных лексических и грамматических групп существительных. Достаточно привести такой пример. И в школьных грамматиках, и в Академической грамматике внимание уделяется в первую очередь склоняемости нарицательных имен. Имена собственные, будь то топонимы или антропонимы, кодифицируются с меньшей тщательностью и еще меньшей обстоятельностью. В тех случаях, когда даются четкие формулировки правил о склоняемости определенных групп собственных имен (ср. фамилии на *-ко* и *-енко*, на *-ых* (*-их*), иноязычные женские имена, оканчи-

---

[5] Обстоятельная характеристика этих явлений содержится в грамматическом томе монографии «Русский язык и советское общество». М., 1968.

[6] Данные приведены по кн.: *Колесников Н. П.* Словарь несклоняемых слов. Тбилиси, 1978.— Сведения о несклоняемых словах см. также: *Мучник И. П.* Грамматические категории глагола и имени в современном русском литературном языке. М., 1971; *Ефремова Л. П.* Заимствованные существительные в системе склонения русского языка.— Уч. зап. Казахского ун-та, т. 33, вып. 2. Алма-Ата, 1958.

вающиеся на согласный; см. «Грамматику русского языка», т. I, М., 1953, с. 181—182, гл. «Несклоняемые имена существительные»), наблюдается небольшое число вариантов, отклоняющихся от принятой нормы. В тех же случаях, когда правила сформулированы нечетко или вообще не сформулированы, колебания резко возрастают. Так, в нормативных грамматиках, в том числе и в академической, отсутствуют правила относительно употребления топонимов. В Академической грамматике 1953 г. введен лишь один параграф о несклоняемых названиях: рекомендуется не склонять «иноязычные географические названия, оканчивающиеся на гласные (кроме неударяемого *а*), напр. *Алма-Ата, Йошкар-Ола* (несмотря на предписание, именно эти названия в современном употреблении широко и устойчиво склоняются.— *Л. Г.*); *Баку, Перу* (теперь утвердился вариант с наконечным ударением *Перу́*.— *Л. Г.*), *Сухуми, Тбилиси, Чили; Бордо, Осло, Токио, Кале*». В новой академической грамматике («Грамматика современного русского литературного языка», М., 1970) снято и это правило. В § 905 помещено замечание: «В современном языке обнаруживают тенденцию пополнить группу слов нулевого склонения слова-топонимы с финалями *-ов(о)*, *-ёв(о)* и *-ин(о)*, *-ын(о)*, например: *Иваново, Бирюлево, Князево, Болдино, Люблино, Голицыно* и др.» (см. с. 377). Между тем географические наименования в газетной речи достаточно употребительны. Как ясно из табл. I, наибольшие колебания испытывают иноязычные географические названия на *-а* (*Сунагава, Ниидзима, Осака, Санта-Клара, Санта-Марта* и под.) [7]. Неустойчива норма в группе сложносоставных названий: *в Камень-Каширском* и *в Камне-Каширском, из Белгород-Днестровского — из Белгорода-Днестровского, к городу Камень-на-Оби — к городу Камню-на-Оби* и т. д. В группе собственных имен не кодифицированы восточные имена (арабские, вьетнамские, корейские). Колеблются в употреблении японские фамилии на *-а* (*Икэда, Танака, Иосида*). Даже славянские фамилии на *-а* вызывают сомнения, в особенности если они совпадают с нарицательными существительными (в частности, приходится отвечать и на такие вопросы: как склонять фамилию *Дубина*, если он — мужчина?).

Среди нарицательных имен нуждаются в укреплении норм употребления аббревиатуры — самый продуктивный и употребительный пласт наименований, так же как и группа сложносоставных существительных;

2) влияние синтаксического фактора. По сравнению с грамматическими нормами в литературном языке XIX в. к нашему времени заметно увеличилось число позиционных вариантов, т. е.

---

[7] См.: *Калакуцкая Л. П.* О склонении имен собственных (морфологический тип на *-а* неударное).— В кн.: Актуальные проблемы культуры речи. М., 1970; *Суперанская А. В.* Склонение собственных имен в современном русском языке.— В кн.: Орфография собственных имен. М., 1965.

таких форм, которые варьируют лишь в пределах определенного синтаксического контекста. Должен быть отмечен в первую очередь рост аналитических конструкций с примыкающим определителем. Именно эти конструкции составляют основной массив несклоняемых аналитических форм, в котором в настоящее время происходят наиболее существенные сдвиги с точки зрения литературной нормы. В синтаксическом аспекте эти конструкции достаточно широко освещены в книге Н. Ю. Шведовой «Активные процессы в современном русском синтаксисе»[8]. Из широкого круга явлений, вовлеченного в процесс развития аналитических связей, в нормативных оценках нуждаются следующие группы форм, относящиеся к сфере словоизменения:

а) по данным словаря, обширную и продуктивную группу конструкций с примыкающим определителем составляют собственные неличные названия в функции приложения (*в газете «Правда», от станции «Луна-20»— в газете «Правде», от станции «Луны-20»*). К нашему времени сложилась достаточно устойчивая норма. Собственное наименование склоняется, если оно не употреблено в функции приложения: *фотоконкурс «Правды», корреспондент «Труда», спортмены «Енисея», на страницах «Советской России», космонавты на борту «Салюта-4»*, тогда как в функции приложения собственные неличные наименования не склоняются: *фотоконкурс газеты «Правда», спортсмены команды «Енисей», с завода «Свободный труд», в объединении «Сигма», у сорта «Рубин», с фотообъединением «Орбита»* и т. д.

Это правило действует и в тех случаях, когда в качестве приложения выступает видовое название, которое иногда пишется без кавычек: *у тропических цветов виктория-регия, вкус сортов «колбасы зернистые»* и т. д. Из 1463 отмеченных примеров почти в 96% употреблены несклоняемые формы, и лишь в 4% отмечены склоняемые варианты. Направление кодификации в данном случае в целом серьезных сомнений не вызывает;

б) следующую и самую обширную группу конструкций составляют географические названия, употребляемые в сочетании с географическим термином или детерминативом, т. е. нарицательными словами, обозначающими родовое название административной единицы: республика, штат, остров, город, поселок, село, деревня, станция, река, гора, вершина, ледник и т. д. В этой группе сочетаний современная норма колеблется в зависимости от разных причин. В то же время достаточно четко сформулированных правил не имеется. Актуальность исследований и оценок нормативного характера в этой области доказывать не приходится: употребление топонимов в газетах и журналах резко возросло по сравнению с началом XX в.;

---

[8] *Шведова Н. Ю.* Активные процессы в современном русском синтаксисе. М., 1966, с. 95—122 (гл. «Развитие новых рядов вследствие продуктивности аналитических связей»).

в) особую группу составляют формы словосочетаний, слившихся в одно сложносоставное наименование (*диван-кровать*, *тонна-километр*, *ракета-носитель* и мн. др.). По сравнению с названными выше типами приложений, компоненты сложносоставных наименований вступают в семантически более равноправные отношения, чем и определяются особенности их грамматического употребления. Сложносоставные названия относятся к чрезвычайно продуктивным лексическим пластам, широким потоком вливаясь в литературный язык из профессиональных сфер речи. Колебания нормы у этой группы неологизмов значительны и не могут быть устранены с помощью введения какого-либо единого правила;

3) действие фонетико-морфологических факторов. Степень вариантности находится в прямой зависимости от того, с каким окончанием употребляется существительное в исходной форме.

По способности к склоняемости резко различаются существительные, оканчивающиеся на гласный и согласный.

Выступая в качестве яркой морфологической приметы разных типов склонения существительных, само окончание разделяет все существительные на группы с разным потенциальным запасом несклоняемых форм.

В литературном языке уже не подвергаются колебаниям заимствования на *-о*, *-е*, *-у*, *-и* (аналогичные существительным среднего рода): географические названия типа *Палермо, Сорренто, Осло, Токио, Кале, Баку, Перу, Чили, Сухуми, Хельсинки*. Даже восточнославянские наименования типа *Молодечно*, *Дубно*, *Ровно*, *Гродно*, *Вильно*, *Ковно*, которые в украинском и белорусском языках и по сей день регулярно склоняются, в русском языке входят в ряды неизменяемых имен[9]. Однако в разговорной речи случаи склонения не исключены: *невеста Мехики*, *приехал из Гродны*. Чаще, чем прежде, можно встретить случаи несклоняемости топонимов с финалями *-ово*, *-ево*, *-ёво*, *-ино*, *-ыно*. В функции приложения неизменяемая форма у них уже окончательно утвердилась.

То же самое явление наблюдается и в группе собственных имен. Не колеблются в употреблении фамилии типа *Дурново, Берлаго, Шанько*. В устной речи еще встречаются случаи склонения фамилий на *-енко* (*у Василенки, к Даниленке*), но в письменной речи процент склоняемых форм очень незначителен.

Устойчива форма несклоняемости у аббревиатур, оканчивающихся на гласный: РОНО, РОЭ, ТЭА, АСТА, КМА, АТТУ и мн. др. В наибольшей степени норма расшатана у топонимов и антропо-

---

[9] В начале XX века нередки были случаи склоняемости этих названий. Так, в журнале «Русский турист» за 1902—1903 гг. встречаются только склоняемые формы женского рода — *из г. Ковны, в Ковне, от Вильны*, так же как названия кавказских городов употреблялись только в склоняемой форме с исходной формой муж. р.: *Батум, Боржом, Сухум, Кутаис*.

нимов, склоняющихся по типу существительных женского рода на *-а*. Все большее число географических названий и собственных имен обнаруживают тенденцию к неизменяемости. Так, не склоняются многосложные географические названия, заимствованные из испанского и итальянского языка (*Сантьяго-де-Куба, Пола-де-Лена, Вила-Нова-ди-Гая, Пальма-де-Мальорка*), не склоняются французские по происхождению топонимы с наконечным ударением (*Гра, Спа, Ле-Дора́*). Колеблются в употреблении японские, финские, эстонские, грузинские названия (*Джгерда, Анухва, Ниидзыма, Камакура* и т. д.).

Окончание *-ы* является ярким показателем формы множественного числа. Этим объясняется тот факт, что топонимы на *-ы*, как правило, склоняются в отличие от названий на *-и* (ср. *Фивы, Татры, Канны, Чебоксары* и *Чили, Тбилиси, Нагасаки, Сухуми*). Первые склоняются, вторые — нет.

В многочисленной группе существительных, оканчивающихся на согласный, процент неизменяемых форм очень незначителен. В основном эта группа пополняется за счет аббревиатур, образующихся в профессиональной речи и лишь в небольшой своей части выходящих за пределы узкого профессионального употребления (МЕН, ЦЕРН, ГЦОЛИФК, МОСХ, МАПРЯЛ и т. д.). Среди географических наименований лишь немногие сравнительно новые иноязычные топонимы не склоняются. Таковы названия *Пуэрто-Кабесас, Пуэрто-Монт, Вилар-де-Лан, Холи-Лох, Плайя-Хирон* и некоторые другие. Пока число этих названий еще очень незначительно;

4) заметно воздействие психологического фактора — освоенности или неосвоенности наименований. Все новые заимствованные или вновь образованные наименования втягиваются в систему склоняемости менее активно, чем давние заимствования. Так, малоизвестные наименования типа *Сиргала, Иотуса, Ялкала, Исла-Негра* обнаруживают тенденцию к неизменяемости, тогда как заимствованные топонимы аналогичного морфологического типа, называющие города и населенные пункты на территории СССР, широко склоняются: *из Алма-Аты, под Йошкар-Олой, в Махачкале, к Елгаве, из Клайпеды в Ниду* и т. д.

Яркой иллюстрацией может служить судьба аббревиатуры *БАМ* (Байкало-Амурская магистраль). Появившаяся на страницах газет в 1974 г., она первое время употреблялась в двойственной форме, склоняемой и несклоняемой, чаще в несклоняемой: Сибирские ученые ... сейчас подготовили обширный комплексный материал, обобщающий проблемы хозяйственного освоения БАМ (Труд, 28 февр. 1975 г.). Несклоняемую форму поддерживают все аббревиатуры, оканчивающиеся на твердый согласный с ведущим, стержневым словом женского рода, которые употребляются в неизменяемой форме (ПОРП, ОАР, ВОЗ, НОТ, ООП, ВАСХНИЛ, ТЭЦ, ГЭС, ГРЭС, АЭС и мн. др.). Вместе с тем широкая употребительность этой аббревиатуры и склоняемость в устной речи, по радио

и телевидению способствовали упрочению склоняемости варианта. Центральные газеты (Правда, Известия) в начале 1975 г. употребляли эту аббревиатуру только в склоняемой форме. В течение одного года у аббревиатуры БАМ, таким образом, утвердился род и тип склонения, не отвечающий установленным правилам [10].

Влияние упомянутых выше факторов носит глобальный, всеобъемлющий характер, хотя мера проявления каждого из них, как показывает материал, не может считаться одинаковой. В дальнейшем освещении отдельных сторон нормы употребления у разных разрядов слов «схема факторов» детализирована и наполнена конкретным содержанием. Из широкого круга явлений в работе излагается лишь наиболее актуальный в нормативном аспекте материал, охватывающий самый многочисленный и некодифицированный пласт вариантов. К этому кругу явлений относятся следующие темы: норма склонения топонимов; роль аббревиатур в современном склонении; неустойчивость нормы в склонении сложносоставных наименований.

§ 4. Норма склонения топонимов (в сочетаниях с географическим термином). Топонимы в сочетаниях с географическим термином (*в городе Вита, у села Миронушка, к островам Кермадек*) по своим грамматическим особенностям относятся к группе аналитических конструкций с примыкающим определителем. Именно эти конструкции составляют самый массивный пласт форм, в котором в настоящее время происходят наиболее существенные сдвиги в нормативном аспекте.

В конструкции географический термин + топоним заметна специализация значений. Усиливается тенденция к разделению функций внутри словосочетания. За именем собственным закрепляется только лексическая функция наименования, тогда как осуществление грамматической функции (связи топонима с другими словами в предложении) производится с помощью флективных форм географического термина. В результате углубляется обособленность и фразеологизация всего словосочетания в предложении: модель окостеневает и собственное имя теряет грамматическую самостоятельность, становясь несклоняемой частью более спаянного, устойчивого словосочетания, где грамматическую нагрузку несет лишь детерминатив.

В целом практика грамматического оформления топонимов в функции приложения в системе русского склонения еще недостаточно четко определилась. Современная норма употребления и склоняемости географических названий и неустойчива, и неоднородна: она не может быть сведена к единственному, на все случаи пригодному правилу.

Очень резко проявляется воздействие уже отмеченного выше психологического фактора, связанного с разным восприятием, с одной стороны, привычных русских или освоенных наименова-

[10] *Миськевич Г. И.* БАМ.— РР, 1975, № 6.

ний и, с другой стороны, сравнительно новых иноязычных топонимов, в особенности если они по внешней форме чужды грамматической системе русского языка. Контраст может быть продемонстрирован на примере сравнения статистических показателей частотно-стилистического словаря грамматических вариантов [11]. Варианты входят в самую высокую частотную зону. Из 100 тыс. вариантов в 981 случае был зарегистрирован топоним русского, славянского (украинского, белорусского, польского, чешского) происхождения, употребленный в словосочетании в функции приложения, помещенный на втором месте после родового слова. Из них отмечено 514 склоняемых форм типа *в городе Серпухове*, *в селе Шушенском* и 467 несклоняемых типа *южнее озера Лубень*, *у станции Чистенькая* (что в процентном соотношении составляет соответственно 52,4%/47,6%). Зафиксировано, таким образом, незначительное предпочтительное употребление склоняемых форм, хотя и процент несклоняемых достаточно высок.

Совершенно иные соотношения в группе иноязычных названий, употребленных в той же позиции (типа *из города Плейис*, *в порту Эгвекинот*, *в местечке Глапакоян*, *до ручья Алматы-Алагир* и под.). Из тех же 100 тыс. вариантов было отмечено 1716 подобных сочетаний с иноязычными географическими названиями. В несклоняемой форме употреблено подавляющее большинство топонимов — 1413 вариантов, а в склоняемой — всего 303 (что составляет соответственно 82,34% / 17,66%). Вероятностная природа нормы употребления в обоих случаях проявляется по-разному: склоняемые варианты совсем немногочисленны среди иноязычных топонимов и предпочтительны, хотя близки к равновероятным, среди русских и освоенных названий.

За обобщенным контуром абстрактных количественных показателей скрывается пестрое соотношение форм. При дальнейшем подступе к материалу прорисовывается и более явственный, рельефно выраженный фон употребления, и отдельные штрихи, детали, частные оттенки, мотивирующие в каждом отдельном случае тот, а не иной выбор варианта [12].

Синхронное описание нормы употребления и ретроспективный обзор ее истории по методу создания статистической модели употребления дали возможность прийти к определенным и конкретным обобщениям. В письменных деловых текстах профессиональной сферы речи за последнее десятилетие (1966—1975 гг.) была осуществлена выборка, содержавшая 4059 форм, из которых несклоняемые варианты составили подавляющее большинство —

---

[11] *Граудина Л. К., Ицкович В. А., Катлинская Л. П.* Грамматическая правильность русской речи. Опыт частотно-стилистического словаря вариантов. М., 1976, с. 140 и др.

[12] Подробно весь материал и с качественной, и с количественной стороны исследован в специальной статье «Современная норма склонения топонимов (в сочетаниях с географическим термином)», которая готовится к печати.

3181 форму, тогда как на склоняемые формы пришлось лишь 878 вариантов. В процентном выражении это соотношение таково: 78,37% несклоняемых и 21,37% склоняемых вариантов. Можно говорить о явном предпочтении несклоняемых форм в профессиональной речи, но нельзя еще констатировать полный отказ от склоняемых вариантов. В среднем из ста форм около 20 вариантов употребляются в склоняемой конструкции. Интересно, что в начале XX в. количественное соотношение вариантов было противоположным. Резко преобладали склоняемые варианты: в среднем они предпочитались в 70—80 случаях из 100. Несклоняемые варианты в это же время занимали сравнительно скромную долю (до 20—30%), хотя уже не были единичными. Становление новой нормы происходило наиболее интенсивно не в первые послереволюционные десятилетия, а в 50-е годы, когда в письменной деловой и газетной речи особенно усилилось употребление иноязычных географических наименований. Активная фаза вариантности продолжается и в наши дни. Поэтому проблема кодификации этих форм не лишена известных трудностей.

Две самые легкие и удобные формулировки правил относительно употребления топонимов-приложений — традиционное правило о необходимости безоговорочного падежного согласования всех топонимов или новое предложение, которое разрешило бы не склонять их,— оказываются совершенно непригодными. «Все склонять» — эта формула не соответствует действующей языковой тенденции и не проходит для многих групп топонимов. В течение нескольких десятилетий мы не склоняем иноязычные топонимы в сочетании с терминами *штат*, *провинция*, *кишлак*, *аул*, многие иноязычные, да и русские названия малых населенных пунктов, станций, островов; сложилась и стойко держится норма несклоняемости для ряда топонимов в сочетании с термином *республика* и т. д. «Все не склонять» — эта формула опасна еще большим отступлением от народной традиции и может вызвать резкий протест и возражения многих литературно говорящих и пишущих лиц разных профессиональных слоев общества.

Наиболее целесообразным представляется уже апробированный путь создания разветвленных, детально разработанных правил [13], предусматривающих, с одной стороны, три разные стилистические сферы использования топонимов — строго литературное (письменное), устно-разговорное и профессиональное употребление и, с другой стороны, модификации нормы применительно к разным структурно-морфологическим и лексическим типам наименований. Должны быть детально обсуждены два основных правила: 1) по употреблению согласуемых форм; 2) по употреблению несогласуемых форм.

---

[13] См. рекомендации в кн.: *Былинский К. И., Розенталь Д. Э.* Литературное редактирование. М., 1957, с. 269—270; *Былинский К. И., Жилин А. Н.* Справочная книга корректора. М., 1960, с. 79—80; *Розенталь Д. Э.* Практическая стилистика русского языка. М., 1974, с. 253—256.

1. Географические названия-приложения следует согласовывать в следующих случаях:

а) склоняются простые (не сложносоставные и не выраженные словосочетаниями) русские, славянские и освоенные названия городов, рек, сел, деревень, поселков, хуторов, усадеб, станиц, если эти названия не оканчиваются на гласный *-о*, *-е*, *-и*, *-ы*. Приведем примеры для каждого из названных терминов. С терминами г о р о д, р а й ц е н т р, с т о л и ц а: *в городе Москве, в столице Советской Армении Ереване, в г. Алма-Ате, в г. Софии, из г. Вереи, близ г. Рыбинска, из г. Кустаная, в г. Перми, под г. Горьким, в райцентре Истре* и т. д. (но *в городе Ровно, близ г. Орджоникидзе, у г. Великие Луки, из г. Сумы*). С термином р е к а: *на реке Волге, по р. Днепру, за р. Енисеем, на р. Катуни, на речке Светлой* (но с названиями-словосочетаниями не склоняются — *на реках Левая и Правая Фролиха, каньон реки Белая Берель*). С терминами с е л о, с е л е н и е, д е р е в н я, п о с е л о к, х у т о р, у с а д ь б а, с т а н и ц а: *у села Воронцовки, в поселок Листвянку, в поселке Володарском, в деревню Якимовку, через хутор Подбанку, к станице Шолоховской* (но *в деревне Смоляры, у села Заречье, к селению Ново-Место, близ селения Словянска-Бистрица, до селения Верхняя Балкария, в селе Красное-на-Волге*). В особых оговорках нуждаются следующие группы наименований.

В сложносоставных русских или освоенных топонимах и топонимах, выраженных сочетаниями слов, части наименования должны склоняться: *в городе Петропавловске-Камчатском, из г. Камня-Каширского, в г. Ростове-на-Дону, в городе Вышнем Волочке*. Однако в разговорной и профессиональной речи распространился и укрепился несклоняемый вариант топонима: *из города Ленинск-Кузнецкий, в городе Камень-Каширский, под городом Вышний Волочек, в поселении Долгий Мост*. Вспомним, что у целого ряда сложносоставных наименований первая часть вообще не склоняется: *Усть-Жуй, Гусь-Хрустальный, Корсунь-Шевченковский*.

В тех случаях, когда назван малоизвестный город, река, село, деревня, поселок, хутор, станица, в литературном языке, а тем более в профессиональной и разговорной речи, допустим неизменяемый вариант: *в городе Кобрин, в поселке Буревестник, в райцентре Тылька, на реке Оять, до деревни Ижма, через деревню Звенятка* и под.;

б) склоняются простые (не сложносоставные и не выраженные словосочетаниями) иноязычные названия столиц, крупных или известных городов, рек, если эти топонимы не оканчиваются на гласный *-у*, *-о*, *-е*, *-и*, *-ы*. Примеры: *в столице Англии Лондоне, в городах Наблусе и Рамаллахе, в г. Марселе, на реке Сене* (но *из г. Плоешти, из г. Сорренто, на реке Миссисипи* и под.). В сочетаниях с термином р е с п у б л и к а: склоняются только наименования, оканчивающиеся на *-ия*: *в Федеративной Республике Германии, в Социалистическую Республику Румынию, с Республикой Индией* и под. Если название оканчивается на *-й*, твердый согласс-

ный или гласный *-а*, топоним употребляется в неизменяемой форме: *в Республике Мозамбик, из Восточной Республики Уругвай, в Демократической Республике Вьетнам, в Народной Республике Ангола, с Республикой Шри Ланка, в Республике Коста-Рика, из Республики Куба, Панама, Гайана* и под.

2. Географические названия-приложения не согласуются во всех других случаях. Можно конкретизировать их:

а) не склоняются названия станций, местечек, аулов, кишлаков, застав: *к местечку Илирска-Бистрица, у аула Тезек, до курорта Паланга, на станции Москва-пассажирская, за кишлаком Ванч.* Не склоняются также и названия озер, урочищ, островов, гор, пустынь и т. д.: *к мысу Челюскин, от ледника Тютюн, мимо урочища Дилок, к полонине Драгобрат, на озере Имандра, к ручью Олений, на острове Диксон, в пустыне Кара-Кум, в горе Думен* и под. Однако в разговорной речи нередко употребляются согласуемые формы, особенно если русские названия представляют собой полные формы прилагательных (*к перевалу Проходному, на горе Железной, до острова Каменного, у сопки Горелой, до озера Давыдовского, на станции Тихорецкой, до лесопункта Веселого*);

б) не склоняются иноязычные наименования княжеств, королевств, герцогств, штатов, провинций, малоизвестных городов, рек, населенных пунктов: *в Княжестве Лихтенштейн, в Королевстве Непал, в Великом Герцогстве Люксембург, в штате Вирджиния, в земле Рейн-Вестфалия, из провинции Шампань, близ города Франсистаун, за рекой Амшут.* В разговорной речи иногда встречаются склоняемые варианты названий;

в) не склоняются иноязычные сложносоставные названия-приложения, так же как и топонимы, выраженные словосочетаниями: *к городку Санта-Инфа, из г. Кум-Даг, на острове Диего-Гарсия, у деревни Ким-Бой, вдоль ручья Ак-Оюк, в Республике Гвинея-Бисау, с Республикой Эль Сальвадор, из Республики Верхняя Вольта.* Исключение составляют наименования в конструкции «топоним на реке»: *к городу Стратфорду-на-Эвоне, из города Франкфурта-на-Майне.* В предложенных нормативных рекомендациях по сравнению с теми, которые имеют место в справочниках по литературному редактированию и практической стилистике, несколько расширен круг наименований, у которых в функции приложения упрочилась норма несклоняемости (в частности, см. сочетания с термином республика, сложносоставные названия, иноязычные названия городов и рек).

§ 5. Норма употребления топонимов с финалями *-ов(о)*, *-ев(о)*, *-ёв(о)*, *-ин(о)*, *-ын(о)* [14]. На эту тему можно привести два взаимо-

---

[14] Статья Граудиной Л. К. под таким же названием опубликована в сб. «Ономастика и норма» (М., 1976). В ней приводятся статистические данные по материалам больших выборок из письменной и устной речи, собранным по методике, изложенной во II и III главе. Здесь воспроизводятся лишь основные выводы из этой статьи.

исключающих суждения: «Географические названия *-ино*, *-ово*, *-ево*, *-но* все заметнее переходят в разряд несклоняемых, чем больше они воспринимаются как существительные, и тем самым пополняют возрастающий «фонд» аналитических средств современного русского языка» (О. И. Лабунько, из кандидатской диссертации). Иное мнение высказывается в статье Г. А. Качевской «Нужно ли склонять географические названия типа *Рощино, Шувалово*?»: «Географические названия с суффиксами *-ин*, *-ов* типа *Рощино, Шувалово* без всякого сомнения должны быть отнесены... к склоняемым словам, связь которых с другими словами выражается синтетически, т. е. прежде всего посредством падежных флексий этих существительных. Склонение существительных типа *Рощино, Шувалово* уходит корнями в историю языка, широко проявляется в живой речевой практике...» [15]

Остро полемический сюжет заставляет вновь и вновь обращаться к теме. Спор о склоняемости этих топонимов давно уже вышел за стены научных кабинетов. В реплике, напечатанной в «Новом мире» (1958, № 6), Н. Кузьмин, возмущенный фактами несклоняемости географических названий, называет это явление «инфекцией», «посягательством на грамматику». «Не раз доводилось слышать по радио „температура воздуха в Иваново“, „гостиница во Владыкино“, „парад в Тушино“, „дом отдыха в Голицыно“. Даже в книгах встречаются сплошь и рядом странно несклоняемые „Тушино“, „Останкино“, „Горелово“, „Неслово“, как будто это не коренные русские названия, а иностранные, как „Токио“ или „Бордо“». В академических изданиях мнение об укрепившейся тенденции к употреблению географических названий на *-ово*, *-ино* несклоняемой форме высказано в «Грамматике современного русского литературного языка» (М., 1970, с. 377): «В современном языке обнаруживают тенденцию пополнить группу слов нулевого склонения слова-топонимы с финалями *-ов(о)*, *-ев(о)*, *-ёв(о)* и *-ин(о)*, *-ын(о)*, например: *Иваново, Бирюлево, Князево, Болдино, Люблино, Голицыно* и др.».

Авторы академической грамматики опирались в своем утверждении на известные языковедческие работы. К аналогичным выводам пришли в своих исследованиях О. И. Лабунько в кандидатской диссертации «Склонение географических названий в современном русском литературном языке (наименования населенных пунктов)» (М., 1963), А. А. Зализняк в книге «Русское именное словоизменение» (М., 1967); И. П. Мучник в книге «Грамматические категории глагола и имени в современном русском литературном языке» (М., 1971).

---

[15] Эти высказывания см. в работах: *Лабунько О. И.* Склонение географических названий в современном русском литературном языке (наименование населенных пунктов). Автореф. канд. дис. М., 1964; *Качевская Г. А.* Нужно ли склонять географические названия типа *Рощино, Шувалово*? В кн.: Нормы современного русского литературного словоупотребления. М.— Л., 1966.

Сопоставление и анализ употребления рассматриваемых географических наименований позволил объективно оценить существующую норму склонения топонимов и предложить определенные нормативные рекомендации.

1. Несклоняемые варианты топонимов с финалями *-ов(о)*, *-ев(о)*, *-ёв(о)*, *-ин(о)*, *-ын(о)*, употребляемые без родовых наименований, не являются в современном литературном языке повсеместными. В газете резко преобладают склоняемые варианты: 80,43% склоняемых форм против 19,57% несклоняемых. В устной речи также предпочтение несклоняемых вариантов не может считаться доказанным. Поэтому преждевременно было бы отказаться от традиционных склоняемых форм и признавать несклоняемые варианты строго нормативными для письменного литературного языка.

Однако если в свободном употреблении склоняемые варианты или предпочитаются, или равновероятны (как в тексте журнала «Турист» или по данным вопросника в некоторых возрастных и социально-профессиональных прослойках общества), то в функции приложения в сочетаниях с детерминативом норма употребления нуждается в практических коррективах. Не вызывает сомнений очевидный рост несклоняемых форм в сочетаниях с родовым нарицательным наименованием в самых широких пластах топонимов — от недавних заимствований до коренных русизмов. Несклоняемость топонимов на *-о* и *-но*, с одной стороны, отсутствие запрета к неизменяемости в функции приложения иноязычных или малоизвестных топонимов, особенно в сочетаниях с детерминативами п о с е л о к, с е л о, с т а н ц и я, д е р е в н я, с другой стороны; наконец, желание избежать омонимии форм в наименованиях, с третьей стороны,— все эти условия способствовали становлению новой нормы. В функции приложения у топонимов на *-ов(о)*, *-ёв(о)*, *-ин(о)*, *-ын(о)* и в письменной, и в устной речи практически употребляется несогласуемая форма (подробнее см. формулировку правил).

2. Учитывая высокую употребительность несклоняемых вариантов в специальной и разговорной сферах речи (конкурентные формы близки к равновероятным), разумно было бы допустить несклоняемость форм на правах профессионального и разговорного варианта употребления, специально при этом оговорив известную нелитературность несклоняемых форм, т. е. рекомендовать их лишь с пометой «профессиональное» или «разговорное». Это предложение продиктовано отнюдь не страстью к нововведениям. Оно лишь констатирует факт уже существующей, сложившейся нормы употребления топонимов. Процесс зашел так далеко, что при всем нашем желании ему нельзя воспрепятствовать. Да и нет серьезных оснований искоренять информативно более совершенные нормы употребления.

Предлагаемые правила:

Географические названия с финалями *-ов(о)*, *-ёв(о)*, *-ев(о)*, *-ин(о)*, *-ын(о)* по действующим грамматическим нормам русского языка в строгом литературном употреблении необходимо склонять: *в Жодине, из Перхушкова, к Мукачеву, возле Переделкина* и т. д.

Эти географические наименования не склоняются в следующих случаях:

1. В функции приложения: *к деревне Белкино, на станции Гоголево, из станицы Тихоново, в селе Васильково* (ср.— *в городе Васильков*); *в становище Белово* (*в городе Белов*) и т. д.

2. В узкой группе наименований, совпадающих с именами собственными, во избежание стилистических ошибок: Ленин — *Ленино*, Репин — *Репино*, Лермонтов — *Лермонтово*, Киров — *Кирово*.

Употребление несклоняемых форм типа *до Клушино, из Бабкино, от Поронино, около Усово* свойственно профессиональной и устной речи и для строгого литературного употребления не рекомендуется.

§ 6. Склонение аббревиатур: субъективные оценки и объективная норма. Не было другого такого грамматического типа неологизмов в современном литературном языке, который бы вызвал более экспрессивные суждения, нежели разряд аббревиатур. Вызывали разноречивые оценки и самый способ образования слов, и внешний грамматический облик аббревиатур, и норма их употребления. В пример могут быть приведены лишь отдельные высказывания.

«Еще задолго до рождения ребенка родители выбирают ему имя, советуясь с родственниками и друзьями. Дело не шуточное — ведь имя дается на всю жизнь. Если бы с такой же заботой и дальновидностью придумывали имена для учреждений и организаций!» — так начал статью «Язык сломаешь...» Л. Малюгин[16], выступивший в защиту русского языка от напора аббревиатурных «агрегатов» типа НИИЭХАнА, ЦЕПЕКАО и т. д. Читатель В. В. Веселовский в «Известиях» с иронией пишет о том, как товарищи из Черновец придумали слово *замшочкосалфетка* с пояснением — «Служит протирочным материалом для оптических изделий». «Вот видите, как здорово,— пишет В. В. Веселовский.— Чувствуется, что не зря в Черновцах люди хлеб едят. Исследовательские умы. Думают, мучаются, слова экономят. Действительно, кто же теперь говорит: Замшевая салфетка для очков. Длинно, банально. Гораздо понятнее замшочкосалфетка»[17]. Отрицательные оценки приводит и К. И. Чуковский в главе «Умслопогасы» в книге «Живой как жизнь»[18].

Несмотря на протесты писателей, журналистов, литературной и учительской общественности, число аббревиатур растет, а не ис-

---

[16] Лит. газ., 17 мая 1962 г.
[17] Изв., 14 сент. 1961 г.
[18] *Чуковский К.* Живой как жизнь. М., 1962, с. 78—98.

чезает, аббревиация как способ образования новых слов остается одним из наиболее сильных и стойких языковых процессов. В «Словаре сокращений русского языка» содержится 12 500 аббревиатур, и состав их постоянно пополняется в профессиональных сферах литературного языка.

Эпидемия массовой аббревиации была особенно глубокой в 20-е годы. Тогда этот способ образования слов казался приметой новой, революционной и стремительной эпохи — короткие и энергичные слова были удобны. Вот, например, как писал поэт Велимир Хлебников о слове РОСТА: «Слово РОСТА возникло через слияние в одно слово начальных звуков следующих трех слов: „Российское телеграфное агентство". У человечества те же 365 дней, как и у пещерного человека. Ему тесно в 365 днях; не умея растянуть год,— отказывается от долго звучащих слов. В этом отношении русский язык сделал смелый скачок, перейдя к кратким искусственным словам, как напр., РОСТА».

Помимо лаконической энергичности, аббревиатуры имели и другое важное преимущество. Переименовывались многочисленные учреждения. Надо было точно обозначить их сущность. Появлялись длинные названия. Совет Народных Комиссаров, Российская ассоциация пролетарских писателей, Всесоюзный коммунистический институт журналистики, Запись актов гражданского состояния, Телеграфное агентство Советского Союза и т. д. Естественная тяга к сгущению, концентрации названий приводила к образованию сокращений: совнарком, РАПП, ВКИЖ, ЗАГС, ТАСС и шутливое РЕВЮ (так в 1933 г. назвал свой театр артист Миров, в расшифровке — революционный юмор) [19].

Типы аббревиатур различаются прежде всего по их роли в языке, и от этого зависит их место и функционирование в грамматической системе языка. Некоторые аббревиатуры, употребляясь в качестве условных обозначений, понятны лишь для немногих. Таковы способы буквенной маркировки машин по месту или некоторым другим признакам их изготовления, самолетов — по части имени изобретателей: ТУБ-, ТУВ-, ТУА-, СУА-, ЮАЖ-, ТУ-104, АНТ-25 и пр. Эти созвучия словами не являются, хотя в отдельных случаях могут ими стать, если они потеряют значение кода (условного сокращенного обозначения) и если будут приняты и освоены обществом в каком-то цельном едином значении. Так, стали словами названия легковых машин типа ЗИМ, ФИАТ; грузовых — МАЗ, самолетов — ТУ. Лишь сравнительно немногие аббревиатуры из целого моря сложений приобретают качества полноценного слова [20]. Обычно это слова общеупотребительные и частотные в речи,

---

[19] В кн.: Мастера эстрады. М.— Л., 1964, с. 101—102.

[20] Подробнее об аббревиатурах см.: *Гяч А. В.* К вопросу о генетических истоках аббревиатур.— В кн.: Лингвистические исследования. Л., 1970; *Могилевский Р. И.* Аббревиация как лингвистическое явление. Канд. дис. Тбилиси, 1966; *Алексеев Д. И.* Аббревиатуры как новый тип слов.— В кн.:

например такие, как *комсомол, колхоз, вуз.* Когда освоенная и широко распространившаяся аббревиатура переходит на позиции слова, вступая в речевое обращение, в некоторых случаях происходит конфликт между первоначальной внутренней формой сокращения, состоящего из разных слов, и внешней грамматической формой всей аббревиатуры в целом, как единого нерасчлененного слова.

Слово ЖЭК возникло в 50-е годы из сокращения сложного наименования — жилищно-эксплуатационная контора. В качестве опорного, ведущего в сочетании выступает слово *контора.* Поэтому правило заставляет считать аббревиатуру в целом словом женского рода; как будто бы надо писать: *ЖЭК открылась*, подразумевая при этом контора открылась. Естественно, что в косвенных падежах слово *ЖЭК* в этом случае не склоняется. Многие газеты следуют этому правилу и пишут: Надо объединить молодежь,— ее немало в домах ЖЭК, придумать занятия, чтобы с пользой и интересно проводить часы отдыха (Веч. Москва, 23 дек. 1961 г.); Вопрос обсуждался на заседании партбюро ЖЭК (Моск. правда, 23 ноября 1961 г.). Но аббревиатура ЖЭК по виду и оформленности напоминает слова мужского рода типа *стол, жук, велотрэк* и др. Вряд ли в момент речи кто-нибудь помнит, из каких трех слов состоит сокращение ЖЭК: Одна старушка на вопрос «Что такое ЖЭК» ответила — Домоуправление.

Различие в структурном типе сокращений определило и разные нормы их склонения.

1) Сокращения, состоящие из части основы и полного слова, заканчивающего аббревиатуру, склоняются без колебаний: *распоряжения по армсети*; *решение промсовета*; *трест Мосгражданугольжилстроя, коллективы Мосподземстроймеханизации, работники Главтбилстроя* и т. д. Сюда же примыкают и аббревиатуры смешанного образования, в составе которых имеются инициальные и слоговые части, но заканчиваются полным словом типа *работники ПИИБурнефти, конструкции НИИжелезобетона, предложения ПИИГорсельстроя* и под.

2) Аббревиатуры слогового типа, образованные путем сложения начальных частей или слогов слов, составляющих сокращенное словосочетание, как правило, склоняются: *рукопись в Главиздате, назначили замом, руководитель опита, приказ Главсанупра, в конторе постройкома, из Ростсельмаша, в Минмясомолпроме, Минприбором разрабатывается новая конструкция* и т. д. В разговорной речи такие аббревиатуры склоняются без колебаний; однако в газетах и особенно в деловых документах можно встретить

Развитие словообразования соврем. рус. языка». М., 1966; *Сухотин А.* Проблема «сокращенных слов» в языках СССР.— В кн.: «Письменность и революция», М.— Л., 1933; *Иванов В. В.* О функциях сложносокращенных слов.— В кн.: Симпозиум по структурному изучению знаковых систем (тезисы докладов). М., 1962.

случаи употребления этих аббревиатур в неизменяемом виде. Обычно не склоняются аббревиатуры смешанного характера, представляющие собой соединения инициальных и слоговых сокращений (КБАСУМясомолпром, ГПИСантехпроект и др.). В функции приложения такие аббревиатуры, как правило, не склоняются: в Институте ЦНИИЦЕММАШ (г. Ставрополь) разработан технический проект мельницы для помола клинкера (Техника—молодежи, 1961, № 7); В числе участников коллективы завода «Калибр», завода меховых и трикотажных машин, ВНИИПродмаш и другие. Конькобежцы района выступят на том же стадионе 5 декабря (Моск. спортивная неделя, 1961, № 48); Указ о награждении управления строительства «Братскгэсстрой» (Правда, 20 дек. 1975 г.).

3) Самые многочисленные колебания и разнобой в склоняемости наблюдаются в продуктивной группе инициальных аббревиатур типа ВАК, ТАСС, МХАТ, МАПРЯЛ. О последней аббревиатуре специально написана статья В. Г. Костомарова «К изучению буквенных сокращений в русском языке. Рождение и жизнь слова МАПРЯЛ» (в кн.: Современные проблемы литературоведения и языкознания. М., 1974, с. 426—436).

У этих аббревиатур склоняемость проявляется непоследовательно. Аббревиатуры на согласный, по фонетическому облику напоминающие слова мужского рода, втягивались в систему склонения начиная с 20-х годов XX в. и до настоящего времени этот процесс еще не завершен. Более того, по мнению некоторых исследователей, инициальные аббревиатуры на твердый согласный обнаруживают тенденцию к формированию особого разряда несклоняемых существительных.

Основное ядро несклоняемых инициальных аббревиатур составляют аббревиатуры буквенного характера (произносимые по названиям букв): СССР, ЦК КПСС, ГДР, ЭДС, ЖВН-6, ЦИКТБ, ЧП, НЗ, ИК, ППЖ, ЦНИИФК, ГЦОЛИФК, ГНИИХП, ЦНИИШП, ЦНИИЧМ и под. См. примеры грамматического оформления таких аббревиатур в тексте: К работе семинара были привлечены преподаватели ЦНИИФК и ГЦОЛИФК (Моск. спорт. неделя, 1961, № 48); Биологи, ихтиологи, гидрохимики СибНИИРХ исследуют группу озер... (Изв., 22 авг. 1970 г.).

Такие аббревиатуры в письменной речи практически не склоняются.

В группе инициальных аббревиатур звукового характера, по своему фонетическому облику соответствующих существительным муж. рода, тяготение к несклоняемости проявляется неодинаково:

а) Не склоняются заимствованные аббревиатуры на твердый согласный: МЕН (англ. MEN — телеграфное агентство ОАР); ЦЕРН (фр. CERN — Европейский центр ядерных исследований); НОРК (англ. NORC — электронная вычислительная машина); МАН (нем. MAN — германская фирма по производству автомобилей); МАНИАК (англ. MANIAK — электронная вычислительная

машина); ФИАТ (ит. FIAT — концерн в Италии, фабрика итальянских автомобилей в Турине) и др.

Однако название автомобилей этой марки за последние годы стало широко известным и в разговорной речи неизменно склоняется (владельцы «фиата», ехать в «фиате», выпускают «фиаты»).

б) Не склоняются аббревиатуры с опорным словом женского и среднего рода: *Президиум ВАСХНИЛ*, *Ассамблея ООН*, *решение ПОРП* (Польская объединенная рабочая партия), *заключение ВТЭК* (врачебно-трудовая экспертная комиссия), *внедрение НОТ* (научная организация труда): Мы любим говорить о НОТ, однако во многих случаях нужна даже не научная, а просто элементарная организованность и культурность (Лит. газ., 12 авг. 1970 г.); *Члены ДОСААФ*, *на пленуме ВАПП* (Всероссийская ассоциация пролетарских писателей), *руководство бывшей РАПП*, *сооружение Волжской ГЭС*, *главный инженер ТЭЦ*, *сооружение АЭС*, *площадка Али-Байрамлинской ГРЭС* и т. д. Последняя аббревиатура, образованная из словосочетания *государственная районная электростанция*, в разговорной речи в 40-е годы употреблялось в склоняемой форме, но за последнее десятилетие под влиянием слова ГЭС употребляется только как существительное жен. рода в неизменяемом виде, как и все производные: Во ГРЭС, Го ГРЭС, Ив ГРЭС, Штер ГРЭС и др. (Список всех этих аббревиатур приведен в перечне к ст. «Варианты типа *наша ЖЭК — наш ЖЭК*).

в) Наибольшие колебания испытывают употребительные аббревиатуры с опорным словом муж. р. и те немногие аббревиатуры, которые практически приняли форму мужского рода (типа ВАК, МИД, МОСХ, ТАСС).

Большинство аббревиатур этого типа изменяются по падежам в разговорной речи и часто не склоняются в письменной: За период своего существования институты СОАНСССР передали народному хозяйству страны более 700 крупных разработок (Изв., 12 февр. 1971 г.); Этот конгресс явится первым форумом МОЖ в Латинской Америке (Красная звезда, 5 янв. 1971 г.); В прошлом году в Женеве состоялся симпозиум Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) по вопросу об охране атмосферного воздуха, а также первое заседание вновь образованного ВОЗ комитета экспертов по атмосферным загрязнениям (Здоровье, 1964, № 3).

Отдельные замечания по поводу самых употребительных сокращений:

ВАК (Высшая аттестационная комиссия). В разговорной речи регулярно склоняется (решение ВАКа, диссертация утверждена ВАКом), формы словоизменения проникают и в газеты: Ту же позицию активной обороны и необъективной поддержки... заняла и экспертная комиссия ВАКа по металлургии... (Изв., 13 мая 1961 г.). Однако в деловой речи преобладают несклоняемые формы: Сформированы и работают пленум, президиум и Коллегия ВАК СССР (Неделя, 1—7 нояб. 1976 г.).

ВЦИК. В разговорной речи это слово широко склонялось (ср.: На другой день после получения Конармией директив о прорыве в часть ее приехал председатель ВЦИКа Михаил Иванович Калинин (В. Иванов, Пархоменко). В официально-деловых документах употреблялась несклоняемая форма: Почти четыре десятилетия назад в мае 1922 г. великий Ленин написал: «Проект постановления ВЦИК по отчету делегации на Генуэзской конференции» (Моск. правда, 22 апр. 1961 г.); Но, как сказал во ВЦИК сам Ленин, «завоевание власти только еще начиналось» (Д. Рид, 10 дней, которые потрясли мир). Аналогично употреблялась аббревиатура ЦИК.

ГОСТ (Государственный общесоюзный стандарт). И в разговорной, и в письменной речи употребляется преимущественно в склоняемой форме: *соответствует ГОСТу*, *допускается по ГОСТу*, *нарушение ГОСТов и ОСТов* и т. д. Отступления от этой нормы крайне редки: Указатель пленки... состоит из неподвижной шкалы чувствительностей в единицах ГОСТ... (Пленочный фотоаппарат ФЭД-2. Краткое руководство).

МИД регулярно не склоняется в строгом официальном употреблении. Этому способствует необходимость полного наименования в сочетании с буквенной аббревиатурой СССР: На завтраке были представители центральных газет ТАСС, агентства печати «Новости», журналов, отдела печати МИД СССР (Правда, 10 июня 1961). Аналогично употребляется часто встречающаяся в газете аббревиатура ТАСС (директор ТАСС, сообщение ТАСС, корреспонденты ТАСС). В разговорной речи оба сокращения изменяются по падежам: сотрудники МИДа, работал в ТАССе, в информационном отделе ТАССа и т. д. Укреплению нормы несклоняемости способствует и тот факт, что названия новых международных и официальных организаций не изменяются по падежам: Сессия МОК закончилась (Правда, 23 июня 1961 г.— о Международном олимпийском комитете); На заседании комиссии присутствовали представители секретариата СЭВ (Заря Востока, 12 окт. 1961 г.— об организации Союза экономической взаимопомощи); ...Состоялось 28-ое заседание постоянной комиссии СЭВ по стандартизации (Правда, 20 мая 1971 г.); По решению XXIII специальной сессии СЭВ социалистические государства стали... составлять многолетние прогнозы в развитии топливной промышленности... (Турист, 1971, № 4). Но в устной речи эту аббревиатуру склоняют: *у здания СЭВа*, *работать в СЭВе* и т. д.

У аббревиатур МХАТ, ГАБТ, ВГИК, ТЮЗ укрепилась норма склонения и в устной, и в письменной речи: Ну, где бы довелось посмотреть эту цветную ленту, снятую выпускниками ВГИКа? (Веч. Москва 11 янв. 1971 г.); Рядом с Юргеном — солист нашего ГАБТа Александр Хмельницкий (Изв., 12 февр. 1971 г.); К 50-летию ленинградского ТЮЗа (Изв. 22 февр. 1972 г.). Отступления от этой нормы встречаются редко, в строгом официальном стиле: Возобновляется давнишняя традиция балетных и оперных спек-

таклей ГАБТ СССР на сцене Зеленого театра (Веч. Москва, 23 июня 1961 г.).

Аббревиатура ЖЭК регулярно склоняется в обиходной речи и часто не склоняется в газетах, особенно в сочетании с числительными или с номерами: парторганизация ЖЭК-20, председатель домового комитета ЖЭК-5, совет по работе среди населения ЖЭК-3, реже встречается и склоняемая форма — в ЖЭКе № 5, из ЖЭКа № 20, ЖЭК: Олег и Виктор Прибытковы взялись оборудовать при ЖЭКе игротеку, где будет бильярд (Комс. правда, 20 февр. 1971 г.) — (см. словарную статью о вариантах типа *наша ЖЭК — наш ЖЭК*).

Широко распространившаяся маркировка сокращенных наименований учреждений, машин, изобретений с помощью числительного в постпозиции закрепляет норму несклоняемости аббревиатур: приборы ЭМИД-6, ИЛ-18, МИГ-9, ГАЗ-51 Л, АН-10. Однако в устной речи, как известно, названия машин и приборов без колебания склоняются: *реактивные МИГи, ездила в ЗИСе, пикируют ИЛы.*

Для большинства аббревиатур последней группы в строгой деловой письменной речи можно рекомендовать несклоняемую форму, за исключением аббревиатур ГОСТ, МХАТ, ВГИК, ТЮЗ, которые в настоящее время практически употребляются как цельнооформленные склоняемые слова и лишь в редких случаях как несклоняемые аббревиатуры.

Разговорный вариант нормы для всех аббревиатур на твердый согласный (с вышеупомянутыми оговорками относительно третьей группы и пунктов «а» и «б») предполагает возможность их изменения по всем надежным формам [21].

§ 7. Норма склонения сложносоставных наименований. В орфографическом словаре зарегистрировано свыше 1000 составных слов типа *инженер-майор, блок-корпус, план-заказ, плащ-палатка, ясли-сад, школа-интернат, штаб-квартира, кресло-капсула, ракета-носитель, тонна-километр* [22]. Число таких наименований постоянно растет вместе с ростом названий новых профессий, созданием новых учреждений, машин, изобретений, сложных единиц измерений и т. п. В грамматической системе «двойняшки» функционируют неодинаково. Некоторые разряды составных наименований представляют собой грамматические соединения, наиболее близкие к сложным словам с неизменяемым первым компонентом наименования. Другие наименования представляют собой более свободные в грамматическом отношении соединения элементов состава, в которых склоняются оба слова.

По характеру склоняемости компонентов выделяются следующие разряды составных наименований.

---

[21] Нормативные квалификации применительно к каждой аббревиатуре приведены в словаре «Грамматическая правильность русской речи».

[22] Перечень всех этих наименований приводится в словаре «Грамматическая правильность русской речи».

1) Один из компонентов сложносоставных наименований остается неизменяемым при склонении в следующих случаях:

а) одно из слов в составе двух слов не склоняется, если представляет собой неизменяемое слово, недавнее заимствование, символ буквы или аббревиатуры.

Подавляющее большинство таких наименований составляют образования, неизменяемым элементом которых является первое слово. Сюда относятся не только составные наименования с несклоняемым элементом на *-о* или *-е* типа *какао-бобы*, *каноэ-двойка*, *купе-кабриолет*, *кафе-закусочная*. Несклоняемость первой части и вне составных наименований в этих случаях бесспорна. В основной же своей массе первым компонентом таких сложносоставных образований является слово, оканчивающееся на согласный (и реже на гласный *-а*) типа *биг-машина*, *беринговайзинг-процесс*, *блокинг-трансформатор*, *виккель-аппарат*, *катедер-социализм*, *дроссель-эффект*, *конференц-зал*, *редокс-потенциал*, *регс-смесь*, *сайлент-блок*, *риформинг-процесс*, *аш-кислота*, *икс-лучи*, *кока-кола*, *бека-эмульсия*, *бассия-жир*, *луна-парк* и т. д.

В профессиональном употреблении появились группы слов, способных выступать в качестве обобщающих лексем, вокруг которых группируются крупные серии составных наименований. Можно привести в пример основные из них: *альфа-*, *бета-*, *гамма-*, *дельта-*, *блок-*, *дизель-*, *вакуум-*, *крекинг-*, *пресс-* и т. д. Так, насчитывается до 40 сложносоставных наименований с компонентом *альфа-*; столько же с компонентом *блок-* (*блок-система*, *блок-тормоз* и под.). Из профессионального употребления несклоняемые образования журналистами вводятся в более широкий литературный обиход газетной, деловой и художественной речи: Предварительно испытав снаряжение, восходители остановили свой выбор на системе спуска, осуществляемого с помощью *блок-тормоза* (Лит. газ., 21 янв. 1957 г.); Недостаточно требовательны технологи к конструкциям *пресс-форм* — приспособлений, в которых под большим давлением отливаются детали (Веч. Москва, 23 июля 1963 г.); Характеристика насоса: производительность 1200 л/мин., допустимая *вакуум-высота* 4 м (Эконом. газета, 11 янв. 1964 г.); Местоположение *вакуум-камеры* для дезинфекции хлопка менялось пять раз (Изв., 5 янв. 1960 г.); Пустить магнитные поля! Убить моторы! Пустить по людям *зет-лучи*! (С. Кирсанов, Герань — миндаль — фиалка).

Неизменяемость первого слова сложения в этом разряде составных наименований стала фактом литературной нормы, и в 60—70-е гг. эти слова не подвержены колебаниям, хотя в конце XIX и в начале XX в. можно было встретить случаи склоняемости обоих слов в наименованиях этого типа: количество электричества оказалось равным 233 *амперам-часам*; 200 *амперов-часов* (Электричество, 1891, № 1); килограмметр в секунду=98,100,000 *эргам-секундам* (Электричество, 1884, № 20);

б) гораздо меньше составных наименований с несклоняемым вторым словом; в таких случаях только первый компонент сложения склоняется — *программа-максимум* (*-минимум*), *лотерея-аллегри*, *древесина-квебрахо*, *чулки-эластик*, *идея-фикс*, *комедия-буфф*, *до-мажор*, *сталь-компаунд* и под.: Одной из *идей-фикс* госдепартамента США было создание целой системы военных пактов (Правда, 15 ноября 1964 г.).

2) Обнаруживается склонность к неизменяемости первой части составных слов в тех рядах наименований, где первое слово приближается по значению к соответствующему прилагательному: *национал-социалисты*, *национал-либералы*, *национал-демократы* (ср. соответствующее прилагательное — *националистический*, *националистский*); *штаб-офицер*, *штаб-лекарь*, *штаб-квартира* (ср. *штабной*); *товар-вагон*, *товар-багаж* (ср. *товарный*) и т. д. Сюда же относятся такие слова, как *нуль-пункт*, *нуль-валентность*, *кварц-лампа*, *кварц-песок*, *миниатюр-полигон*, *офсет-машина* и др.

Первый компонент этих наименований многими воспринимается как своего рода «усеченное» прилагательное и не склоняется по аналогии с такими сложными словами, как *стройплощадка*, *вещмешок*, *спортгородок*, *трудкнижка*, *спецмашина*.

Колебания в этом ряде наименований практически нет; несклоняемость первой части в литературном употреблении упрочилась.

3) Самую пеструю и обособленную группу составляют названия лиц, в которых первое слово не ассоциируется ни с недавними заимствованиями, ни с «усеченными» прилагательными. В этом разряде склонность к неизменяемости обусловлена в первую очередь семантическими причинами — смысловой спаянностью компонентов и частотой употребления наименования в обиходной речи. Вследствие зыбкости семантического критерия именно в этой группе «двойняшек» и наблюдаются наиболее резкие колебания и разнобой. Причем в разных семантических группах сложений тенденция к смысловой слитности компонентов проявляется по-разному. Наиболее свободное соединение слов в составе двойных наименований наблюдается в многочисленных названиях лиц по профессии, занимаемой должности, званию. Таковы распространившиеся составные наименования со словами *женщина-* (-автор, -астроном, -адвокат, -академик, -милиционер, -пилот, -профессор, -скульптор и мн. др.), *инженер-* (-автомобилист, -дорожник, -градостроитель, -изыскатель, -лесотехнолог, -металлург, -полиграфист, -радист, -электрик, -строитель, -химик, -экономист, -электроник и т. д.), *автор-* (-изыскатель, -иллюстратор), *космонавт-* (-дублер, -геолог, -робот), *рабочий-* (-делегат, -марксист), *министр-президент*, *член-пайщик* и т. д.

В этих наименованиях склоняются оба слова: *женщины-скульпторы*, *инженера-электроника*, *автора-иллюстратора*, *космонавта-дублера рабочего-марксиста*, *министра-президента*, *члена-пайщика*. Хотя изредка можно встретить примеры, подобные нижеприведенному: Удивительная метаморфоза с незадачливой *искусствовед-де-*

вицей — это, однако, не самое примечательное в любовной лирике романа (Комс. правда, 12 сент. 1964 г.). Исключение из общего правила составляет замкнутая группа составных обозначений военных чинов и званий, в которых квалифицирующая первая часть не склоняется: *генерал-* (-адмирал, -адъютант, -аншеф, -бас, -губернатор, -директор, лейтенант, -майор, -полковник, -прокурор, -фельдмаршал); *капитан-* (-лейтенант, -исправник); *инженер-* (-лейтенант, -майор, -подполковник, ср. невоенные составные наименования инженеров по разным специальностям. С 1971 г. эти звания упразднены и заменены другими, см. ниже). Сюда же примыкают и такие названия, как *борт-механик*, *борт-проводник*, *лорд-канцлер*, *лорд-лейтенант*, *премьер-министр*, *камер-юнкер*, *бурят-монгол*, *киргиз-кайсак*. В косвенных формах у перечисленных слов изменяется по падежам только второй компонент: *генерал-майора*, *генерал-директора*, *капитан-лейтенанта*, *бурят-монгола* и т. д. Колебание испытывает наименование член-корреспондент: в устной речи чаще первая часть не склоняется: *член-корреспонденты*, *в член-корры избран*, в деловом официальном стиле принято склонять обе части: В СССР звание *члена-корреспондента* носят ученые, избранные за выдающиеся достижения в той или иной области знания в состав АН СССР академией наук союзных республик (БСЭ, 2-е изд., т. 47, 1957, с. 424).

В декабре 1971 г. были введены новые составные воинские звания, в которых на первое место вынесено название военного офицерского чина, а на втором дается профессиональная квалификация лица: *лейтенант-инженер*, *капитан-инженер*, *капитан-лейтенант-инженер*, *майор-инженер*, *капитан I ранга* (II, III ранга)*-инженер*, *подполковник-инженер*, *полковник-инженер*, *генерал-майор-инженер*, *контр-адмирал-инженер*, *генерал-лейтенант-инженер*, *вице-адмирал-инженер*, *генерал-полковник-инженер* и др.

Уже в XIX в. и в профессиональной речи военных, и в литературном языке сложились прочные традиции неизменяемости квалифицирующей первой части военных и других составных наименований в косвенных падежных формах: *генерал-* (-адмирала, -адъютанта, -аншефа, -губернатора, -директора, -лейтенанта, -майора, -полковника, -прокурора, -фельдмаршала); *капитан-лейтенанта* и т. д., ср. пример: ...Плодом... усилий явился указ 27 апреля 1722 г. о должности генерал-прокурора. Здесь... определяется существо новой должности: «Сей чин яко око наше и стряпчий о делах государственных» (В. О. Ключевский. Курс русской истории. Лекция XVII. Сенат и генерал-прокурор. М., 1958, с. 179).

Несклоняемость первой части сложносоставных слов этого типа поддерживается в современном литературном языке тем широким кругом терминологических и обиходных наименований, в которых стабилизировалась норма неизменяемости первой части (см. выше). Введение новых сложносоставных наименований в сущности не должно бы изменить сложившуюся грамматическую норму. Назва-

ния *инженер-капитан* и *капитан-инженер* грамматически тождественны. Если мы говорим «отдать честь капитан-лейтенанту, генерал-полковнику», то почему мы не можем сказать точно так же, обращаясь к капитан-инженеру? Тем не менее в газете «Красная звезда» у некоторых новых наименований склоняют обе части — *у подполковника-инженера, с майором-инженером, к лейтенанту-инженеру*: Широкая улыбка озаряет доброе лицо *подполковника-инженера* Старосты (Красная звезда, 18 февр. 1972 г.); Успешно выполнена очередная учебная задача. Вновь отличилась смена *капитан-лейтенанта-инженера* Ю. Лебедева (Красная звезда, 11 янв. 1972 г.). Однако по-прежнему не склоняется первая часть в традиционных наименованиях — *у капитан-лейтенанта, к генерал-полковнику, с генерал-майором* и т. д.: Сосредоточенно лицо *капитан-дублера* В. Балцука (Комс. правда, 10 авг. 1972 г.); *Солдаты-музыканты* разучивали к встрече генерал-губернатора свои марши (Турист, 1971, № 2, с. 7).

Новые воинские звания встали в один ряд с многочисленными составными обозначениями профессиональной квалификации инженеров. Так, в производственной терминологии широко распространены названия *инженер-автомобилист, инженер-изыскатель, инженер-исследователь, инженер-металлург, инженер-строитель, инженер-экономист* и мн. др.

У этих наименований принято склонять обе части: работать *инженером-электриком*, диплом *инженера-металлурга*. Правило склоняемости обеих частей подкрепляется еще и тем, что в широкой обиходной и публицистической речи очень многие составные наименования, называющие лиц по должности, положению или по каким-либо другим качествам, в косвенных падежах требуют склонения обоих компонентов наименования. Можно привести множество таких примеров: приезд *министра-президента*, работы *женщины-скульптора*, имя *автора-иллюстратора*, роль *космонавта-дублера*, создать *космонавта-робота*, быть *редактором-консультантом*, встреча *композиторов-песенников*.

С введением новых воинских званий появилась необходимость регламентировать и нормы их употребления. Большую роль в этом отношении сыграла редакция «Красной звезды». В своем письме в Институт русского языка редакция сообщила и список новых наименований, и правила их употребления в профессиональной военной среде. Вот отрывки из письма: «Склоняются все слова: лейтенанту-инженеру, капитану I ранга-инженеру, контр-адмиралу-инженеру, но как и прежде: генерал-полковнику инженеру».

Комментируя лексический состав наименований и характер их стилистических помет в современных словарях, в письме были высказаны пожелания такого рода: «...Давно упразднены звания: техник-лейтенант, техник-интендант. Хотелось бы увидеть у этих слов-терминов, если они останутся в словнике, помету «устарело». В словаре много «устаревших» генералов (включая слово генерал-аншеф). Желательно ввести и «живых»: генерал-майор (р. п. гене-

рал-майора), генерал-лейтенант, генерал-полковник. У военных моряков по старинной традиции инженер-механик склоняется так: инженер-механика, инженер-механику... У военных летчиков и штурманов в дипломе теперь записывается: «летчик-инженер», «штурман-инженер». Склоняются оба слова. Добавьте еще: механик-водитель (механика-водителя)».

Идя навстречу новой практике, следует допустить склоняемость первой части у новых наименований, оставив при этом в силе правило о несклоняемости первой части у традиционных наименований. Нет необходимости менять более чем столетнюю практику несклоняемости старых составных названий, которые используются в классической литературе, зарегистрированы в этой форме во всех нормативных справочниках и словарях и по сей день употребляются в неизменяемой форме.

В группе современных военных наименований оба варианта (склоняемость и несклоняемость первой части) находятся в разумных пределах действующей грамматической нормы. Но при этом надо отдать себе полный отчет в том, что частичное допущение склоняемости увеличивает разнобой в правилах употребления этой группы слов. Приходится заучивать, в каких случаях склонять необходимо, а в каких можно употреблять более короткую неизменяемую форму. Кроме того, известно, что и лаконичный стиль военных обращений, и общая языковая тенденция к «экономии» произносительных усилий вызывают появление неизменяемых вариантов, что отмечается не только в устной, но и в письменной речи.

Если со временем тенденция к неизменяемости первой части у новых наименований укрепится, препятствовать допущению несклоняемых вариантов было бы нецелесообразно.

4) В многочисленной группе двойных наименований разнообразных явлений внешней жизни, названиях учреждений, предметов обихода, изобретений, машин и т. д., обычно склоняются оба компонента. Наиболее известные из них: *автобус-* (-транспортер, -экспресс); автомобиль- (-кран, -лесовоз, -самосвал, -снегоход, -тягач, -фургон); *автомат-* (-американка, -машина, -лунник, -стан, -наборщик); *антенна-* (башня, -мачта); *бал-встреча, балет-маскарад, баня-прачечная, библиотека-читальня, булочная-кондитерская, вагон-* (-буфет, -выставка, -ледник, -ресторан, -цистерна, -холодильник), *диван-кровать, доска-стенд, закусочная-автомат, изба-читальня, кабина-капсула, крейсер-истребитель, кресло-* (-капсула, -качалка, -кровать); *магазин-салон, ракета-* (-дублер, -зонд, -носитель, -перехват), *самолет-* (-крыло, -лаборатория, -носитель, -снаряд), *фабрика-прачечная, фабрика-кухня* и др. У составных слов с тремя—четырьмя словами склоняются все части: *дачи-автомобиля-прицепа, палатки-лодки-рюкзака-гамака* и т. д.

Однако у названий, наиболее употребительных в обиходе типа *план-карта, план-заказ, вагон-ресторан, роман-газета, диван-кровать*, при строгой литературной норме, требующей склонения обоих компонентов наименования, в разговорной речи распространились

несклоняемые варианты на стыке слов: в *вагон-ресторане*, читать *роман-газету*, продажа *диван-кроватей*, заполнение *план-карты*: Автоприцеп «Турист-1» — это передвижная дача с двумя съемными *диван-кроватями* (Турист, 1971, № 4); В двадцать девятом он поехал с *вагон-рестораном* на Дальний Восток и «мотал километры» до самой Великой Отечественной войны (Правда, № 215, 1972).

Несклоняемые варианты проникают и в различные сферы письменной речи: Может, одну из металлических шпилек кожуха приладить вместо оси к ручке *шаг-газа*? Оторвать шпильку от кожуха Геннадий, как ни старался, не смог (А. Титов, Поединок над городом).

Несклоняемость первой части закрепилась в наименованиях *плащ-палатка*, *плащ-накидка*, *матч-турнир*, *яхт-клуб* и пек. др.

В статье К. С. Горбачевича «О нормах употребления сложносоставных слов» [23] подчеркивается, что несмотря на варьирование нормы склонения у этих слов, «характерным для развития этих языковых единиц является стремление к смысловой слитности и к утрате склоняемости первым компонентом сложного слова». Действительно, зарегистрировано немногим более двухсот сложносоставных наименований, в которых склоняются обе части, и в два раза больше (т. е. свыше четырехсот) наименований, в которых склоняемость уже утратилась хотя как цельное слово наименование еще не осознается и составные части слова соответствуют разным словам.

Расширение корреляций форм числа — сдвиги в норме их литературного употребления

§ 8. При обзоре сдвигов в сфере грамматической категории числа [24] представляется необходимым различать следующие две группы фактов: 1) факты, связанные с морфолого-синтаксическим проявлением числа, когда выражаются чистые числовые соотношения единичности и множественности, при этом немаркированной и общеупотребительной является форма единственного числа, тогда как форма множественного числа является производной: *стул — стулья*, *волк — волки* и под. В этих случаях форма мн. числа не содержит никаких семантических отличий, кроме значения множественности (в противопоставлении к формам единственного числа со значением единичности). Формам этого рода свойственны релятивно-коррелирующие противопоставления; 2) к другой группе относятся факты, когда в основе соотношений форм единственного и множественного числа лежат различия иного рода. У целого ряда существительных не соблюдается стандартное грамматическое соотноше-

---

[23] См.: РЯШ, 1977, № 2, с. 74—76.

[24] О грамматических словоизменительных свойствах категории числа см.: *Новиков Л. А.* Лексикализация форм числа существительных в русском языке (к вопросу о формах слова).— Филол. науки, 1963, № 1.

ние форм числа. Это «формы деривационно-коррелирующие, для которых характерны иные семантические отношения, например действие — результат (*высевка — высевки*); вещество — виды вещества (*масло — маслá*); качество — предметы, обладающие этим качеством (*емкость — емкости*) [25]. Традиционная грамматика закрепляет за этими группами существительных, как правило, лишь одну форму числа (например, только единственную или только множественную у вещественных существительных, ср. *молоко* или *полимеры*). Коррелятивная форма числа не признается регулярной, и ее появление семантически или стилистически мотивируется. В этих случаях и форма множественного, и форма единственного числа выступают в качестве грамматически маркированных самостоятельных форм.

Микроизменение в формах числа и формирование новых языковых норм происходит именно в группах существительных второй группы, т. е. тех, которые традиционная грамматика всегда зачисляла в разряд исключений с нарушенным соотношением форм числа. Взаимодействие лексико-семантического и грамматического начала в категории числа идет под знаком усиления грамматической регулярности форм: заметна тенденция к вовлечению существительных с нестандартным соотношением форм числа (II разряд) в группу существительных с обычной грамматической оппозицией (I разряд). Ограничение лексико-семантической функции форм числа у разных групп существительных происходит неодинаково и с разной степенью интенсивности.

По данным словаря, наиболее интенсивно происходит процесс опредмечивания, конкретизации в разряде отвлеченных существительных. В Академической грамматике 1953 г. относительно отвлеченных существительных приведено определенное правило: «Имена существительные отвлеченные, обозначающие качество, действие или состояние, не имеют форм множественного числа» [26]. В примечании к § 187 сделана оговорка следующего содержания: «При конкретизации значения некоторые отвлеченные имена существительные (*боль*, *высота*, *глубина*, *радость*, *шум*) могут употребляться и в формах множественного числа, напр.: *боли* и *шумы в сердце* (медиц.), *командные высоты* (воен.), *на больших глубинах* (морск.), *изящные искусства* (худож.), *радости жизни* (об отдельных событиях)». В однотомной грамматике 1970 г. правила, комментирующие особенности в образовании форм числа, вообще не упоминались. Обращаясь к речевой действительности, мы сталкиваемся с одним из наиболее разительных примеров расхождения норм, зафиксированных в грамматике, и не соответствующих этим установлениям норм, сложившихся в языковой практике. Уже в

---

[25] *Сумкина А. И.* Деривационные корреляции существительных в формах множественного числа.— В кн.: Развитие грамматики и лексики современного русского языка. М., 1964. с. 222.

[26] Грамматика русского языка. т. I. М., изд. АН СССР, 1953, с. 116.

«Очерках по исторической грамматике русского литературного языка XIX в.» отмечена «перестройка системы взаимоотношений форм ед. и мн. ч. отвлеченных существительных: наряду со значением «опредмеченного» действия, качества, свойства и т. п. появляются значения отдельных «совершений», действия, отдельных проявлений признака или свойства, внешних и внутренних состояний и т. п. Этот процесс обогащения отвлеченных существительных «конкретизирующими» значениями начался, несомненно, ранее (по-видимому, в поэзии), но в XIX в. получил уже широкое распространение» [27].

Отвлеченные имена существительные с непроизводной для современного русского языка основой еще шире, чем прежде, т. е. в XIX в., допускают образование форм мн. числа: за Пензой начинались чужедальние *мраки* (А. Малышкин, Люди из захолустья); Вечером встретил Кузьма Семеновну — старуху ветхую и *до правд* охочую (Вс. Иванов, Жаровня архангела Гавриила); ...Пушкин пережил ряд *любвей* (В. Ходасевич, Поэтическое хозяйство Пушкина); ...Изгнать прогулы без пощады И брак, причину многих *лих*, Создать ударные бригады (Ал. Жаров, Фабзаячья бригада).

Пожалуй, сейчас нельзя назвать ни одного суффикса отвлеченных существительных, который не допускал бы возможностей образования формы мн. числа. Нет места, чтобы привести весь материал, приходится ограничиться лишь отдельными примерами: суффикс *-ба*: Не трико и мечи тянут нас к классическим пьесам, а полнейшая невозможность сделать что-нибудь из ролей в «Компаньонах», «Неравных *борьбах*» и многих прочих... (А. И. Южин-Сумбатов, Воспоминания); Тогда решили записать орудийные *стрельбы* на военном полигоне (Правда 30 ноября 1975 г.); суффикс *-изм*: Лейпцигский памятник битвы народов, в котором бездарность Вильгельма и угодничество архитектора соединили уродства всех *империализмов* мира... (Е. Г. Аундберг, Записки писателя); Смело можно сказать, что если бы в Польше не существовало национальных *антагонизмов*, то их в интересах польской буржуазии пришлось бы выдумывать (Э. Ордовский, Национальный вопрос в Польше); У почтенного родоначальника русской социал-демократии запыли застарелые *ревматизмы*,— он ослабел (М. Ольминский, По литературным вопросам); суффикс *-ота*: Древние архитекторы понимали необходимость соблюдать правильное соотношение *высот* в городе (Лит. газ. 10 июня 1965 г.; название кандидатской диссертации Заугольниковой Н. С. на тему: «Определение *теплот* сгорания некоторых бороорганических соединений»; суффикс *-аци-я*, *-ци-я*: У всех *цивилизаций*, когда они клонились к упадку, были общие черты (В. Бушин, Пусть звезды станут ближе); Лев Александрович выступил с оригиналь-

[27] Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX в. Изменения в словообразовании и формах существительного и прилагательного в русском литературном языке XIX в. М., 1964, с. 157.

ным докладом о Трансокеанических *акклиматизациях* рыб... (Веч. Москва, 22 апр. 1965 г.); Вместе с тем различие в возрасте звезд... разброс условий на них..., указывает на великое различие возможных уровней *эволюций* во Вселенной (Лит. газ., 7 апр. 1971 г.); суффикс *-ин-а*: Язык фильма хуже языка повести. Много мусора. За актерскими *отсебятинами* теряется стилевая манера, авторская интонация (А. Крон, О собаке как о человеке?); Для нанесения прямых линий употребляют стальные выверенные линейки разных *длин* и *толщин* (Будовский Г. П. и Короткин П. Г., Руководство для котельщиков); суффиксы *-к-а*, *-ур-а*, *-ство* и мн. др.: «Но я же не могу писать в том стиле, который вы одобряете»,— воткнул я булавку в довольно пошлые *музыки*, которые сочиняли Дягилеву Орик и др. (С. Прокофьев, Автобиография); Волковский изучал *техники* древних мастеров в музейных коллекциях, учился у народных умельцев, хранящих вековые традиции (Сов. культура, 29 янв. 1966 г.); «...В век, когда развитие науки и техники приобретает все более интернациональный характер, мне кажется,— пишет Я. Белопольский,— во многом стираются грани между национальными *архитектурами*» (Лит. газ., 10 июня 1965 г.); За дневную работу на таких подземных *бешенствах* платили по пяти рублей в день и восемь — десять рублей за ночь (Л. Грин, Автобиографическая повесть).

Расширение сферы употребления коррелятивных форм числа особенно заметно у отвлеченных существительных с суффиксами *-ость*, *-есть*, *-ность*, *-емость*, *-имость*; *-ие*, *-ье*, *-ние*, *-нье*, *-тие*, *-тье*. Образования соотносительных форм ед. и мн. числа для этой группы существительных столь регулярны и употребительны, что традиционное правило об отсутствии форм мн. числа у отвлеченных существительных звучит для них глубочайшим анахронизмом. *Уродливости, вредности, мощности, повседневности, яркости, реальности, отсталости, зависимости, звучности, влюбленности, банальности, проницаемости, объективности, разнотипности, полезности, мимолетности, неоднородности, данности, неравновесности, забавности, отвлеченности, недосказанности, осиянности, потусторонности, отдельности, правильности, освещенности, неуклюжести, плотности, недружности, интересности, светимости, очевидности, утомительности, одинаковости, нечуткости, узкости* — таков далеко не полный перечень форм, зарегистрированных в современных текстах. Немногие примеры: Вместо выдуманных *интересностей* о скучных вещах, образов и метафор — вещи, интересные сами по себе (В. Маяковский, Мое открытие Америки); ...у Анны Ахматовой... отказ от «эфирных *осиянностей*» Вяч. Иванова... (А. Селивановский, Очерки русской поэзии XX в.); А для Устименки пошел нелегкий день и такой же вечер со всякими *недружностями*, срывами и сбоями непритертого еще больничного механизма (Ю. Герман, Я отвечаю за все): «Управление перед лицом новых *реальностей*» — таков был девиз XVII Международного конгресса по управлению, состоявшегося в Каракасе (Правда, 10 дек. 1975 г.).

Аналогичное положение наблюдается и в кругу образований с суффиксами группы *-ие, -ье*: Актеры еще плохо ориентируются в европейском городе — попадают не на тот трамвай или поезд, едут не на том номере, живут далеко, и потому происходят *опаздывания* (К. Станиславский, Письмо В. И. Немировичу-Данченко от 27 сент. 1922 г.); Если ему начинала нравиться женщина... он часто раздувал и прерывал такие «*нравленья*» (Буданцев, Любовь к жизни); В мраке гулче заработали колеса, невыносимые храпы и *сопения* словно полезли в гору... (Л. Малышкин, Люди из захолустья); От Гомеля на плохоньком пароходике со *спотыканиями* по мелям доплыть можно часов за десять туда (П. Погодин, Комсомолец с Полесья).

Основным источником массовых новообразований в формах мн. ч. является газетно-журнальная и профессиональная научная речь.

Расширение сферы употребления мн. числа у большинства из этих отвлеченных существительных связано с их частым употреблением в разнообразных контекстах, придающих формам конкретно-предметное значение: поле с *интенсивностями* — это поле, которое состоит из полос, каждая из которых имеет свою интенсивность (из профессиональной речи).

Яркой отличительной особенностью вариантов этого типа является коннотативность, контекстная обусловленность их грамматического значения.

Формы, вырванные из контекста (ср. *темп — темпы, мощность — мощности, возможность — возможности, скорость — скорости* и т. д.) производят впечатление соотносительных по числу, а не варьирующихся единиц. В контекстах, подобных вышеприведенному, где имеется специальное указание на множественность или единичность, формы коррелируют, а возможность взаимозамены исключается. В контекстах с нейтрализованным значением единичности или множественности вероятность взаимозамены резко возрастает, ср.: Детали из базальтовой ваты выдерживают более высокие *температуры* (= более высокую температуру) (Правда, 1 июня 1975 г.). В современном языке газеты стало привычным употребление форм типа *режимы, инициативы, энергии, мелиорации, ремонты, валюты* и т. д.: Для ряда физических опытов большую ценность представляет космический вакуум, а также не сдержанный атмосферной поток космических излучений различных *энергий* (Комс. правда, 12 апр. 1963 г.). Эта форма мн. числа пришла в публицистику из профессионального употребления физиков (ср. название книги «Физика высоких *энергий* и космических лучей», название диссертации В. А. Бржезинского «Особенности взаимодействия ионов средних *энергий* с монокристаллами металлов и бинарных соединений»). Появление отдельных форм мн. ч. можно ориентировочно датировать. Так, примерно, с 1965 г. в газетах стала появляться форма мн. числа у отвлеченного существительного *инициатива* в значениях «побуждение к какой-либо

деятельности; способность к самостоятельным, активным действиям». Причем в контекстах с формой мн. ч. развивается новый оттенок в значении, синонимичный словам *предложение*, *призыв*, *обращение*. Ср. примеры: Группа Джорджи Мини протащила позорную резолюцию, в которой высказывает раздражение по поводу успешных *инициатив* Советского Союза (Труд, 21 ноября 1971 г.); после заголовка «Новые *инициативы*» идет текст, в котором прямо устанавливается синонимия значений *инициативы — предложения*: На днях правительства Новой Зеландии и Фиджи выступили с *предложениями* о том, чтобы Генеральная Ассамблея ООН приняла решение о превращении южной части Тихого океана в безъядерную зону (Правда, 20 авг. 1975 г.); ср. аналогичный заголовок «Ширится поддержка советских *инициатив*» (Правда, 17 мая 1977 г.). Эта форма не зарегистрирована ни в одном из нормативных словарей и вначале была принята лексикографами в штыки. Так, в словаре «Трудности русского языка» (М., 1974) составители отметили: «Слово *инициатива*, будучи отвлеченным существительным, не может употребляться в форме мн. числа. Неправомерно подменяя собой несинонимичные ему слова, оно иногда ошибочно используется в форме множественного числа». Можно предположить, однако, что появление формы *инициативы* не противоречит общей тенденции и потому новая форма закрепится в языке. По данным словаря грамматических вариантов, формы ед. и мн. числа у отвлеченных существительных сейчас входят по употреблению в языке газет в самую высокую частотную зону (отмечено свыше трех тысяч вариантов); к тому же они находятся в острой прогрессирующей фазе вариантности. В целом грамматических ограничений для образования форм множественного числа от всех приведенных существительных, строго говоря, не существует, хотя почти в каждом из примеров в том же значении может быть использована и форма ед. ч. Иногда возникают ситуации, в которых употребление формы ед. ч. по указанному в контексте значению неуместно, в то же время форма мн. ч. воспринимается еще как непривычная. Так, возникают трудности в письменном объявлении в магазинах: «Появились костюмы всех размеров и *ростóв* (или роста)»?

Форма им. мн. *ростá* широко используется в современной профессиональной и устной речи. В данном примере конкретное указание раздельного множества требует формы мн. числа (все размеры и все роста). Однако форма *ростá* не стала еще нейтральной, она пока сохраняет стилистический оттенок разговорной и профессиональной речи.

Аналогичный процесс происходит в разряде отвлеченных существительных, называющих действие: *выброс — выбросы, отрыв — отрывы, показ — показы, срыв — срывы, полив — поливы, нажим — нажимы* и т. д. Ср.: Ныне комбинат залихорадило: внеплановые *простои, срывы* заданий... (Правда, 11 дек. 1974 г.); Это меры по уменьшению производственных *выбросов* в атмосферу (Медиц.

газ., 27 марта 1964 г.); В исполкоме Кировского райсовета неудовлетворительно организованы *приемы* населения (Изв., 2 марта 1964 г).

Звеньевой колхоза «Заря коммунизма»... вырастил при помощи *поливов* и удобрений по сто центнеров зерна кукурузы (Молодой целинник, 14 янв. 1963 г.); Американская экономика... испытывает многочисленные инфляционные *нажимы* (Правда, 5 дек. 1974 г.).

Опредмечивание действий вызвано частым употреблением этих слов, особенно в специальной профессиональной речи, откуда формы мн. ч. широко распространились и в языке газет. Специальное и широкое обследование этой группы отвлеченных существительных, как кажется, могло бы показать, что 60-е и текущие 70-е годы явились временем интенсивных сдвигов в норме их употребления. Тенденция к преобразованию у отвлеченных существительных деривационно-коррелирующих отношений форм числа в тип релятивно-коррелирующих числовых противопоставлений действует не только в направлении образования форм мн. ч. от форм ед. числа, но и наоборот. Так, к традиционной форме мн. ч. у отвлеченного существительного *поиски* в конце 50-х — начале 60-х годов появилась регулярно употребляющаяся параллельная форма ед. ч.— *поиск*. Новая норма складывалась стремительно, вопреки протестам и возражениям: *Поиск* вместо *поисков* — всюду и везде — обедняет язык. Пора бы с этим покончить (А. Морозов, А поиск продолжается — Лит. газ., 25 авг. 1964 г.). Появление неологизма замечено и освещено лингвистами [28]. Если в XIX в. форма ед. числа была закреплена за узким профессиональным значением (в словаре Даля охотн. ‘поиск легавой собаки, чутье’), то в газетной речи нашего времени, начиная с 60-х годов, сложился на базе прямого значения новый оттенок ‘искания, устремление к новому, попытки найти новые пути (в науке, искусстве, технике, производстве)’. Некоторые из словосочетаний, в составе которых используется форма ед. ч., стали штампом газетной, публицистической, литературной речи: вести творческий поиск, массовый поиск новых путей, поиск продолжается, атмосфера смелого поиска; поиск ведут студенты (лингвисты, новаторы, металлурги и т. п.); смелый научный (или дерзновенный творческий, или новаторский) поиск и т. д. Придя в газету из специального употребления (поиск — разведывательная работа у геологов), в современной прессе эта форма сохраняет налет метафорического, образного, стилистически приподнятого употребления. Заметим, что в этом значении достаточно широко применяется и форма мн. числа: *поиски* ученых и конструкторов продолжаются; в сферу творческих *поисков* устремилась молодежь; ведутся научные *поиски*; школа мужества, *поисков*, дерзаний и мастерства — приведенные контексты взяты из современных газет. Параллелизм форм ед. и мн. ч. со временем

---

[28] См.: *Гаранина П. С. Поиски — поиск?* — РЯШ, 1966, № 4; *Качевская Г. А. Поиски или поиск?* — В кн.: Вопросы культуры речи, вып. VIII. М., 1967.

должен смениться более четкой семантической, стилистической или грамматической специализацией вариантов. Сейчас наметилось стилистическое различие: форма мн. числа нейтральна, тогда как форма ед. числа обычно используется в стилистически приподнятой, возвышенной речи.

§ 9. Заметные сдвиги происходят в формах числа у вещественных существительных. В традиционных грамматиках оговаривается употребление названий вещества только в форме единственного числа, хотя и в XIX в. используются формы мн. ч.: Они вышивали яркими берлинскими *шерстями* ковер (Т. П. Пассек, Из дальних лет).

Форма мн. числа используется, когда необходимо ввести обозначение разновидности, сорта вещества (*нефти, маслà, мраморы, соли* и т. д.). Например: Государственная межведомственная комиссия по испытанию топлива, *масел* и *жидкостей* при Госстандарте СССР приняла решение о допуске к применению на тепловозах смазки СТП для тяговых передач локомотивов (Правда, 1 авг. 1974 г.); Большое богатство представляют одни из лучших в стране *черноземы* (Турист, 1972, № 7); Химически чистой воды в организме нет. В ней растворены многие вещества: белки, *сахарá*... и минеральные *сóли* (Здоровье, 1974, № 10). Таким образом, грамматическая система допускает возможность таких образований. Более того, есть целый ряд существительных, по значению приближающихся к вещественным, у которых немаркированной оказывается форма мн. числа (ср. *ядохимикаты, хлебопродукты, нефтепродукты, промтовары, стройматериалы, фосфаты, полимеры, мономеры* и под.). Именно за счет подобных слов процент употребления форм мн. числа в нашей выборке был очень высоким. Немаркированная форма ед. числа у этих существительных употребляется редко и со специальным значением определенного сорта, разновидности вещества: *новый полимер, этот ядохимикат.*

Грамматическая допустимость обеих форм числа и повышение частоты употребления вещественных существительных в самых разнообразных контекстах создали возможность взаимозамены форм при обозначении вещества. Так, первоначально был написан автором следующий текст. «Имеется много различных случаев распада нестабильных частиц с близкими *массами* и *временами* жизни»; редактор исправил текст — «...частиц с близкой *массой* и *временем* жизни». В одном и том же контексте нередко соседствуют и форма ед., и форма мн. числа: Кондитеры фабрики «Красный Октябрь» готовятся к выпуску новых сортов карамели — «Золушка» и «Чайка». Эти *карамели* будут иметь ореховую начинку, глазироваться в конфетном и шоколадном цехах, получаясь приятными на вкус (Веч. Москва, 11 сент. 1964 г.).

В современном языке газет приводятся описания разнообразных сфер общественного производства. Рост состава названий вещественных существительных под пером журналистов стал особенно заметен в 50—60-е годы. Увеличился приток наименова-

ний, употребляющихся в форме мн. числа наряду с привычными формами ед. числа. Сельскохозяйственная терминология дала газете широко употребляющиеся формы *хлеба́, корма́, по́чвы, подпочвы, черноземы, суглинки, торфы, удобрения, тра́вы, овсы, пшеницы, льны, ржи* и т. д.: Большое внимание... мы уделяем внедрению высокоурожайных сортов сильных *пшениц* (Сельская жизнь, 1 янв. 1963 г.); Ой, вы, *ржи*, зеленые вы, *ржи*, Мне бы с вами жить... Я люблю смотреть, как ваша ширь дрожит... (И. Доронин, Весенняя любовь). Из химической, строительной и технической промышленности пришли многочисленные новые формы мн. числа: *олифы, бензины, топлива, авиатоплива, нефти, масла, угли, газы, сахара, белки, соли, сажи, кафели, асфальты, битумы, каучуки, мраморы, граниты, жирозаменители, смолы, автолы, солидолы, пеплы, металлы, динамиты* и т. д. Приведу лишь отдельные примеры: название книги — «Нефти СССР (Справочник)». М., 1974; Продукция эта — *бензины*, дизельные и котельные *топлива, битумы* различных марок, сжиженный топочный газ. Таков сегодняшний день полоцкого богатыря (Изв., 12 апр. 1965 г.); К этой форме необходимо прилагать раз в квартал следующие *масла*: дизмасло, *авиамасла*, машинное масло, цилиндровое масло, автол, солидол, нигрол и трансформаторное масло (Крокодил, 1965, № 22). Из текстильной, легкой и пищевой промышленности: *ткани, полотна, ситцы, сатины, шелка, штапели, драпы, меха́, кожи, нейлоны, велюры, вельветы, мыла, хрустали, табаки, чаи, крупы, колбасы, сыры, напитки, минеральные воды* и мн. др. (ср.: «Мыла́ наших дней — это натриевые или калиевые *соли* стеариновой, олеиновой и некоторых других *кислот* с различными специальными добавками».— Веч. Москва, 15 июня 1965 г.). Варианты форм ед. и мн. числа у вещественных существительных, подобных приведенным, по выборке словаря входят во вторую частотную зону, при этом количественные данные свидетельствуют о преобладании форм мн. числа над формами ед. числа. Этот материал заставляет пересмотреть правила, характеризующие норму употребления форм числа у вещественных существительных. Безоговорочное зачисление этих слов в состав существительных, имеющих только одну форму числа, сейчас уже невозможно.

Л. А. Новиков подметил одну особенность — трансформацию значения вещественных существительных в тех случаях, когда у них появляется форма множественного числа: «Употребление множественного числа существительных с вещественным значением становится возможным благодаря превращению нераздельной предметности в раздельную» [29]. «Вещественность» существительных если не теряется, то отходит на второй план, а сами эти существительные становятся в ряд обозначений «считаемых» предметов: *нефти СССР*, как *реки СССР*.

---

[29] *Новиков Л. А.* Природа числа существительных и его стилистические функции.— РЯШ, 1959, № 5, с. 20.

Аналогичный процесс усиления регулярности форм числа происходит и в небольшой группе существительных с семантическим значением собирательности: *коллектив—коллективы*, *толпа—толпы*, *войско—войска* и т. д. В частности, за последние годы заметно участилось употребление формы мн. числа у слова *коллектив*, *общество*: За звание *коллективов* коммунистического труда борются десятки цехов и отделов, сотни участков и бригад (Труд, 6 дек. 1968 г.); 15 октября Союз советских *обществ* дружбы и культурной связи с зарубежными странами... провели в Доме дружбы вечер... (Правда, 6 окт. 1976 г.).

§ 10. Одним из самых ярких стилистических явлений в категории числа представляется грамматическая синекдоха — использование нулевой формы ед. числа для передачи значения собирательности.

В языке газет и журналов в собирательном значении употребляется прежде всего форма ед. числа как стилистическое средство: *наш современник* прекрасен богатством своего духовного мира; книга издана в расчете *на* самого *широкого читателя*; игра на *массового зрителя*.

Собирательность обычно понимается как совокупность однородных предметов, составляющих целое или воспринимаемых как одно целое. С одной стороны, в собирательной форме присутствует значение несосчитанного, но конечного ряда. С другой, при замене формы мн. ч. формой ед. числа со значением собирательности происходит процесс, обратный тому, который мы наблюдаем в явлениях «оконкречивания» отвлеченных существительных формами мн. числа. Наблюдается своеобразное «расконкречивание» значения формы мн. ч., усиление отвлеченного начала в значении слова. См. пример: Быть захваченным и заполненным *книгой* и быть захваченным и заполненным *книгами* — вещи абсолютно разные. В первом случае процесс идет, так сказать, изнутри наружу, во втором — как раз наоборот (Изв., 16 февр. 1963 г.). Здесь значение разных числовых форм сигнализирует два разных восприятия явления: книга как выразитель некоего духовного богатства безотносительно к формам числа и книга — вещь, которая может быть сосчитана. Иногда трудно разграничить стилистические оттенки формы и определить, в каких случаях форма ед. ч. используется вместо множественного в качестве одного из тропов, как вид метонимического переноса (И слышно было до рассвета, Как ликовал *француз*), а в каких случаях передается чистое собирательное значение без специального стилистического задания. Широкая употребительность и закрепленность формы ед. ч. за определенными контекстами создают основу для нейтрализации формы. В применении к названиям биологических существ (рыб, зверей, птиц) давно уже стала нормативной форма ед. ч. для обозначения совокупности, множества: Здесь находится хозяйство по разведению *форели*. Для выращивания *рыбы* созданы особые пруды (Изв. 18 дек. 1975 г.); Длительные экскурсии,

ночевка под открытым небом, джигитовка на лошадях, охота *на зверя*...— все это развивает инициативу (Турист, 1967, № 2). За последние десятилетия возросло использование «собирательной» формы ед. ч. в применении к названиям мелких считаемых предметов, например кирпич, плитка, яйцо, огурец и т. д. (ср. *продажа яйца*, *агротехника огурца*, *производство плитки* и под.). См. примеры: Нельзя, разумеется, сказать, что потребности покупателей *в яйце* и диетическом мясе удовлетворяются уже полностью (Правда, 16 июня 1972 г.). Принят в эксплуатацию новый цех *по производству* крупноразмерной глазурованной *керамической плитки* для облицовки фасадов домов (Правда, 26 июня 1977 г.). Здесь стилистическая образность формы отодвинута на задний план. Зато в применении к названиям лиц изобразительные свойства формы заметно выделяются: Но почему англичане, будучи народом богатым и грамотным, не издают «сверхполного» собрания сочинений Диккенса? Потому что нет *покупателя* (В. Шкловский, Кто виноват). Широкая употребительность и фразеологизация формы — вот факторы, которые способствуют снижению стилистической окрашенности формы до нейтральной. Так, в применении к совокупности, множеству лиц, объединенных по какому-либо общественному или профессиональному признаку, форма «собирательности» закрепилась в качестве нормативной в фразеологизованных номинативных словосочетаниях типа *День кого-либо*, *Год кого-либо*, *Дом кого-либо*. Можно привести краткий перечень этих конструкций: *Международный год женщины*; *День энергетика*, *пограничника*, *химика*, *геолога*, *рыбака*, *машиностроителя*, *шахтера*, *строителя*, *металлурга*, *учителя*, *Всесоюзный день железнодорожника*, *Всесоюзный день физкультурника*. *День работника торговли*, *День медицинского работника*. Почему-то со словом *работник* наблюдаются колебания. В некоторых названиях закрепилась форма мн. числа: *День работников легкой промышленности*; *День работников пищевой промышленности; Всесоюзный день работников сельского хозяйства; День работников леса*. Однако в календаре на 1977 г. 19 сентября помечено *День работника леса*. Происходит подравнивание формы под образец общеупотребительного клише. Форма мн. числа используется гораздо реже: *День танкистов*, *Международный день студентов*, *День защиты детей*. Еще не окончательно сложилась норма в названиях со словом *Дом*; в них используется как форма единственного, так и множественного числа: *Дом актера*, *Дом журналиста*, *Дом рыбака*, *Дом колхозника*, *Дом учителя*, *Дом художника*, но *Дом литераторов*, *Дом композиторов*, *Дом офицеров*, *Дом работников искусств*, *Дом ученых АН СССР*, *Дом для престарелых*, *Дом для сотрудников АН СССР*. В городской номенклатуре для названий учреждений, магазинов, отделов, научных и торговых учреждений форма ед. числа укрепилась и употребляется как стилистически нейтральная: «отдел физики твердого *тела*», «кабинет искусственной *почки*»; название отдела в магазине

«мягкая *игрушка*», «готовое *платье*», «*вино*», «мехпухперо и *конволос*» и под.[30] (но ср. *бюро добрых услуг*, *Дворец бракосочетаний*).

Как показывают данные табл. I, собирательные формы находятся в зоне высокочастотных вариантов (на втором месте после отвлеченных существительных), см. с. 287.

Среди факторов, поддерживающих усиление вариантности в указанных лексико-грамматических разрядах существительных, наиболее существенным, на наш взгляд, является отсутствие четкой, пословной регламентации употребления этих форм в нормативных грамматиках и словарях. Так, в Академической грамматике 1953 г. (т. I, с. 115—118) сообщается: «Только в формах единственного числа употребляются имена существительные собирательные, отвлеченные и вещественные, а также большинство существительных собственных».

В Академической грамматике 1970 г. в главе о существительных с невыраженным противопоставлением ед. и мн. числа (см. с. 323—324) повторяются эти же правила с некоторой модификацией формулировок.

Происходящие смещения в области маркированности и немаркированности форм ед. и мн. числа, на которые наслаиваются факторы семантического и стилистического отождествления и размежевания форм, создали условия их напряженной вариантности. Наиболее заметные сдвиги в употреблении вариантных форм числа связаны с грамматическим, семантическим и стилистическим переосмыслением форм у тех существительных, которые в традиционной грамматике отнесены к группам слов, имеющих только одну форму числа — единственную или множественную[31].

Вариантность в падежной системе существительных

§ 11. Тенденция к несклоняемости отдельных разрядов существительных, так же как и усиление вариантности форм числа у определенных семантических групп существительных, представляет собой относительно новое явление в литературном языке. Эти сдвиги замечены в XX в. и приурочены к послереволюционным изменениям. В то же время вариантность падежных форм зарегистрирована на протяжении всей истории литературного языка.

---

[30] Вопросы словообразовательного выражения категории собирательности в языке детально рассмотрены в диссертации: *Миськевич Г. И.* Словообразовательная категория собирательных имен существительных в современном русском языке. Автореф. канд. дис. М., 1970.

[31] См.: *Арбатский Л. И.* Значения форм мн. ч. имен существительных в современном русском языке.— Филол. науки. 1958. № 4; *Шанский Н. М.* О происхождении и продуктивности суффикса *-ость*.— В кн.: Вопросы истории русского языка. М., 1959.

Медленные эволюционные смещения происходили и происходят под воздействием многочисленных сил и факторов, определяющих употребление форм. Отсутствие полной, строгой, пословной кодификации каждой из форм-лексем, особенно не в исходных, а в косвенных формоупотреблениях, способствовало более свободному проявлению возникающих влияний. Проведенное статистическое обследование показало, что в основных существующих схемах русского склонения всех существительных колебанию подвержены лишь немногие сотни существительных.

В первую очередь это существительные муж. рода на твердый согласный в следующих формах: им. мн. (тип. *тра́кторы — трактора́*, *сле́сари — слесаря́*) — в материалах словаря «Грамматическая правильность русской речи» отмечено свыше 300 существительных [32], колеблющихся в этой форме.

На втором месте по частоте употребления вариантных форм по материалам словаря стоит форма род. мн. (тип *микронов—микрон*, *алеутов—алеут*) — зарегистрировано немногим более 300 существительных определенных семантических разрядов.

Третье место по частоте употребления форм вариантов в газетной речи занимает форма род. ед. (тип *снега—снегу*, *народа—народу*) — зарегистрировано до 400 существительных узко замкнутых семантических групп.

На четвертом месте оказывается форма предл. ед. (*в це́хе—в цеху́*, *в о́тпуске—в отпуску́*), отмечено около 150 существительных, принимающих вариантную форму.

Таким образом, более одной тысячи существительных муж. рода на твердый согласный колеблются в той или иной падежной форме.

Остальные неустойчивые падежные формы и по составу колеблющихся лексем, и по частоте употребления в спонтанной речи занимают весьма скромную долю (см. табл. I). Это: род. мн. у существительных жен. р., ср. р. с основой на мягкий согласный, *ж* или шипящий (*доль—долей*, *ясель—яслей*, *теть—тетей*, *дядь—дядей*, *простынь—простыней*) — немногим более 100 слов; форма род. мн. у существительных ср. рода на *-ье* (*ущельев—ущелий*, *угодьев—угодий*, *разводьев—разводий*) — около 80 существительных; форма род. мн. у существительных ср. рода на *-це* (*полотенец—полотенцев*, *блюдец—блюдцев*) — колеблются не более десятка существительных; «собирательная» и «несобирательная» форма им. мн. у существительных муж. р. на твердый согласный (*крюки—крючья*, *дяди—дядья*, *клины—клинья*) — форма вариантна лишь у отдельных существительных. В выбороч-

---

[32] В исследовании А. С. Фидровской отмечено свыше 500 слов, принимающих вариантные формы (см.: *Фидоровская А. С.* К вопросу о процессе и факторах новообразования на *-а* в именительном падеже мн. числа существительных муж. рода.— Уч. зап. Казанского ун-та. 1952, т. 112, кн. 6).

ной совокупности для словаря не регистрировалась очень частотная падежная форма твор. ед. у существительных жен. р. на *-а*, *-я* (типа *весною—весной*, *порою—порой*). По данным пробного экспериментального словаря двусложное окончание *-ою*, *-ею* встречается очень редко и не составляет и одного процента вариантных форм по отношению к употреблению данной падежной формы. Форма фразеологизировалась в «параметрических» и временных конструкциях типа *высотою* 10 000 м, *глубиною* 100 м, *шириною...*, *длиною...* (ср. дорога *длиною в год*), *порою*, *весною*, *зимою* (ср. заголовок статьи в «Правде» на первой полосе: «За высотою высота», номер от 20.IV. 77). Двусложный вариант закрепился в некоторых пословицах: Лучше *ногою* запнуться, нежели языком; не всяк умен, кто с *головою*; солью сыт не будешь, *думою* горя не размыкаешь. В качестве версификационного средства двусложная форма используется в современной стихотворной речи достаточно широко.

В выборке объемом в 2 млн. слов ни разу не встретились такие вариантные формы с беглым гласным, как форма род. мн. *русел—русл*, *сопел—сопл* (от существительного сопло), *ароб—арб* (арба); форма род. ед. *моха—мха*, *брелока—брелка*; форма им. мн. от сущ. ср. р. на *-це* (щупальцы—щупальца); формы косвенных падежных форм от существительных на *-мя* (типа сколько *время—времени*, *из пламя—из пламени*); варианты твор. пад. типа *плечьми—плечами*, *дверьми—дверями*. Все эти варианты, по нашим данным, следует считать очень редкими (для письменной газетной речи).

Статистические характеристики обнаруживают некоторые существенные черты конкурентных отношений форм. Отмеченные выше первые три формы (им. мн., род. мн., род. ед.) относятся к вариантам I частотной зоны и квалифицируются как «самые употребительные» (свыше 1000); форма предл. ед., по полученным данным, относится к вариантам II частотной зоны с условной квалификацией «достаточно употребительные» (частота формы находится в диапазоне $999 < 655 < 100$).

Самый процесс вариантности протекает у всех этих форм поразному. Характер количественной оппозиции внутри вариантных пар контрастен в формах им. мн. и род. мн. с явным и очень убедительным предпочтением традиционной формы. В род. ед. и в предл. ед. заметно предпочтение форм, отступающих от традиций, но и процент традиционных форм достаточно высок. По приведенным данным, таким образом, наиболее интенсивно и напряженно протекающими оказываются процессы, обусловленные тенденцией к перестройке падежной системы из восьмипадежной в семипадежную. Сейчас уже нельзя безоговорочно утверждать, что существует особая падежная форма для родительного партитивного.

Сильнейшее влияние акцентологического фактора поддерживает конкуренцию форм в им. мн. и предл. ед. Под воздействием

фонетического фактора формы на *-а* (*-я*) в им. мн., несущие ударение на окончании (*трактора́*, *цеха́*, *бега́*), используются для противопоставления формам единственного числа с накоренным ударением: *цех*, *це́ха* (см. также побеждающий вариант *в цехе*) и *цеха́*, *цехо́в*; *трактор*, *тра́ктора* (и *в тра́кторе*), но во мн. *трактора́*, *тракторо́в*. Хотя усилившаяся тенденция к накоренному ударению распространяется и на формы мн. ч.

§ 12. Другой силой, определяющей борьбу падежных форм, является действие семантического фактора. Так, именно под влиянием семантического фактора формы на *-а*(*-я*) оказываются предпочтительнее у слов с предметным значением. В частности, многие названия предметов из профессиональной речи в литературный язык приходят с флексией *-а*(*-я*): *баллера́*, *каупера́*, *стапеля́*, *скрепера́*, *шивера́*, *штихеля́*, *слешера́*. За названиями лиц по профессиям в письменной речи литературная норма требует флексии *-ы*(*-и*): *пе́кари*, *то́кари*, *сле́сари*, *бухга́лтеры* и т. д.

Семантическое начало определяет обособленность нулевой флексии род. мн. у некоторых разрядов существительных, которые употребляются при назывании количества предметов или лиц. Они обозначают или измеряемые (или измеряющие) предметы, или парные предметы, или массовидные предметы и обобщенные понятия, для обозначения которых используется только форма мн. числа.

Во всех грамматических типах падежных вариантов можно заметить следы взаимодействия разных стилистических сфер речи. В форме им. мн. очагом распространения флексии *-а*(*-я*) являются сферы профессионального языка и просторечия. В род. мн. новый пласт единиц измерения с нулевой флексией пришел также из профессиональной физико-технической речи. В род. и предл. ед. перекрестное влияние разговорных и книжно-письменных стилей речи определяет исход борьбы в пользу книжно-письменных вариантов.

Церковнославянские напластования, широко распространявшиеся и укреплявшиеся в книжных стилях литературного языка, оказывали большое влияние на параллельные исконно-народные формы. Так, большинство существительных среднего рода, оканчивающихся в им. ед. на *-ье* (*взгорье*, *зимовье*, *зданье*), сейчас уже принимают флексию *-ий*, хотя до XIX в. более распространенной была форма *-ьев*, *-иев*: *зданьев*, рушатся громады (Державин), Каких *веселье*в ждет (Фонвизин); Новым словам не надобно старых *окончаниев* давать (Ломоносов). Лишь отдельные слова сохранили прежнюю флексию: *платьев*, *устьев*, *подмастерьев*, *лохмотьев*, *отребьев*. Форма на *-ий*, став универсальной и повсеместной, продолжает оказывать влияние на те отдельные слова, которые еще колеблются в употреблении: *ущельев* и *ущелий*, *верховьев* и *верховий*, *низовьев* и *низовий*, *угодьев* и *угодий*, *кочевьев* и *кочевий*.

Разговорная фонетическая тенденция к редукции и экономии произносительных усилий обусловила победу односложной флексии в твор. мн. (*весной, зимой, порой* и под.).

Так во взаимодействии разнонаправленных сил эволюционируют элементы падежной системы современного литературного языка.

Нормативный аспект микроизменений в категории рода

§ 13. В сфере грамматической категории рода наиболее весомыми оказываются варианты, не относящиеся к разграничению «собственных» морфолого-синтаксических форм рода. Происходят заметные смещения не столько в самих формах существительных, переходящих из одного родового класса в другой (типа *рельс—рельса),* сколько в формах согласования с глаголами, прилагательными, причастиями, местоимениями и числительными-прилагательными.

Меняется прежде всего норма согласования в роде в словосочетаниях, где приметой родовой принадлежности существительного становится не флексия существительных, а родоразличительные формы глаголов в прош. вр., прилагательных, причастий и т. д. Основным источником интенсивной вариантности являются существительные — названия женщин по профессии, занятиям, служебному положению и т. д. Больше половины всех зарегистрированных вариантов четвертой рубрики таблицы составляют женские соответствия к мужским в наименованиях лиц: *она вице-чемпионка — она вице-чемпион; она была переводчиком — она была переводчицей; стала соратником — стала соратницей* и мн. др. Суффиксальные образования с приметой женского рода еще с достаточной долей предпочтительности преобладают над параллельной формой (70%/30%). Однако в строгом стиле письменной речи, в деловых документах, публицистике, научной прозе, отчасти и в разговорной речи заметна тенденция к более широкому использованию существительных муж. р. для названия женщин: «Поездка в Советский Союз была полезной и очень приятной»,— заявила общественный *деятель* Филиппин, супруга президента Филиппин Имельда Марка (Изв., 28 марта 1972 г.); *женщина — постановщик* художественного фильма вообще не столь частое явление в кинематографии (Лит. газ., 15 марта 1972 г.); *Скончалась ответственный работник* аппарата ЦК КПСС Мария Михайловна Артамонова (Правда, 30 июня 1977 г.). Эти и подобные примеры вызывают у некоторых читателей протест: «Кончился Международный год женщины, а процесс их омужчинивания продолжается» — так наивно и непосредственно комментировал замеченное явление один из читателей в своем письме в ИРЯЗ АН СССР. Однако отрицательные оценки отдельных лиц следа в языке не оставляют.

Явление «мускулинизации» в наименованиях профессий интенсивно развивается.

Формы этого типа входят в первую частотную зону самых употребительных вариантов[33], причем в состав грамматической модели входит не менее 500 вариантных пар.

С отмеченным явлением тесно связана тенденция к формированию новой группы существительных, которые в терминологии польских ученых называют двуродовыми[34]. Это растущий разряд наименований лиц в мужском роде, к которым нет параллельных соответствий женского рода. Перечень таких существительных составляет не менее 200 слов. Это и официальные, административные, должностные названия типа *премьер-министр, президент, министр, дипломат, посол*, и обозначения ученых степеней и званий типа *доктор наук, кандидат наук, профессор, доцент*, и названия лиц по военным специальностям (*боец, воин, офицер, пилот, сержант, майор, капитан* и под.), и социально-оценочные характеристики или наименования типа *товарищ, член* (партии, профсоюза, правительства), *лауреат, вождь* и мн. др. Эта группа названий постоянно пополняется за счет новообразований, ср.: *космонавт, космофизик, космопроходец, телекомментатор, телерепортер, бионик, кибернетик* и т. д.

В связи с активизацией этих имен сейчас уже стали твердой нормой употребления сочетания с «самостоятельным женским родом глагола» (по терминологии А. М. Пешковского) типа *врач посоветовала, филолог выиграла* и под. В таких сочетаниях пол называемого лица указывается синтаксически — способ, конкурирующий со словообразовательным выражением того же значения. Как показывают материалы словаря, конструкции существительное + глагол с синтаксическим выражением стали нормативными и в устных, и в письменных стилях речи (см. табл. I)[35].

Иная форма употребления в конструкциях с определением, выраженным прилагательным, причастием, порядковым числительным, относительным или притяжательным местоимением. В письменной, строго официальной или нейтрально-деловой речи принята норма согласования по грамматической форме определяемого существительного: *выдающийся математик Софья Ковалевская, прославленный космонавт Валентина Терешкова*. Однако в разго-

---

[33] См. об этом: *Протченко И. Ф.* Лексика и словообразование русского языка советской эпохи. М., 1975 (там же приводится исчерпывающая библиография).

[34] Описание параллельных процессов в польском литературном языке см.: *Buttler D., Kurkowska H., Satkiewicz H.* Kultura języka polskiego. Zagadnienia poprawnos'ci gramatyczney. Warszawa, 1973.

[35] См.: *Копелиович А. Б.* Семантико-грамматическое развитие категории рода в современном русском языке. Автореф. канд. дис. М., 1971; *Он же.* К вопросу об определении категории общего рода в современном русском языкознании.— Уч. зап. Владимирского гос. пед. ин-та, 1970, т. 21, с. 87—115; *Он же.* К вопросу о категории общего рода в современном русском языке.— Уч. зап. МОПИ, 1970, т. 278, вып. 17. Русский язык, с. 192—199.

ворной речи преобладает согласование по смыслу: *выступила главная зоотехник Погодина; подходит наша экскурсовод; вторая врач сказала; какая вы молодец!; эта товарищ уже выступила* и т. д. Подробное согласование отмечено только в форме им. падежа. Согласование по смыслу со словами, называющими женщин, но имеющими форму муж. рода, не может быть проведено по всей системе падежных флексий. В косвенных падежах в этих случаях возможно только согласование в форме муж. рода: *к нашему экскурсоводу Ивановой, в гостях у известного композитора Пахмутовой.*

В отличие от существительных субстантивированные прилагательные и причастия, обозначающие лиц женского пола, весьма слабо задеты вариантностью форм. Субстантивированные прилагательные и причастия, составляющие класс личных имен существительных, насчитывают до 100 пар соотносительных мужских и женских наименований, характеризующих лицо не по должности, а по другим каким-то признакам *(бедная, подсудимая, милая, молодая, малолетняя* и т. д.), формы жен. и муж. рода не варьируют. Лишь те немногие наименования, которые обозначают официальную должность, звание или общественные обязанности женщины, в строгом деловом стиле иногда употребляются и в форме муж. рода: *уполномоченным из района является т. Миронова; Ольга Олейник — выдающийся ученый; управляющим делами назначена тов. Широкова; заведующему сектором тов. Ивановой выдана премия* и т. д.

Как и в XIX в. норма согласования колеблется в словосочетаниях с существительными общего рода (*бедняга, выскочка, тупица* и под.). В современном литературном языке насчитывается свыше 200 таких существительных. Упомянутые выше современные грамматические тенденции привели к тому, что укрепилась норма преимущественного согласования по смыслу. Применительно к лицам мужского пола согласующееся слово употребляется в муж. роде (*этот пролаза, экий здоровила, избран глава правительства*), применительно к женщинам — в жен. роде (*она такая молодчина, Иванова — замечательная умница*).

Тенденция синтетического согласования в роде оказывается ведущей в продуктивной группе несклоняемых существительных. К этому разряду относятся не только заимствованные несклоняемые существительные (типа *кофе, кепи, шасси*) — таких слов насчитывается до 400. Более частотными в языке газет оказываются несклоняемые аббревиатуры, оканчивающиеся на гласный (РОЭ, АСТА, ТЭА, РОНО и т. д.), и многие аббревиатуры, оканчивающиеся на твердый согласный (ООН, ПОРП, ОАР, ТЭЦ, АЭС, ЛЭП и под.).

Традиционное морфологическое колебание в роде, когда в качестве родоразличительной приметы выступает флексия существительного, в целом имеет сравнительно небольшой удельный вес. Родовое варьирование представляет собой непродуктивное яв-

ление, и по сравнению с XIX в. к нашему времени число варьирующихся пар заметно сократилось. Общий удельный вес таких колеблющихся слов в составе всех существительных очень мал: не более 100 пар имен существительных, колеблющихся между мужским на твердый согласный и женским на *-а*, и не более 50 существительных с основной на мягкий согласный, *ж* и *ш*, у которых род колеблется между мужским и женским. Если в первом типе колебаний выпадение одного из вариантов шло, как правило, в пользу слов мужского рода (см. общие количественные данные табл. I), то во втором типе колебаний данные обнаруживают преобладание женской параллели. В целом же схема различений рода в основной массе существительных достаточно устойчива.

§ 14. Проведенный обзор всех данных убеждает в том, что вариантность существительных опоясывает грамматическую систему полем окраинных переменных элементов.

Анализ характера вариаций помогает провести демаркационную черту между тем, что отвечает потенциальным сдвигам в системе грамматических оппозиций, и тем, что не затрагивает существа этой системы. Все варианты форм существительных делятся на две основные категории:

а) денотативные, или системные, варианты. Они отличаются, во-первых, тождеством грамматического значения, во-вторых, высокой степенью независимости по отношению к контексту. Основную группу денотативных вариаций в классе существительных составляют варианты падежной системы.

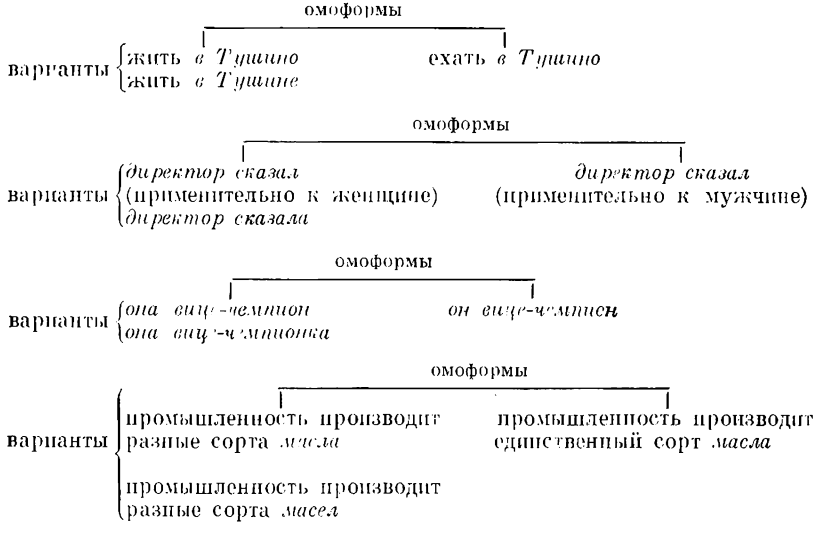
Это перечисленные варианты падежных флексий: формы им. мн. у существительных муж. рода *-и(ы)*, *-а(я)*; варианты различаются еще и просодически (*тра́кторы—трактора́, сле́сари—слесаря́*); род. ед. *-а/-у* (*песка—песку*); род. мн. *-ов* и др.; тв. ед. *-ой/-ою* (*рукой—рукою*); предл. ед. у существительных муж. рода. В местном значении с предлогами *в* и *на -е/-у* (типа *в це́хе—в цеху́, на мы́се—на мысу́*) и нек. др. Среди вариантов рода к денотативным могут быть отнесены только формы имен существительных, колеблющихся между мужским на твердый согласный и женским на *-а* (*рельс—рельса, георгин—георгина, плацкарт—плацкарта* и под.);

б) комбинаторные (позиционные или коннотативные) варианты. Это варианты форм, отождествляемые в речи вследствие происходящей нейтрализации грамматических оппозиций. Комбинаторные варианты характеризуются, во-первых, определяющей ролью синтаксической позиции, во-вторых, редукцией грамматических различий у чередующихся форм.

Так, выше было отмечено явление нейтрализации грамматических оппозиций в некоторых разрядах существительных в формах ед. и мн. числа.

К типу комбинаторных вариаций должны быть отнесены все отмеченные выше формы синтаксического родоразличения (*директор сказала—директор сказал* в применении к женщине

и под.), так же как и факты синтаксического согласования падежных форм у несклоняемых вариантов. В случае денотативных вариаций каждый член вариантного ряда всегда выступает в качестве смыслоразличительной формы, тогда как в случае комбинаторных вариаций одна и та же форма обнаруживает себя лишь в зависимости от синтаксической позиции в разных качествах; то она выступает в роли варианта с тождественным грамматическим значением, то в роли омоформы с иным грамматическим значением. Это положение можно проиллюстрировать следующей трехэлементной схемой:

Направление кодификации в случае денотативных вариаций должно происходить в сторону унификации колеблющихся форм. Поскольку эти типы вариантов факультативны, локально ограничены и охватывают сравнительно небольшой круг лексики, уместно проводить политику осторожного ограничения частных употреблений вариантных форм, отклоняющихся от общей нормы. Комбинаторные вариации, в отличие от денотативных, затрагивают семантико-синтаксические соотношения форм и, в частности, связаны с аналитическими тенденциями в русской грамматике. Поскольку новые черты протекающих грамматических процессов отмечены лишь в XX в., типы позиционных вариантов изучены менее обстоятельно. Поэтому и направление кодификации в некоторых из этих случаев не столь уж очевидно: нужны специальные исследования.

Обзор вариантности форм у прилагательных

§ 15. В самой высокой частотной зоне и нарастающей фазе вариантности находится продуктивная, самая употребительная группа вариантов словосложения типа *парторганизация—партийная организация, телеателье—телевизионное ателье.* С грамматической стороны явление образования новых «аналитических» прилагательных достаточно широко освещалось в научной литературе[36], однако с нормативной точки зрения этот материал еще ждет своего исследователя. Поскольку в данной работе освещаются преимущественно варианты словоизменения, пласт вариантов словосложения пришлось оставить в стороне. Здесь этот тип вариантов упомянут лишь в связи с тем, что по своему удельному весу все другие словоизменительные варианты прилагательных находятся в более низких частотных зонах. Это существенно для общего перспективного обзора категории вариантности. Крепость нормы в классе прилагательных неоднородна в том отношении, что варьируют лишь сравнительно немногие грамматические формы. Так, стабильны и не колеблемы все согласовательные формы полных прилагательных — в роде, числе и падеже. Степень варьирования тех форм прилагательных, которые зафиксированы в обследованной выборке, видна из помещенной в приложении табл. II, в которой вариантные формы прилагательных расположены по убывающей частоте употребления.

В табл. II проявляется достаточно наглядно тот факт, что самый крупный пласт вариантов составляют формы сравнительной и превосходной степени прилагательных и наречий. Вариантный ряд этих форм достаточно широк: его составляют все те прилагательные и наречия, от которых может быть образована синтетическая и аналитическая форма сравнительной и превосходной степени. Вторую группу высокочастотных вариантов составляют субстантивированные и субстантивирующиеся формы типа *сборная команда СССР — сборная СССР.* Вариантный ряд здесь насчитывает свыше 200 пар. Группа вариантов пополняется новообразованиями. На фоне этих активных вариантных ареалов контрастно маленькую и малочастотную группу составляют варианты кратких форм мужского рода у прилагательных на *-енный.* Вариантный ряд этой группы включает всего 45 варьирующихся пар: *ветрен—ветренен, двойствен—двойственен, свойствен—свойственен, тождествен — тождественен* и т. д.

В дальнейшем обзор материала проводится под определенным углом зрения: какие наиболее существенные факторы обусловливают существование вариантных форм прилагательных.

[36] См.: Русский язык и советское общество. Морфология и синтаксис современного литературного языка. М., 1966, с. 73—88 (там же приводится литература вопроса).

Стилистическая дифференциация вариантов

§ 16. По результатам статистической обработки несколько неожиданной была высокая частота вариантов синтетической формы сравнительной степени наречий и прилагательных с суфф. *-ее* и *-ше* — в первой графе табл. II они вышли на первое место. Вариативный ряд образуют всего пять пар: *более—больше*, *менее—меньше*, *ранее—раньше*, *далее—дальше*, *долее—дольше*. При подсчете к этому же ряду отнесены варианты *позднее—позже*[37]. Высокая употребительность этих вариантов объясняется грамматикализацией антонимических форм *более* и *больше*, *менее* и *меньше*. Эти варианты широко используются в разнообразных служебных функциях, например в роли сравнительных частиц, ср. *всё более* (менее), *еще более* (менее) — *всё больше* (меньше), *еще больше* (меньше); в роли количественных предлогов *более* (менее) — *больше* (меньше) *100 человек*, *не более* (менее) — *не больше* (меньше) *100 гектаров*; в устойчивых сравнительных сочетаниях *более или менее* (больше или меньше), *более* (менее) — *больше* (меньше) *того*, *более* (менее) — *больше* (меньше) *чем* и некот. др.

Существование этих вариантов поддерживается их стилистической дифференциацией. Все варианты на *-ее* традиционно закрепились за книжно-письменными сферами литературного языка, варианты на *-ше*, свойственные нейтральной речи, сдвинуты в сторону разговорного стиля литературного языка: Все *дальше* и *дальше* пытается уйти от общества этот мешковатый порывистый человек, но уйти не может, проигрывая чем *дальше*, тем *больше* (Сов. экран, 1977, № 5). Здесь замена вариантов на *-ше* вариантами на *-ее* (*далее*, *более*) возможна лишь с большой натяжкой. Эта замена перевела бы всю фразу в иной стилистический ключ, в иную тональность. Вместе с тем некоторые контексты не только допускают, но и требуют употребления обоих вариантов: топлива добыто на полмиллиона *больше ранее* намеченного (Правда, 14 мая 1977 г.). Если в парах *далее—дальше*, *долее—дольше*, *более—больше*, *менее—меньше* соблюдается известная стилистическая пропорция в соотношении вариантов, то в паре *позднее—позже* стилистические различия сглажены. Вариант *позже* приобрел права нейтрального литературного эквивалента и заметно вытесняет конкурента, широко употребляясь в письменных стилях: Несколько *позже* к керченским рыбацким причалам была прибуксирована в аварийном состоянии еще одна шхуна (Правда, 24 марта 1977 г.).

В своем количественном соотношении варианты на *-ше* и *-ее* близки к равновероятным, т. е. находятся в острой фазе вариантности. Стилистическая специализация вариантов — вот та основная причина, которая обусловливает их существование в языке.

[37] В Словаре «Грамматическая правильность русской речи» словарные статьи по формам степеней сравнения написаны М. И. Морозовой.

Системно-грамматическая регуляция форм

§ 17. Синтаксические и семантические особенности прилагательных, определяющие их место и функционирование в составе предложения, порождают специфические варианты форм, не свойственные другим частям речи (за исключением наречий). Имеются в виду соотносительные синтетические и аналитические формы степеней сравнения. Подробный статистический и сопоставительно-грамматический анализ этих форм дается в статьях М. И. Морозовой, посвященных степени сравнения прилагательного [38]. Автор выдвигает на первый план именно системно-грамматические факторы, регулирующие употребление и соотношение этих вариантов.

В системе языка аналитические формы обладают более широкими возможностями образования и функционирования, чем синтетические формы. Традиционные, издревле употребляющиеся синтетические формы более свойственны разговорным стилям литературного языка, чаще встречаются в языке художественной литературы. Весьма доказательно, казалось бы, иллюстрируют это положение те количественные сопоставления по стилям, которые проведены М. И. Морозовой [39]:

Таблица 16

Варианты	Стилистические группы текстов	Научные тексты	Публицистические тексты	Произведения художественной литературы
Синтетический: *сильнее*		0,27	0,30	0,82
Аналитический: *более сильный*		0,73	0,70	0,18

Заметим, однако, что данные частотно-стилистического словаря вариантов расходятся с результатами подсчета М. И. Морозовой, касающимися употребления вариантов в публицистических текстах (см. табл. II). Возможно, что расхождение обусловлено тем, что в словаре подсчитывались не только сравнительные формы прилагательных, но и сравнительные формы наречий. Выборка из газетной речи по словарю свидетельствует о предпочтении синтетических форм сравнительной степени: зарегистрировано около 73%

[38] *Морозова М. И.* Развитие аналитических конструкций степеней сравнения в русском языке.— Уч. зап. Вологодского пед. ин-та, 1964, т. 28; *Она же.* Аналитические и синтетические формы сравнительной степени прилагательных.— Уч. зап. МГПИ им. В. И. Ленина, 1969; *Она же.* Вариантность форм прилагательного (формы сравнительной степени).— В кн.: Языковая норма и статистика. М., 1977.

[39] Таблица взята из статьи М. И. Морозовой «Вариантность форм прилагательного (формы сравнительной степени)» (см. «Языковая норма и статистика». М., 1977).

синтетических форм (типа *он культурнее, культурнее жить*) и лишь 27% аналитических форм (типа *он более культурный, более культурно жить*). Несмотря на отмеченные расхождения в количественной оценке данных, общее направление процесса вырисовывается вполне определенно. Варианты синтетических и аналитических форм степеней сравнения в 60—70-е годы находятся в нарастающей фазе вариантности. Конкуренция сопровождается синтаксической и стилистической специализацией форм. Под влиянием грамматической аналогии происходят известные нормативные сдвиги в образовании форм сравнительной степени от основ на заднеязычный согласный. Редкие, иногда окказиональные образования синтетических форм от целого ряда этих прилагательных (типа *весче, громоздче, дерзче, метче, робче, хватче, ходче, хрустче* и мн. другие) [40] не являются нормативными в современном литературном языке. В «Толковом словаре русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова в разделе сведений по грамматике приложен список прилагательных и наречий, образующих сравнительную степень не на *-ее* (см. § 129). Многие из рекомендуемых списком форм сейчас практически не употребляются или употребляются очень редко. Можно привести лишь некоторые из них: *бросче* (броский), *валче* и *вальче* (валкий), *ветше* (ветхий), *мерзче* и *мерзее* (мерзкий), *плосче* (плоский), *плоше* (плохой), *скользче* (скользкий), *ходче* и *ходчее* (ходкий), *трясче* (тряский). Теперь на их месте используются, как правило, аналитические формы: *более веский, более стойкий, более плоский, более скользкий* и под. Тем не менее в поэзии нередко используются лаконичные синтетические формы: Да и с какой же стати буду *робче* я Машин грохочущих и певчих птиц... (Л. Мартынов, Все выскажу).

Три уровня языковой экономии — три группы вариантных форм

§ 18. Прилагательное — самая длинная часть речи. Поэтому именно в составе прилагательных с особенной силой сказывается воздействие тенденции к экономии в ее различных проявлениях. Три группы вариантных прилагательных связаны с тремя уровнями языковой экономии: семантико-синтаксическим, собственно морфологическим и фонетико-морфологическим. Реализация семантико-синтаксического способа экономии предполагает явление синтаксического эллипсиса, сопровождающегося процессом семантического включения, когда переносится значение всего сочетания на первое, ударное в смысловом отношении слово. Наиболее ярким, грамматически оформленным явлением такого рода,

[40] Списки этих форм приводятся в работах: *Еськова Н. А.* Образование синтетических форм степеней сравнения в современном литературном языке.— В кн.: Развитие грамматики и лексики современного русского языка. М., 1964; *Она же.* О форме сравнительной степени от прилагательного *хлесткий*.— IV. В кн.: Вопросы культуры речи, вып. IV. М., 1963.

породившим мощный пласт вариантных форм, оказывается процесс субстантивации прилагательных (*выходной день—выходной*).

Собственно морфологический уровень экономии предполагает отсечение окончаний. В составе прилагательных это явление наблюдается в группе кратких форм мужского рода у прилагательных на *-енный* (*торжественен—торжествен*). Фонетико-морфологический уровень экономии предполагает фонетическую редукцию окончания (*рукою—рукой*, *веселее—веселей*). Во всех упомянутых случаях фаза вариантности прилагательных и сила протекающего процесса неодинаковы.

Самый глубокий источник вариантности связан с процессом субстантивации прилагательных и причастий, приводящим к образованию существительных прилагательного склонения. Явление субстантивации в современном литературном языке достаточно детально исследовано[41]. Разряд субстантивированных существительных типа *сборная СССР* (команда), *озимые* (культуры), *командировочные* (деньги), *докторская* (колбаса) в современном литературном языке насчитывает не менее 600 слов, зарегистрированных в 17-томном словаре в качестве существительных прилагательного склонения, уже вычленившихся из словосочетаний и существующих самостоятельно. Процесс субстантивации происходит на протяжении всей истории литературного языка и к настоящему времени не может считаться завершенным. В наши дни пласт субстантиваций постоянно пополняется за счет новых образований, идущих, прежде всего из разговорной (ср. хотя бы названия вузов *архитектурный*, *медицинский*, *политехнический*) и профессиональной сферы (ср. названия мастерских типа *электросварочная*, *шлифовальная*, *токарная*, названия поездов типа *скорый*, *товарный*, *пассажирский*, *курьерский*, *почтовый*, названия магазинов типа *овощной, продуктовый, комиссионный, хлебный* и мн. др.). С нормативной точки зрения интерес представляют отнюдь не те группы слов, которые полностью перешли в разряд существительных и приобрели самостоятельные формы

---

[41] См. основные из них: *Пермьмуттер Л. Б.* Переход прилагательных в существительные.— РЯШ, 1948, № 1; *Липкин С. Д.* Явление субстантивации прилагательных и причастий в языке советской художественной литературы. Автореф. канд. дис. Самарканд, 1949; *Барзилович А. М.* Субстантивация прилагательных в русском языке. Автореф. канд. дис. Киев, 1952; *Смольянинова М. И.* К вопросу о субстантивации в современном рус. языке.— Уч. зап. Калужского пед. ин-та, 1961, вып. 10; *Постникова Н. И.* Стилистическое использование субстантивированных прилагательных и причастий в современном русском языке. Автореф. канд. дис. Саратов, 1962; *Ройзензон Л. И.* К типологии субстантивированных прилагательных и причастий в русском языке.— Труды Самаркандского ун-та, 1962, вып. 118; *Лопатин В. В.* Субстантивация как способ словообразования в современном русском языке.— В кн.: Русский язык. Грамматические исследования. М., 1967: *Лукин М. Ф.* О подлинной и ложной субстантивации прилагательных и причастий в современном русском литературном языке.— Филол. науки, 1969, № 6, и др.

рода и числа (типа *вселенная*, *мостовая*, *зодчий*, *запятая*). В нормативных оценках нуждается в первую очередь группа субстантивированных прилагательных и причастий, образованных сравнительно недавно путем вычленения из словосочетаний в результате эллиптического опущения существительного. Субстантивированные слова и параллельные словосочетания употребляются в этих случаях на паритетных началах: *сборная СССР—сборная команда СССР*, *выходной—выходной день*, *докладная—докладная записка*, *комиссионный—комиссионный магазин*, *сортировочная—сортировочная станция* и т. п. Обычно варианты различаются стилистической окраской. Поскольку именно тенденции к лаконизму в разговорной речи обусловливают появление форм, субстантивированные прилагательные и причастия сохраняют отпечаток разговорности. Словосочетания, характерные для полного и строгого стиля официальной и деловой речи: В подтверждение могут быть приведены записи устной речи: были билеты в *Большой*; защитил недавно *кандидатскую*; *курсовую* написал; в *комиссионном* шубу купила; по *безналичному* расплатилась; получила *пригласительный* на семинар; он на *металлургическом* работает; сын в детсаду в *малышовую* ходит; наша *сборная* выиграла. Стилистически окрашенные субстантивированные слова этой группы широко используются в поэзии, прозе и публицистике: Сколько жили в обороне, Что уже с *передовой* Сами шли, бывало, кони Как в селе на водопой (А. Твардовский, Поэмы); А ты летишь лесистым яром С *курьерским*, и на канапе Ты скрипку вынешь из футляра, И скрипка начинает петь (Н. Ушаков, Лес рубят). Отрицательных оценок субстантивированные образования не вызывают. Однако встречаются нежелательные случаи смешения значений в паронимических образованиях: *командировочный—командированный*, *приемочный—приемный* и под. Так, применительно к человеку, командированному по каким-либо делам, уместно употреблять страдательное причастие *командированный*. Применительно к деньгам и документам используется прилагательное *командировочный*: *командировочное удостоверение*, *командировочные деньги*. В употреблении разные значения этих форм различаются далеко не всегда. Так, в записи устной речи «Я — командировочный» форма употреблена неправильно. Известная специализация значения происходит и в других параллельных образованиях: *приемная* (комиссия), но *приемочный* (пункт); *бутафорная* (комната, помещение в театре), но *бутафорские* (принадлежности, атрибуты); получил *туристическую* (путевку), но *туристские* (маршруты, тропы, снаряжения). Зарегистрированные количественные соотношения (см. табл. II) свидетельствуют в целом о заметном предпочтении субстантивированных форм (свыше 80% против неполных 20% параллельных словосочетаний). По свидетельству исследователей, грамматический процесс субстантивации протекает весьма активно. Поскольку процесс длится давно, разные формы характеризуются разли-

чиями в фазе вариантности. Для некоторых из субстантиваций цикл вариантности уже завершился (ср. *трудящиеся*, *колыбельная*, *больной* и под.); новые образования находятся в нарастающей фазе, ср.: *космический* (корабль), *счетно-решающие* (устройства), *докторская* (колбаса). В острой фазе с тенденцией к переходу в ниспадающую сейчас находятся формы *сборная* (команда), *посевная* (кампания), *зерновые* (культуры), *скорый* (поезд), *ремесленное* (училище), *сверхсрочная* (служба) и нек. др. В ниспадающей, практически уже нулевой фазе находятся субстантивированные наименования денег, выплачиваемых в разной форме и по разным поводам: *авторские*, *подъемные*, *разъездные*, *командировочные*, *выходные* (получаемые при увольнении), *комиссионные*, *премиальные*, *страховые*, *суточные*, *штрафные*, *наградные*, *наличные*, *отпускные*. Более тщательное сопоставительно-синонимическое и статистическое исследование могло бы внести дополнительные уточнения и в отношении времени вхождения субстантиваций в пределы строгой литературной нормы, и в отношении характера тех эволюционных сдвигов, которые заметны даже при беглом обзоре субстантивированных форм.

§ 19. Качественно иную стадию вариантности проходят параллельные синтетические формы сравнительной степени прилагательных и наречий с двусложным и односложным вариантом суфф. *-ее* (типа *быстрее — быстрей*). По частоте употребления эта форма находится в первой, самой высокой частотной зоне, но по соотношению вариантов в письменной речи — в начальной фазе, т. е. в подавляющем числе случаев предпочитается традиционный двусложный вариант (92,48% двусложных форм против 7,52% односложных). Есть основание предполагать, что вариантность в этом звене системы в дальнейшем будет прогрессировать. В словоизменении однородная фонетическая редукция отмечена в целом ряде других форм: в тв. ед. у существительных женского рода (*высотою — высотой*), местоимений (*-ею — -ей*) и прилагательных (*большою — большой*). У существительных женского рода еще в начале XX в. в некоторых сферах речи отмечалась фаза вариантности, близкая к той, которую проходят сейчас варианты сравнительной степени[42]. Процесс фонетической редукции окончания в формах сравнительной степени, как кажется, со временем углубится. Уже сейчас в устной речи интеллигенции, по свидетельству М. И. Морозовой[43], количественное соотношение вариантов изменяется, и доля употребления редуцированных форм возрастает до 30%: все теперь *ясней* стало; иди сюда *скорей*; *поживей* поворачивайся; гляди *бодрей* и т. д. Как и в истории вариантов тв. падежа, двусложная флексия дольше удерживается в односложных или немногосложных корнях: *живее*, *белее*, *вернее* (ср. нор-

[42] См.: *Катлинская Л. П.* Варианты флексий творительного падежа имен женского рода в современном русском литературном языке. Автореф. канд. дис. М., 1969, с. 18—19.

[43] См.: «Грамматическая правильность русской речи», с. 241.

мативную сейчас форму местоимения *с нею*, а не *с ней*). Распределение ударной силы в слове также имеет для осуществления редукции немалое значение. Ударение на корне способствует выбору редуцированного окончания, ударение на суффиксе несколько в большей степени задерживает двусложное окончание: *ме́дленней*, *бе́режней*, *замеча́тельней*, *вду́мчивей*, но *больне́е*, *остре́е сыре́е* и под. Впрочем, зарегистрировано немало примеров, когда выбор варианта определялся отнюдь не факторами фонетического характера. В деловой письменной речи, в которой соблюдаются требования полного и строгого стиля, закрепляются двусложные варианты окончания, установка на разговорность определяет выбор односложной формы. Иногда даже и стилистические компоненты текста уравнены, а формы выбираются разные. Так, на одной и той же полосе в одном и том же номере «Правды» отмечены обе формы: Так что теперь бетонщики могут работать *быстрее* и *надежнее*; ...Камчатское стадо лосей составляет около 12 тыс. голов. Гораздо *трудней* было сосчитать с двухсотметровой высоты быстрых снежных баранов (Правда, 25 марта 1977 г.). Разговорная и письменная норма употребления этих форм достаточно резко контрастируют. Если в устной речи параллельные формы в настоящее время находятся в нарастающей фазе вариантности, то в письменной речи — газетно-журнальной, деловой, научной, за исключением языка художественной литературы, — нормативно-регулятивная деятельность редакторов заметно ограничивает сферу распространения разговорных редуцированных форм.

В предпоследней частотной зоне, т. е. среди сравнительно редких форм, значатся краткие формы мужского рода у прилагательных на *-енный*. Эта модель характеризуется малой лексической ёмкостью (45 пар). Интересно, что в составе прилагательных на *-енный* способность к образованию усеченной и «полной» краткой формы прилагательных неодинакова. Так, лишь два прилагательных церковнославянского происхождения *блаженный* и *благословенный* имеют только усеченную краткую форму, употребляющуюся в функции предикатива: Есть матери — *блажен*, кто их имеет, — нам кажется порою, может быть, они всего на свете и умеют, что только нас жалеть, кормить, любить (К. Симонов, Первая любовь); Час ученичества! Но зрим и ведом Другой нам свет, — еще заря зажглась. *Благословен* ему грядущий следом Ты — одиночества верховный час! (М. Цветаева, Есть некий час). Некоторые прилагательные не колеблясь принимают форму *-енен*: *искренен, надменен, неприкосновенен, несомненен, обыкновенен, откровенен, проникновенен, почтенен, современен, беспочвенен, бесхозяйственен, бесчувственен, незабвенен, сокровенен.* Все другие прилагательные имеют варианты: *безответствен* и *безответственен*, *величествен* и *величественен*, *двойствен* и *двойственен* и т. д.[44]

[44] Список этих прилагательных приводится в словаре «Грамматическая правильность русской речи» (с. 232—233); словарная статья на эту тему написана Л. П. Катлинской.

Общее количественное соотношение свидетельствует о предпочтении усеченных, более «экономных» форм (90% против 10%). Прилагательные на *-енный* свойственны книжному стилю. Налет «книжности» сохраняют и краткие формы: ...Раз старший по должности счел себя вправе отослать его с больным, значит, он *ответствен* за это перед вышестоящим начальством (Правда, 24 марта 1977 г.); надо сказать правду, много утечет воды, пока ты однажды поймешь, что он дико, дремуче, непроходимо *невежествен* (Липатов, Трудовые мозоли).

В качестве фактора, сдерживающего переход к усеченным формам, выступает ударение на суффиксальной части. В прилагательных с ударением на суффиксе устойчиво закрепилось окончание *-енен*: *надме́нен, несомне́нен, неприкоснове́нен, обыкнове́нен, откро́вен, проникнове́нен, почте́нен, совреме́нен, незабве́нен, суве́рен, свяще́нен.* Накоренное ударение создает условия для появления вариантных форм, в частности, усеченных образований: *Торже́ствен*, но краток и строг Салют наш и воинский рапорт. Тогда мы ушли на восток, Теперь мы уходим на запад (А. Твардовский, У славной могилы). Было бы ошибкой считать, что неусеченные формы сейчас совсем не употребляются. Неравносложность вариантов — качество, которое используется поэтами: Не в честь любимых строю мавзолей, Когда закат *торжественен* и розов,— Мне всех кладбищ печальней и милей Забытое кладбище паровозов (Н. Ушаков, Кладбище паровозов); Агрикультура знает много тайн, *Таинственен* и сложен чрезвычайно, И вовсе не походишь на комбайн Ты, предок современного комбайна! (Л. Мартынов, В мире сорных трав).

Общий обзор факторов, поддерживающих явление вариантности в классе прилагательных, убеждает в том, что наряду с универсальными факторами, действующими и в классе существительных, и в классе прилагательных, имеются и факторы индивидуальные, свойственные только прилагательным. В классе прилагательных, как и в классе существительных, варианты беспрепятственно и широко употребляются в тех случаях, когда в грамматиках не сформулированы нормативные ограничения, сопряженные с отрицательной оценкой имеющихся вариантов. Особенно поддерживает вариантность отсутствие пословной кодификации в грамматиках. Вариантность усиливается в результате взаимодействия разных стилей литературного языка, обусловливающего, с одной стороны, сближение и нейтрализацию стилистически окрашенных форм, с другой, расхождение вариантов по употреблению и специализации в разных стилистических сферах. Эти факторы оказываются общими и для класса существительных, и для класса прилагательных. Отличия касаются существа воздействия тех системно-грамматических факторов, которые регулируют употребление и соотношение вариантов, в частности, аналитической и синтетической форм степеней сравнения. В составе прилагательных в наибольшей сте-

нии осуществляется тенденция к экономии прежде всего на уровне семантико-синтаксическом (субстантивация). Собственно морфологический и фонетико-морфологический способ усечения окончаний как источник вариантности свойствен и классу прилагательных, и классу существительных.

ГЛАГОЛ

В основных категориальных формах глагол более стабилен, чем имя. Как показывает обзорная таблица (см. табл. III), большинство глагольных вариантов располагается в низких частотных зонах. Однако несмотря на то, что употребительность вариантов невысока (по данным, она в десять раз ниже, чем в классе существительных), репертуар колебаний более разнообразен и более насыщен, чем в других знаментальных частях речи. Залог, наклонение, время, вид — в таком порядке по частоте употребления располагаются все вариантные формы глагола, зарегистрированные в нашей выборке.

В дальнейшем изложении явление глагольной вариантности рассматривается более детально, причем факты сгруппированы вокруг стержневых тем. Освещены следующие вопросы: семантико-стилистическая дифференциация вариантных форм залога; редукция окончаний и суффиксов в группах вариантов форм наклонения и времени; грамматическая аналогия и варианты форм времени и вида.

Семантико-стилистическая дифференциация вариантных форм залога

§ 20. В самой высокой (первой) частотной зоне находятся варианты взаимозаменяемых страдательных и действительных конструкций: *прекращен* (*был, будет прекращен*) *выпуск продукции — прекратили* (*прекратят*) *выпуск продукции, дело организовано* (*было, будет организовано*) *плохо — дело организовали* (*организуют*) *плохо* и под. По данным словаря, соотношение этих вариантов следующее: 89,7% страдательных конструкций и 10,3% параллельных действительных конструкций, т. е. страдательные конструкции общеупотребительны, а действительные используются сравнительно редко. Конструкции различаются нюансами значения. В публицистической, научной и деловой речи пишущим приходится часто строить предложения, где производитель действия устранен, субъект пассивен. Эту функцию и выполняют в первую очередь страдательно-причастные конструкции. В синонимичных действительных конструкциях субъект не пассивен — субъект как активно действующее лицо подразумевается, но точно не указывается. О семантических и стилистических различиях пассивных и неопределенно-личных конструкций написана большая

литература[45]. Необходимо заметить, что нормативное употребление пассивных конструкций на протяжении истории литературного языка, в частности и в XX в., претерпевало сдвиги. В частности, в газетах 20-х годов речь журналистов находилась под сильнейшим влиянием законодательных документов той поры. Особенно ходовыми были страдательные обороты, выраженные формами страдательных причастий на *-н-*, *-т-* от непереходных глаголов, теперь несвойственные литературному языку. Отдельные примеры из текстов того времени: будет *поступлено* по всей строгости закона; в городе *приступлено* к устройству дорог; отделом *приступлено* к организации работ; *приступлено* к обработке земли под пахоту; *приступлено* к переходу на мирную работу; *приступлено* к оборудованию завода; районными советами *приступлено* к работе; так будет *поступлено* с теми, кто сопротивляется закону; в квартире документов *не оставлено* и т. под. Сейчас эти конструкции еще можно встретить в архаической деловой и профессиональной юридической речи. Однако в нейтральных стилях общелитературного языка обороты такого рода уже не соответствуют литературной норме.

§ 21. По данным выборки, во вторую частотную зону (в пределах 100—999 форм) попали группы соотносительных неопределенно-личных и безличных форм типа *сдают на склад — сдаются на склад, это отмечали на собрании — это отмечалось на собрании* и группы соотносительных инфинитивных и неопределенно-личных форм типа *не поймешь — не понять*.

Казалось бы, все варианты конструкций со значением форм залога, предназначенные для обслуживания нужд литературного языка, допускаются нормой и употребляются в зависимости от потребности выразить тот или иной оттенок значения[46]. Так, в паре *сдают на склад — сдаются на склад* дифференциация в значении обусловлена характеристикой действия в его отношении к производителю действия. В неопределенно-личных оборотах (таких, как *средств не выделяют, это отмечали на собрании*) оттеняется личный характер действия, хотя его производитель не назван, не определен. По словам А. М. Пешковского, подлежащее в этих конструк-

---

[45] См.: *Маркарян Р. А.* Синонимика действительных и страдательных оборотов в современном русском языке.— Научные труды Ереванского ун-та, 1956, т. 57, вып. 4; *Зеленов А. Н.* Страдательные обороты без выраженного производителя действия в современном русском литературном языке.— Уч. зап. Новгородского пед. ин-та, 1967, т. XII. Вопросы фразеологии и грамматики рус. яз.; *Беркович Н. Э.* Страдательный оборот в разных стилях современного русского языка.— В кн.: Вопросы русского языкознания. Саратов, 1961; *Клубков П. А.* О синонимии неопределенноличных и двучленных пассивных конструкций в современном русском языке.— В кн.: IV межвузовская студенческая научная филологическая конференция. Программа и краткое содержание докладов». Л., 1971, и др.

[46] В словаре «Грамматическая правильность русской речи» в словарных статьях о вариантах залога, написанных Белоусовой Е. Л., достаточно подробно рассказано об особенностях значения вариантов.

циях не досказывается отнюдь не случайно; оно «намеренно представлено как неизвестное неопределенное». Оттенок неопределенности специально достигается с помощью неопределенно-личных форм. В параллельных безличных конструкциях с возвратными формами глагола (*средств не выделялось, это отмечалось на собрании*) действие характеризуется вне его отношения к субъекту; действие совершается помимо воли субъекта. Оттенок неопределенности отсутствует, производитель действия не назван и не указан в формах глагола, действие осуществляется как бы непроизвольно. Несмотря на то, что обе эти конструкции (неопределенно-личная и безличная) могут быть использованы на равных правах, в газетной речи отдается явное предпочтение неопределенно-личным оборотам. Отмечено 80,27% неопределенно-личных конструкций и только 19,73% — безличных. Как отмечает Е. Л. Белоусова, «выбор этих вариантов в современном литературном языке определяется жанрово-стилистическими соображениями». Краткому, сухому стилю научного изложения больше отвечают нейтральные безлично-возвратные формы. Стилистический оттенок неопределенности, недосказанности, свойственный неопределенно-личным конструкциям, в большей степени соответствует непринужденным стилям литературного языка, особенно тем его разновидностям, где имеет место установка на художественную изобразительность речи.

§ 22. Аналогичные стилистические пропорции соблюдаются в паре соотносительных неопределенно-личных инфинитивных форм типа *не поймешь—не понять*. В газетной речи количественное предпочтение, как и в предыдущей паре, оказывается на стороне неопределенно-личных оборотов (75,5% против 24,5%). Экспрессивно-стилистическая выразительность этих форм обусловливает их употребительность: без разногласий *не обойдешься*; кто прав, кто виноват — *не поймешь*; такие беспорядки, что *не расскажешь*; всех дел *не переделаешь*, а надо! Эти формы широким потоком идут из разговорной речи: теперь и *не поймешь*, кто у них там главный; его скоро *не раскусишь*; никак *не поймешь*, чего он хочет; в чужую душу *не влезешь* и т. д. Наиболее ярко стилистические различия между неопределенно-личными и близкими к ним по значению инфинитивными формами обнаруживаются из сопоставления этих афористических конструкций в пословицах. Примеры неопределенно-личных форм: шилом моря *не нагреешь*; тише *едешь*, дальше *будешь*; от лихого *не услышишь* доброго слова; не вкусив горького, *не узнаешь* и сладкого; на словах, что на перинке, а *проснешься* — наголе; счастье алтыном *не купишь* и т. д. Примеры инфинитивных форм: С умом суму *носить*, а без ума и суму *потерять*; дурака *учить* — в решете воду *носить*; легко *найти* счастье, а *потерять* и того легче; счастья алтыном *не купишь* и под. В пословицах с неопределенно-личными формами (*счастья алтыном не купишь*) связь действия и производителя действия, хотя и очень неопределенная, все же имеется. В кон-

струкции сохраняется ориентация на личный, хотя и неопределенный характер действия. Действие мыслится в неком временно́м плане. В пословицах с инфинитивными формами (*счастья алтыном не купить*) достигается иное значение — вневременное и внеличное. На смену стилистической неопределенности предыдущих форм приходит категоричность и безапелляционная определенность высказывания по выражению «сказал, как отрезал». Разные семантические и стилистические нюансы этих вариантов обеспечивают им дифференцированное употребление в зависимости и от разных задач, и от избранного стиля высказывания. Эти варианты живучи и в народной речи, и в разговорных стилях городской речи, и в экспрессивных стилях письменного литературного языка.

В самых низких частотных зонах, по данным выборки, располагаются безличные и личные страдательные формы (типа *изготовлено изделий — изготовлены изделия*) и возвратные варианты, соотносительные страдательным формам типа *не исключается...— не исключено...* Малая употребительность форм не дает возможности сделать какие-либо определенные заключения относительно характера количественной и семантико-стилистической оппозиции этих вариантов.

Редукция окончаний и суффиксов в группах вариантных форм наклонения и времени

Тенденция к редукции окончаний и суффиксов наблюдается в формах повелительного наклонения, в формах инфинитива и в формах прошедшего времени у бесприставочных и приставочных глаголов на *-нуть*. Варьирование внутри каждой из этих групп происходит с разной степенью интенсивности.

§ 23. Стремление к экономии языковых средств, как известно, в отдельных случаях решает судьбу вариантов в пользу более коротких, лаконичных форм. В системе глагола наиболее глубоко, широко и последовательно эта тенденция проявляется в формах повелительного наклонения. По значению и сфере употребления повелительное наклонение тесно связано с экспрессивными и разговорными слоями лексики литературного языка [47]. В письменных стилях литературного языка, прежде всего в деловой, научной и газетно-журнальной речи, формы повелительного наклонения — относительно редкое явление. По данным выборки из газет, ни одна из форм повелительного наклонения не вошла в первую зону самых употребительных вариантов (составляющих в выборке не менее 1000 форм). Однако варианты повелительного наклонения

[47] См.: *Шмелев Д. Н.* Значение и употребление форм повелительного наклонения в современном русском литературном языке. Автореф. канд. дис. М., 1955; *Мучник И. П.* О значении форм повелительного наклонения в современном русском языке.— Уч. зап. МОПИ, 1955, вып. 2, т. 32; *Немешайлова А. В.* Повелительное наклонение в современном русском языке. Автореф. канд. дис. Пенза, 1961.

не попали и в последнюю зону «редких» форм. Варианты повелительного наклонения 3-го лица с частицей *пусть—пускай* вошли во вторую частотную зону (в пределах 100—999 форм), которая квалифицировалась в качестве «достаточно употребительных форм». Варианты форм повелительного наклонения 2-го лица ед. числа типа *откупорь—откупори* вошли в третью частотную зону с пределами употребления 10—99 форм (см. данные графы II в табл. III).

Количественное соотношение вариантов обнаруживает полное предпочтение более коротких вариантов. В частности, группа вариантов повелительного наклонения 3-го лица с частицей *пусть* составила около 97% против 3% вариантов форм с частицей «пускай».

Процесс вытеснения редуцированным вариантом более длинного происходит в грамматике избирательно и прихотливо: только в тех случаях, когда появляются материальные предпосылки для функционирования усеченных форм. Типичную картину с этой точки зрения представляют собой колебания в форме повелительного наклонения 2-го лица ед. ч. у некоторых групп глаголов (типа *выбрось—выброси*). Насчитывается свыше двухсот глаголов, у которых возможны вариантные формы. Ниже показано, что в разных группах глаголов степень и полнота варьирования неодинакова, хотя предпочтение редуцированных форм в целом заметно.

Колебания в употреблении форм повелительного наклонения 2-го лица ед. числа наблюдаются у глаголов с пакоренным или подвижным ударением в отличие от глаголов с устойчивым окончанием *-и* под ударением (типа *пиши́*, *веди́*, *тяни́*, *храни́* и т. д.). В зависимости от разных фонетических условий формы повелительного наклонения варьируются у следующих групп глаголов.

1. Глаголы, имеющие после корневой гласной ударяемое окончание *-ить*: *доить*, *на-*(вы-, пере-, раз-, из-, по-, с-, от-)*доить*; *плоить* (спец.— делать на чем-либо равные складки при помощи щипцов, гофрировать, например: плоить белье, кружево), *на-*(с-, от-)*плоить*; *кроить*, *рас-*(за-, на-, в-, вы-, под-, пере-, при-, до-, по-, с-, от-)*кроить*; *клеи́ть и кле́ить*, *за-*(об-, вы-, с-, на-, в-, до-, про-, над-)*клеить*; *поить*, *за-*(на-, под-, пере-, по-, о-, до-, с-, вс-, от-)*поить*; *слоить*, *рас-*(на-, под-, пере-, про-, от-)*слоить*. Литературной норме соответствуют формы повелительного наклонения с ударным *-и́-*: *подои́*, *плои́*, *напои́*, *расслои́*, *раскрои́* и т. д. У образований с приставкой *вы-* ударение перетягивается на префикс: *вы́дои*, *вы́крои*. В устной речи у глаголов окончание редуцируется — *вы́крой*, *вы́дой*. В просторечии, в народных пословицах и поговорках употребляются образования повелительной формы на *-й*: *напой*, накорми, а после вестей попроси; *пой*, корми, одевай, да на работу посылай; хоть трижды *подой*, все тот же удой; как ни *крой*, а швы наружу выйдут. Изредка редуцированные варианты используются в поэзии в целях верификации: Мир озарен Полярною звездой, За окнами упругий снеж-

ный хруст. Ты поцелуя теплою водой *Напой* меня из приоткрытых уст (Л. Мартынов, Элегия).

2. Глаголы с накоренным ударением в повелительном наклонении после стечения согласных, как правило, имеют окончание *-и-*: *помедли, помасли, поразмысли, перечисли, оформи, усовести.* Отклонения от этого правила зарегистрированы у ряда глаголов, основы которых оканчиваются на согласные *ст, рт, рщ, рч, нч*: *портить, ис-*(пере-, по-, на-)*портить, бесчестить, обесчестить, чистить, по-*(за-, на-, об-, под-, пере-, о-, до-, по-, про-, с-, рас-, от-, вы-)*чистить, рас-*(от-, про-)*чихвостить, корчить, с-*(пере-)*корчить, морщить, на-*(по-, с-)*морщить, топорщить, от-*(вс-)*топорщить, кончить, за-*(при-, о-, до-, по-)*кончить, клянчить, нянчить, за-*(по-, вы-)*нянчить.* Традиционно литературными формами являются образования с неударяемым *-и*: *почисти* (почистите) платье, *не испорти* (испортите) дела, *не морщи* (морщите) лоб, *понянчи* (понянчите) ребенка. В разговорной речи широко распространились редуцированные формы типа *почисть, испорть*, откуда они проникли и в письменные стили литературного языка. Обычно эти формы используются в речи персонажей: Мельница была благоустроена, на полном ходу, все в полной точности, только сам дела *не порть* (С. Клычков, Коржачный звон); Ложи, в слезы! В набат, ярус! Срок, *исполнься*! Герой будь! Ходит занавес, как парус, Ходит занавес, как грудь! (М. Цветаева, Занавес); Вот и говорю я от имени трудящихся сел и деревень: приезжайте в гости, но *не портьте* народное добро, уважайте хозяев, которые сердечно принимают вас... (Турист, 1971, № 2); Сидит со щетками Робот-чистильщик.— *Почисть*, дружище, Да только почище! И чистит Робот... (С. Кирсанов, Поэма о роботе).

3. Подавляющее большинство глаголов с приставкой *вы-* в повелительной форме 2-го лица оканчивается на *-и-*, аналогично соответствующей бесприставочной форме: *веди—выведи, грузи—выгрузи, зови—вызови, плесни—выплесни, плати—выплати, сверли—высверли* и т. д. У глаголов с накоренным ударением в бесприставочной форме (их немногим более 30) в повелительном наклонении с приставкой *вы-* образуются вариантные формы: *брось—выброс*ь и *выброси, лезь—вылезь* и *вылези, красть—выкрасть* и *выкрази, морозь—выморозь* и *выморози, режь—вырежь* и *вырежи, ставь—выставь* и *выстави, плавь—выплавь* и *выплави, сыпь—высыпь* и *высыпи* и т. д. В формах мн. числа и в возвратных образованиях в качестве основной выступает форма на *-ь-*: *выбросьте, высыпьте, высуньтесь, выправься* и под. В разговорной современной литературной практике предпочитаются редуцированные варианты на *-ь-*, варианты на *-и-* воспринимаются часто как книжные или устаревающие: Если со скандалом, он тебе скажет: план! ты к нему по-доброму: мол, *выручь*. И выйдут взаимные отношения (Изв., 19 июня 1963 г.). Так, традиционные формы повелительного наклонения от глаголов *высыпать, осыпать — высыпли, осыпли* лишь изредка встречаются в стихотворной речи: Забрезжи мне

(звезда), Проглянь и прояснись, Вновь сердцу хмурому дай блеск сиянья, Стрелой огня небесного метнись, *Осыпли* искрами очарованья (Н. Бараташвили, Моей звезде, пер. Ю. Верховского).

4. Колеблются некоторые формы на губной и сонорный согласный: *уведомь—уведоми, лакомь—лакоми, откупорь—откупори, закупорь—закупори*. Более употребительными формами в современном языке являются формы на *-ь-*. Эти варианты поддержаны соответствующими формами мн. числа: *уведомьте, полакомьтесь, откупорьте*.

Многие формы областного и просторечного характера типа *погодь, ляжь, положь, покажь, не трожь, выдь, вылазь, становь* часто используются в языке художественной литературы для индивидуализации речи персонажей: Опротивели конспиративные!... Подкечь обои? Вспороть картины? Об стену треснуть сервиз, съезжая?... *Не трожь* тарелку — она чужая (А. Вознесенский, Неустроенный монолог); (Мать) — Стучится кто-то, *выдь*, посмотри! (Подъячев, Забытые); *Не трожь*! — сказал Мартынов, подмигивая Лукашину (В. Панова, Кружилиха); — Коля, мы же договорились... *Не трожь* парня,— с угрозой сказал дюжий детина в кепке... (Моск. правда, 13 июля 1963 г.); Ты *погодь*, старушка, не лезь. Что ты тут под ногами шариком вертишься? (Л. Леонов, Барсуки). В нейтральном литературном употреблении такие варианты неуместны, однако некоторые из них закрепились в пословицах и фразеологии: *Отложь-ка* блины до маслены, *вынь да положь*; в приговорах свахи «*выдь* на крыльцо покажи свое белое лицо».

5. В возвратных формах повелительного наклонения, оканчивающихся на *-ся*, в ситуативной речи, главным образом в устных приказах, в среде военных, в туристских, школьных, лагерных командах используются усеченные формы на *-сь*: — К бою, *готовьсь*!; По порядку номеров, *рассчитайсь*!; — *Равняйсь*, смирно! и под. В письменной речи эти варианты иногда применяются писателями в целях стилизации: Именем закона — арестованы. *Равняйсь*, смирно! За мной марш! (К. Федин, Похищение Европы); Вот тутто держись за вожжи, *хватайсь* за скобы. Лошади в запряжке бесились, несли напропалую. И весь лес стонал да трещал (М. Кочнев, Березовый хозяин); Затем слышится лаконичная из предпусковых команд — Товьс! (Правда, 30 июля 1972 г.).

§ 24. В фазе интенсивной вариантности, наблюдающейся в разных стилях письменной речи, находятся варианты инфинитива у глаголов на *-нуть*: *достичь—достигнуть, застичь—застигнуть, настичь—настигнуть, постичь—постигнуть*. Хотя конкурируют единичные формы — всего четыре глагола, по частоте употребления они превосходят многие другие глаголы — в газетной речи эти глаголы входят во вторую частотную зону. При этом количественные соотношения обнаруживают употребительность обоих вариантов с преимуществом более короткого: отмечено 68,2% форм типа *достичь* и 31,8% форм типа *достигнуть*. Нормативные оценки этих вариантов на протяжении их истории менялись. Исконно литера-

турными считались глагольные образования, восходящие к инфинитиву *стигти—стигнути*, тогда как формы на *-чь* (*достичь*, *постичь*), хотя и выступали в языке с ранних пор, тем не менее прав литературных форм долго не получали. Так, С. П. Обнорский в книге «Очерки по морфологии русского глагола» (М., 1953) писал о том, что «формы *достичь* и под... не могут считаться вполне литературными» (с. 34). Современная академическая грамматика квалифицирует эти формы следующим образом: формы «*достичь*, *застичь*, *настичь*, *постичь* более присущи разговорной речи и просторечию» (Грамматика русского языка, т. I. М., 1953, с. 564).

В языке художественной литературы XVIII—XIX вв. оба варианта были широко распространены. У Кантемира читаем: *Достигнуть* корень самыя правды и достичь тот высокий чин, достичь злу кончину; у Пушкина: Надеясь *настигнуть* самого Пугачева... (История Пугачевского бунта), Он может мщением отца *Постигнуть* гордого злодея (Полтава) и Мы берегов *достичь* успели (Братья-разбойники). Варианты на *-нуть*, употребленные в особых контекстах и словосочетаниях, сейчас особенно остро воспринимаются как примета литературного языка XIX в.: Впоследствии всю жизнь стремилась подняться до его нравственной высоты, и никогда не могла *до нее достигнуть* (Т. П. Пассек, Из дальних лет).

Инфинитив на *-чь* широко употреблялся многими классиками в XIX в.: Ах, как игру судьбы *постичь*! (Грибоедов, Горе от ума); Я... нет, я не то,— сказал Манилов: — но я не могу *постичь*... (Гоголь, Мертвые души); Никак не может *достичь* земли (Л. Андреев, Тьма) и т. д. В наше время, как и в XIX в., в письменном литературном языке употребляются оба варианта: Рабочий класс решился *достигнуть* своей свободы (Гроссман, Степан Кольчугин); Она не удивлялась, не гневалась и не пыталась, подобно своим коллегам, *постигнуть* сложную душу преступника (Ю. Нагибин, Как трудно быть учителем); ...С подарками там многого *достичь* можно (А. Кузьмин, У золотых ворот); ...Тогда они могут *постичь* необъятность вселенной только по звездам (А. Зегерс, Через океан). В газетной и журнальной речи также употребительны оба варианта: Здесь можно... *достигнуть* перевалов и вершин, на которые не вступала нога человека (Турист, 1974, № 11); А поди ж ты, выпьет и норовит на наземной технике *достичь* авиационных скоростей (Правда, 14 марта 1976 г.); Потребуется шесть часов, чтобы *достичь* северного берега озера Дюпкун (Турист, 1974, № 7). В газете чаще отдается предпочтение вариантам на *-чь*: *достичь* успеха в переговорах, *достичь* более высокого уровня производства, *постичь* тайны своего ремесла. Оба ряда вариантов (*достигнуть — достичь* и под.) тождественны по значению, но стилистические оттенки в их употреблении все же сохранились. Варианты на *-ть* (*настигнуть* врага, *постигнуть* смысл его речей, *достигнуть* крупных успехов в экономике) многими воспринимаются как «книжные» формы, обладающие «высокой» стилистической окрас-

кой, и поэтому свойственны строгим стилям литературного языка. Вариантам на *-чь* в большей степени свойствен налет разговорности. В словарях трудностей («Трудности словоупотребления и варианты норм русского литературного языка», Л., 1973; «Словарь трудностей русского языка», М., 1976; «Грамматическая правильность русской речи», М., 1976) оба варианта признаются литературными.

Важно подчеркнуть, что процесс редукции окончаний у отдельных глагольных форм происходит отнюдь не прямолинейно. Можно вспомнить немало фактов, когда мы наблюдаем действие обратной замены усеченных форм на более длинные — односложных на двусложные, двусложных на трехсложные, трехсложных на четырехсложные. В пример может быть приведена история инфинитива у глаголов на *с*, *з* (варианты типа *выгрести—выгресть*).

В неопределенном наклонении у глаголов с основой на *с*, *з* нормой является окончание *-ти*. Таких глаголов немного: *блюсти*, *брести*, *везти*, *вести*, *гнести* (стар.), *грести*, *грясти* (книжн.), *мести*, *нести*, *обрести*, *пасти*, *плести*, *ползти*, *произнести*, *расти*, *скрести*, *трясти*, *цвести* и производные приставочные образования от этих глаголов. Несколько глаголов с ударением на основе имеют инфинитивную форму на *-ть*: *класть*, *клясть*, *красть*, *лезть* (но вылезть и вылезти), *пасть* (однокоренное с глаголом падать, но пасти, пасет), *прочесть*, *прясть*, *сесть*.

В литературном языке XIX в. у глаголов на *-сти*, *-зти* допускались и достаточно широко употреблялись варианты на *-сть*, *-зть*. Ударение при этом передвигалось на основу: Вот вас бы с тетушкою *свесть*; Не смею моего сужденья *произнесть* (Грибоедов, Горе от ума); Ноздрев велел еще *принесть* какую-то особенную бутылку (Гоголь, Мертвые души); А виноград матушка обещала сама *принесть* (Л. Толстой, Казаки) и мн. др.

В XX в. употребление вариантных форм инфинитива на *-ть* резко сократилось. Теперь они употребляются преимущественно в разговорной речи, придавая ей просторечную или областную окраску. В устной речи легко поддается редукции окончание у производных глаголов с приставкой *вы-*: *вылезть* из нормы, *выгресть* сено. Усеченные варианты сохраняются в народных пословицах и фразеологии: лапти *плесть* — одпова в день есть; это вам не лапти *плесть*.

В современной художественной литературе используется в стилизованной речи для создания местного колорита: После обеда бабы начали *гресть*. Скошенная трава вяла и сохла (Шолохов, Тихий Дон); И даже засыпаны все звериные следы совершенно. Конечно, сегодня старухе *не принесть* молока из деревни (Пришвин, Времена года).

В поэзии усеченные варианты применяются нередко, в особенности такие слова, как *цвесть*, *обресть*, и все их приставочные образования: И все ж — плеча, крыла, колена Сжав — на погост дала себя *увесть*,— То лишь затем, чтобы, смеясь над тленом,

стихом восстать — иль розаном *расцвесть*! (М. Цветаева, Любовь! Любовь!); Ваши рольсы и ройсы — Змея ветхая лесть! Сыне! Господа бойся, Ноги давшего — *бресть* (М. Цветаева, Ода пешему ходу); Готов стоять. Все знать. Все *перенесть*. Всей кровью слышу. Верю без предела. (Е. А. Винокуров, Я чувствую разумность бытия).

В публицистике такие варианты используются редко, причем стилистический и литературный колорит этих форм обычно сохраняется: Ряд материалов был опубликован в «Вечерней Москве» под рубрикой «Саду *цвесть*!» (Веч. Москва, 24 апр. 1971 г.).

§ 25. Постепенность, как бы «спиралеобразность» процесса замещения одних вариантов другими особенно наглядно наблюдается в формах прошедшего времени глаголов на *-нуть*. Так, различается степень конкуренции среди вариантов приставочных глаголов типа *промок — промокнул*, среди бесприставочных форм (*сох — сохнул*) [48]. В спонтанной речи эти формы употребляются сравнительно редко. По данным газетной выборки, варианты входят в предпоследнюю, третью зону (в пределах 10—99). К тому же само явление вариантности этих форм в классе глагола занимает довольно скромное место. Емкость варьирующейся модели невелика. Перечни вариантных форм насчитывают 32 бесприставочных глагола (*блекнул — блек*, *бухнул — бух*, *вязнул — вяз*, *гаснул — гас* и т. д.); не менее двадцати глаголов на *-нуть*, не употребляющихся без приставок (*ввергнул—вверг*, *воздвигнул—воздвиг*, *воскреснул — воскрес*, *избегнул — избег* и под.); самую большую группу (свыше пятидесяти пар) составляют приставочные глаголы (*взмок—взмокнул*, *влип—влипнул*, *вник—вникнул*, *вымок—вымокнул*, *завяз—завязнул*, *мерк—смеркнул* и под.). Таким образом, вся эта группа насчитывает немногим более 100 глаголов. Заметим, что ни в формах женского или среднего рода, ни в формах мн. числа колебаний не наблюдается. Только в мужском роде мы замечаем неуклонно происходящий процесс исчезновения суфф. *-ну-* в формах прош. времени. Л. П. Катлинская справедливо замечает: «Выпадение суффикса в большинстве форм парадигмы данных глаголов вызывается его функциональной ненагруженностью, поскольку он безразличен для системных противопоставлений (сравните функциональную нагруженность суффикса *-ну-* в глаголах сов. вида со значением мгновенности, однократности действия, где с помощью этого суффикса осуществляются видовые противопоставления)». Вытеснение вариантов практически закончилось в группе приставочных глаголов. Бессуффиксная форма в настоящее время стала нормой литературного языка: Чтобы в стихах (Свалочной яме моих высочеств!) Ты не *зачах*, Ты не *усох* наподобье прочих (М. Цветаева, Из цикла «Земные приметы»); Как последний *сгас* на мосту фонарь... (М. Цветаева, Кабы нас с

[48] В словаре «Грамматическая правильность русской речи» словарные статьи по этим формам написаны Л. П. Катлинской, (с. 200).

тобой...). Еще в начале XIX в. В. И. Чернышев отмечал существующий тогда параллелизм форм: «Примета -ну- может сохраняться и опускаться в прошедшем времени глагольных и причастных форм и означает обыкновенно переход в известное состояние»[49]. Однако в стихотворной речи под давлением размера и в наши дни используются суффиксальные варианты: Далеко *стихнуло* село, И кнут остыл в руке. И синевой заволокло, Замглилось вдалеке (Л. Твардовский, Страна Муравия); *Не смеркнула* скорбная дата, Горит ее памятный свет. Утрата осталась утратой, И нету ей давности лет (А. Твардовский, Памяти Ленина); Отец себя не превозмог, *Поникнул* головою (А. Твардовский, Баллада об отречении). В целом же нормативны другие формы: *Иссякла* сила духа, что взрастила Плеяду светлых гениев земли (А. Сурков, Я пою ненависть); Мама, мама, мы в своей отчизне, Но в её пределы *вторгся* враг (М. Алигер, Твоя победа). Односложные бесприставочные формы глаголов до сих пор находятся в активной фазе вариантности. Они равновероятны в употреблении: Он ужасно *пахнул* водкой (Т. П. Пассек, Из дальних лет); А мир творился в мелочах И агрономам слал декреты. Пока цветок над пеплом *чах*, Пока играли гаммы где-то (Н. Ушаков, А мир творился). Причина, удерживающая формы с *-ну-* несколько дольше у бесприставочных форм сравнительно с приставочными, очевидно, психологического происхождения. Двусложные формы многим кажутся более благозвучными, чем отрывистые односложные формы. Вспомним, что аналогичная причина задерживала развитие нулевой формы род. мн. у таких односложных единиц измерения, как *ом* и *эрг*. До сих пор в род. мн. можно встретить формы *омов*, *эргов*, а не *ом*, *эрг*. Впрочем, грамматическая аналогия и тяга к лаконизму берут верх, и в формах прош. времени, хотя с небольшим перевесом, мы все же отмечаем предпочтение бессуффиксальных форм: отмечено 53,33% кратких форм против 46,67% суффиксальных. Предпочтению бессуффиксальных форм способствует и тот факт, что в нормативном «Словаре русского языка» С. И. Ожегова для самых употребительных глаголов этой группы рекомендуются краткие варианты: *гас*, *глох*, *зяб*, *мерз* и т. д. Все последующие словари «правильностей», приводя вариантные формы, отмечают; что формы с *-ну-* устаревают и употребляются реже[50].

---

[49] *Чернышев В. И.* Правильность и чистота русской речи. Опыт русской стилистической грамматики.— Избр. труды, т. I. М., 1970, с. 551.

[50] См. словари: Трудности словоупотребления и варианты норм русского литературного языка (под ред. К. С. Горбачевича). Л., 1973; *Розенталь Д. Э., Теленкова М. А.* Словарь трудностей русского языка. М., 1976.

Грамматическая аналогия и вариантность форм времени и вида

Продуктивные классы глаголов, составляющие основу, костяк этой части речи, оказывают сильное воздействие на непродуктивные, малочисленные и потому более слабые группы глаголов. Под влиянием живых процессов грамматической аналогии возникают ареалы вариантных форм, в составе которых конкурентные отношения длятся в течение двух и более столетий. Стадия вариантности долговременная и затяжная. Тем не менее не во всех случаях можно наблюдать уже сложившиеся, завершенные результаты взаимодействия и борьбы этих вариантных форм. Да и самый процесс вариантности протекает неоднородно: в одних случаях он идет в сопровождении семантической и стилистической специализации форм; в других — вариантность затухает, не оставив следа в области семантических и стилистических языковых средств. В этой части главы будет показано влияние грамматической аналогии в кругу наиболее крупных групп вариантных форм. Это варианты форм настоящего—будущего времени у ряда непродуктивных глаголов; варианты форм настоящего—будущего времени у глаголов на *-еть* с накоренным ударением; формы 1-го лица ед. ч. настоящего времени у ряда глаголов на *-ить* с основой на *д*, *т*, *с*, *з*; варианты кратных глаголов на *-ывать* (*-ивать*) с чередующимся гласным *о/а* под ударением.

§ 26. Самый крупный массив вариантных форм, существующий на протяжении всей истории литературного языка, наблюдается в формах настоящего—будущего времени у непродуктивных групп глаголов типа *движется—двигается, мерятся—меряются, сыплет — сыпет*. Этот тип вариантов, по данным нашей выборки, входит во вторую частотную зону (в пределах 100—999). Сопоставляя варианты этой группы, легко убедиться в том, что давний процесс вариантности оставил глубокие следы и в семантической, и в стилистической сфере функционирования вариантов. Соотношение и взаимодействие этих вариантов таково. Около 40 глаголов непродуктивной группы типа *брызгать*, *двигать(ся)*, *капать*, *мурлыкать*, *полоскать* и др. находятся под влиянием глаголов продуктивного класса (типа *бегать*, *обедать*, *играть*, *читать*). В настоящем—будущем времени глаголам непродуктивной группы искони свойственны формы с чередованием согласного основы: *брызгать — брызжет*, *двигать(ся) — движет(ся)*, *капать—каплет*, *мурлыкать—мурлычет*, *полоскать—полощет* и т. д. У некоторых глаголов стойко сохраняется именно это формообразование: *писать—пишет*, *искать—ищет*, *вязать—вяжет*. Под воздействием многочисленных форм глаголов продуктивного класса в литературном языке уже давно (XVIII—XIX вв.) появились формы настоящего—будущего времени на *-ает*, в которых чередования согласных не происходит: *брызгает*, *двигает(ся)*,

капает, *мурлыкает*, *полоскает*. По мере приближения к нашему времени рост таких форм привел к тому, что некоторые непродуктивные глаголы окончательно перешли в разряд продуктивных. Такие глаголы, как *глотать — глотают*, *икать — икают*, *лобзать — лобзают*, *рыкать — рыкают*, *чернать — чернают*, утратили исконные формы *глочут*, *ичут* (но в пословице: — с холоду ежится, с голоду *ичется*), *лобжут*, *рычут*, *черплют*.

В тех случаях, когда в современном литературном языке зарегистрированы параллельные формы, варианты различаются по значению или по стилистической окраске.

1. Размежевание по значениям, частичное или полное, происходит у глаголов *брызжет — брызгает*, *блещет — блистает*, *гложет — глодает*, *движет(ся) — двигает(ся)*, *каплет — капает*, *клеплет—клепает*, *краплет—крапает*, *мечет—метает*, *пышет—пыхает*, *фырчит — фыркает*. Например, в паре *движет(ся) — двигает(ся)* в прямом значении 'перемещать, толкая или таща' варианты синонимичны: Зная, с какой скоростью *движутся* с гор ледяные лавины, можно предотвратить многие стихийные бедствия (Неделя, 3—9 дек. 1961 г.); Стрелки часов *движутся* к десяти (Изв., 10 марта 1970 г.); Медленно, аккуратно, как-то даже осторожно... двигаются, ползут на часах стрелки (Подъячев, Забытые). В переносном же значении 'содействовать развитию чего-либо, побуждать, руководить', как правило, употребляется вариант *движет*: Поиск ответа на этот сложнейший вопрос *движет* развитие современной биологии (Изв., 16 мая 1961 г.); И слово *движет*. И земля горит! И в небо вилы вздеты! Тьма багрова. Могильный холм учеными разрыт: Сосуд. Потерпи: — и сверкнуло слово (Е. Винокуров, Слово). В форме деепричастия употребляется только вариант *двигая(сь)*.

Глагол *фырчать* имеет разговорный вариант *фыркать*. Параллельно от этих разных глаголов употребляются и формы настоящего—будущего времени — *фыркает* носом, *фыркает* от нетерпения; вариант *фырчит* используется чаще в применении к машинам и употребляется, когда речь идет о повторяющемся, длительном действии, например, трактор *фырчит*: *Фырча* и лязгая гусеницами, шел еще один, уже большой вездеход... (Б. Полевой, Повесть о настоящем человеке).

2. В других непродуктивных глаголах с параллельными формами настоящего—будущего времени (их около 30) варианты различаются не по значениям, а стилистически. В большинстве таких глаголов стилистически нейтральными являются традиционные формы: *дремлет*, *кличет*, *колеблет*, *машет*, *пашет*, *плещет*, *полощет*, *рыщет*, *сыплет*, *треплет*, *хнычет*, *хлещет*, *щиплет*. Параллельные же формы, возникшие по подобию продуктивных глаголов, или просторечно диалектны, или разговорны.

В формах деепричастий утвердились продуктивные варианты как стилистически нейтральные и общелитературные: *махая*, *пахая*, *плеская*, *полоская*, *рыская*, *хныкая*, *хлестая*, однако у глаго-

лов с основой на губной и в деепричастиях сохраняется непродуктивная форма — *дремля*, *колебля*, *сыпля*, *трепля*, *щипля*.

У обиходно-бытовых глаголов *мяукать*, *мурлыкать*, *мыкать(ся)* в разговорной речи прочно утвердились формы *мяукает*, *мурлыкает*, *мыкает(ся)*, хотя можно встретить и прежние варианты: И звенит, звенит будильник И *мяучит кот*: — Ты сегодня именинник, Двадцать первый год (С. Кирсанов, Моя именинная); Кот поет, а поэт — *мурлычет* («Смехач», 1928, № 3); По-русски едим — зато брюхо не болит, по докторам не *мычемся*, полоскаться по заграницам не шатаемся (В. А. Гиляровский, Москва и москвичи).

Наряду с литературным вариантом *лазить — лажу*, *лазишь*, *лазит*, *лазят* в разговорной речи широко распространился вариант *лазать — лазаю*, *лазаешь*, *лазает*, *лазают*: Ты пропляшешь первой, несомненно, Обезьянка, в этом хороводе. Ты отлично *лазаешь* по стенам И на голове прекрасно ходишь (Неделя, 1962, № 17); И ребята голубоглазые, Что на горы — вершины *лазают* И Сметанников из ботаников, И Варвара Хохлова, его жена, За пчелою ухаживает она... (С. Кирсанов, Сказание про царя Макса-Емельяна); Туристы же по скалам *лазают*, за веревки друг друга держат. Годы-то у меня не те, чтобы по тридцать километров за день топать (Турист, 1971, № 1). Формы *слазию*, *вылазию*, *залазит* нелитературны. Формы причастий и деепричастий: действит. прич. наст. вр. *лазящий* и *лазающий* (разг.), прош. вр. *лазивший* и *лазавший* (разг.); дееприч. несов. вида *лазя* и *лазая* (разг.), дееприч. сов. вида не образуется. Форма повелительного наклонения *лазь*, *слазь* и разг. *лазай*, *слазай*.

Аналогия в этом кругу вариантов, как показывает материал, проявляется по-разному. В одной группе вариантов она сопровождается явлением лексикализации форм: за вариантами закрепляются разные значения слов. В другой группе варианты сохраняют колорит той жанрово-стилистической сферы, откуда они ведут свое происхождение. Эти стилистические свойства широко осознаются и применяются в языковой и художественной практике. Наконец, у ряда глаголов вариантные основы участвуют в образовании разных рядов форм. Как видно из приведенного материала, вариантность здесь далека от завершения. Следует отметить одну очевидную особенность вариантных соотношений форм. Несмотря на действие аналогии, чередование согласных оказывается самым сильным барьером, препятствующим безоговорочной и легкой победе более новых форм. В случаях, когда возникает необходимость мены согласных (*полощет—полоскает*, *движется—двигается*), количественное соотношение вариантов показывает, что в целом предпочтение остается на стороне традиционных форм (83,65% против 16,35%). Когда же мены согласных не происходит (ср. варианты *мучит—мучает*, *мерит—меряет*), переход к новой норме более легок и свободен. В употреблении этих вариантов их соотношения близки к равновероятным: 54,55% традиционных и 45,45% более новых форм.

§ 27. По контрасту с явлениями, характеризующими влияние аналогии в составе часто употребляющихся форм, вариантность в ряду редких форм выражена менее контурно, процессы замедлены, да и само направление тенденции можно обнаружить только с помощью специальных приемов исследования. В пример тому можно привести варианты в формах настоящего—будущего времени у глаголов на *-еть* с накоренным ударением (типа *обессилею—обессилю*). Эти варианты входят в зону единичных, редких: в нашей выборке отмечено всего шесть форм. Однако истоки вариантности очевидны.

В употреблении смешиваются некоторые глаголы на *-еть* и близкие к ним, но не совпадающие ни по значению, ни по спряжению глаголы на *-ить*: *обезлесить* и *обезлесеть*, *обездометь* и *обездомить*, *обезволеть* и *обезволить*, *обессилеть* и *обессилить* и т. д.

По значению глаголы на *-еть* выражают действие, не вызывая при этом представления о лицах или предметах, на которые это действие переходит. Это непереходные глаголы, при которых не может быть употреблено существительное в вин. падеже без предлога, тогда как созвучные им глаголы на *-ить* выражают действие, непосредственно переходящее на другой предмет (лицо, явление). Это глаголы переходные, при них может стоять существительное в вин. падеже без предлога. Так, глагол *обезлесеть* имеет значение ‘лишиться лесов, стать менее лесистым (обезлесенная степь)’, а глагол *обезлесить* — ‘лишить какую-либо местность леса (обезлесить пространство, страну, местность)’; *обезволеть* — ‘лишиться воли, стать безвольным (в рабстве народ обезволел)’ и *обезволить* — ‘лишить воли, сделать безвольным (слабость обезволила тело)’; *обессилеть* — ‘лишиться сил, становится бессильным’: В небе набирались тучи... Проходя над горами, они отяжелели и обессилели. В горах разразилась гроза (Короленко, Необходимость), *обессилить* — ‘лишать кого-л. или что-л. сил, делать бессильным’: Работа по 14—16 часов в сутки утомила, обессилила меня (В. Никитин, Многострадальные).

Указанное смысловое различие строго соблюдается в ряду соотносительных глаголов на *-еть* и на *-ить*. Спряжение непереходных и переходных глаголов также существенно различается. В настоящем и будущем (простом) времени для глаголов на *-еть* в ед. числе приняты следующие окончания:

1 л. *-ею* (*обессилею*, *опротивею*, *заржавею*)
2 л. *-еешь* (*обессилеешь*, *опротивеешь*, *заржавеешь*)
3 л. *-еет* (*обессилеет*, *опротивеет*, *заржавеет*)
Во мн. числе: 1 л. *-еем*, 2 л. *-еете*, 3 л.— *-еют*.
Спряжение у глагола на *-ить*:
1 л. *-ю* (*обессилю*, *обездомлю*, *ржавлю*)
2 л. *-ишь* (*обессилишь*, *обездомишь*, *ржавишь*)
3 л. *-ит* (*обессилит*, *обездомит*, *ржавит*)
Во мн. числе: 1 л. *-им*, 2 л. *-ишь*, 3 л. *-ят*.

Совпадение звучания суффиксов в обоих рядах глаголов в устной речи (что связано с накоренным ударением) и отсутствие у некоторых глаголов на *-еть* соотносительной переходной параллели на *-ить* приводит к тому, что продуктивный класс глаголов на *-ить* продолжает влиять на более редкие в употреблении и неудобные в произношении глагольные формы с двойными гласными. У таких глаголов, как *выздороветь*, *опостылеть*, *опротиветь* и нек. др., в устной речи предпочитаются формы по продуктивному классу: *выздоровлю*, *опостылю*, *опротивлю*. Эти формы проникают и в письменные стили: Я не *выздоровлю*, и не хочу выздороветь (Брюсов, Алтарь победы); Однако Бошков надеется, что они *выздоровят* к 30 апреля (Сов. спорт, 6 апр. 1972 г.); (Я) взял собачонку на руки и стал опять кричать. *Обессилю*, потеряю голос, замолчу, а потом опять (Серафимович, Ледоход).

Доказательством становления новой нормы могут служить следующие факты. В «Вопроснике по современной русской морфологии» были собраны ответы относительно трех форм: *опротивеют/опротивят*, *обессилею/обессилю*, *выздоровею/выздоровлю*. Средний уровень употребительности вариантов, отступающих от традиции (*опротивят*, *обессилю*, *выздоровлю*) составил 0,743 (т. е. 74,3%), т. е. эти варианты предпочитаются несколько чаще сравнительно с традиционными [51]. В устных ответах степень преобладания такова, что оба варианта (традиционный и новый) следует считать употребительными с преимуществом новых вариантов — *опротивят*, *обессилю*, *выздоровлю*.

§ 28. Влияние грамматической аналогии в самом чистом виде проявляется в образовании форм первого лица ед. ч. настоящего и будущего времени у некоторых глаголов на *-ить* с основой на *д*, *т*, *з*, *с*. В нормативных грамматиках и словарях многие глаголы этой группы удостаиваются особой пометы: 1 *л.* не употребляется (ср. глаголы *дерзить*, *ерундить*, *кудесить*, *соседить*, *чудить* и нек. др.). У тех глаголов этой группы, которые очень редко образуют форму 1-го лица наст.-буд. вр., норма неустойчива. Она складывается под влиянием разных грамматических аналогий.

Существует определенное правило. У глаголов с основой на *с* в инфинитиве в 1-ом лице настоящего времени, даже у самых редких в употреблении, литературная норма требует чередования, т. е. мены *с* на *ш*: *обезопасить—обезопашу*, *колесить—колешу*, *трусить—трушу*, *вакситъ—вакшу* и под. Казалось бы, именно в эту группу должна включаться и форма 1-го лица от глагола *пылесосить — пылесошу*, *пропылесошу*. Однако многим естественной кажется форма без чередования: *обезопасю*, *дубасю*, *пылесосю*: я квартиру завтра *пропылесосю* (устная запись, 1977). Ср. также форму причастия: «Все уже перемыто, перечищено, *про-*

---

[51] Эти данные приводятся в книге «Русский язык по данным массового обследования» (М., 1974, с. 221).

пылесосено» (А. Сахнин, Вот что произошло). Еще в грамматике Востокова, отражающей нормы первой половины XIX в., рекомендуются в качестве нормативных некоторые глаголы с основой на *з* в 1-м л. ед. ч. наст. вр. без чередования: *мерзю*, *скольжю*, *тузю*, *слезю* (от глагола 'слезить'), хотя в наше время отклонений от нормы в этой группе глаголов практически нет: *вонзить*, *-нжу*; *пронзить*, *-нжу*; *ремизить*, *-жу*; *лебезить -жу*; *проказить*, *-жу*; *сглазить*, *-жу*; *лазить*, *лажу*.

Встречающийся в просторечии вариант *лазию* нелитературен. У жаргонно-просторечного глагола *слямзить* (украсть) зарегистрирована форма без чередования *слямзю*, *-мзишь*. Это отклонение связано с влиянием диалектного по своему истоку явления, заключающегося в том, что у некоторых глаголов в форме 1-го лица чередования не происходит, т. е. сохраняется согласный основы инфинитива.

Колебания в выборе формы для ряда глаголов вызваны столкновением исконной литературной нормы у русских глаголов, с одной стороны, и церковно-славянских по происхождению глаголов, с другой. Чередование у этих глаголов не совпадает, и в употреблении иногда происходит смешение форм. Так, еще в начале XX в. в стилистической грамматике В. И. Чернышева признавались нормативными для 1-го л. ед. ч. наст. вр. две вариантные формы (русская и славянская) у глаголов, имеющих в корне *жд*: *побеждать* (победить) — *побежу* и *побежду*, *насаждать* (насадить) — *насажу* (топор, деревья) и *насаждu* (в отвлеченном смысле), *преграждать* (преградить) — *прегражу* и *прегражду*; *предупреждать* (предупредить) — *предупрежу* и *предупрежду*, *учреждать* (учредить) — *учрежу* и *учрежду*; *наслаждать(ся)* (насладить(ся) — *наслажу(ся)* и *наслаждu(сь)*.

В современном литературном языке закрепились русские формы с *ж*, которые теперь признаются единственной нормой для всей этой группы глаголов: *выпужу* (выпудить), *принужу* (припудить), *загражу*, *утвержу*, *прегражу*, *наслажусь*, *вознагражу*. Глаголы с сочетанием *зд* на конце основы в инфинитиве в 1-м л. наст. вр. имеют следующие формы: *бороздить—борозжу*, *загромоздить—загромозжу*, *гвоздить* (пригвоздить, загвоздить) — *гвозжу* (пригвозжу, загвозжу). В примере, приведенном В. И. Чернышевым (Я *пригвождu* его копьем к земле), форма с *жд* явно устарела. Даже самые редкие глаголы с основой, оканчивающейся на *д*, в 1-м лице подчиняются общей закономерности: *чадить—чажу*, *лихорадить—лихоражу*, *обезводить—обезвожу*, *обессудить—обессужу*, *обезнародить—обезнарожу*, *обезлюдить—обезлюжу*, *кадить* (в значении курить ароматическими веществами и переносах к нему) — *кажу*, *гудеть—гужу*, ср. пример: — Ну, ладно, так и быть, *погужу* (С. Залыгин, Ангельская почь). В художественной речи иногда употребляются в речи персонажей областные и просторечные формы без чередований: Митька вновь неотступно хныкал: — Покади-и-и... Пшел! — шипел Устин. — Вот

я тебе *покадю*! (В. Шишков, Тайга). Однако в образцах литературной речи используются правильные формы.

В группе глаголов с основой на *т* чередование различается в зависимости от происхождения глаголов. У исконно русских глаголов в 1 л. наст. вр. происходит мена *т* и *ч*: *молотить*, *молочу*; *воротить*, *ворочу*. У церковно-славянских глаголов *т* меняется на *щ*: *благовестить—благовещу*, *прекратить—прекращу*, *предотвратить — предотвращу* и т. д. У некоторых глаголов произошло смешение форм. Так, у глаголов *золотить — золочу* церковнославянский глагол *златить* имеет две формы в 1-м лице — *злачу* и *злащу* (устаревающий), *позолотить*, *позолочу*, но *позлатить*, *позлачу* и *позлащу*. Неполногласные варианты обладают более высокой стилистической окраской и употребляются, как правило, в поэзии.

Глаголы *святить*, *святиться* имеют формы *свячу* и (устар.) *свящу*, **свячусь и свящусь** (ср. также две формы причастия — *освяченые* и *освященные* куличи). Глагол *умертвить* также имеет два варианта — разговорный *умертвлю* и книжный *умерщвлю*, литературная форма причастия *умерщвленный*. Глагол *тяготить(ся)* имеет единственную форму *тягощусь*, хотя в XIX в. употреблялась и форма *тягочу(сь)*: Я только *тягочу* собою землю (Лажечников, Ледяной дом).

Вариантные глаголы *испестрить* и *испещрить* имеют в 1 л. наст. вр. параллельные формы *испестрю* и *испещрю*. В прямом значении ‘делать пестрым’ варианты синонимичны, а в переносном — ‘покрывать записями, заметками, знаками’ используется только глагол *испещрить*, *-щрю*. Формы страд. прич. прош. вр. от этих глаголов тоже параллельны—*испестренный* и *испещренный*.

В академической грамматике отмечено, что глаголы *победить*, *убедить*, *переубедить* не имеют формы 1-го лица. Вопрос спорный. Для глагола *победить* В. И. Чернышев в стилистической грамматике рекомендовал две формы — *побежу* и *победжу*. Вторая форма современной нормой уже отвергнута, но и первая не принята. Вот одно из устных свидетельств нефилолога: «От глагола *переубедить* форма 1-го лица образуется естественно: я его не *переубежу*. От бесприставочного глагола *убедить* образовать форму труднее. От глагола *победить*...— не знаю. «Я его не побежу» — нет, некрасиво звучит. Но иначе ведь никак не скажешь!». Здесь мы сталкиваемся как раз с такими случаями употребления, когда отсутствие узуальных навыков образования форм препятствует действию грамматической аналогии.

§ 29. В системе глагола один из самых активных процессов вариантности, связанный с аналогическим влиянием одних глагольных классов на другие, наблюдается в составе кратных глаголов на *-ывать* (*-ивать*) с чередующимся корневым гласным *о/а* под ударением (варианты типа *сосредоточивать — сосредотачивать*). По употреблению эти варианты входят во вторую частотную зону (в пределах 100—999), при этом в количественном соотношении

равновероятны. По данным выборки, отмечено 51,72% вариантов с *-о-* и 48,28% вариантов с *-а-*. Особенности истории этих взаимоотношений таковы.

При образовании кратных глаголов несовершенного вида с суффиксом *-ыва-(-ива-)* с корневым гласным *о* в одной группе глаголов происходит чередование и мена *-о-* на *-а-*, в другой группе чередования не происходит и сохраняется корневой гласный *о* или наблюдаются колебания в зависимости от разных условий употребления. Если в глаголе совершенного вида ударение падает не на корневой гласный, то в парном глаголе несовершенного вида современной литературной норме соответствуют образования с *а*: *выработать — вырабатывать*, *выпорхнуть — выпархивать*, *затормозить — затормаживать*, *притормозить — притормаживать* и т. д.

Это правило в настоящее время в литературном языке не знает исключений. Даже те формы, которые рекомендуется во избежание омонимии употреблять с корневым *о* — *насоливать*, *обессоливать* (от *солить*) — Предусмотрены меры для ликвидации опасных примесей, методы обессоливания воды... (Правда, 1972, № 135); *раскрашивать — выкрошивать* (крошить) — сейчас иногда употребляются с *-а-* ср.: Здешние почвы на орошении быстро *засаливаются* и становятся непригодными для сельскохозяйственного производства. Такие бросовые поля обваливаются, заливаются водой и получается пруд, в который запускают летков карпа. После трех-четырех лет эксплуатации поля в качестве пруда почвы *рассоляются* (Изв., 12 ноября 1972 г.).

Если в глаголе совершенного вида ударение падало на корневой гласный, то в парном глаголе совершенного вида в соответствии с традиционной литературной нормой чередования не происходит, т. е. корневой гласный *о* сохраняется. Эта норма закрепилась в русском литературном языке еще в XVIII в. и продолжала упрочиваться и в начале XIX в. У писателей и поэтов отмечалось преимущественное употребление глаголов с корневым *-о-*. Так, у Державина встречаются формы *обработывать*, *обстроивать*, *расстроивать*, *удобривать* и под.; у Карамзина — *присвоивать*, *настроивать*, у Пушкина — *разработывать*: Турецкие пленные *разработывали* дорогу (Путешествие в Арзрум); *успокоивать*:... предосторожностью *успокоивал* он свою недоверчивость ко всем»... (Дубровский), *оспоривать*: И не *оспоривай* глупца (Памятник). И в XIX в. встречались эти формы: *успокоиваться*: Объяснивши так, она *успокоивалась*, но я не *успокоивалась*... (Т. П. Пассек, Из дальних лет); *устроивать* — Он всегда был чем-либо увлечен, что-нибудь предпринимал, *устроивал*, куда-нибудь ехал (Т. П. Пассек, Из дальних лет) и др. На протяжении XIX в. в литературном языке шел медленный процесс замены и вытеснения форм с корневым гласным *-о-* формами *-а-*. Однако в небольшой группе глаголов эта норма действует и до сих пор: *наморщить — наморщивать* (иногда употребляется вариант с *-а-*: Временами, поддакивая и *намарщивая* небольшой лбишко, ковырял он ложкой яич-

пицу, посапывал и молчал (Л. Леонов, Барсуки); *озаботить — озабочивать, отсрочить — отсрочивать, просрочить — просрочивать, опозорить — опозоривать, опошлить — опошливать, пришпорить — пришпоривать, приохотить — приохочивать, приневолить — приневоливать, упрочить — упрочивать.*

Некоторые образования к нашему времени вышли из литературного употребления. Так, сейчас используются только формы *ознакомлять, оформлять, ускорять, оздоровлять, утолщать,* а не их соответствия на *-ива-* (типа оформливать, ознакомливать, ускоривать).

Тенденция к замене *-о-* на *-а-* в глаголах несовершенного вида, действовавшая в литературном языке на протяжении XIX и особенно в XX в., оказалась такой сильной, что охватила почти всю эту группу глаголов. Сложилась новая литературная норма. История ее развития шла не скачками, а постепенно и на первый взгляд даже малозаметно. Вследствие влияния грамматической аналогии в орбиту действия новой формы глаголы втягивались исподволь, слово за словом, хотя в группах однокоренных слов книжные варианты заменялись разговорными примерно в одно и то же время. В ряде случаев глаголы, у которых еще в начале XX в. зарегистрированы формы с *-о-*, теперь употребляются только с *-а-*, а прежний вариант воспринимается как искусственный и устарелый. Такова, например, группа префиксальных образований от глагола *трогать — до(при-)трогиваться, затрогивать*: Старуха перестала бояться...и, *дотрогиваясь* до его колена, принялась рассказывать о тяжбе своей с крестьянами (А. Н. Толстой, По пути); Попова затея не прошла, хотя выдавали раз в неделю черный хлеб, к которому никто не *притрогивался* (А. Степной, Записки ополченца); Сергеич кивает иностранцу: — Благодарю вас. Иностранец в ответ *притрогивается* к шляпе (К. Федин, Похищение Европы); Молодой чиновник сделал папиросу, несколько раз затянулся, постоял у стола, ощущая на себе новый мундир, *потрогивая* подмышками, и отошел к своему столу (А. Серафимович, Преступление); Вот некоторые из сторон, *затрогиваемых* нашим журналом («Смехач», 1924, № 1); Мы видим действительно, как... флексия идет и далее, *затрогивая* и существительные среднего рода *-о* (С. П. Обнорский, Именное склонение в современном русском языке).

Форма с *-а-* упрочилась сейчас в следующих глаголах: *за-*(об-, при-, под-, вы-, раз-, с-, от-)*рабатывать, за-*(при-, под-)*готавливать, за-* (об-, от-, на-, при-, под-, у-, пере-, вы-, рас-)*страивать, о-*(при-, у-,)*сваивать* (хотя еще в 20-е годы можно встретить глагол *освоивать*: Попавшие в этот новый мир сначала недоумевали, потом приходили в восторг, но скоро успокаивались, *осваивались* с положением и принимались за работу (Циолковский, Вне земли); *оспаривать, переспаривать, одалживать, приспосабливать, при-*(за-)*канчивать, успокаивать, удваивать, сдваивать, утраивать.*

Свыше 20 глаголов, которые еще в начале XX в. употреблялись только с *-о-*, теперь колеблются в употреблении. В этих парах вариантов сохраняется стилистическое размежевание. Варианты с *-а-* свойственны разговорной речи, варианты с *-о-* более употребительны в письменной, книжной и деловой речи. *За-*(по-, с-, от-)*хлопывать — захлопывать, похлапывать* и др. (разг.): Хорошие рассказы описывают, как *захлопываются* тюремные ворота (Вс. Иванов, Возвращение Будды); Рука исчезает и через минуту появляется с бутылкой Смирновки и форточка *захлопывается* (В. А. Гиляровский, Москва и москвичи); Атаман Григорьев вылез из брички и, *схлопывая* пыль с сапог, подошел к крыльцу (Вс. Иванов, Пархоменко); Кошевой, задумчиво *похлопывая* плеткой по голенищу, уронив голову, медленно входил по порожкам мелеховского дома... (Шолохов, Тихий Дон)..; Тогда дверь, ведущая к высшей ступеньке Олимпийского пьедестала, захлопывалась для нас (Комс. правда, 20 февр. 1968 г.); *заболочивать — заболачивать, заподозривать — заподазривать, задобривать — задабривать, обеспокоивать — обеспокаивать, обусловливать — обуславливать, опорочивать — опорачивать, опорожнивать — опоражнивать, подмороживать — подмораживать, подытоживать — подытаживать, приурочивать — приурачивать, подзадоривать — подзадаривать, разрознивать — разразнивать, сдобривать — сдабривать, сосредоточивать — сосредотачивать, узаконивать — узаканивать* (но часто употребляется узаконять), *уполномочивать — уполномачивать, унавоживать — унаваживать, условливаться — уславливаться, удостоивать — удостаивать.*

Примеры из текста: Избегал Иван Петрович и принятых современными ему художниками, Левицким и Рокотовым, погрудных портретов — в них художники все свое внимание *сосредоточивали* только на лице (Ал. Ив. Кузнецов, Крепостные мастера); Дело критики вовсе не сводится к тому, чтобы заниматься формальной унификацией понятий, отсекать одни и *узаконивать* другие (У. Гуральник, Смех — оружие сильных); Ведь это *обусловливало* бы переход всех природных богатств в руки алжирского народа... (За рубежом, № 13, 1962).

Формы с *-а-*: Так его! Так его! — *подзадаривали* Менгли-Гирея русские воеводы (О. Л. Дор, Русская история при варягах и ворягах); Каналы... обваливаются, размываются водой, покрываются илом, зарастают камышами, земли *заболачиваются* (Техника — молодежи, 1961, № 12); Тощие, мытые пески ежегодно *унаваживал* нечистотами, которые растаскивал на собственной спине (Л. Леонов, Скутаревский); Мы сразу же *уславливаемся*: к родителям Юрия не поедем (Огонек, 1961, № 25) и т. д.

Если в письменных стилях зарегистрированы оба типа вариантов, часто с преимущественным употреблением вариантов на *-о-*, то в устной речи предпочитаются формы с *-а-*. В книге К. С. Горбачевича «Изменение норм русского литературного языка» констатируется факт переосмысления нормы: «...варианты с корневым *а*,

хотя и реже встречаются в письменном языке, сейчас уже не могут быть забракованы как несоответствующие современной литературной норме» (Л., 1971, с. 226). Однако широкое обследование материала убеждает в том, что процесс перехода разговорных форм с корневым *-а-* в разряд строго литературных, рекомендуемых и для письменной речи, пока еще не завершился.

Вариантность деепричастных и причастных форм

В выборке из 100 тыс. вариантных форм деепричастия и причастия занимают сравнительно скромную долю (см. табл. IV, графы V и VI): зарегистрировано 378 вариантных форм деепричастий и лишь 21 — причастий. Только варианты деепричастий совершенного вида на *-еть*, *-ить* (типа *увидев — увидя*, *заметив — заметя*) попали во вторую частотную зону (в пределах 100—1000). Все остальные варианты находятся, по нашим данным, в предпоследней (до 100) и последней (до 10) частотных зонах, т. е. сравнительно с другими вариантами форм (например, вариантами залога) употребляются относительно редко. Необходимо отметить также, что репертуар вариантных форм деепричастий, попавших в поле выборки, оказался более разнообразным, чем репертуар причастных форм. Если следовать принятому принципу расположения материала по мере убывания частоты, внимание должно быть уделено в первую очередь деепричастиям.

Две темы вариантности оказываются ведущими в группе деепричастных форм. Это уже упомянутые выше варианты типа *увидев—увидя* из наиболее употребительной группы форм и варианты деепричастий совершенного вида, имеющих в своем ряду деепричастия на *-ши* (*возникнув—возникши*, *унеся—унесши*, *замерев—замерши*). Этот пласт вариантных форм проявляет себя в том отношении, что на протяжении XX в. происходили интенсивные сдвиги в области нормы их употребления.

§ 30. Как уже упоминалось, деепричастия совершенного вида от глаголов на *-еть*, *-ить* входят в зону достаточно употребительных вариантов (в пределах 100—1000). Вариантность деепричастий типа *заметив—заметя*, *увидев—увидя*, *сцепив—сцепя*, *оставив—оставя* и под. вызвана смещением временных значений, т. е. тем, что значение настоящего времени, которое закреплено за суфф. *-а*, *-я*, в употреблении деепричастий совершенного вида стирается, и эти формы могут употребляться со значением прошедшего времени. Вариантность форм была замечена в литературном языке еще в XVIII в. В этом отношении показательно высказывание В. И. Чернышева по поводу форм на *-я*: «Старая грамматика старалась ограничить употребление подобных деепричастий». Греч, например, писал: «Еще должно сказать, что в глаголах предложных деепричастия производятся от прошедшего, а не от будущего совершенного времени, т. е. должно говорить и особенно писать: *посадив*,

а не посадя, *вынесши*, а не вынеся; *бросив*, а не брося; *устремив*, а не устремя. Исключения позволительны в глаголах возвратных, например *убоясь*, *возвратясь*, и в стихах, для избежания стечения согласных: у Дмитриева: «Как будто совести *почувствуя* улику». У Крылова: «*Паудя* рыб, попировать собрался». У Пушкина: «Гирей сидел, *потупя* взор» (Чтения о русском языке, II, 45). Учение старых грамматик применялось и на практике. Круг слов, принимающих данные формы, со временем несколько сокращался. Мы знаем, что некоторые писатели, например Тургенев, Гончаров, избегали рассматриваемых нами форм. Другие ограничивают их употребление преимущественно формами на *-ся* и производными от глагола *идти*. Все это вместе и нужно считать свойством современного нам литературного языка» [52]. К нашему времени крупных качественных сдвигов в соотношении отмеченных вариантных форм в целом не произошло. Количественное соотношение показывает, что практически общеупотребительными являются варианты с суфф. *-в-* (*загородив*, *заворотив*, *наскучив*, *оставив* и под.). См. примеры: В частности, мы были вынуждены опустить все, что касается чисто личных отношений поэта к его супруге, Л. Д. Блок, *оставив*, впрочем, то, что представляет общественно-бытовой интерес (П. Медведев, О дневниках Ал. Блока); — Двадцать три ровно, — сказал Пикин, *заворотив* рукав полушубка и коротко посветив фонариком на часы (К. Симонов, Новогодняя ночь). Вариантные формы на *-в* в нашей выборке составили 92,22% против 7,68% — это те немногие проценты, которые приходятся на вариантные формы с суфф. *-я*. Деепричастия с суфф. *-а*, *-я* в качестве нормативных закрепились за глаголами несовершенного вида (*топя*, *ревя*, *топча*, *внемля*, *служа* и под). Именно в этой группе суф. *-а*, *-я* выполняют свою основную грамматическую функцию. Однако, поскольку не имеется суровых нормативных запретов на образование деепричастных форм с суфф. *-я* от глаголов сов. вида, писатели используют и эту возможность. См. примеры: Живет, *сцепя* зубы, злится и ждет лучшего (Ал. Блок, Дневник 1911 года); А через минуту опять выскакивает на ходу, бороду нацепляет; -Эге-ге-гей! Публик почтенная, полупочтенная и которая так себе! Начинайте торопиться, без вас не начнем. Знай наших, не умирай *скорча* (В. А. Гиляровский, Москва и москвичи); А ветришко тоже свою службу несет: он то держит красное полотнище навытяжку, *замря*, как знаменщик, то гордо встряхивает флаг над городом (Лаврухин, Невская повесть); Комната ожила. Казалось, *не устоя* перед нашествием отскакивающего с воды солнца, она — вот-вот начнет тихо кружиться (А. Грин, Бегущая по волнам).

Такого рода варианты употребляются, но они близки к раритетам. Варианты на *-я* стойко закрепились и являются нормативными у деепричастий с возвратной частицей *-сь*: *спохватясь*, *не спросясь*, *встретясь*, *притаясь* и т. д. Кроме того, многие идиоматические

[52] *Чернышев В. И.* Указ. соч., с. 571—572.

фразеологизированные обороты и пословицы сохранили варианты на *-а*, *-я*: *сломя голову*, *очертя голову*, *спустя рукава*, *положа руку на сердце*, *сложа руки*, *заложа за воротник*, *разиня рот*, *высуня язык*, *немного погодя*; *во что ни попадя*; *сидят*, *брады уставя*; *не суйся в воду*, *не спросясь броду* и пек. др. Потенциальная возможность образований деепричастий от глаголов совершенного вида при помощи суфф. *-я* допускается грамматической системой, однако говорящие и особенно пишущие пока что предпочитают более привычные, узуальные формы с суфф. *-в*. Грамматическая норма и узуальное предпочтение здесь не вызывает сомнений.

Если в предыдущей, выше охарактеризованной группе вариантность обусловлена смешением грамматических значений, то в другой группе деепричастий проявляется воздействие тенденции к экономии — отказу от более длинных и теперь уже звучащих архаически деепричастных форм на *-вши* и *-ши*. По сравнению с литературным языком начала XX в. к нашему времени в составе параллельно употребляющихся вариантов на *-в* и *-вши* произошли значительные сдвиги. Свидетельством тому является та оценка нормы того времени, которую приводил В. И. Чернышев, характеризуя употребление этих вариантных форм. «Мы почти не чувствуем различия между формами деепричастий прошедшего времени на *-в* и *-вши*: *прочитав* и *прочитавши*, *узнав* и *узнавши*, *смеряв* и *смерявши*... Деепричастия на *-в* более свойственны речи книжной и старой. Карамзин и Пушкин почти исключительно употребляют их, даже у Тургенева находим преимущественно эти формы. Деепричастия на *-вши* отличают народную и разговорную речь. Взаимное соединение двух влияний привело к известному равновесию данных форм, отличающему современный язык. Даже в строго книжном языке библии при преобладании вообще форм на *-в* замечаем иногда колебания между двумя формами: *узнав* и *узнавши*, *закрыв* и *закрывши*, *связав* и *связавши*, *увидев* и *увидевши*, *услышав* и *услышавши*. В общем и у новых писателей все-таки чаще встречается книжное причастие на *-в*»[53]. Действительно, и в литературном языке начала XX в. у политических деятелей, у советских писателей, чья юность прошла в первое двадцатилетие века и раньше, хотя и писали они многие свои вещи позже, формы деепричастий на *-вши* употреблялись очень широко в качестве нейтрального литературного варианта. Можно привести отдельные примеры: А я с младенчества нес великое бремя моей неизменной любви к ней,— к той, которая, *давши* мне жизнь, поразила мою душу именно мукой (И. Бунин, Жизнь Арсеньева); Видя, что лакей намерен руку протянуть и к мокрому узелку, незнакомец мой вспыхнул; *вспыхнувши* вдвойне законфузился он... (А. Белый, Петербург); Николай II, *вступивши* на престол, не был создан, чтобы быть императором вообще (С. Ю. Витте, Воспоминания).

---

[53] Там же, с. 571.

Заметим, что в большой книге мемуаров С. Ю. Витте используются только деепричастия на *-вши* и *-ши*: *приехавши*, *просидевши*, *узнавши*, *получивши*, *давши*, *пришедши*, *обдумавши*, *вставши*, *уладивши*, *предупредивши*, *взявши*, *увидавши*, *обозвавши* и т. д. Число примеров, относящихся к началу века, может быть увеличено. Бесспорно, что формы на *-вши* и *-ши* были нормативными. И. А. Бунин высмеял одну из распространенных тогда грамматических ошибок, связанную с неточным использованием деепричастных форм, но в качестве общеупотребительного деепричастного варианта фигурирует именно форма на *-вши*: ...Взгляд лениво скользил по конторскому объявлению на стене: Пробывши три часа, считается за сутки (И. Бунин, Казимир Станиславович). В литературном языке 20—30-х годов, в самых разных его стилях — в деловом и публицистическом, в художественной прозе и поэзии, еще очень широко используются деепричастия на *-вши* и *-ши*: *Отдохнувши*, весело выскакивали, бегали по окрестностям и собирали образцы горных пород (Циолковский, Вне земли, 1920); Потом край туары... передал затем хозяевам, которые, таким же способом *отведавши*, передали присутствующим (А. И. Емельянов, Языческое моление черемис, 1922); залитые соусом сосиски поставить на край плиты, *закрывши* крышкой, минут на 10—15 (И. Боброва, Поваренная книга, 1932); Мысль по существу простая до очевидности, но в то же время мысль, которая *дошедши* до сознания широких масс Китая, неизбежно должна будет стать решающим фактором в борьбе китайского народа за свое национальное, экономическое и политическое освобождение (Изв. 20 авг. 1925 г.). В художественной прозе эти формы отмечены в авторской речи самых разных писателей: А. Неверова, Вс. Иванова, И. Бабеля, В. Катаева, К. Федина, В. Шкловского и др. Приведу лишь два примера, хотя число их могло быть увеличено: Мальчики разбежались. Их потом привозили родители в город, *переодевши* женщинами (В. Шкловский, Сентиментальное путешествие, 1927); И, *сказавши* эти приятные слова Налбандову, мистер Рой Рун, скромно сияя голубыми глазами, пошел и сел в автомобиль (В. Катаев, Время, вперед, 1936). К нашему времени, в течение последнего тридцатилетия, произошли весьма существенные сдвиги в употреблении этих форм. Подавляющее количественное предпочтение форм на *-в* не вызывает сомнений (см. данные табл. II). Весьма заметно проявляется стилистическое переосмысление вариантов. По сей день в языке художественной литературы можно встретить формы на *-вши* и *-ши*. Однако теперь они используются как яркое стилистическое средство. Возродилась их былая народная и разговорно-просторечная окраска. Теперь они служат целям характерологии, целям создания речевых масок людей «из народа», из крестьянской, пролетарской и мещанской среды. В этом случае форма используется только в речи персонажей: «А взводного нет все... — нажрался, видать, и дрыхнет где в избе, а тут не *евши* сиди», — подумал дневальный (А. Фадеев, Разгром); ...Родом я издалека,

из-за Вешенской станицы. Туда и иду, *попивши* в море солелой воды (М. Шолохов, Тихий Дон); — Нет! — ответил Колька. — Мне обидно стало, что я помираю, не *повидавши* еще ничего в жизни. *Не повидавши*! (В. Панова, Спутники).

Нормативны формы с суфф. *-ши-* у возвратных глаголов: *совместившись*, *оставшись*, *простершись*, *закрасневшись*, *застраховавшись*, *сбежавшись*, *наплакавшись*, *забегавшись*, *уходившись* и т. д. Пока что еще существуют два варианта от глаголов на *-ереть*: *оперевшись* и *опершись*, *заперевшись* и *запершись*, *подперевшись* и *подпершись*. См. примеры: *Опершись* руками о плечи товарищей, словно без того он мог обрушиться, высоченный сборщик Вася Галочка, не улыбнувшись, сказал... (Лаврухин, Речь по поводу.); Куадрос предпочел подать в отставку вместо того, чтобы оказать сопротивление заговорщическим группам, твердо *оперевшись* на народные массы (Сов. Россия, 27 авг. 1961 г.). Стилистически нейтральны и те немногие формы, которые без *-ши* невозможны: *распростерши*, *подросши*, *выросши*, *разжегши*, *обжегши*, *легши* (ср. *легши* в кресло, плотно закутал себя в синие облака дыма. — К. Федин, Похищение Европы), *спасши* и нек. др. В целом направление эволюции нормы в составе параллельных форм деепричастий на *-в* и *-вши* проявляется вполне определенно.

§ 31. Варианты причастий в современной газетной речи малоупотребительны. В поле выборки попали только параллельные формы причастий прошедшего времени от приставочных и бесприставочных глаголов на *-нуть* (типа *промерзший — промерзнувший*, *сохший — сохнувший*). Сравнительно редкое употребление вариантов не исключает, однако, больших стилистических возможностей причастных форм. Например, в авторской речи писателей и особенно в стихотворном языке широко используются в качестве изобразительного средства причастия на *-л-*: Жар на семи холмах, Голуби в *тлелом* сенце (Б. Пастернак, Возвращение); Другая — костлявая, высокая, с впалой грудью, с *запалыми*, потускневшими глазами, как у измученной, жаждущей отдыха лошади (А. Серафимович, Мышиное царство); Не раз и раньше ловил я на себе *застылые* взоры обитателей этого мира (А. Иванов, Стереоскоп). Окраской деловой и книжной речи обладают формы страдательных причастий настоящего времени на *-ем*, *-им-*: На этот раз он взял его без цели убивать Рыкова, а для того, чтобы предохранить себя от оскорблений, если бы таковые были ему *делаемы* (А. Ф. Кони, Судебные речи. По делу об убийстве Рыкова); Но вместо безоружных женщин и детей, *погромляемых* в хлебных очередях ...сытые мужички... натолкнулись на рабочие сотни... (Л. Райснер, Гамбург на баррикадах); Мы юны и надменны. Без труда Доступен мир. Он прост. Он *понимаем* (Е. Винокуров, Мы юны и надменны). Немало вариантных форм из состава морфологического просторечия, употребляющихся в диалектной и просторечной среде, используются в языке художественной литературы как средство характерологии в обрисовках образов героев «из народа» (ср. формы *уб-*

ратые, *загнатые*, *поддатые*; *даден*, *отдаден*, *взяден*, *трудящий* и мн. др.). См. отдельные примеры: — Мой приказ — на заре в путь... а итти нужно... потому, товарищи, революция вить... За *трудящих* всего мира! (Б. Лавренев, Полдень травы); ...А такой хлюст, мокрая душонка, напишет жалостное письмо — и *трудящую* женщину, как рюхой под ноги... (М. Шолохов, Судьба человека). Эти стилистически окрашенные варианты, находясь на периферии грамматической системы литературного языка, не вступают в конкурентные отношения с их нейтральными эквивалентами (подробнее см. с. 254). В отличие от вариантных форм, не колеблющих литературную норму — все формы такого рода обладают резкой стилистической окраской — с точки зрения задач нормативного описания представляют особый интерес те варианты, которые слабо различаются стилистически и варьируют в нейтральных стилях литературного языка.

Выше было отмечено, что варианты инфинитива у глаголов на *-нуть* (*достигнуть*, *постигнуть*, *застигнуть*, *настигнуть*) в употреблении заметно уступают более экономным формам без *-ну-* (*достичь*, *постичь*, *застичь*, *настичь*). Этот же процесс редукции суфф. *-ну-* проявляется и в формах причастий от глаголов на *-нуть*. Особенно явственно предпочтение бессуффиксальных форм отмечается у приставочных глаголов. В 78% употребления причастий от приставочных глаголов используется более короткая форма: *постигший*, *промерзший*, *возникший*, *проникший*, *достигший*, *вторгшийся*, *извергший*, *погрязший*, *опухший*, *размякший* и т. д.: Он (Гете. — *Л. Г.*) проклял бы родительское лоно, *извергшее* убийц и палачей (А. Сурков, Я пою ненависть); Семену Головину отшибли что-то внутри. Остался лежать на полу большой, *замолкший* (Л. Сейфуллина, Перегной). Параллельные суффиксальные формы, хотя и более редко (в выборке отмечено 22,2% таких вариантов), но используются и поэтами, и писателями, особенно в тех случаях, когда вариант может служить целям версификации: Все озаривший, не согретый, *Возникнувший* в своем же сне (А. Белый, Маг). Фактор экономии в известной мере ограничивается действием фактора слогового равновесия, препятствующего укреплению в языке слишком коротких форм. Так, в группе более коротких бесприставочных глаголов на *-нуть* бессуффиксальные формы причастий практически не употребляются. Нормативны только суффиксальные формы: *блекнувший*, *бухнувший*, *вязнувший*, *вянувший*, *гибнувший*, *липнувший*, *мерзнувший*, *меркнувший*, *мокнувший*, *пахнувший* и т. д.

Лишь на первый взгляд состав вариантов в классе глаголов кажется необыкновенно пестрым. Существование глагольных вариантов, если вдуматься, поддерживается немногими факторами. Как и в классе существительных, в классе глаголов неполная и нестрогая кодификация в грамматиках и словарях создает самые важные предпосылки для широкого функционирования вариантов в разных стилях письменного литературного языка. Ка-

тегориально-грамматические отличия глагольных вариантов от вариантов форм существительных проявляются в следующем. Если наибольший удельный вес вариантов существительных падает на несклоняемые/склоняемые формы, то параллельных явлений в составе глагола не наблюдается. В парадигмах глагольного спряжения вариантов неспрягаемых форм, эквивалентных спрягаемым формам, не имеется. Второе отличие касается смысловой специфики глагола как части речи, служащей для обозначения разных проявлений действия или состояния. Свыше 70% всех вариантов глагольных форм (при расчете процентов деепричастные и причастные формы во внимание не принимались) приходится на значения залога: синонимичные страдательные и действительные формы, неопределенно-личные и безличные формы, возвратные и страдательные формы и т. д. С помощью этих вариантов передаются разные семантические и стилистические оттенки, достигаются те или иные способы выражения действия в связи с субъектом действия или его объектом, в зависимости от задач высказывания. Достаточно сравнить варианты по заголовкам словарных статей: *это отмечали на собрании — это отмечалось на собрании, сдается на склад — сдаются на склад, прекращен выпуск продукции — прекратили выпуск продукции* и т. д. Словоизменительными такие варианты могут считаться лишь условно: грамматическое значение форм реализуется только в определенных синтаксических конструкциях. Это не случайно. Из круга всех знаменательных частей речи глагол наиболее синтаксичен: само значение глагола определяет его место и связующую роль между субъектом и объектом высказывания. Отсюда проистекает особенность тех внутрисистемных двигательных сил, которые регулируют употребление глагольных вариантов. В качестве ведущего регулятора, в соответствии с которым избираются те или иные варианты, выступает функционально-семантический фактор. Наряду с этим в употреблении глагольных вариантов в большей степени проявляется воздействие грамматической аналогии, сопровождающейся процессом лексикализации форм, специализацией и закреплением вариантов за кругом определенных значений и оттенков значений. Еще один фактор имеет немалое значение. Отказ от более длинных окончаний в пользу более коротких, т. е. тенденция к экономии произносительных усилий и в составе глагола, как и в кругу других частей речи, оставляет весьма существенный след. Наконец, регулярные морфонологические преобразования основы глагола и нарушения в закономерностях чередований являются той непосредственной и прямой причиной, которая приводит к появлению значительной части глагольных вариантов. Обзор наиболее важных факторов, поддерживающих образование и функционирование вариантов в классе глагола, убеждает в том, что нормативно-регулятивная деятельность в этой области должна проводиться в разумных пределах. Так, не может рассчитывать на успех политика жестких нормативных ограничений в области основного массива вариантных

залоговых форм. Варианты синтаксических конструкций служат различным коммуникативным целям, и в этой функции многообразие параллельных средств служит источником богатства и выразительности языка. Коннотативные варианты (к ним, в частности, относятся варианты залога) вообще в меньшей степени поддаются кодификации, нежели денотативные. Нарушения в закономерностях чередований, замены и смешения отдельных глагольных форм — словом, все случаи вариантности, связанной с денотативными формами ее проявления, могут регламентироваться с большей тщательностью, последовательностью и определенностью.

МЕСТОИМЕНИЕ

Местоимение — одна из самых употребительных[54] полузнаменательных частей речи. Возможно, именно поэтому вариантные формы местоимений сравнительно редки и находятся под сильным влиянием факторов, способствующих экономии произносительных усилий, стяжению и усечению материального состава слова. Ниже помещается табл. IV, характеризующая варианты форм местоимений (см. с. 282).

Процесс редукции окончаний

§ 32. Обзор всех вариантных форм местоимений убеждает в том, что тенденцией к экономии охвачена их большая часть. На первом месте по частоте употребления находятся варианты тв. над. ед. числа у местоимений женского рода *мной—мною*, *тобой — тобою*, *собой — собою*, *ей — ею*, *с ней — с нею*, *моей — моею*, *твоей — твоею*, *своей — своею*, *той — тою*, *иной — иною*, *какой — какою*, *всей — всею*, *которой — которую*. Конкурентные отношения у этих форм в наше время вступили в завершающую фазу. Редуцированные односложные варианты окончаний почти вытеснили двусложные: в современной газетной речи они составляют около 86%, хотя еще в газетах 20-х годов составляли 56%. Вытеснение двусложного варианта происходит неравномерно. Оно почти закончено в кругу двух- и трехсложных форм местоименных прилагательных. Практически только в стихотворных произведениях в целях версификации используются, и то довольно редко, местоименные формы прилагательных *которою*, *какою*, *моею*, *твоею*, *своею всею*, *иною*: Беру целиком с собой, Со *всею* красой безмерною, Величьем мирных работ... Со всеми счастья минутами, которым забвенья нет, Со всеми ее салютами Былых и грядущих лет (А. Твардовский, Песнь о Москве); Склонись — и солнечные тра-

[54] В «Частотном словаре русского языка» под ред. Л. Н. Засориной (М., 1977) личные и указательные местоимения входят в первые 20 самых употребительных слов (с. 807).

вы Сомкнутся над *твоею* головой. Поднимутся деревья величаво, Падет к ногам цветной ковер живой (Г. Абдрахманова, Любимая земля. Пер. Т. Кузовлева). Двусложные окончания в личных местоименных формах держатся еще в фразеологизмах и клише: *сделано мною*, *доволен собою*, *сам собою* (ср.: Он *сам собою* не исчезнет.— Виль Липатов, Еще о накипи). Тяга к слоговому равновесию задерживает распространение редуцированного окончания в тв. падеже без предлога у местоимения *она*. Здесь нормативно двусложное окончание: Валентине Талызиной присвоено звание заслуженной артистки республики. Высокое это звание *ею* заслужено и ко многому обязывает (За отличный подшипник, 20 мая 1976 г.). То же наблюдается в предложных сочетаниях. В письменной речи еще держится двусложная форма в конструкциях *с нею*, *за нею*, *под нею*: Будут сооружены 12 станций. Одна из них — Вокзальная — несколько в стороне от трассы, но свяжется *с нею* челночной веткой (Правда, 25 марта 1977 г.); Алексей едва поспевал *за нею* (А. Кузьмин, У золотых ворот). Однако встречаются и редуцированные формы, иногда даже в пределах одного и того же контекста: В последний раз он встретился *с ней* на посиделках... В сердце родилась тоскливая щемящая боль. Уж не стряслось ли что с *нею*? (А. Кузьмин, У золотых ворот); Автор этой заметки, писавший в 1968 году в «Правде» о Фредерике, уже тогда довольно легко мог объясняться *с ней* по-русски (Правда, 11 мая 1977 г.); Награда приятна, но не *за ней* ехали в Вену советские хоккеисты (Правда, 10 мая 1977 г.); Нет, я не прописною Извечно сроднился *с ней* (А. Твардовский, Песнь о Москве). Однако в устной речи преобладают редуцированные формы во всех предложных сочетаниях, независимо от той падежной формы, которую требует контекст. Так, наряду с нормативными формами *к ней*, *на ней*, *в ней*, *по ней* употребляются вариантные *с ней* (тв. над.), *у ней* (род. п.), *от ней* (род. над.) и т. д.

Если в форме тв. над. редуцированный вариант допускается литературной нормой, то в форме род. падежа односложный вариант в целом не соответствует литературной норме, хотя и встречается в стихотворной речи: Руки *у ней* в бензине, Пальцы у ней в керосине, А глаза *у ней* синие-синие, Синие, как у России (Л. Мартынов, Стихотворения, 1965). В. Н. Чернышев по поводу односложной формы род. падежа писал: «Формы *у ней*, *от ней* не привлекали бы нашего особого внимания, если бы против них не существовало какого-то предубеждения у пишущих. Малонаучные школьные грамматика и практика стесняют в их употреблении, считают их неправильными. Пушкин вместе со многими другими писателями, предшественниками и последователями, свободно употребляет формы *у ней*, *от ней*. Поэтому признание данных форм неправильными нужно считать ошибкой плохих грамматик: Когда же юность легким дымом Умчит веселость

юных дней, Тогда у старости отымем Все, что отымется *у ней*; Нет, не агат в глазах *у ней*. Но все сокровища Востока Не стоят сладостных лучей Ее полуденного ока» («Заметки о языке А. С. Пушкина. Произношение некоторых местоимений»).

Из устной речи формы *от ней*, *у ней* проникают в письменные стили литературного языка, художественную прозу и поэзию: — А может быть, и генеральская... думает вслух городовой. — На морде *у ней* не написано... (А. Чехов, Хамелеон); Я ей служил Служеньем добровольца! Все тайны знал, весь склад ее перстней! Грабительницы мертвых! Эти кольца Украдены *у ней* (М. Цветаева, Тебе — через сто лет).

Разговорная окраска этой формы мешает ее употреблению в нейтральной письменной речи. В деловых стилях литературный вариант *у нее*, *от нее* используется как единственно возможный. В отмеченных случаях действие фонетического фактора, вызванного стремлением к экономии произносительных усилий, проявляется в чистом виде.

Отказ от двусложных окончаний в пользу односложных наблюдается и в вариантных формах определительных местоимений: *самый факт→сам факт*, *самое управление→само управление, самоё атмосферу→саму атмосферу*. Однако в этом процессе двигательной пружиной является грамматико-семантический процесс перераспределения ряда лексических значений у вариантов краткой и полной формы одной и той же непроизводной основы. Тенденция к размежеванию грамматических функций этих местоимений привела к тому, что за полным вариантом (*самый*) закрепилось прежде всего значение превосходной степени, значение предельности меры (*самый добрый*, *до самого дома*, *в самый жар*, *в самый раз*). Функция грамматического элемента аналитической формы превосходной степени у полного варианта стала преобладающей. За краткой формой закрепилось определительное значение: Я и *сам* знаю, *сама* все делает, *само* это дело не стоит выеденного яйца. Здесь определительное местоимение подчеркивает самостоятельное, независимое, личное действие или самостоятельность, определенность объекта речи. Еще в литературном языке XIX в. в определительном значении в словосочетаниях с существительными использовались и полный, и краткий вариант местоимения. К нашему времени произошли сдвиги в направлении отказа от полных форм. Краткие формы предпочитаются более, чем в 80% употребления этого определительного местоимения (см. третью графу табл. IV).

Изменение нормы употребления особенно интенсивно происходит в форме вин. падежа местоимения женского рода *самоё* и *саму*. Тенденция к унификации падежных окончаний способствует закреплению в вин. падеже формы *саму*, которая в современном употреблении выступает в качестве преобладающего варианта: Этими же словами можно сейчас смело определить и саму атмосферу, в которой оказались уже прибывшие на 39-й чемпионат

мира хоккеисты (Изв., 6 апр. 1972 г.);— Надо бы братцы, *саму* булгарку в подвал посадить по приезде князя (А. Кузьмин, У золотых ворот); Бензином и соляркою Дыша — соня, Вся улица вселяется в *саму* себя (Б. Слуцкий, Самострой вселяется); Гуцулы издавна стремились украсить свой быт. Столы и лавки, сундуки и кровати, полки для посуды и *саму* посуду орнаментировали «сухой» (или «чистой») резьбой (Турист, 1971, № 6). Устаревающий вариант *самое* употребляется реже, обычно с оттенком книжности: *Самое* норму следует, видимо, рассматривать не как нечто изолированное, а как систему норм... (В. Г. Костомаров, А. А. Леонтьев. Некоторые теоретические вопросы культуры речи). Этот вариант удерживается в фразеологическом сочетании *самое себя* (походить на *самое себя*; организация уничтожила *себя самое*; презирают *себя самое* и т д.). Известны случаи ошибочного смешения падежных и родовых форм. Иногда авторы неправильно употребляют форму *самое* в им. и даже род. падеже: Кибернетика — это область знания, где господствует полюс точности, где *самое фантазия* направлена прежде всего на то, чтобы выразить математически сложнейшие связи и отношения (В. Кожинов, Кибернетика без вымысла); Сафариха все про всех понимает, про все на свете, кроме *самое себя* (Дружба народов, 1971, № 3). Диалектный по происхождению вариант *самою* в форме вин. пад. ед. ч., употребительный в разговорной речи, представляет собой отклонение от литературной нормы: Забежал в дом, взял ребенка, схватил ее *самою* за руку... (А. Пушкарь, В горящую избу); Её душевным миром он не интересовался ничуть, более того, считал его убогим, а *самою* её жалкой и некрасивой (О. Чайковская, Самое удивительное). В качестве укрепившейся универсальной и нейтральной литературной нормы в форме вин. п. ед. ч. жен. рода выступает вариант *саму*, наряду с традиционным книжным вариантом *самое*, который сейчас воспринимается как устаревающий.

Фонетическое стяжение форм

§ 33. Тенденция к лаконизму обеспечила победу еще одной группе вариантов — формам косвенных падежей у местоимения *некий*. Местоимение *некий* должно склоняться по следующему образцу: в муж. и среднем роде в род. п. *некоего*, дат.— *некоему*, тв.— *неким*, предл.— *о некоем*. В женском роде род., дат., тв., предл. пад.— *некоей*. В косвенных падежах мн. числа: род., вин., предл. *некиих*, дат.— *некиим*, тв.— *некиими*. Тенденция к стяжению гласных в устной речи обусловила появление более кратких вариантов: для жен. рода род., дат., твор., предл.— *некой* (ср. первичный вариант *некоей*), для муж. и ср. рода тв. пад.— *неким*. В формах мн. числа в род., вин., предл. падежах — *неких*, дат.— *некиим*, тв.— *некиими*. В устных диалогах можно услышать и в род. падеже муж. рода стяженную форму: служащие *некого* трамвай-

ного парка; статья *некого* Кострикова. Однако в письменной речи этому варианту в род. и дат. падеже мешает закрепиться омонимия с отрицательным местоимением *некого, некому* (ср.: *некого* любить, *некому* руку подать). В строгой письменной речи для мужского рода ед. числа во всех падежах, кроме творительного, предпочтителен нестяженный вариант: Впервые в истории,— пишет «Нью-Йорк таймс», ссылаясь на *некоего* официального представителя в ООН,— Соединенные Штаты и Китай вместе понесли поражение (Правда, 23 дек. 1971 г.).

В тв. падеже муж. рода, так же как и в формах мн. числа и в формах жен. рода, более употребительной и предпочтительной стала стяженная форма: с *неким* товарищем, семья *неких* Ковалюнас, у *некой* гражданки Ивановой: Работая химиком в *неком* институте, Корнелиус высмеял на ученом совете своего шефа (Песни веков); Как-то, работая в архивах госпиталя, профессор Кэмпс наткнулся на документы, относящиеся к преступлениям Джека-потрошителя. Среди них оказались рисунки одной из его жертв — *некой* девицы Кэтрин Эддоуз (Неделя, 10—16 апр. 1966 г.). Вариантность в этой группе форм находится в завершающей фазе: отмечено 86% стяженных вариантов. Нестяженные встречаются редко и, как правило, с окраской архаичности и книжности.

Тенденция к слоговому равновесию

§ 34. При характеристике форм личных местоимений были отмечены случаи вариантности, обусловленные стремлением к слоговому равновесию — явлением, в известной мере противостоящим тенденции к экономии. В косвенных формах двусложные варианты иногда предпочитаются коротким односложным (ср. нормативные формы *ею, с нею*, а не *ей, с ней*). Аналогичные факты, правда в ограниченном масштабе, можно заметить в разряде притяжательных и вопросительно-относительных местоимений. В литературном языке для обозначения принадлежности 3-му лицу во мн. ч. используется личное местоимение в притяжательном значении в форме род. пад.— *их*: *их* обязанности, это не *их* дело и т. д. Наряду с этой формой в разговорной речи достаточно широко распространилась и в интеллигентском просторечии, и среди других слоев городского населения (рабочих и служащих) форма местоименного прилагательного *ихний, ихняя, ихнее, ихние*. Ср. пример из газеты: А между тем желдорповара должны жарить котлеты и варить щи. И делать это лучше, чем делают. И не *ихнее* дело заниматься протокольными вопросами в диалогической речи (Комс. правда, 22 февр. 1967 г.). Судьба местоимения *ихний* сложилась так, что, несмотря на широкую употребительность в разговорных стилях языка и в XIX в., и в наше время, в правах литературного гражданства этой форме всегда отказывали. Еще Ф. И. Буслаев отмечал: «Притяжательное местоимение *ихний*, столь употребительное в речи разговорной и столь необходимое,

еще довольно туго входит в язык книжный». Приведя эту цитату, В. Н. Чернышев прокомментировал ее так: «Теперь можно положительно считать его не вышедшим в общее и свободное обращение, хотя оно и нередко встречается у авторов, обыкновенно с мягким окончанием» («Правильность и чистота русской речи. Опыт русской стилистической грамматики»). Современная норма употребления местоимения *их — ихний* требует стилистически дифференцированной оценки вариантов. В строгой деловой, научной и публицистической речи используется нейтральная литературная форма их. Вариант *ихний* встречается в художественной литературе, где он употребляется обычно как средство речевой характеристики персонажа. Например: Федька задумался.— Не знаю,— ответил он.— Я слышал, что *ихний* президент вовсе не царь, а так просто (А. Гайдар, Школа.). Иногда вариант *ихний* применяется с иронической окраской. Так, в «Литературной газете» (4 апр. 1973 г.) под рубрикой «Панегирик „Клуба ДС“» дан заголовок «Праздник на *ихней* улице». В устной же речи практически употребляются оба варианта; вариант *ихний* в тех случаях, когда он используется сознательно, придает речи сниженную окраску. В устной речи вариант *ихний* часто употребляется бессознательно, и в самых разнообразных стилистических контекстах: сзади идет *ихний* же работник; ругал за ихние безобразия; там пишут про *ихних* девушек, *ихние* похождения (Запись устной речи, 1975—1977 гг.).

Предпочтение двусложного варианта односложному наблюдается в разговорной речи также в тех случаях, когда возможна взаимозамена местоименного вопросительного наречия *чего* и местоимения *что*. Параллельное употребление зарегистрировано в риторических вопросах, рассчитанных на возбуждение в читателе, слушателе или собеседнике отрицательного ответа с антонимическим значением «что (=чего) — не́чего». См. примеры: [Шванда] *Что* ж тут не понять? Буржуи кровь пили — это хоть кто поймет (К. Тренев, Любовь Яровая); Гвоздев готов был плакать.— Ну, *чего* ты киснешь? В киноартисты, что ли собрался?... — утешал Мересьев (Б. Полевой, Повесть о настоящем человеке). В традиционном литературном языке у местоимения *что* в отличие от наречия *чего* исторически сложился более широкий круг значений. Так, местоимение *что* употребляется в составе вопросов о предмете, явлении, действии (*Что* ищет он в стране далекой?), в функции сказуемого (Ну, *что* соседка? *Что* Татьяна? *Что* Ольга резвая моя?), в роли вопросительного местоимения со значением «Почему? по какой причине?» (*Что* вас так давно не видно?) и т. д. В тех случаях, когда слова *что* и *чего* применяются в одном и том же значении, можно заметить их некоторое стилистическое размежевание. Варианту *чего* (в произношении — *чиво*) в большей степени свойствен налет разговорности. Ср.— *Чего* в этом хорошего?;— *Чего* там не понимать?— *Чего* зря выступать? См. примеры из художественной литературы: — *Чего*,— говорит,—

агитировать: становись (это мне то есть) становись, примерно, вон к той березе, тут мы в тебя и шрельнем (М. Зощенко, Великосветская история); [Минька] Вы *чего* же это бабы, расширяется тута. Ну? — [Секлетея] А тебе чего, барабан согласный? Войсковой колокол на солдатский барабан променяли! (К. Тренев, Пугачевщина).

Таким образом, основные факторы, определяющие вариантность в составе местоимений: явление фонетической редукции, стяжение и тенденция к слоговому равновесию, действующая в противовес экономии. Нельзя не подчеркнуть также влияние унификации и грамматической аналогии. В составе местоимений действие аналогии проявляется в том, что в определенных пределах регулируется влияние одних форм на другие. Так, выше было отмечено, что под влиянием тенденции к унификации падежных окончаний закрепилась форма вин. падежа местоимения жен. рода *саму* вместо *самое*. Функционирование разговорных редуцированных вариантов *с ней*, *у ней*, *от ней* поддерживается влиянием предложных конструкций типа *к ней*, *в ней*, *по ней*, *на ней* и т. д. В разряде местоимений в большей степени, чем в какой-либо другой части речи, можно наблюдать воздействие сложившейся культурно-речевой традиции. Так, требованиями этикета разграничивается употребление местоимений *ты* и *вы* (в обращении к одному какому-либо лицу). Этикет в соединении с современной грамматической нормой определяет формы вежливого обращения к одному лицу в словосочетаниях с прилагательными и другими частями речи [55].

У полных форм прилагательных и причастий, которым в отличие от кратких форм свойствен стилистический оттенок менее категорического, смягченного выражения, согласование в роде соответствует реальному полу лица, к которому обращена речь, например: *Вы такая хорошая* (применительно к женщине) и *Вы такой хороший* (применительно к мужчине). См.: Почему вы *такой молчаливый*? (К. Симонов, Солдатами не рождаются); Но я не думал, что вы недобрый (К. Федин, Первые радости).

Употребление полной формы прилагательного или причастия во мн. числе в обращении к одному лицу не соответствует современной литературной норме. Выражения типа *Вы такие хорошие*, *Вы такие добрые* носят ярко выраженный просторечный характер.

В сочетаниях с краткими формами прилагательных и причастий принята иная форма согласования — во мн. числе, например: Неужели *Вы* так *одиноки*? *Вы научены* долгим опытом! Ср.: Пряшников понял, что капитан, очевидно, контужен, ему трудно говорить...— *Вы контужены?* — спросил Пряшников (К. Симонов, Третье лето).

---

[55] См. на эту тему: *Хаустова Ю. Ф.* Вы *счастливая*. Вы *счастливы*.— РР, 1972, № 6.

В сочетаниях с глаголами в прошедшем времени также принято грамматическое, а не смысловое согласование, т. е. в сочетаниях с местоимением *Вы* глагол употребляется в форме мн. числа: *куда Вы пошли? Чем Вы занялись?*

В отличие от других частей речи, в частности существительного и глагола, в разряде местоимений нет места для влияния факторов, обусловливающих существование наиболее крупных ареалов вариантности у знаменательных частей речи. Ни аналитизм, ни факторы семантико-синтаксического порядка ни в коей мере не определяют существенных явлений вариантности в составе местоимений. У каждой части речи свой круг вариантных форм и свой круг ведущих факторов, ограничивающих пределы грамматического варьирования форм.

ЧИСЛИТЕЛЬНОЕ

Неустойчивость нормы: три грамматических фактора, определяющих смешение форм

§ 35. По удельному весу вариантных форм в письменной речи числительные занимают последнее место: их доля не составляет и двух процентов во всей совокупности словоизменительных вариантов. Последнее по весу, но не по значению. Ниже приводится табл. V, в которой показано, какие группы форм числительных испытывают колебания в современном литературном языке. Нет сомнения, что статистическое обследование вариантов числительных в обиходно-разговорной речи дало бы другие результаты: на письме количественные числительные передаются преимущественно с помощью цифровых обозначений. Устная форма употребления числительных отличается от письменной нормы их записи. В устно-разговорных сферах речи отклонения от традиционной нормы значительнее, чем те, которые зарегистрированы в нашей выборке. Поэтому в дальнейшем изложении широко используются дополнительные материалы устных опросов.

Варианты форм числительных, неустойчивые с точки зрения современной литературной нормы, группируются вокруг нескольких грамматических категорий. Первая, самая частотная, группа вариантов обусловлена происходящими изменениями в склонении собирательных числительных (см. первую графу табл. V). Второй значительный пласт вариантов поддерживается действующей тенденцией к утрате склоняемых аффиксов в отдельных группах числительных (см. 2-, 3-, 5- и 6-ю графы табл. V). У единичных числительных неустойчивы некоторые падежные формы под воздействием фактора грамматической аналогии (см. 4-ю графу таблицы).

Семантическое переосмысление собирательных числительных

§ 36. Лексический ряд собирательных числительных ограничен немногими формами. Известно, что собирательные числительные образуются от счетных числительных до 10: *двое*, *трое*, *четверо*, *пятеро*, *шестеро*, *семеро*, *восьмеро*, *девятеро*, *десятеро*. Зарегистрированы лишь единичные формы от 10 до 20: Люся вон только за себя переживает, а Елена Ивановна — *за двадцатерых* (А. Кулешов, Победил Александр Луговой). Несмотря на ограниченную емкость ряда, употребительность собирательных форм достаточно высокая: они находятся во второй частотной зоне. Смешение собирательных форм и близких к ним по значению количественных числительных наблюдается под влиянием семантического фактора. Обращает внимание следующее регулярное нарушение традиционного правила. Существительные женского рода, обозначающие лица, так же как и названия животных, по традиции не должны иметь при себе собирательных числительных даже в тех случаях, когда в словосочетании с существительным передается оттенок собирательности. Однако речевая практика уравнивает существительные женского и мужского рода. В применении к лицам собирательные числительные сейчас употребляются достаточно широко, безотносительно к полу названного лица: *Семь сыновей и троих дочерей* воспитали Агния Андреевна и Иван Матвеевич (Лит. газ., 2 июля 1962 г.); Я поставил дилетантский эксперимент: опросил четырнадцать женщин. Вот результат: *двое дали* бы сдачи, двенадцать предпочли бы забыть (Лит. газ., 14 нояб. 1973 г.); Меж дорических колонн, И массивных декораций Девять муз и *трое граций*, Аполлон (Л. Мартынов, Завершился листопад). Гораздо реже, но встречаются отступления от нормы и в сочетании с названиями животных: «Экзотику» подсветили прожектором, и *двое мишек*, неуклюже подбрасывая толстые задние ноги, скрылись в темноте (Турист, 1967, № 2); Как *двое кукушек*, часами подряд, В упор друг на друга глядят и глядят (Лит. газ., 2 июня 1962 г.). В сочетаниях с существительными *дети*, *ребята*, *люди*, *лица* в значении «человек» собирательные числительные употребляются последовательно в им. над. Но в косвенных падежах возможно употребление и собирательных, и количественных числительных: *мать двоих детей — двух детей*, *с пятерыми ребятами — с пятью ребятами*, *отец шестерых детей — отец шести детей*. Смешение значений количественных и собирательных числительных особенно заметно в применении к названиям лиц мужского пола в словосочетаниях: у нее было *четверо братьев* — у нее было *четыре брата*; *двое приятелей* встретились в лесу — *два приятеля* встретились в лесу; встретил пять знакомых за вечер — встретил *пятерых знакомых* за вечер; организация высылает *трех специалистов* — *троих специалистов* и т. д. Параллельное употребление этих конструкций обусловлено необходимостью разграничивать значение собиратель-

ных и количественных числительных. Количественное числительное употребляется, если в сообщении на первый план выдвигается счетное значение. В примере *высланы три специалиста* важно указание на число — не пять, не шесть, не восемь, а именно три специалиста. Собирательное числительное используется, когда подчеркивается оттенок собирательности: *организация высылает троих* (т. е. нескольких) *специалистов*. Различие этих семантических нюансов столь нечетко выражено, что смешение значений стало скорее нормой, чем отклонением от нее. Употребление собирательных числительных строго закреплено в сочетаниях с названиями парных предметов и с неодушевленными существительными, употребляющимися только во мн. числе: *двое ножниц, трое щипцов, четверо саней, четверо суток*. Иногда в образовании форм в сочетании со словом *сутки* встречаются осложнения. Затруднения возникают в тех случаях, когда надо словами назвать число суток, обозначенное двухзначной цифрой, в составе которой есть 2, 3, 4 (52, 63, 74, 43 и т. д.). Отмечены примеры соединения количественного и собирательного числительного: Начальнику станции так и не удалось узнать ни пункта отправления, ни пункта назначения злосчастной веялки. Спустя *пятьдесят двое суток*, когда у всех лопнуло терпение, инспектор по актовым претензиям П. П. Ворончихина дала команду отправить ее на склад (Правда, 10 мая, 1971 г.).

§ 37. По значению к собирательным числительным примыкает числительное *оба — обе*. Литературная норма требует различия родовых форм и в прямом, и в косвенных падежных формах: *обоих, обоим*, для муж. рода и *обеих, обеим* для женского. В письменной речи нарушения установившейся нормы единичны. Хотя в книге «Русский язык» В. В. Виноградов отмечал: «В этом числительном книжный язык искусственно поддерживает родовые различия и в косвенных падежах (в женском роде основа *обеи* — и в мужско-среднем *обои*), но в разговорной речи формы косвенных падежей женского рода с основой *обои* употребляются все меньше, вытесняемые формами *обоих, обоим* и т. п.». В современной прессе очень редки такого рода формы: Существо вопросов, изложенных во всех параграфах *обоих глав*, представлено правильно (Вестник машиностроения, 1966, № 3); Схожесть целей и даже деталей несомненна и объясняется просто: социальный заказ *в обеих случаях* поступил от одного и того же заказчика — правящего класса капиталистов (Труд, 18 сент. 1970 г.); Разные ассигнации? Конечно. Но в конце концов *в обоих* — сто копеек, *у обоих* — на будущее шансы равные (Комс. правда, 29 июля 1972 г.).

Материал показывает, что правило употребления форм *обоих — обеих* помнится лучше, чем правило об употреблении собирательных числительных в применении к названиям лиц мужского, женского пола, животных.

Развитие аналитизма в формах числительных

§ 38. С развитием отвлеченных форм мышления в области специальных наук — математики, физики, кибернетики, с ростом технического прогресса возросла в профессиональной речи роль числа, вернее его символических заменителей.

Усиленное функционирование знаковых обозначений чисел привело к микросдвигам в отдельных формах числительных. Эти изменения зародились впачале в специальном употреблении; некоторые через газеты и журналы вошли в общелитературное употребление. Тенденция к аналитизму и агглютинативности в классе числительных по-разному проявляется в отдельных разновидностях литературного языка.

Современный научный математический язык отличается значительным своеобразием в употреблении словесных математических и арифметических обозначений. Сдвиги в употреблении числительных происходили по мере усиления тенденции к стандартизации математического языка. В литературном языке эти сдвиги упрочивались вместе с актуализацией математических знаний среди широких масс: «Подчиняясь влиянию математического мышления, числительные унифицируют свои формы... Древние синтетические формы числовых существительных и прилагательных подверглись в категории числительных сокрушительному натиску отвлеченного математического мышления. Старая техника языка вступила в противоречие с новыми принципами понимания и выражения отвлеченных понятий числа и количества» [56].

Другая существенная грамматическая перемена вызвана резким возрастанием употребительности количественных числительных в роли кодовых (технических и научных) определителей: алгол-60, уран-235, ка-два-мезон, «электронная сиделка» Ритм-1; станция Зонд-3 и мн. др.

Появление большого числа таких наименований было прежде всего вызвано внешней необходимостью — процессом дивертификации производства, увеличением номенклатуры выпускаемых изделий. С ускорением технического прогресса появилась широкая потребность в маркировке новых моделей: самолетов — ИЛ-18, ТУ-104Б, АН-10, МИ-6, В-2; автомашин — ГАЗ-51Л, МАЗ-200, ЗИЛ-164А, космических кораблей и спутников Восток-1, Луна-3, Восход-2 и т. д. Модификация одного и того же типа изделия помечается номерными знаками в форме разных вариантов постпозитивного количественного числительного (Москвич-403, Москвич-407, 424, 432 и т. д.). Новый способ наименования стал широко известен через газеты и технические журналы в 50- и 60-е годы. Тип броского «шифрованного» названия подхвачен журналистами

---

[56] *Виноградов В. В.* Русский язык (Грамматическое учение о слове). М.— Л., 1947, с. 290. 315.

и писателями: Писатели, входящие в «Группу 47», не связаны, как известно, никакой определенной идейной или организационной платформой (За рубежом, 1965, № 32). На афишах Москвы появились названия ВИО-66: так обозначены выступления Всесоюзного инструментального оркестра 1966 г. Открылась выставка-смотр НТИ-66 — научно-технической информации 1966 г. и под.

Такое употребление вызвало перераспределение функции количественных и порядковых числительных. Количественное числительное сделало еще один шаг к отрыву от субстанционального значения: «Математическое отвлеченное мышление вторглось в общий язык и трансформировало систему числительных имен, лишив их отчетливых форм имени, оторвав их от структуры существительных и прилагательных» [57]. При таком употреблении количественное числительное лишилось своего специфического числового, количественного значения. Приближаясь функционально к постпозитивному аналитическому прилагательному, числительное по лексическому значению здесь сходно с местоимением. Оно употребляется как чистый различитель для выделения определенной серии предметов или предмета из ряда однородных (Луна-1, Луна-2, Луна-3 и под.); местоименность же проявляется в том, что различие указывается, но не называется. Для читателя внутренняя форма обозначения остается скрытой, хотя в узком кругу специалистов, придумывающих название, числовой определитель как-то мотивируется: алгол-60 — это универсальный язык электронных машин, разработанный в 1960 г., а алгол-1 — это первый универсальный язык, принятый в том же 1960 г.; в первом случае термин помечался по году, в котором создан, во втором — по первенству изобретения. Лаконизм — вот что обеспечивает успех и продуктивность конструкциям этого типа: В Москве, в парке «Сокольники», открылась международная специализированная выставка «Оборудование и технологические процессы производства связи» — *«Связь-77»* (Правда, 6 апр. 1977 г.).

Актуализация определительного значения количественных числительных оказала влияние на отношение порядковых и количественных числительных в бытовом употреблении. Участились случаи использования постпозитивного количественного числительного вместо порядкового в названиях адресов, поездов, марках самолетов и под.: Кирпичные скорлупища. И тут же Висят домов кубические души. Душа мечети, души двух хибар. *Душа номер семнадцать дробь двенадцать*, Они воспоминаньями дымятся, Они не понимают — погибать (А. Вознесенский, Помогите Ташкенту).

В конце XIX — начале XX в. в таком сочетании, как правило, употреблялось порядковое числительное: *пакет из дома номер первый*, *палата номер шестая*, *нитки номер пятидесятый* и под. [58]

---

[57] Там же, с. 289.

[58] Подробнее см.: *Янко-Триницкая Н. А.* Проблема номер один (числительные в роли несогласованного определения).— В кн.: Развитие грамматики и лексики современного русского языка. М., 1964.

§ 39. В разговорной речи перестают склоняться некоторые числительные. Например, числительное *пол-*, имеющее две падежные формы — *пол-* (им. п. — вин. п.) и *полу-* (косвенные падежи), постепенно утрачивает вторую форму) [59].

В письменную речь изредка проникают только те образования с *пол-*, которые уже почти не колеблются в устной речи: «Прогресс» — новое по своей природе производственное объединение. Оно молодо — ему нет и *полгода*, но успело проявить себя во многом (Изв., 12 апр. 1962 г.); На самом деле Федор Петрович — истинный романтик, ибо только человек такого склада может увидеть в *полкопейке* большое государственное дело (Эконом. газ., 9 апр. 1962 г.); Еще живы книжники, которые тогда были мальчиками в магазинах и приходили за толстовскими книгами, и уносили их на плечах понемногу, по *полпуда*, на Никольскую улицу (Лит. газ., 4 мая 1965 г.).

В сложениях *полдюжины*, *полвека*, *полставки*, *полоклада* первая часть сложения *пол-* и в косвенных падежах употребляется в неизменяемой форме — *по полдюжине*, *по полчаса* в день, свыше *полвека*, работа на *полставке*, премия в *полоклада*: Недавно в Сайгоне распространилось известие, что по крайней мере в *полдюжине* южновьетнамских тюрем в последнее время произошли серьезные волнения (Правда, 28 дек. 1970 г.); Ведь уже было что-то *около полдюжины* случаев, когда семьи или доктора в последнюю минуту меняли решение (Неделя, 1967, № 3); Глубокий старик... который *свыше полвека* обшивал людей (И. Эренбург, Буря). Однако зарегистрированы и варианты с *полу-*: В продолжение *полувека* выходил «Русский архив» (Лит. газ., 3 авг. 1965 г.); Не прошло и *получаса*, как ко мне ввалилась целая толпа моих коллег (Крокодил, 1965, № 21); *Полугодом* раньше случая с «возложением» одной бабке «поблазнило» спросонья, будто в избу лезет «хититель» (Лит. газ., 14 янв. 1965 г.).

Особенно показательны случаи, когда флексия утрачивается в предложных сочетаниях. Так, в устной речи стали нормой безаффиксные формы в предложных конструкциях типа *по пять рублей* [60], *по семь человек*, *по несколько дней*, *по много денег*. К наше-

---

[59] Числительное *пол-* пишется (в большинстве случаев) слитно с тем существительным, которым управляет (*полвзвода*) или с которым согласуется (*около полувзвода*). По всем же своим лексическим, грамматическим и фонотипическим признакам оно является самостоятельным словом. На эту тему см.: *Осовская В. Е.* Образование с *пол-* и *полу-* в современном русском языке.— Уч. зап. Горьковского пед. ин-та, 1971, вып. 115; *Качевская Г. А.* К истории сложных существительных с *пол-* и *полу-* в русском языке.— В кн.: Вопросы теории и истории языка. Сб. статей, посвященных памяти Б. А. Ларина. Л., 1969.

[60] В. В. Виноградов считает эти формы беспадежным образованием, т. е. номинативом без грамматических функций (см.: *Виноградов В. В.* Указ. соч., с. 302); конструкции такого типа приводятся в статье Д. И. Буторина «Употребление в распределительном значении количественных числительных с предлогом по («Вопросы культуры речи», вып. V, М., 1964)

му времени стабилизировались две формы у числительного *сто: сто* в номинативе и *ста* в косвенных падежах. В начале XX в. в произведениях писателей старшего поколения отмечены другие падежные формы: *по сту, в стах*; В. П. Чернышев рекомендовал склонять эту форму по всем падежам. Наши современные писатели формы *в стах* и *по сту* употребляют крайне редко: [Дахно] Я заплатил за штуку *по сту* рублей (В. Попова, Метелица, 1958); Их шесть автоматчиков — вот они, шагают метрах *в стах* от меня (М. Шолохов, Судьба человека, 1956); Характер почты удивляет, Почему так много жалоб и так ничтожно мало предложений в тех нескольких *стах* письмах, которые я прочла? (Лит. газ., 14 марта 1957 г.). Отход от флективности заметен в образованиях составных, сложносоставных, дробных числительных. В составных порядковых числительных часто склоняемой остается только последняя часть.

Особенно широко распространились «склеенные» образования в разговорной речи. В надписи типа «Передача 150-тысячного трактора» читается: *стопятьдесяттысячного* (Из устной речи, 1966); «Последователи Владимира Светличного ждут 350-центнеровый урожай» читается: *триста пятьдесят центнеровый.*

В препозиции, когда числительное стоит перед определенным словом, нормативная грамматика в строгой письменной речи рекомендует склонять все элементы составного числительного. Так, в сочетании «Встреча с 5574 бойцами» рекомендуется словами записать числительное следующим образом: *с пятью тысячами пятьюстами семьюдесятью четырьмя бойцами.* В устной же речи допустимо в этих случаях склонять два или одно последнее слово: *пять тысяч пятьсот семьюдесятью четырьмя бойцами.* В разговорной речи несклоняемость числительных распространена очень широко и в среде людей с филологическим образованием: доклад напечатан *в количестве пятьсот — шестьсот* экземпляров; была завершена работа *над двадцать девятью темами*; к старым *семьсот — восемьсот* туристским *маршрутам* прибавились новые и т. д. Из устной речи случаи несклоняемости проникают и в письменную: Разумеется, халтура, по центр ее принял и будет распространять в качестве *двухсот шестьдесят четвертого* оригинального произведения, созданного в текущем году в пределах солнечной системы (В. Загальский, Писательская кухня); Только за один день боя у Прохоровки наши танкисты уничтожили *более четыреста* фашистских танков (Изв., 13 сент. 1969 г.). Практически на письме принято цифровое обозначение составных числительных. Побуквенное написание встречается лишь в немногих письменных жанрах. В газетах, как правило, лишь у порядковых числительных в препозиции буквами передается лишь окончание (в 5-й дивизии, к 8-му марта). «Полностью» числительные пишут-

---

и в журнале «Русский язык в национальной школе» (1963, № 5, раздел «Ответы на вопросы читателей»).

ся в школе, в банках (обычно, в им. падеже), иногда в тексте художественной литературы. Цифровое обозначение, при беглом прочтении утрачивающее склоняемость, способствует стиранию падежных форм в устной речи на стыке первых слов составного числительного.

В сложных словах с числительным в первой части в современных живых образованиях доминирует способ сцепления на стыке частей слова: В колхозе имени Чапаева решили раньше убрать урожай в звеньях *стогектарников* (Сов. Кубань, 9 сент. 1964 г.).

В тех редких случаях, когда первым элементом сложного слова выступает составное числительное, начинающееся с числительного *сто*, записанное словами, а не цифрами, отмечены колебания: *стодвадцатипятимиллионный* и *стадвадцатипятимиллионный*, *стопятидесятитысячный трактор* и *стапятидесятитысячный* трактор (ср. у М. Шолохова: Оказалась одна наша *стадвадцатидвухмиллиметровая* гаубичная батарея почти без снарядов («Судьба человека»); Вместо *стакилометрового* объезда или переправы на паромах, занимавших по нескольку часов, теперь перебраться через залив автомобили смогут за 15 минут (Веч. Москва, 16 февр. 1974 г.).

Учитывая общее правило образования сложных числительных с первым неизменяемым элементом *сто-*, предпочтение следует отдать несклоняемой форме: не *стапятидесятитысячный*, а *стопятидесятитысячный*. Ср.: Лифты в Останкинской башне носятся, как ракеты. Всего через двадцать секунд мы оказались на *стотридцатичетырехметровой* высоте (Правда, 7 мая 1972 г.).

В сложных словах, начинающихся составным числительным свыше 1000, название первого числа в составе сложного слова остается неизменяемым, а все остальные названия чисел ставятся в род. п. в соответствии с правилами согласования: *пятьтысячидевятисотдолларовый* чек, *четыретысячидевятисотдолларовый*, *дветысячивосьмисотдолларовый*.

Влияние грамматической аналогии

§ 40. У некоторых форм числительных происходят сдвиги в норме под воздействием грамматической аналогии. По силе и выраженности процесса эти явления сравнительно с другими занимают последнее место. Из статистической выборки обнаружилось, что варианты этого рода редки и находятся в последней зоне малоупотребительных форм. Так, литературная традиция требует в косвенных падежных формах сложных числительных со вторым элементом *-десят*, *-сот* (*пятьдесят*, *пятьсот*, *шестьдесят*, *шестьсот* и т. д.) склонения обеих частей: *пятидесяти*, *пятисот* в формах род., дат. и предл. падежей и *пятьюдесятью*, *пятьюстами* в тв. п. Стремлением к унификации и выравниванию основы вызваны к

жизни варианты с общей основой для всех косвенных падежей, включая и творительный: *пятидесятью, пятистами*; *шестидесятью, шестистами* и т. д. См. примеры: Говорят, что о выборах в парламент у политиков теперь ходят поговорки: «С сорока миллионами пройдешь, с тридцатью — провалишься» или даже «*С пятидесятью* — пройдешь, с сорока провалишься» (Правда, 9 дек. 1966 г.); *За семидесятью семью* печатями для нас «внутренний мир» растений (Наука и жизнь, 1972, № 9).

Две грамматические формы, относящиеся к разным рядам склоняемых слов — существительным, с одной стороны, и числительным — с другой, смешались в употреблении в форме тв. пад. ед. ч. у слова *тысяча — тысячей* и *тысячью*. Здесь мы сталкиваемся с классическим проявлением скрещивания и взаимодействия разных грамматических аналогий.

С. П. Обнорский считает, что эти варианты возникли в результате взаимодействия двух типов склонений (типа *туча* и типа *кость*), последствием которого в русском литературном языке XVIII и XIX в. было появление колеблющихся вариантов: *постеля—постель, куделя—кудель, роля—роль, яблоня—яблонь, басня—баснь, добыча—добычь, круча—кручь* (ср. известные колебания в тв. ед. *постелей—постелью, яблоней—яблонью, добычей—добычью* и др.). Форма *тысячью* в современном литературном языке поддерживается прежде всего аналогией с формой тв. ед. у других числительных (*пятью, семью, девятью, десятью* и т. д.) и в настоящее время распространилась достаточно широко, и в тех случаях, когда слово *тысяча* употреблено в значении неопределенно-счетного существительного, и в чисто количественном значении. Ср. примеры в неопределенно-счетном значении: Школа *тысячью* нитей соединена с жизнью (Комс. правда, 9 апр. 1964 г.). Только в этом значении обычно употребляется и вариант *тысячей*: Как ливень с *тысячей* мелодий Из поля в новые поля, Уходит женщина. Уходит. И гаснут следом тополя (С. Орлов, Уходит женщина); Теснота, все заполнено *тысячею* приборов (К. Симонов, От Черного до Баренцова моря).

В количественном значении слово *тысяча* употребляется реже, чем в неопределенно-счетном, и лишь в форме *тысячью*: приехал *с тысячью* рублями в кармане; производство ограничено *тысячью ста двадцати пятью* тоннами стали; За все время своего существования коллектив художественной самодеятельности выступил более чем *с тысячью* концертов (Труд, № 6, 8 янв. 1971 г.); Могли вступить в противоборство *с почти тысячью* немецких бомбардировщиков (А. Чаковский, Блокада) [61].

За последние годы форма числительного *тысячью* активизировалась и потеснила конкурентную форму *тысячей* даже и в значении неопределенно-счетного существительного: *перед тысячью до-*

[61] Об особенностях управления в этих конструкциях см.: *Иванова В. Ф. Человек с тысячью лиц* или *человек с тысячью лицами?* — РЯШ, 1969, № 2.

рог... (Комс. правда, 1 авг. 1972 г.); В одну минуту землетрясение поставило город *перед тысячью проблем* (Комс. правда, 26 апр. 1968 г.).

Тем не менее в значении существительного вариант *тысячей* остается предпочтительным: образован организованный полк, называвшийся *тысячей*; ушел *с тысячей* в кармане; открылся магазин, названный «*тысячей мелочей*».

Утрата склоняемых аффиксов у ряда числительных, развитие неизменяемых «местоименных» форм числительных в определенном значении, семантическая перегруппировка собирательных форм, взаимодействие и взаимовлияние падежных форм у отдельных числительных — этими чертами определяются наиболее существенные сдвиги в норме употребления одной из самых подвижных, эволюционирующих частей речи.

СТИЛИСТИЧЕСКОЕ ВАРЬИРОВАНИЕ НОРМЫ

Системе современных норм письменного литературного языка отчетливо противопоставляются нормы устной обиходной речи, которая подвержена значительным региональным влияниям.

Особую сферу составляет язык городских жителей, являющийся источником элементов городского просторечия, в котором проглядывают черты сплава с диалектными и профессиональными сферами речи [62]. Следы влияний сказываются прежде всего в области устных грамматических норм. Отдельные вкрапления нелитературных вариантных форм в качестве стилистически мотивированных средств речи появляются и в письменных разновидностях литературного языка [63].

Нормативный аспект предполагает необходимость исследования вариантов с точки зрения их стилистической функции в литературном языке. По отношению к литературной норме выделяются следующие стилистические разряды вариантов, если характери-

---

[62] О нормах литературного языка и просторечии демократических масс города см.: *Виноградов В. В.* Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX в. М., 1938, с. 439—443; см. там же главу «Социально-групповые стили просторечия» (с. 211—216).

[63] См. об этом: «Строго нормативная точка зрения отвергает „региональные варианты“ литературного языка, поскольку при этом неправомерно ставятся в один ряд нормы литературной речи и отклонения от них (в виде диалектно окрашенной речи носителей литературного языка). Но вместе с тем нельзя не видеть, что русский литературный язык, будучи неоднородным по своему составу, теснейшим образом связан с многочисленными разновидностями русского национального языка, воздействует на них и сам испытывает их влияние; в результате такого взаимодействия он пополняется новыми средствами и обогащается стилистически, повышает вариантность своих элементов, получая возможность обозначать одно и то же явление разными словами и формами» (*Филин Ф. П., Сковорцов Л. И.* Культура русской речи.— Вестник АН СССР, 1975, № 5, с. 97).

зовать их со стороны употребления в разных функциональных стилях и жанрах речи:

1. Стилистически нейтральные варианты, не выходящие за черту литературной нормы и не дифференцированные в употреблении какой-либо стилистической окраской: *скирд* и *скирда*, *грабель* и *граблей*, *с тысячей* и *с тысячью*, *в городе Камне-Каширском* и *в городе Камень-Каширский* и мн. др. Эти варианты составляют самые широкие пласты конкурирующих форм, свойственные всем частям речи.

2. Варианты, проникающие в литературный язык из профессиональных сфер речи. Узкое употребление закрепило за этими вариантами окраску профессиональных, специальных форм: *чинара* и *чинар* (ботан.), *компонент* и *компонента* (спец.), *клáпаны* и *клапанá (морск.)* *кóнусы* и *конусá* (техн.) и т. д. Профессиональные варианты составляют относительно небольшую группу форм; наиболее весомы в этой группе варианты форм рода, числа и падежа имен существительных. Обычно эти варианты не вызывают резкого отрицательного отношения и часто из специальных текстов проникают на страницы журналов и газет, постепенно закрепляясь в литературном языке. Этим вариантам должно быть посвящено особое исследование; отчасти их характеристика содержится в книге В. П. Даниленко «Русская терминология» (М., 1977).

3. Обширную группу вариантов, пронизывающую все части речи, составляют разговорные формы. Они употребительны в устных разновидностях речи, обладают ярко выраженной стилистической окраской и в письменных стилях литературного языка квалифицируются как разговорные, тогда как в устной речи могут быть употреблены как нейтральные: *для весу всё это говорится*, *по имя-отчеству называем*, *она — карапет такая*, *чуть-чуть приболела*, *езжай на автобусе*, *подзаработать хотел немного; у ней не ангина, а что-то другое* и под.

4. Варианты, выходящие за пределы литературной нормы и на правах нейтральных стилистических единиц не допустимые ни в письменных, ни в устных стилях речи. (ср. формы типа *пущай*, *хотишь*, *без всяких спасениев*, *пекчись*, *иттить* и т. д.). С оттенком иронии или шутливости эти формы используются и в литературном языке. Так, известен сектантский афоризм: Женская лепость весь свет поедает и к богу идти *не пущает*. В кругах сектантов может быть употреблен без специального стилистического задания. В устах лица, владеющего литературным языком, стилистическая окрашенность нелитературной формы дает возможность применить эту же фразу с иронической интонацией.

5. Потенциальные варианты, допускаемые, но не принятые нормой, ср. формы 1-го лица буд. вр. от глаголов *побéдить*, *угоразднть*, *ерундить*, *чудить*, *умилосердить*, *шкодить*. Возможно и такое осмысление подобных фактов:— Между прочим, в русском языке для местоимения «я» даже специальные ловушки имеются. Вот скажи, например, как будет от глагола «побеждать» будущее

время первого лица единственного числа? «Я победю? «Я побежду?» Или: «Я побежу?... Или как? «Побегу» — есть, а «победю» — нет. Почему? Видимо, для того, чтобы во множественном числе этот глагол употребляли. Глядишь, оно и ближе к истине будет» (К. Симонов, Последнее лето).

Тему раздела составляют третья и четвертая группы вариантов. В работах по литературному языку эти факты часто приводятся с отрицательными нормативными квалификациями. Оставаясь за пределами «позитивного» внимания составителей словарей и грамматик, нелитературные формы все же существуют в городской речи десятилетиями и долее, своим исключением подтверждая редко меняющиеся грамматические правила. Такие ученые, как В. И. Чернышев, С. П. Обнорский, уделяли этим формам особое внимание, вводя их в сферу изучения общенационального языка[64]. К 70-м годам XX в. в составе литературного просторечия произошли сдвиги. Поэтому даже простая инвентаризация этих форм при построении курса литературного языка может быть полезна. Тем более, что крупнейшие писатели постоянно обращаются к ярким речевым краскам просторечных пластов языка[65].

Малоизученность темы заставляет ограничить круг проблем, затрагиваемых в работе. В связи с изложением имеющегося материала кажется необходимым осветить следующие стороны отмеченных явлений: отличительные особенности грамматических норм в устных формах речи и просторечные формы в языке художественной литературы.

Отличительные особенности грамматических норм в устных формах речи

§ 41. Исконная сфера естественных разговорных и просторечных грамматических форм — в коротких бытовых диалогах обиходной городской речи[66]. В письменные стили литературного

---

[64] См. работы В. И. Чернышева «Как говорят в Петербурге?», «Диалект города Москвы и русский литературный язык», «Правильность и чистота русской речи. Опыт русской стилистической грамматики» (Избр. труды, т. I—II. М., 1970); см. также: *Обнорский С. П.* Именное склонение в современном русском языке. Л., 1931; *Он же.* Очерки по морфологии русского глагола. М., 1953.

[65] В беседах с И. А. Буниным А. И. Куприн так оценивал причины своего писательского внимания к устному слову: «Я учусь языку не по классическим образцам, как бы они ни были хороши, и не по книгам. Ты сам же высмеиваешь молодых поэтов, которые для подыскания подходящих рифм учат наизусть словарь Даля. Прекрасен, гибок, ярок и точен язык народа. И только в соприкосновении с народом, а отнюдь не с литературой, с людьми самых разнообразных слоев обогащается язык писателя. Каждая встреча с незнакомым человеком дает мне что-нибудь новое. Не только характерный оборот речи, но иногда важно одно только случайно брошенное слово и дополняющее это слово жест, интонация, выражение лица» (*Куприна-Иорданская М. К.* Годы молодости. М., 1966, с. 129).

[66] Термин «обиходный» используется в том же значении, в котором употреблял его С. И. Ожегов: «Литературная и обиходная формы национального

языка попадают лишь отдельные просторечные элементы, отобранные журналистами, писателями или просто пишущими людьми с определенными стилистическими и коммуникативными целями. Именно поэтому в качестве источника наблюдений был избран жанр устного бытового диалога. В секторе культуры русской речи при собирании материала для словаря вариантов велись записи коротких диалогов со многими сотрудниками Института русского языка на разные бытовые и профессиональные темы. Поскольку в качестве информантов выступали научные сотрудники с филологическим образованием, собранный материал составили, наряду с литературными грамматическими вариантами, варианты третьей группы (см. выше), т. е. формы, находящиеся на грани литературной нормы. Резко просторечных и диалектных форм (вариантов четвертой группы) в выборке, содержавшей 4 тыс. грамматических форм, почти не оказалось. Однако состав вариантов разговорных записей в сравнении с аналогичной выборкой из газетной речи отличается рядом существенных особенностей. Понять и выпукло очертить эти особенности невозможно без предварительной характеристики самого жанра бытового диалога как специфической формы существования речи.

Речевой день каждого человека складывается, как правило, из цепи коротких диалогов, если этот человек — не преподаватель, не политический или общественный деятель, словом, лицо, по роду своих занятий вынужденное часть своего времени посвящать монологам на занятиях, собраниях, ученых советах, в судах и т. д. [67].

§ 42. Обратимся к непосредственному описанию состава грамматических вариантов, зафиксированных в коротких устных диалогах с сотрудниками Института русского языка [68].

Сравнение состава вариантов со стороны их грамматических значений, стилистической окрашенности и характера соотношений с нейтральными общеупотребительными формами в бытовом диалоге и газетной речи обнаруживает существенные различия. Самыми частотными вариантами устного диалога оказываются особые фор-

---

языка могут быть сопоставлены и противопоставлены только в устных формах речи. Литературная форма обладает разветвленными разновидностями жанрово-разнообразной и стилистически многообразной организации речи, стилистически использующей все, в том числе и средства обиходной формы национального языка, а нередко и средства (лексические) диалектов. Обиходная форма национального языка — устная речь и ее жанры. «Если литературная форма национального языка организована стилистически (даже в устном виде), то обиходная форма национального языка (а она только устная) организована экспрессивно...» (*Ожегов С. И.* О формах существования современного русского национального языка.— В кн.: Лексикология. Лексикография. Культура речи. М., 1974, с. 332).

[67] Подробнее см. об этом: *Граудина Л. К.* Разговорные и просторечные формы в грамматике.— В кн.: Литературная норма и просторечие. М., 1977.

[68] Особенности разговорной речи охарактеризованы в монографии «Русская разговорная речь» (М., 1974). Однако в этой книге стилистическим пластам лексики и грамматики внимание не уделялось.

мы, совсем или почти совсем не свойственные письменным стилям литературного языка[69]. К ним относятся следующие группы вариантов:

1. Варианты с фонетико-морфологическим усечением конечного гласного. Общее число в выборке из 4 тыс. составило 586 форм, из них зарегистрировано 353 усеченных варианта:

а) усеченная звательная форма: *Теть Кать*, где вы?; Что, *Тань*, как впечатление! *Наташ*, я ошиблась; *Лийк*, скажи, как это было; как думаешь, *Саш*, ты; *Ларис*, по-вашему предложению это сделали; *Лен*, она за вами и т. д. Из 120 звательных форм 107 было усеченных и лишь 13 — полных (типа: *Галя*, кто же мог бы сказать; *Лена*, пойдем; *Сережа*, непонятно что такое и т. д.);

б) усеченные варианты вводных слов: меня, *прям*, тошнота берет; *прям*, с утра сюда бежит; я, *прям*, не знаю; он, *прям*, на бровях ползет; *Наверно*, учить их надо; уж, *наверно*, тебе все равно; *наверно*, за все ей досталось; *наверно*, должно быть два сектора. В выборке зарегистрировано 80 подобных усеченных форм и 35 полных;

в) усеченные варианты служебных слов — союзов и частиц: Сколько *ж* ему лет; Вчера *ж* купил его только; Вместо того, *чтоб* написать; Ни слова сказать, *чтоб* не соврать; Едва *ль* так будет лучше; Если *б* так было сделано; Я *б* никогда не подумала, хоть у нас и тесно; *Хоть* два часа висн; Я *уж* видела все это, и под. Отмечено 166 усеченных вариантов и 185 полных.

2. Варианты конструкций с лексическими повторами, усиливающими экспрессию речи. Среди них самым распространенным оказывается прием простого повтора: *чуть-чуть* светлая шатенка; *еле-еле* выбралась оттуда; *еле-еле* дошла сюда; *тихо-тихо* стоит; *обе*, *обе* путь придут; *едва-едва* плетется; *вот-вот* именно это сказал; *долго-долго* так говорила; *всякой-всякой* еды там было; *еще-еще* подавай; *да-да-да*, очень нужное дело; *нет-нет-нет*, ни о том разговор; *сидит-сидит*, никуда не уходит; *назад-назад*, сюда нельзя!

В выборке отмечена 91 конструкция с повторами. В эту же группу включены повторы, сопровождающиеся союзом *да и*, который придает фразе дополнительный усилительно-противительный оттенок внезапного прекращения длительного, повторяющегося действия: *жил-жил*, *да* и *помер*; *разбирали-разбирали*, *да и плюнули*; *давили-давили* на *психику*, *да и баста*; *тянул-тянул*, *да и разорвал*; *воспитывали-воспитывали*, *да и надоело*. В выборке содержится 15 случаев употребления таких конструкций. Повторы, в составе которых используются особые экспрессивные формы наречий, отмечены в единичных случаях: дождь *ливмя льет*; *сидит сиднем*, с места не сдвинуть; не знаю их *просто-напросто*; *просто-*

[69] Язык художественной литературы с присущими ему диалогами и вольными формами речи стоит особняком и в этом параграфе не затрагивается.

напросто забыл об этом; *давным-давно* это было. Сюда же относятся повторяющиеся существительные в разных падежных формах: она *тумба тумбой*! *букет букетом*, *а дело делом*.

3. Особой и самой характерной стилистико-грамматической приметой современных бытовых диалогов можно считать обилие экспрессивных вариантов с уменьшительными, уничижительными и ласкательными формами. Еще К. С. Аксаков заметил по поводу уменьшительных форм: «Малому свойственно быть милым». В городской речи суффиксальные уменьшительные формы употребляются, как правило, не с целями обозначения малых размеров называемых предметов. Чаще всего уменьшительные формы используются в качестве своеобразных форм вежливости. А. И. Куприн некогда вспоминал о впечатлениях детства: «„Ему, дорогая Анна Павловна, покажите только маленький кусок яблочного пирога. Вот эту *горбушечку*“,— указывала мать на кусок корки без начинки. И еще говорила она постоянно уменьшительными словами, входившими в обиход обитательниц Вдовьего дома. Это был язык богоделок и приживалок около «благодетельниц»: *кусочек*, *чашечка*, *вилочка*, *ножичек*, *яичко*, *яблочко* и т. д. Я питал и питаю отвращение к этим уменьшительным словам, признаку нищенства и приниженности» [70].

В современной обиходной речи происходит процесс стилистического опрóщения этих слов. В устной речи они употребляются как своеобразная норма разговорности, иногда без всякого стилистического задания. Ср. такие примеры: еще одна *страничка* осталась, статью дописываю; *ягодка* каждая видна, красивое варенье; *корочка* у хлеба очень вкусная; *кофточки* красивые продаются; *ложечку* серебряную на зубок подарила; моя *сумочка* прохудилась совсем; тут в *коробочке* нитки лежали; *монетка* десятикопеечная нужна и т. д. Можно заметить, однако, что в обращении с просьбой к собеседнику элемент стилистической экспрессии выражен достаточно ярко: слушай, расскажи *анекдотик*!; дайте еще *бутылочку* шампанского; *полполовничка* налей, больше не надо; подари мне свою *книжечку*; *баночку* с анчоусом открой; *материальчик-то* дадите или нет?; *справочку* дайте, нужна очень и под.

Гораздо реже, чем можно было бы ожидать, экспрессия уменьшительных форм используется как средство пронии: эти *штучки* нам известны!; *приветик* вам категорический!; оттяпает себе *комнатку*; *формулировочка* не очень подходящая!

В письменной же речи стилистическая окрашенность уменьшительных форм осознается в более резкой степени, нежели в устной; ср. фельетонное оформление речи: Ну до чего же мы все хорошие! До чего красивые и приятные! И вон тот, который *старушку локотком* отодвинул, а сам вместо нее в автобус сел! И вон тот, что *переулочек* уже трое суток *метелочкой* подметает и еще, согласно предписанию парсуда, двенадцать *суточек* подметать будет,— тоже

[70] *Куприна-Иорданская М. К.* Годы молодости. М., 1966, с. 86.

очень симпатичный! И вон тот, кого с работы наладили *за развальчик коллективчика* — тоже *симпампушечка*! Все хорошие! Все приятные! Все! Без исключения. Вы думаете — я один так считаю? Как бы не так! Нас — добреньких и ласковых — много! (Изв, 12 марта 1975 г.). Однако и в устной речи заметна стилистическая дифференциация уменьшительных форм по отдельным лексико-семантическим разрядам. Так, оценочность в разряде наречий ощущается лишь в небольшой степени: мне *немножко* страшно; хоть *немножко* задумалась бы; все ничего, только пос *немножко* подгулял; *ни чуточку* не смутилась; ситец должен быть *чуточку* поприжатей; они *тихонько* стоят себе и т. д., тогда как в применении к лицам (в именах, в названиях лиц, в оценках качеств людей) все свойства положительной или иронической экспрессии, как правило, сохраняются: *Леночка*, расскажи, как все было; наша *Томочка* рассказы выдает на-гора; *старичок*, а девицами интересуется; *дурачок*, *дурачок*, а дела умеет делать; *деточки* мои, есть новости; *цыпочка* такая в коридоре — загляденье; он *осторожненький*, не оступится; она *миленькая* такая, а муж у нее *страшненький*, прям, кикимора морская. В выборке отмечено 265 уменьшительных и ласкательных форм[71].

Материал обнаружил высокую степень употребительности образований, которые принято считать формами отрицательной экспрессии: *Алка* говорит, что скучно там; *бабка* опять заболела; *Женька* замешкалась что-то и под.

Как видно из контекстов, в применении к лицам эти формы не воспринимаются как бранные или уничижительные. Они придают речи известный колорит фамильярности и своеобразной дружеской или родственной близости с лицами, о которых идет речь. Некоторые образования подобного рода, в особенности если называются неодушевленные предметы или явления действительности, употребляются как стилистически нейтральные, ср.: *картошка* молодая продается; *картошка* фри подгорела малость; *сковородка* с крышкой удобная; *книжка* не такая уж толстая.

В применении к наименованиям лиц в разговорной речи особенно широко распространились формы *девчонки* и *мальчишки*. В словах *девчонка*, *мальчишка* утрачен первоначальный оттенок пренебрежительности, они приобрели противоположное ласкатель-

---

[71] Интересно, что в XIX в. отношение к этим словам было иным: «В первой половине XIX в. „представления увеличительные, смягчительные, ласкательные и уничижительные“ считались принадлежностью „низкого слога“, что же касается уменьшительных имен, то, по наблюдениям акад. Востокова, они употребляются и в „важной речи“... Более употребительными в стилях книжной речи были уменьшительные имена прилагательные, поскольку они „не грубое, как существительное, но нежное знаменование имеют“ (Ломоносов М. В.). Аналогичные наблюдения были сделаны Аксаковым К. С. и Глаголевым А. Буслаев же считал, что „смягчительные прилагательные“ и „ласкательные существительные“ экспрессивны в равной степени» (*Степанов А. В.* Стилистические функции частей речи в произведениях Полежаева А. П. Автореф. канд. дис. М., 1956, с. 19).

ное значение. В обследованной выборке именно эти слова употребляются без всякой уничижительной или негативной экспрессии: *девчонка* хорошая, дружно живем; *девчонка* с ним шла красивая; ладно, *девчонки*, я побежала; тогда я была *девчонка*; *мальчишки* вырастают и все понимают; мой мальчишка из армии возвращается; моя *бабка* дома сидит, хозяйничает; *бабка* у меня хорошая и т. д. Отмечены лишь отдельные суффиксальные образования с ярко выраженной иронической экспрессией: эта *должностишка* ничего себе; *информашка* получилась паршивенькая. Показательно, что из 228 случаев употребления форм с суффиксами отрицательной субъективной оценки только в двух упомянутых примерах формы имеют оттенок пренебрежительности.

Варианты экспрессивных глагольных форм используются гораздо реже, чем формы существительных. В выборке из 4000 вариантов отмечено только 12 случаев: в каком направлении идет поезд до Чернушки? *Подспроси* там...; позвони, и я к тебе *подъеду*; *поднакрасилась* она сегодня; *поднарядилась* так, что не узнать; *подбрось* меня до метро; *подзаработать* хотел немного; пришлось этот вариант *подсократить*; я *подзамерзла*, прижалась к ней; я что-то *приболела* немного; *присаживайтесь*, прошу Вас; садись, моя милая,— не садись, а *присаживайся*, садятся только в тюрьму.

С. И. Ожегов писал о распространении глаголов с приставкой *под-* (*подойти, подъехать, подослать* вместо *прийти, приехать, послать*) в разговорно-обиходной речи с конца 30- начала 40-х годов: в современном просторечии развился новый оттенок, «не связанный с количеством и мерой, а выражающий чистую экспрессию, т. е. в данном случае стремление говорящего указать на неполноценность обозначаемого действия, смягчить его в глазах собеседника, например *подзабыть, подзаработать* и т. д. Оттенок смягчения включает и оттенок вежливого отношения к собеседнику: на этом фоне и возникли просторечные *подойти, подъехать, подослать*» [72].

В 70-х годах эти глаголы уже не воспринимаются как просторечные, нелитературные формы. Они укрепились в обиходной речи интеллигентных кругов городского населения, хотя налет разговорности до сих пор сохраняется. Аналогичный оттенок форм вежливости развился в образованиях *приболеть* ('слегка заболеть, прихворнуть') и *присаживаться* (в формах обращения в значении 'сесть, подсесть ближе к собеседнику').

Помимо упомянутых выше трех крупных классов грамматических вариантов — редуцированных форм, форм-повторов, разнообразных типов экспрессивных образований, свойственных только разговорно-обиходной речи, в выборке обращает на себя внимание еще одна особенность грамматических форм.

---

[72] *Ожегов С. И. Подойти, подъехать, подослать.*— В кн.: Вопросы культуры речи, вып. II. М., 1959.

Выше было отмечено, что типы грамматических вариаций в устных диалогах менее разнообразны, чем в тождественной по объему выборке из газетной речи. Однако избирательность вариантов в тех случаях, когда характер грамматических вариаций совпадает в устной речи, совершенно иная, чем в письменной. В области словоизменения существительных для устных диалогов отмечены следующие явления:

1) нередко употребляются нелитературные формы рода существительных: *интересный пастель* у этого художника; *толью* крышу закрыть; *выездной ВТЭК*; *МК отменило* свое решение; *ЦСКА выиграло*; *ВАК* еще *не утвердил*; простояла долго, но *расцветок* мне не нравится;

2) в им. мн. у существительных муж. р. на твердый согласный более распространены формы на *-а*: *шофера́* разные бывают; *тона́* на веки наносятся кисточкой; очень красивые *пуделя́*; проблемные *сектора́* там есть; *выговора́* им дали;

3) в род. ед. у существительных муж. р. на твердый согласный преобладает форма *-у*: если это прибавит хоть каплю *весу*; *для весу* это говорится; комар *носу* не подточит; *крику* будет меньше; меньше *пуху* полетит; огромное количество *дуднику* растет и т. д. [73]

4) в род. мн. у существительных муж. р. на твердый согласный в разряде единиц измерения, названий парных предметов употребляется, как правило, только нулевая форма: весом в *пять килограмм*; *грамм сто*, не больше; штопка *носок*; *манжет* не носит; пару *кед* купил и под.;

5) не склоняются некоторые формы: *жалко время*; *сколько время*, не знаю, у меня *не было время*; чтоб *не тратить время* даром [74]; *по имя-отчеству* называем; пойду *к Иван Иванычу*; высказывание *Виктор Александрыча*; не о *Жюль-Верне* идет речь; *при Сергей Иваныче* это было;

6) склоняются все те аббревиатуры, которые неизменяемы в письменной речи: давно *не читал ТАССа*; *в МИДе работает*; *в ИМЭЛе собрание* было; *комиссия ВАКа* утвердила; *в ООНе* теперь работает.

Часто употребляются склоняемые формы фамилий на *-енко* и *-ко* и географические наименования на *-о*: *с Голышенкой* был разговор; потопал *к Протченке*; самой *Данильенке* сказала; Савинков *с Радзянкой* показаны; *невестой Мехики* ее обозвали.

В формоизменении прилагательных отмечается:

1) стремление к образованию субстантиваций: были билеты *в Большой*; *в толковом* это слово посмотрите; он доцент *в политехническом*; защитил *докторскую* недавно; *в комиссионном* ку-

---

[73] Планомерное статистическое обследование показало, что в непринужденной устной речи частота формы *-у* составляла в 60-е годы около 51% (см.: Морфология и синтаксис современного русского языка. М., 1968, с. 198).

[74] О разговорно-просторечной окраске этой формы см. подробно: *Скворцов Л. И. Сколько времени? — Который час?* (Русская речь, 1973, № 6).

пила; из зонтичных там есть цикута; *курсовую* написал; *лечебные* получает; *в малышовую* ходит; *по безналичному* расплатились; получила *пригласительный* на семинар; нам нужен *научно-технический*;

2) широкое использование редуцированных формы степеней сравнения: *вероятней* всего; всем *удобней*; второй приступ *слабей* был; когда *посвободней* была; *подробней* хотела сказать; *поудобней* сядь; соседи *поприличней*; эти монополии *сильней* французских и т. д.;

3) большая склонность к употреблению экспрессивных форм превосходной степени: *в наиэлегантнейшем* виде; *наибольшую* тарелку съели гости; один из *самых интереснейших* спектаклей; это *самый элегантнейший* мужчина; такой *наичистейший*, хороший рассказ; у нас материал *самый свежайший* и под.

Как и в письменных стилях речи, варианты глагольных форм употребляются в устной речи гораздо реже вариантов именных форм. Из разговорных форм отмечены:

варианты повелительного наклонения (*откупорь* бутылку; *почисть* картошку; *выбрось* мусор; *езжай* на автобусе; быстро доедешь; *езжай* себе, не беспокойся — литературная форма *поезжай* ни разу не была употреблена!);

варианты типа: *сыпете* словами, не остановить; много *трепется* она; *трепется* все попусту; формы *я был выпивши*; *не могя* остановиться.

Варианты форм других частей речи почти не употреблялись. Интересно, что нелитературный вариант *ихний* очень употребителен (хотя информантами были филологи): сзади идет *ихний* же работник; ругал за *ихние* безобразия; перед *ихним* отъездом; разбирать все *ихние* дела. Предпочтительна и редуцированная форма в род. ед. (для личной формы ж. р. она): *у ней* докторская диссертация; *у ней* кругозор небольшой; *у ней* родственник болгарин и т. д.

Несклоняемые формы числительных также представляют собой одну из характерных черт устной речи: завершена *работа над двадцать девятью* темами; доклад напечатан *в количестве пятьсот* экземпляров; *из девяносто семи* оперированных выжили единицы; *около полгода* растет; *по полставке* было; ждем *по несколько* месяцев; сидит *по несколько* человек.

Широкое статистическое обследование устной сферы речи городского населения, проведенное в большем объеме, например в объеме выборки в 100 тыс. вариантов, могло бы дать убедительный материал для оценки разговорных грамматических норм, в частности количественных соотношений нейтральных общелитературных и разговорных вариантов.

Просторечные формы в языке художественной литературы

§ 43. Многофункциональность национального литературного языка не исключает, а, скорее подразумевает социально-профессиональное варьирование норм грамматического и лексического словоупотребления. Если вернуться к дискуссии о значении и роли социального момента в процессе смены форм литературного языка, станет очевидной актуальность исследования не только сферы употребления литературного языка, но и тех областей общественно-речевой практики, где пульсирует жизнь народно-разговорной речи, где общенародный разговорный язык сталкивается с областями диалектных и просторечных форм речи [75].

Ф. П. Филин, рассматривая русский литературный язык в его связях с другими разновидностями языка, отмечает необходимость различия двух разных форм просторечия: «Под просторечием обычно понимаются языковые средства (слова, грамматические формы и обороты, особенности произношения), употребляемые преимущественно в устной речи для грубоватого, сниженного изображения предмета мысли... Существует не одно, а два просторечия: 1) просторечие как стилистическое средство литературного языка, 2) просторечие как речь лиц, недостаточно овладевших литературным языком. При этом их материальный состав во многом совпадает» (*Филин Ф. П.* О структуре современного русского литературного языка.— ВЯ, 1973, № 2, с. 7). Именно первый тип речи рассматривается дальше.

Затрагивается вопрос, какие элементы внелитературного просторечия отбираются писателями и вводятся в пределы языка художественной литературы.

Чтобы контрастнее увидеть особенности орнаментальной роли просторечных форм в диалогах, построенных писателями, казалось небезынтересным провести хотя бы краткое наблюдение за образцами просторечия в условиях спонтанной естественной речи. Были сделаны 3 записи бытовых диалогов в мастерской «Ремонт обуви». В качестве информантов выступали: работники мастерской, сапожник в возрасте 44 лет, окончил профтехучилище, родом из Подмосковья; сапожник 50 лет с неполным средним образованием, также родом из Подмосковья; женщина 52 лет, сибирячка из Дивногорска, родом с Украины, до 1937 г. жила в Харькове, с 1950 г. живет в Сибири. В Москве проездом, говорит по-украински и по-русски. Образование — начальное.

Помимо отмеченных выше особенностей (редукция форм, употребление экспрессивных и эмоциональных форм) в речи информантов отмечены и резко просторечные формы, однако этих форм против ожидания в речи москвичей оказалось не так уж много:

---

[75] См. об этом: *Виноградов В. В.* Проблемы литературных языков и закономерностей их образования и развития. М., 1967, с. 39, 43, 61, 63, 76.

— Я родом *откудова*? ... 400 километров *отсюдова*, от Москвы;
— А *что-й* то вы притворяетесь?;
— Вообще *красивше*, конечно, Латвия;
— Вот смотри, *с Латвии* приехали в Москву;
— Да..., вот *подобуть* внука надо;

Речь женщины, напротив, была насыщена украинскими диалектными и просторечными формами.

Там столько денег было, полное ведро *напхато*;
— Не успела акт написать, смотрю — *бегит*... Бабушка, милая, парик не видали?;
— Все из вагона *повылазили*;
— Я одна *с тремя детями*, я *богатая*...
— Я прихожу, мне питание *ихнее* не нравится;
— Марлечку *с алоэм* на нос завязали, ...*алоэм* лечилась;
— Я до того *спугалася*, все у меня заколотило;
— А там я, *значить*, завтра проеду;
— У меня, дома туфли *на низком каблуку́*;
— *Сидай*, Люда.
— Смотрю, такие *катерка́* стоят, а там *шо* — пустыри да болота. Мне некуда *ло́жить*, я еще эту коробку взяла;
Куда ж я *в их* пойду (речь о туфлях идет); Один (сын) это *хочеть*; этот то же *хочеть*.

Очевидно, целенаправленное исследование городского просторечия потребует специальных методов отбора информантов. По устным замечаниям С. С. Высотского, современный московский говор не представляет собой, мягко говоря, идеального единства. Этнографический ландшафт Москвы очень разнообразен. Речь современной Москвы, включившей говор подмосковных пригородов, во всех ее деталях и подробностях еще не исследована. Проблема изучения лингвистического языка города остается по-прежнему актуальной [76].

Отражение явлений непреднамеренного просторечия в языке художественной литературы нельзя считать прямым воспроизведением народного речевого быта. Отнюдь не всегда писатели замечают живые вариации разговорной обиходной речи. В силу особенностей художественного восприятия и некоторой психологической аберрации в поле зрения писателей зачастую попадают лишь явления полудиалектного и вульгарного просторечия, наделенные яркой стилистической окраской. Иллюзия местного или социального колорита создается с помощью немногих языковых средств, при отборе которых самой существенной оказывается их способность придать речи определенную стилистическую тональность, индивидуализировать диалоги персонажей. Эта целенаправленность использования лишь отдельных элементов внелитературного просторечия проявляется особенно ярко, если имеющийся в нашем

[76] См.: *Ларин Б. А.* О лингвистическом изучении города.— Сб. Русская речь. Новая серия. III. Л., 1928.

распоряжении материал привести в некоторой системной последовательности на фоне наиболее активных процессов, происходящих в современном словоизменении. Приводятся просторечные формы только в основных частях речи — в классе существительного и глагола.

§ 44 Склоняемость—несклоняемость существительных. Заметно, что колебания в склоняемости—несклоняемости многих групп существительных в литературном языке еще не успели приобрести какого-либо стилистического обертона. В своем основном большинстве эти варианты стилистически нейтральны или почти нейтральны, ср.: и работники *ЖЭК № 10* и работники *ЖЭКа № 10* в *г. Пушкино* и в *г. Пушкине*; несколько *диван-кроватей* и *несколько диванов-кроватей*. В то же время несклоняемость заимствованных существительных среднего рода на *-о* и *-е* и некоторых существительных на согласный (*мадам*, *мадемуазель*) стала устойчивой приметой литературного употребления.

По отношению к давно уже укрепившимся нормам литературного языка склоняемость этих форм звучит в нашей речи резким стилистическим ассонансом. Именно эта черта и обусловила популярность склоняемых форм неизменяемых существительных как сильного средства характерологии в языке художественной литературы. См. примеры: — Ну, брат Гришаток, пропустим. Последний разок русскую пьем. Через неделю позабавимся английской *виской* (Новиков-Прибой, Коммунист в походе); — Ну, да! ...Потому нет и заботы до рабочего люда: понатыкали всяких магазинов, *кафей* (Ф. Гладков, Цемент [Он] с умилением рассказывал где-то слышанные или читанные отрывки о французской революции; Людовика величал «*микадой*». (В. Иванов, Юность). Однотипных примеров подобного употребления можно привести очень много.

Обратное явление — несклоняемость тех слов, которые в русском литературном языке должны склоняться, также изредка можно встретить. Но эти варианты лишены какой-либо намеренной стилистической окраски, разве только несклоняемые формы свидетельствуют о том, то автор, их использовавший, находился под влиянием практики иноязычного употребления: Остановимся в *гранд-отель* на площади Гранд-опера (В. Каменский, Его Моя биография великого футуриста. М., 1918); Был, правда, мистер Вильтон *из «Таймс»*, но он принадлежал главным образом к сановным и чиновным кругам (К. Чуковский, Англия накануне победы. Пг., 1917).

Род. Развитие категории рода в современном литературном языке касается не столько собственных словоизменительных форм, сколько увеличения веса синтаксических способов передачи грамматического значения рода. С точки зрения стилистических оппозиций колеблющихся родовых вариантов степень яркости стилистической окраски прямо пропорциональна устойчивости литературной нормы. Чем стабильнее литературная норма, тем резче ощущается контраст отклонения от нее, тогда как в случаях зыб-

кости, расшатанности литературной нормы ее модификации стилистически малоконтрастны. И поэтому в качестве средства характерологии варианты подобных форм писателями не используются. Например, у аббревиатур — названий футбольной команды ЦСКА, ЦДСА, СКА форма рода колеблется. Можно услышать три родовых варианта: *ЦСКА стало* давить на Локомотив и выиграло; Сегодня *ЦСКА выиграла; СКА играл* в ослабленном составе. Слабый налет разговорности формам придает только контекст. Аналогичны варианты согласования определений при именах существительных муж. р., обозначающих лиц женского пола. См. примеры: *Говорила биолог*, молодая и зяблая,— Это летчик Володя целовал меня в яблонях (А. Вознесенский, Баллада — яблоня). Здесь согласование по значению, еще в 20—30-е годы воспринимавшееся как отступление от литературной нормы, используется не столько в целях создания стилистического колорита. Принятый вариант согласования отчасти спровоцирован требованиями стихотворного размера и рифмы. Стилистическая окраска просторечия свойственна только тем формам, которые характеризуют непродуктивные явления варьирования, идущего на убыль по сравнению с XIX в. Таковы, например, колебания в роде имен существительных между мужским на твердый согласный и женским на *-а*. Резкой стилистической окраской обладают лишь те варианты, которым соответствует устойчивый общеупотребительный литературный вариант: — Давайте, товарищи, подсобим Советской нашей власти и вступим с бандой в сражение до последней капли крови, потому что она есть гидра и в корне, подлюка, подгрызает *всеобщую социализму* (М. Шолохов, Председатель реввоенсовета республики).

Как правило, подобные варианты рода используются для характеристики местной речи: — Бог его знат... главно, не русская штука... И слышать не приходилось. Из китайцев ен што ли, *статуй-то?* (Вс. Иванов, Возвращение Будды); — Морской подпоручик Винча *тигрой* на мене наскакивает. (М. Зощенко, Рассказы г. Синебрюхова. Виктория Казимировна).

Просторечные варианты рода к существительным среднего рода или к существительным женского рода, оканчивающимся на мягкий согласный, *ж* и *ш*, встречаются реже, ср.:— Я его и ширнул концом палаша в глотку... как *в чучелу* ширнул, а вышло — живого человека снял с земли (М. Шолохов, Один язык).

Истоки этих вариантов в диалектной речи. Условие употребления — стилистический контраст существующим литературным формам. Писатели не стремятся воспроизвести во всех фотографических деталях местный говор. Для художественных целей им достаточно использовать одну-две местные формы, создающие речевой портрет героя.

§ 45. Падеж. Контраст литературных и просторечных элементов в падежной системе особенно разителен. В литературном языке неустойчивостью падежных форм характеризуются прежде всего существительные мужского рода на твердый согласный: им. мн. (типа *тракторы — трактора*), род. мн. (типа *алеутов — але-*

ут, микронов — микрон), род. ед. (типа *снега — снегу, народа — народу*), предл. ед. (*в отпуске — в отпуску*) и нек. др. Ряды падежных вариантов с просторечной окраской составляют совершенно иные падежные формы от других грамматических классов существительных. Обращает на себя внимание одна черта. Для литературного языка существенна сама оппозиция вариантных форм, которым могут сопутствовать, а могут и не сопутствовать дополнительные стилистические различия (ср. общелитературный вариант *ястребы* и охотничий *ястреба́*, книжн. *мало снега выпало* и разгов. *мало снегу выпало;* нейтральные варианты *рентген* и *рентгенов, микрон* и *микронов* и под.), тогда как пары с просторечными вариантами конструируются только с помощью четкой стилистической оппозиции. Эффект просторечия возможен лишь на фоне устойчивой (неколеблющейся) общелитературной нормы.

Наиболее типичен для просторечных падежных форм прием перевода форм существительных из общелитературного типа склонения в другой. Очень часто по типу существительных муж. рода твердой разновидности начинают склоняться существительные среднего и женского рода. Наиболее показательна в этом отношении форма род. мн.: *нареканиев* много будет; *пропитаниев* у них нету; без всяких *опасениев*; *правов* не имеешь; *без делов* шляешься и т. д.; см. примеры в тексте: — Я так, я сяк — нет!... *Безо всяких вниманиев* сгребли и отправили на фронт (М. Шолохов, Семейный человек); *Подметалов* там немало в каждой камере найдешь. Почему-то он представляет этих *подметалов* в виде бригадиров Илюх, тоже кривыми, только в новых синих фуфайках (В. Белов, Забытое прошлое).

Существительные женского рода на мягкий согласный склоняются по твердому образцу — косилку *в степе* бросил, задремала *на пече* и под.

Группы существительных, имеющие особенности в склонении, теряют их, подравниваясь под более сильные и регулярные модели. Так, существительное *дитя* склоняется без суфф. *-ят*: Чего и гутарить, зла мы *дитю* своему не желаем (М. Шолохов, Тихий Дон);— Вырвал бы из сердца и выгнал из дому без всяких разговоров вместе с *дитем* (В. Панова, Илья Косогор).

Суффиксальные существительные типа *гражданин, ребенок, теленок, цыпленок* и под. в им. мн. принимают формы модели существительных муж. р. на твердый согласный: *граждане, теляты, цыпляты, ребяты* и т. д. Например:— *Граждане*!... Прошу снять его кандидатуру. Он нечестного поведения. Ишо когда пастухом табун наш стерег, замечен был (М. Шолохов, Нахаленок).

В наборе диалектно-просторечных речевых явлений используются также отдельные лексемы двух падежных форм литературного языка: род. ед. и предл. ед. от существительных муж. р. на твердый согласный. Отдельные иллюстрации употребления флексии *-у* в род. ед. для характеристики крестьянской речи: Тесленко выбил трубку, сказал коротко: — Ох, бой был! С холоду лю-

тые — смерти не видят — идут белые. *Останову* нет. Прямо беда... Однако и тут их побили (В. Вишневский, Первая конная); — И чего волтузятся — *воздыху* им мало в Расеи, што ли? В спокой надо приходить (Там же). А Митька говорит: «На кой шут тебе струмент, *струменту* казенного хватит, а возьми ты, говорит, *луку*. В Мурманске лук дорог, весь путь окупится (В. Белов, Привычное дело).

Интересно, что в род. ед. только форма на *-у* используется для создания социальных речевых масок, тогда как в предл. ед. обе вариантные формы (*-у* и *-е*) применяются как характерные речевые штрихи при воссоздании образов людей «из народа», не владеющих литературным языком. Формы на *-е*: — Так и завертело у *носе*, так и завертело, мочи нету (А. Серафимович, Железный поток); — Стружка вот *в глазе*, пойду в амбулаторию (Е. Каралина, Отбор); Ой, да то, да се (Да и Каме-реке), Плы-и-вет Васек, Гармонь *на боке* (А. Архангельский, Шарабарь, Емеля). Формы на *-у*: — Игнатка, ай мы не люди. Которые живут *у городу́*, там у них вся богатства, там музыка, там гулянье, девок всему учат, докторица к нам приезжала, все дочиста знает, не хуже доктора (А. Серафимович, Голос); — Может, и *во сну* встренулись ненароком (Л. Леонов. Нашествие); — Убили его... Третьи сутки лежит *на погребу́*... зарыть бы надо, а я сама расхворалась... (М. Шолохов, Тихий Дон); На задней парте поднялся круглощекий мальчуган.— Сказывают, в *городу́* из пушек стреляли, правда, аль нет?— Требовательно проговорил он и щелкнул крышкой парты.— Я вышел лошадям корму задать, слышу — гром. А какой гром по осени? — с мужицкой взрослой рассудительностью, смешной в малыше, добавил он (Н. Чертова, Сухореченские сестры).

Нередки случаи, когда скрещиваются две характерные для просторечной и полудиалектной речи черты — смешение разных типов склонения и разных падежных форм: — Давай-ка лучше *об делу* поговорим! (И. Бунин, Деревня).

§ 46. Глагол. Просторечные формы спряжения. В литературном языке глагол более стабилен, чем существительное. В спонтанной речи вариантные глагольные формы встречаются в 10 раз реже, чем варианты форм существительных. Однако просторечные формы глагола используются в языке художественной литературы в очень широком и разнообразном репертуаре.

Как и в склонении существительных, просторечные элементы спряжения характеризуются прежде всего смешением разных типов спряжения. Так, глаголы на *-ить* или *-еть* начинают спрягаться по типу глаголов продуктивного класса на *-ать* (*-ять*): — Крепко запер? — спросил Устин.— Так что комар носу *не подточает* — весело ответил сторож Кешка (В. Шишков, Тайга); — *Паляешь*, так уж попадай! А то собаке и понюхать будет нечего (Л. Леонов, Соть); Белые бандиты, кого если *увидают*, то расстреливают на месте (С. Мирер и В. Боровик, Устные рассказы уральских рабочих о гражданской войне).

Писателями—уроженцами разных мест используется диалектная и широко распространенная в народной речи форма *владать*: По-иному себя Анна чувствует: не видит Андрея день — скука *завладает*, а придет к нему — уходить не хочется (В. Шишков, Тайга); — Думаешь, посадил за стол, щами накормил, да и *владай* Варварой? (Л. Леонов, Соть); — Мужу пропишешь?... Пиши, хучь наказному атаману, а Гришка мой! Мой! Мой! *Владаю* им и буду *владать*! (М. Шолохов, Тихий Дон).

Глаголы III продуктивного класса на *-овать* (*-ева-ть*) в просторечии спрягаются по I продуктивному классу: — Эх, Данилушка, милый мой, *не завидовай*! Ты скорее угодишь богу (А. Неверов, Богомолы); — Варюха, Сенька по тебя прислал, *требовает* тебя, чо-то сказать хотит,— пропищал белоголовый Оньша (В. Шишков, Тайга).

«Изобилующие» глаголы I непродуктивной группы, тяготеющие в литературном языке к глаголам продуктивного класса, в литературном языке создают ряды вариантов, насчитывающие до 40 глаголов: *рыскает* и *рыщет*, *полоскают* и *полощут*, *мурлыкает* и *мурлычет* и др. В литературном языке происходит семантическое и стилистическое размежевание этих вариантов. Формам с «продуктивными» окончаниями свойствен налет разговорности, ср. варианты *кликает*, *кудахтает*, *плескает*, *махает* и под.

Из просторечных и областных форм с яркой стилистической окрашенностью писатели используют только те варианты, которым соответствует устойчивый литературный эквивалент: *брехает*, *дремает*, *тренает* и под. См. примеры: Бобылка вытерла рукавом лоб и скинула с рук на пол пену: — Мало *брехают*... тыщи. Кабы у самих дом за долги не продали, очень просто (В. Лидин, Яблони цветут каждый год); Казак лукаво подмигивает, смеется: — Советская власть, она тоже *не дремает*, ей некогда дремать (М. Шолохов, На Дону).

Диалектные по происхождению глаголы типа *голодовать*, *блудовать*, *шутковать* широко применяются многими писателями в качестве экспрессивно-оценочных форм, спрягаемых по модели глаголов III продуктивного класса: Приезжий паренек приподнялся на подножку брички: — Ведь *голодуют* Москва да Питер, станишники (Братья Васильевы, Оборона Царицына); — Кто же мне будет трудодни писать за то, что убираю тут всякий раз после гостей? Нет, не надо, я *шуткую* (В. Овечкин, Бабье лето).

Популярное и широко распространенное у разных писателей средство речевой характеристики языка персонажей — форма 3-го л. мн. ч. настоящего времени на *-ут* (*-ют*) от глаголов II спряжения по образцу глаголов I спряжения. Эта форма составляет особенность акающих говоров, в частности она была свойственна московской норме литературного языка еще и в XIX в. и даже в XX в.[77] По имеющимся материалам не возникает сомнений

[77] См. подробнее: *Обнорский С. П.* Очерки по морфологии русского глагола. М., 1953, с. 147—150. Страстную защиту литературности этих форм находим у В. П. Чернышева: «Все грамматически образованные

относительно современной просторечной и полудиалектной окрашенности этой формы. Она используется только в крестьянской речи или речи людей «из народа»: — В Расеи-то Никита Егорыч, беспременно вавилонскую башню строить будут. И *разгоняют* нас, как ястреб цыплят, беспременно! (Вс. Иванов, Бронепоезд 14-69); — В старое время, при Миколашке, за такие дела по селу водили. Обвешают краденым и *водют* под сковородную музыку (А. Фадеев, Разгром); — Чудная жизнь, Алексей! ...*Ходют* люди ощупкой, как слепые, *сходются* и *расходются* (М. Шолохов, Тихий Дон).

Заметно, что писатели производят известный отбор в самом использовании тех или иных социально-характерологических языковых средств. Авторы обращаются обычно к тем диалектным формам, которые нашли широкое распространение, которые можно услышать и в городской речи малообразованных слоев населения, т. е. формы, по существу перешедшие в разряд городского просторечия [78]. Фотографическое отражение узкодиалектных явлений встречается крайне редко в жанре современной «деревенской» повести, и то далеко не у всех авторов. Некоторые примеры. Куртов тоже заглянул: — Добро, добро, Федор, поудил. Ишь какой окунище. Наверное, без очереди клюнул. А что, Федор, там *не ревит* моя-то рыба, не слыхал в Подзерках-то? (В. Белов, Привычное дело); — ...А Иван-то в избу с порога на гроб-от хлесть, еле мы его водой отлили... «Мне говорит, матка, все равно не жить тепериче». Вот один раз, гляжу, вызинялся да побежал, как не в себе, я за им кинулась, вижу: сейчас чего да нибудь с собой сделает, вот *догонила*, да и кричу: что тебя, леший! Что ты бегаешь-то! (Там же). Если в своем основном большинстве употребляемые писателями просторечные формы общеизвестны, то приведенные случаи употребления В. Беловым форм типа *ревит*, *догонила*, свидетельствуют о глубоком проникновении в структуру местной речи [79].

людн (разрядка автора.— *Л. Г.*), так же как и все необразованные, но владеющие литературным языком, говорят: *ходют, верют, сушут* и т. д., заменяя неударяемые окончания *-ат* и *-ят* окончаниями *-ут* и-*ют*. Различение же этих окончаний свойственно лишь северным русским наречиям, «окальщикам». Оно принадлежит только крестьянам северных губерний и ...грамотеям, плохо знающим литературный язык» (*Чернышев В. И.* Как говорят в Петербурге.— Избр. труды, т. II, М., 1970, с. 346).

[78] См. о взаимовлиянии городской и диалектной речи: «Процессы сближения говоров с литературным языком сопровождаются интердиалектным распространением многих диалектных особенностей речи. В этой интердиалектной прикрепленности свойств местной речи выражается интенсивное развитие полудиалектных языковых структур, весьма характерных для речи современных городов и даже деревни» (*Коготкова Т. С.* Литературный язык и диалекты.— В кн.: Актуальные проблемы культуры речи. М., 1970, с. 148).

[79] См.: *Оссовецкий П. А.* Исследование в области лексикологии русских народных говоров. Автореф. канд. дис. М., 1971, с. 33—34. См. также его статью «Диалектная лексика в произведениях советской художественной литературы 50—60 гг.— В кн.: Вопросы языка современной русской литературы. М., 1971.

§ 47. Формы настоящего времени: чередования в основах глаголов. Другая яркая примета просторечия — отсутствие смягчения в группе глаголов с основой на задненёбный согласный в настоящем времени. Об этом явлении С. П. Обнорский писал в свое время: «Самый тип этих форм ясен по своему происхождению: здесь результат тенденции к проведению во всех формах глагола того вида основы, который содержится в отправной его форме — в 1-м л. ед. ч. настоящего времени. Формы *тку*, *пеку*, *жгу* и под. повлекли за собою *ткешь*, *пекет*, *жгем* и под. Эта черта — черта просторечия, в свою очередь взращенная на базе диалектного употребления данного типа форм, в частности в Московщине... Эти формы повсеместные. По данным наблюдателей, нет возможности очертить определенные рамки их территориального распространения» [80].

По нашим материалам, писателями используются несмягченные формы почти от всех глаголов этого немногочисленного и непродуктивного класса: *бегёт*, *бегём*, *бегёте*, *бегли*, *убег*, *убегает*, *прибег*, *побег*, *побегем*, *побегли*, *набегем*; *берегешь*, *волокем*, *волокется*, *поволокет*, *приволокем*; *зажгемся*; *лягим*, *лягет*, *улягется*; *могешь*, *могете*, *не могем*, *не могем быть*, *не могем знать*, *помогешь* (интересно, что именно глагол *мочь* оговаривается С. П. Обнорским как исключение из этого ряда — в приведенном им диалектном материале формы типа *могешь*, *могет* не отмечены [81]) *выпряген*, *запрягон*, *спрягемся*; *стерегет*; *стригет*; *секет*, *посекем*; *текет*, *текете*, *потекает*. См. лишь отдельные примеры: — Развяжи, брат, совестно перед людьми... — Врешь, *убегешь*... в хате развяжу (Серафимович, Ветер); — Австралийцы *побегли*. А мы остановились, огляпулись, смотрим, нас всего одиннадцать осталось, остальные разбежались после выстрелов от страха (Степной, Записки ополченца); Петро еще издали крикнул: — Сосед, ты, никак бабу *волокешь* с собой (М. Шолохов, Тихий Дон); Петька обождал, когда мы *разожгемся*. Поглаживая Пашку по голове, он говорил: — Ты не дряхлей духом, Пашенька, не дряхлей! (В. Иванов, Похождение факира); Зазубринцы кричали: — Как с епонцем *не могете*, а как нас бить — *могете*? (И. Вольнов, Юность); Запрягал лошадь товарищ Закеров. Он зашел в дому. Говорит нам: «*Запрягона*,— говорит,— лошадь» (С. Мирер и В. Боровин, Устные рассказы уральских рабочих); [Кондуктор казакам] —...Так разве я повезу теперя зайца, когда все это — народное достояние. Чево с вас сало *текеть*? (А. Серафимович, Без билета); «Эва, крови-то, ровно из свиньи *текет*»... — от глупости или от тоски сказал сухоногий мужик (Л. Леонов, Соть).

С другой стороны, зарегистрировано немало форм с чередующимися *ж* в тех случаях, когда литературная норма требует *г*: *бежите*, *я ляжу*, *испужался*, *перепужались*, *пужаные*, *напужать*

---

[80] *Обнорский С. П.* Указ. соч., с. 100—101.
[81] Там же.

и т. д.: — *Бяжите*, люди, *бяжите*..., хреновья, *бяжите*, всё *бяжите*: Татаре наших бьют (Л. Леонов, Соть);— В один прекрасный день,— проворчал Кострицын,— я *ляжу* под паровоз через эти насмешки (В. Панова, Спутники); Чего-ж *пужаешь* зря! — обиделся рыжий, солдатского вида здоровяк (В. А. Гиляровский, Москва и москвичи); Так можно *напужать*,— сказал передний встревоженно — бодрым голосом (А. Фадеев, Разгром).

К этому же стилистическому типу форм примыкают и другие глаголы с чередующимися конечными согласными основы *-ск-/-щ-*; *-ш-/х*; *-т-/ч*: *пущает, допущают, распущать, подпущать, спущается*; *слухают*, *слухайся*, *дай дыхать*; *хочут*, *хочем*, *хочете*, *хотишь* и под.: Уже слышны голоса, крики и переговариванья нескольких человек.— Да тут голову сломишь... *Спущаться* тут никак нельзя (Серафимович, Зарева);— Ноне стариков не дюже *слухают*.— Небось будут *слухать* (М. Шолохов, Тихий Дон); — Сыны твои *хочут* лупцовать тебя; — Варюха, Сенька по тебе прислал, требовает тебя, что-то сказать *хотит* — пропищал белоголовый Оньша... (В. Шишков, Тайга).

Отношение писателей к отдельным словам неодинаково. Например, если украинизм *слухать* употребляют обычно лишь писатели—выходцы из украинских или южнорусских казацких поселений, то форма повелительной частицы *пущай* (=пускай) используется повсеместно как штрих общерусского просторечного стиля.

Одной из универсальных примет просторечного стиля в художественной речи является диалектное явление, распространенное и в литературной разговорной речи,— это замена корневого гласного *о* и *а* у глаголов на *-ить* с подвижным ударением: *заплочены*, *плотим*, *посодит*, *котит*, *подорют* и под. Об этой черте С. П. Обнорский сообщал: «На территории аканья эти формы имеют вообще широкое распространение, причем здесь незначительно их употребление в полосе переходных говоров (кроме Московщины, и то не всей), также в гранях северного аканья (Тамб., Тульск., губ., отчасти Ряз. г.), по форме обильны повсюду в местах распространения диссимилятивного аканья... Рассматриваемое явление в части фактов с заменой коренного *а* через *о* в глаголах II спряжения известно в показаниях литературного языка. Но сюда принадлежат лишь формы глагола *платить* — наст. вр. *плотишь* и под., прич. *плочен* и т. д., причем и эти формы могут считаться возможными для литературного разговорного языка, но не общими нормальными литературными формами. Они, по свидетельствам отдельных писателей, известны в употреблении с ранней поры» [82].

Форма эта свойственна даже устной интеллигентской речи москвичей старшего поколения: ее сознательно и намеренно употребляли Д. Н. Ушаков, С. И. Ожегов. В статье «К вопросу о пра-

[82] Там же, с. 98—99.

вильном произношении» (написанной в 1936 г., но опубликованной только в 1964 г. в 5-м выпуске «Вопросов культуры речи»), Д. Н. Ушаков упомянул и о своем отношении к обсуждаемой теме чередования: «Я описываю московское произношение, которое считается, пусть ошибочно, правильным, которого никакие конференции еще не отменяли и от которого при установлении стандарта все будут отправляться. В своих описаниях, кроме основных черт, я указываю даже несколько таких мелочей, которые могут казаться захолустными провинциализмами, вроде «посодим», «уплочено» вместо «посадим», «уплачено». И указываю их, разумеется, вовсе не для рекомендации в качестве общерусских. При этом я выбираю из них такие, которые вполне употребительны в языке старой московской интеллигенции» [83].

По нашим материалам, писатели используют эти формы только в речи персонажей, хотя в конце XIX и в начале XX в. можно было встретить эти формы и в авторском тексте, см. примеры: *Уплоченный* калым возвращается обратно, но если жених уже имел свидание с невестой, то часть калыма остается за родителями невесты («Материалы по антропологии и этнологии киргиз В. Д. Тронова» СПб., 1891); И еще сейчас валяются квитанции — *неоплоченные* магазинами старые долги: просто противно ходить получать (В. Каменский, Его-Моя биография Великого футуриста. М., 1918, с. 205).

Современными писателями эта черта стилистически переосмыслена: формы используются при создании местного речевого колорита:— Чтоб зараз же несли курей и яиц, за все николаевскими *плотим!* (М. Шолохов, Тихий Дон); [Любовь] (нагрывает). Сколько вам следует? Артельщик. Не извольте беспокоиться. *Заплочено.* Прикажите оставить тут (В. Панова, В старой Москве).

Форма *плотим*, *плотит* теперь встала в один стилистический ряд с диалектно-просторечными формами *котит*, *котится*, *содит*, *засодит* и под. Примеры:— Свое к своему *котится.* Не там искали! Что ей в Иване (Л. Леонов, Соть). См. там же в частушке: По приемной Вася *котит*, вся приемная дрожит...; Жалость к ней поимел и взял ее, на свой грех. Пожила, освоилась — то лохуны казакам выстирает, глядишь латку на шаровары кому *посодит*, по бабьей части за сотней надглядывала (М. Шолохов, Шибалково семя).

§ 48. Повелительное наклонение. Формы повелительного наклонения экспрессивны по самому своему грамматическому значению. Характеризуя только диалогическую речь, эти формы всегда сопровождаются стилистическим колоритом разговорности. Окраска просторечия свойственна только тем формам, которые широко встречаются в говорах и распространились в городской речи жителей крестьянского происхождения. Так, повсе-

[83] Вопросы культуры речи, вып. V. М., 1964, с. 15.

местно распространена и используется писателями как черта общерусского просторечного стиля форма повелительного наклонения *пущай* (=пускай): — Вот чего. Ты, говорит, подтяжки отстегни,— *пущай* их дама понесет заместо сумочки. А сам валяй как есть: будто у тебя это летняя рубашка «апаш» и тебе одним словом в ней все время жарко (М. Зощенко, Прелести культуры); И я слышу вокруг себя...— *Пущай* послужат те, которые не служили (А. Серафимович, Митинг).

Как и в формах настоящего времени, распространено смешение чередующихся согласных на конце основы:— *Не бежи*, баба, не бежи... Чего за облаками гоняешься (Л. Леонов, Соть); Илья: Вон что... *Бежи*, уберись. Скажи Параскеве — закуску чтоб готовила (В. Панова, Илья Косогор);— Если начальник скажет мне: *ляжь*, Горемыкин, под поезд,— то я обязан лечь без обсуждения (В. Панова, Спутники);— Ты, Костичка, *ляжь*, ты, Костичка, отдыхай,— шептала она, взбивая подушку в новой красной наволочке (В. Катаев, Время, вперед).

Интересно, что форма *ляжь* настолько широко употреблялась в южнорусских говорах, что в свое время проф. Зеленецкий, будучи преподавателем Ришельевского лицея г. Одессы, рекомендовал ее как нормативную, предлагая парадигму спряжения *лягу*, *ляжь*, *ляжете*, при этом указывая, что оборот «лягте на диван» следует считать ошибкой [84].

Диалектное смешение слов — одна из типичных черт просторечных форм повелительного наклонения:— А ты *не совайся* вперед, когда не умеешь,— сказал Сухоедов со злостью (В. Панова, Спутники); А мальчишка строгим басом:— Будет тебе, мать, *не оглядайся*. А то до вечера не дотянемся (Серафимович, Степь и море);— Ну, вот он и есть, Махалкин... А это ты, Лавров?— Ну-ка *вылазь*, покажись барину (В. А. Гиляровский, Москва и москвичи);— Ступай, тебе говорят! Или по затылку захотела? *Слазь* с панели, мешаешь проходящим (Серафимович, Дочь).

Вторую обширную группу просторечных форм составляют варианты по ударению, также диалектного происхождения. Ударение на флексии у этих форм соединяется с редукцией конечного гласного:— *Погодь*, Петруш!— Польщенный похвалою отец ухмылялся в свою лопату — Говори: ты — кто? (И. Вольнов, Юность); — Васька!— прикрикнул Иван Африканович.— А ну *положь* батог. Кому говорят, положь! (В. Белов, Привычное дело). Поскольку экономия произносительных усилий определяет очень многие грамматические явления разговорной речи, редуцированные диалектные формы нашли широкую поддержку в разговорной речи широких кругов городского населения. В частности, форма *не трожь* используется и в речи персонажей и в авторской речи или в речи лирического героя, где форма лишена сниженной просторечной окраски:— *Не трожь*,— порывисто двинулась Арина, от чего ее

[84] *Зеленецкий К.* О русском языке в Новороссийском крае. Одесса, 1855.

шубка совсем сползла с одного плеча (Дорохов, Земля);— *Не трожь* его,— сказал, подмигивая Лукашину (В. Панова, Кружилиха); см., с другой стороны:— Опостылели конспиративные! ... Поджечь обои? Вспороть картины? Об стенку треснуть сервиз, съезжая?... «*Не трожь* тарелку — она чужая» (А. Вознесенский, Неустроенный монолог).

Предположение о том, что здесь форма подсказана только условиями версификации, легко отводится. В качестве общелитературной и нейтральной могла быть использована односложная форма *не тронь*! Известна и резко просторечная форма *не трог*! (например: [Тюля] — *Не тро-о-г*! Я рассийский! Я в ножки поклонюсь (В. Шишков, Тайга).

Близки к просторечным формам, но не сливаются с ними и остаются, на наш взгляд, в разряде разговорных форм усеченные варианты повелительного наклонения от непереходных глаголов на *-ся*. Типа *собирайсь*, *хватайсь*, *не бойсь* и под.: Вот тут-то держись за вожжи, *хватайсь* за скобы. Лошади в запряжке бесились, несли напропалую. И весь лес стопал да трещал (М. Кочнев, Березовый хозяин);— Ты *не бойсь*.. Я бить, не буду.— Я не боюсь, ты брось это!— ремянея в скулах, повысил Григорий голос (М. Шолохов, Тихий Дон); [Анискин] — *Не шевельсь*, ежели тебя по стойке «смирно» капитан милиции поставил (В. Липатов, Анискин и Баттичелли).

Некоторые лексемы из этого ряда форм укрепились в качестве нормативных и общепринятых эквивалентов в ситуативной речи — в спортивных, туристских и военных командах. Таковы формы *Равняйсь*! *Готовьсь*! (причем более популярна идентичная команда— Товьс!), см. примеры: Когда рота построена, команда — «Направо, равняйсь! *Рассчитайсь* Первый, второй...! (Степной, Записки ополченца);— К бою *готовьс*! (И. Бабель, Конармия);— Именем закона — арестованы. *Равняйсь*, смирно! За мной, марш! (К. Федин, Похищение Европы).

§ 49. Неопределенная форма. Наиболее универсальным просторечным вариантом литературной формы под пером писателей выступают формы на *-ть* в тех случаях, когда норма требует окончания *-ти* с ударением на конечном гласном: *плесть*, *принесть*, *провесть*, *грести*, *отвезть*, *рость* и под. Эти формы хотя и пришли из южнорусских диалектов, но, по свидетельству исследователей (С. П. Обнорский, В. И. Чернышев), широко применялись в литературном языке еще и в XIX в. Традиции литературного употребления этих форм сказываются в том, что и в современной речи москвичей — интеллигентов старшего поколения можно встретить отдельные формы, такие, как *приобресть*, *перенесть*, *расцвесть*, например: В те времена палаток букинистов было до 30. Здесь можно было *приобресть* все, что хочешь (В. Г. Гиляровский, Москва и москвичи). В составе пословиц (ср. лапти *плесть* — одна в день есть), поэтических фразеологизмов типа «саду — *цвесть*!», наконец, в стихотворной речи в качестве неравнослож-

ных вариантов формы на *-ть* допускаются нормой: Готов стоять. Все знать. Все *перенесть*. Всей кровью слышу. Верно без предела. А коли так, то так оно и есть. Не может быть иначе: верит тело (Е. Винокуров, Я чувствую разумность бытия); У окуня ли скнут плавники. Бездонный день — огромен и пунцов, Подпос Шелони — черен и свинцов, *Не свесть* концов и не поднять руки (Б. Пастернак, Елена).

Однако в современной нейтральной речи произошло стилистическое переосмысление форм. Диалектная природа форм подчеркивалась писателями уже в начале XX в.: Солдат, вежливо приподнимаясь на костылях, на весу держа вперед культышку ноги, бесстыдно врет медовым голосом:— Да что ж, сестрица, терпеть надо... Всякий должон свою жертву *принесть* (И. Бунин, Сестрица).

Советские писатели, и старшего поколения и более молодые, обычно используют эту форму для целей создания колорита простонародной и диалектной речи:— Вон граф Недоносков... так у него три любовницы в трех концах города. Дескать, куда ни поедет, везде может время приятно *провесть* (Серафимович, Мышиное царство);— Война не удалась, зато и окурки перестали из цветов *рость* (Л. Леонов, Соть);— А лапти *плесть* умеете? (Е. Вихрев, Палех); [Валерьяновна].— Сережке-то стапензию платить не стали, так я ему всяку копейку посылаю, правнучку-то... Обратно же молодой — к девке пойтить, в кино ее пообнимать, в театру *свесть* (В. Липатов, Анискин и Боттичелли).

Очень редко, в форме стилистических инкрустаций народной речи, можно встретить и чисто диалектные варианты инфинитива, например *пекчись*, *уберегчи*, *бечь* (=бежать), *иттить* и даже древние диалектные формы старшей поры типа *лезти*:— Пущай сами решают с председателем!— выкрикнул кто-то.— Нечего нам в эти дела *лезти* (А. Фадеев, Разгром);— К попу надо *бечь*, а он, проклятый, запропал (М. Шолохов, Тихий Дон); Вошел санитар; увидев новоприбывшего сидящим, снял со спинки грязный халат.— Одевайся, главный доктор велел, как оклемаешься, той же минутой до него *иттить*! (Д. Брегова, Сибирское лихолетье Федора Достоевского).

Употребляя эти формы, писатели не ставили целью воспроизвести говор своих героев во всей его лексической и грамматической системе. Варианты используются как яркие штрихи, местные «раритеты», дополняющие социальный портрет героя. Так, М. Зощенко в «Рассказах Назара Ильича господина Синебрюхова» рисует образ городского жителя «из мужиков» («Образование у меня, прямо скажу, не какое, а домашнее. Ну, а в мужицкой жизни я вполне драгоценный человек. В мужицкой жизни я очень полезный и развитой»). Из каких мест герой — автор не сообщает; его речь и рассказы уснащаются широко распространенными вариантами общерусского просторечия: *становь*, *пóльта сымайте*, *пущай*, *завсегда*, *заместо*, *теперича* и под.

Образы создаются с помощью пестрого набора просторечных стилистически окрашенных элементов форм, подслушанных автором в речи городского простонародья.

Обозрение изложенных фактов дает возможность провести демаркационную черту между разговорными и просторечными грамматическими формами. В материальном составе грамматического просторечия проявляются некоторые отличительные особенности, несвойственные формам других стилистических сфер речи. «Кайма» просторечия охватывает те грамматические категории и формы, которые не испытывают неустойчивости или колебаний в общелитературных нормах. Источником просторечных элементов являются диалектные сферы речи, устаревшие, непродуктивные процессы в литературном языке, явления угасшей или почти угасшей вариантности. Так, только в XIX в. можно было встретить стилистически нейтральные склоняемые формы заимствованных существительных ср. р. на *-о* и *-е* (типа *напиться кофею*, *вечер в Сорренте*).

К нашему времени литературная норма неизменяемости этих существительных окончательно укрепилась. Колебания наблюдаются в других кругах грамматических форм существительных: неустойчивы аббревиатуры на согласный типа ЖЭК, ВГИК, ВАСХНИЛ, географические заимствования на *-а* (Осака, Шри Ланка, Джгерда); не уравновешена склоняемость первого компонента сложносоставных существительных (*диванов-кроватей* и *диван-кроватей*) и т. д. Различие регионов вариантности в литературном языке и в сфере просторечия существенно. Несовпадение круга варьирующихся грамматических единиц в литературном языке и в просторечии пронизывает все грамматические категории и формы существительного и глагола (см. приведенный выше материал.). С этой чертой связана и другая качественная особенность просторечных грамматических форм. Именно стабильная литературная норма составляет тот необходимый нейтральный фон, без которого невозможно восприятие стилистической окраски, чужеродной литературной среде. В качестве иллюстрации можно привести два вариантных ряда следующих словосочетаний: 1) *по́льта сымать — пальто снимать*, 2) *достичь берегов республики Куба — достигнуть берегов республики Кубы*.

В первом примере окраска первого члена пары резко просторечна, литературность второго члена пары не вызывает сомнений. Во втором примере стилистические различия между двумя членами пары еле уловимы; и тот и другой вариант не выходит за пределы литературной нормы. До тех пор, пока норма окончательно не установится (*достичь* или *достигнуть*, *республики Кубы* или *республики Куба*), ни один из приведенных вариантов не приобретает какой-либо резкой специфической окраски. Разница, стало быть, в том, что литературные варианты поддерживает игра живых грамматических аналогий, а просторечные — только игра стилистических красок. Характерность отмеченных признаков и легкая их

узнаваемость дают возможность в основных чертах разграничить разговорные и просторечные формы в грамматике с нормативной точки зрения.

Наиболее значимое различие касается грамматической характеристики тех и других форм. В отличие от просторечных разговорные варианты составляют продукт живых грамматических отношений. Здесь актуальны сами процессы, обусловливающие появление и функционирование разговорных вариантов в речи. В первой части раздела приведены основные типы разговорных элементов: это — различные формы грамматической редукции, экспрессивно-оценочные варианты. Наконец, разнообразные варианты грамматических категорий и форм, возникшие в результате аналогии и широко распространенные в устной обиходной речи (им. мн. типа *шофера́*, *тона́*, *сектора́*, род. мн. типа *помидор*, *апельсин*, *грамм* и т. д.).

Одним из обязательных условий просторечных форм, выполняющих в литературном языке роль снижающих элементов речи, является стилистическое соответствие стабильному и нейтральному нормативному варианту. Для разговорных форм это условие необязательно. Разговорные варианты очень часто имеют общелитературный вариант, но могут его и не иметь. В том случае, если прямого общелитературного соответствия у разговорного варианта нет (ср. глаголы типа *подъехать*, *подослать*, *приболеть* или морфологические повторы типа *ливмя льет*, *просто напросто*, или уменьшительные формы типа *кофточка*, *сумочка*, *страничка* и т. д.), он может закрепиться в языке, в течение долгого времени сохраняя налет разговорности. В то же время просторечные формы, представляя собой осколки непродуктивных, диалектных или устаревших грамматических явлений, ретроспективны; они обращены в прошлое. И занять место нормативного варианта в грамматической системе литературного языка никогда не смогут.

§ 50. Вживание разговорных вариантов в литературную речь — процесс отнюдь не прямолинейный. В языке как социальном явлении и социальной деятельности откладывается речевой опыт разных слоев общества, имеющих свои нужды выражения. Выбор тех или иных слов, форм, словосочетаний из рядов синонимических средств речи обусловлен не одними только действующими литературными нормами. Самостоятельную тему исследования может составить проблема общественного выбора, индивидуального предпочтения и нормативных оценок.

Границы употребления вариантов неустойчивы: стилистически ограниченные варианты могут стать общеупотребительными, или наоборот, некогда распространенные варианты в современном употреблении ограничиваются узкими функциональными стилями речи. Живой язык находится в противоборстве между стойкостью и колебаниями нормы. Социальные и языковые связи в разных группах общества в одних случаях способствуют консервации норм, в других — усиливают ее неустойчивость.

Возвращаясь к сравнительному определению разговорных и просторечных элементов в грамматике в применении к вариантам форм, можно предложить следующее содержание стилистических помет «разговорное» и «просторечное»[85]. Помета «разговорное» означает, что вариант не употребителен в письменных стилях литературного языка, но широко используется в устной обиходной речи. Степень его распространения должна стать объектом специального изучения. Возникая в результате живых грамматических аналогий, разговорные варианты вступают в активные конкурентные отношения с нейтральными литературными эквивалентами, если такие соответствия имеются.

Помета «просторечное» используется и по отношению к фактам литературного просторечия при характеристике «сниженных» вариантов (*плотит*, *водют*, *приобресть*, *выпить кофею*, *с дитем*), и по отношению к вариантам, находящимся за пределами литературного языка (типа *положь*, *пущай*, *пойтить*, *дремает*, *на пианине играть*, *жить в городу́*) при условии, что эти варианты применяются многими писателями в формах прямой и косвенной (не авторской) речи. Грамматической приметой просторечных элементов является непродуктивность их образований. Эти варианты в пределах литературного языка используются только как стилистическое средство и вербуются из диалектных сфер, старых форм народной и литературной речи. Обладая резкой стилистической окраской, просторечные варианты соответствуют стабильным (неколеблющимся) нейтральным эквивалентам литературного языка: конкурентные отношения здесь исключаются.

---

[85] На эту же тему см.: *Сорокин Ю. С.* Просторечие как термин стилистики.— Доклады и сообщ. филол. ин-та ЛГУ, 1949, т. I; *Рахманова Л. И.* О стилистических пометах просторечных слов в толковых словарях русского языка.— В кн.: Вопросы стилистики М., 1966; *Скляревская Г. Н.* К вопросу о лексикографических понятиях «разговорное» и «просторечное».— В кн.: Лингвистические исследования. Л., 1970.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Литературная норма меняется без резких скачков, без потрясений; едва заметными переходами прокладываются пути к будущим грамматическим нововведениям. Причем закономерно одно несоответствие: в своих колебаниях грамматические варианты инертны, сохраняется известное постоянство варьирования во времени, иногда в течение столетий, тогда как нормативные оценки этих колебаний меняются быстрее, их обновление совершается в течение десятилетий, а не веков. Хронологическая и стилистическая относительность рекомендаций, их локальная и временная ограниченность составляют одну из наиболее характерных особенностей нормативно-регуляторной деятельности. Не случайно рассмотренные в первой главе словари «неправильностей» начала XX в. не оказали серьезного влияния на последующие словари «правильностей» и трудностей русского языка (см. с 46). Словари начала века отражали грамматическую систему литературного языка XIX в. Уже к концу двадцатых годов ортологические словари начала XX в. в своей значительной части устарели.

Вопросы регламентации грамматических норм решались в словарях по-разному и с разной степенью последовательности. Самые очевидные и важные с точки зрения практических задач обобщения могут быть сформулированы в форме нескольких тезисов.

1. В советской лексикографии жанр словарей культурно-речевого цикла находится в процессе становления. Несмотря на очевидные преемственные связи между отдельными словарями XIX в. и современными словарями-справочниками, ни один из словарей, вышедших в последние десятилетия, в точности не повторяет другого ни по критериям отбора явлений, ни по способу подачи материала, ни по типу словарных статей. Ср. справочники «Русское литературное произношение и ударение», под ред. Р. И. Аванесова и С. И. Ожегова (М., 1959); «Правильность русской речи», сост. Л. П. Крысин и Л. И. Скворцов (2-е изд., М., 1965); «Трудные случаи употребления однокоренных слов русского языка», сост. Ю. А. Бельчиков и М. С. Панюшева (М., 1968); «Трудности русского языка», словарь-справочник журналиста, под ред. Л. И. Рахмановой (М., 1974).

2. Развитие жанра современного ортологического словаря характеризуется двумя тенденциями.

а) Наблюдается стремление придать словарю энциклопедическое направление. Учебной лексикографии особенно нужен словарь — коллекция ошибок, собрание неправильностей, отмеченных на различных уровнях языка. Наиболее ярким выразителем этого направления можно считать словарь «Трудности словоупотребления и варианты норм русского литературного языка», под ред. К. С. Горбачевича (Л., 1973). Как видно из сделанного критического обзора, в поле внимания составителей включен широкий круг явлений — акцентологические и произносительные варианты, словообразовательные, синтаксические, словоизменительные (т. е. грамматические варианты), наконец, варианты словоупотребления, связанные с лексико-семантическими явлениями.

б) Второе направление характеризуется тенденцией к специализации ортологического словаря. Словарь посвящается лишь одному из уровней языка. Составители стремятся по возможности к полному отображению явлений избранного языкового яруса. Форма и подача словарной статьи также диктуется специальными задачами каждого из словарей этого типа. Таков, например «Словарь ударений для работников радио и телевидения», сост. Ф. Л. Агеенко и М. В. Зарва, под ред. Д. Э. Розенталя, так же как и упомянутые выше словарь однокоренных слов, словарь Ю. А. Бельчикова, М. С. Панюшевой «Трудные случаи употребления однокоренных слов русского языка», словарь Л. П. Крысина, Л. И. Скворцова «Правильность русской речи» (под ред. С. И. Ожегова, изд. II).

3. Ни один из существующих словарей, так же как и ни одна из грамматик, не дает полной картины колебаний в грамматической системе современного литературного языка. Словарям недостает полноты сведений, относящихся ко всем ярусам грамматики; это касается и констатации общей нормы употребления, и разного рода частностей, например оговорок относительно существующих исключений из правил и т. д. В грамматиках наблюдается обратное: сформулированы правила и приводятся отклонения от него. Однако перечни вариантов-лексем, трудных случаев употребления форм не только не являются исчерпывающими, но в ряде случаев вообще отсутствуют. Должна быть собрана, по возможности, полная коллекция всех основных типов грамматических вариантов и перечней форм-лексем — синтаксических, словоизменительных и словообразовательных, сопровождающаяся необходимыми нормативными оценками («правильное» и «неправильное», «профессиональное», «разговорное», «просторечное»). Эта коллекция могла бы лечь в основу полной функционально-стилистической грамматики вариантов, которая была бы полезна как при подготовке новых изданий Академической грамматики, так и при составлении ортологических словарей, при составлении и чтении курсов практической стилистики.

4. В кодифицирующей части и старых, и новых словарей (и грамматик) наряду с приверженностью к традиционным оценкам, принятым в наиболее авторитетных грамматических трудах и словарях, присутствует и момент случайности. Каждая отдельная рекомендация не всегда была итогом объективного сопоставительного анализа «правильной» и «неправильной» формы, тогда как в большинстве случаев такая исследовательская работа необходима.

Процесс сосуществования, смены старой и новой нормы должен стать предметом специального изучения. Практическая цель такой работы заключается в том, чтобы в конечном итоге установить такой комплекс правил, при котором принятое решение отражало бы вместе с настоящим и ближайшее будущее языка и в то же время не противоречило бы принципу постепенности и непрерывности его развития.

Особое внимание в работе уделено характеристике нормы употребления. Если согласиться с определением нормы как совокупности установившихся и предпочитаемых в обществе средств языка, складывающейся в результате исторического отбора языковых элементов, то более углубленное изучение нормы — совокупности языковых средств (а не нормы — свода правил) приводит к необходимости выяснения, какими же существенными характеристиками обладает речь и обусловленная литературным языком речевая норма. В силу своей количественной и в то же время случайной природы речевая деятельность в числе других качеств характеризуется и закономерностями вероятностного характера. Это показали многие исследования последних десятилетий. В предлагаемой работе обоснована возможность введения в нормативном исследовании понятия статистической нормы употребления. Статистическая норма употребления определяется как установленная на основе специально организованного исследования система некоторых статистических показателей, характеризующих употребление языковых единиц в речи.

В работе велись поиски соединения экспериментального и теоретического начала; организация опыта определяется и привнесенными представлениями о том, какие именно показатели нам нужны и что именно с их помощью можно превратить из имплицитно существующей в речи «нормы в себе» в «норму для нас», разумеется, в тех случаях, когда исследователь в этих сведениях нуждается. В каждом отдельном случае, когда может быть установлена статистическая норма употребления какой-либо формы, лексемы, конструкции,— это исследование оказывается достаточно трудоемким и кропотливым. Однако одно из важнейших достоинств такого анализа — его объективность и всегда существующая возможность проведения повторного, корректирующего эксперимента.

Привычные представления о том, что изменения в грамматических нормах происходят очень медленно, на протяжении многих

поколений, могут быть уточнены, если наблюдать ход эволюции в отдельных звеньях грамматической системы с помощью вероятностно-статистического метода, конечно, в тех случаях, когда факты доступны такого рода наблюдениям. В нормах литературного языка происходит последовательное накопление мелких, невооруженным взглядом плохо обнаруживаемых изменений.

С помощью количественного метода в связи с работой по нормализации языка можно решать следующие задачи: проблему абсолютного датирования сдвигов в норме употребления, исчисление темпов изменений, проблему прогнозирования. Общие положения иллюстрируются конкретными результатами, полученными на материале исследования отдельных групп вариантов с помощью предлагаемого метода.

Количественный анализ требует точного определения единицы счета. В качестве объекта исследования были избраны грамматические варианты, доступные относительно четкому определению и достаточно употребительные в речи. В книге дается теоретическая характеристика грамматических вариантов. До сих пор нет ответа на вопрос, какое место, какой удельный вес занимает каждая из разновидностей вариантов, относящихся к разным ярусам языковой системы, в составе всех вариантных средств языка (фонематических, орфографических, грамматических, лексических, фразеологических). Полученная в результате массового обследования выборка в 100 тыс. форм в известной мере помогла определить некоторые соотношения величин в кругу грамматических вариантов. Это обследование было проведено в процессе работы над словарем грамматических вариантов, и полученные данные, уже в силу своей новизны, помогли охарактеризовать категорию вариантности в грамматике с особой точки зрения.

В своем функционировании в спонтанной речи все грамматические варианты по частоте употребления располагаются в пределах четырех частотных зон. Характер конкурентных отношений вариантов, отражающий синхронно-диахроническое состояние изменчивости и неустойчивости системы, проявляется в тех количественных соотношениях, которые установлены в результате статистического исследования. В четырех основных видах количественных соотношений между членами вариантных пар отражаются разные фазы вариантности форм. Временное состояние вариантности, когда языковые единицы лишены значимых различий, характеризуется и разной длительностью в пределах хронологического периода полной фазы вариантности, и разной степенью интенсивности наблюдающейся борьбы вариантов на уровне каждой из фаз. Массовый характер определенным образом упорядоченных данных дал возможность оценить существующую в современном состоянии грамматической системы природу разнофазовости вариантов. Во избежание схематического изображения процесса конкуренции у разных типов вариантов, материал был представлен, по возможности, широко, с привлечением большого числа иллюстраций.

Разнофазовость вариантов и асинхронность в протекании фаз у разных групп вариантов — это естественные формы эволюционной смены нормы употребления. Одни группы вариантов находятся в начальной фазе вариантности: новые варианты форм малочастотны и могут в течение определенного времени не выходить за пределы узких сфер речи. У других групп вариантов конкуренция форм приняла нарастающий характер: преобладает один из вариантов, другой употребляется, хотя и не в единичных случаях, но сравнительно редко (не превышая 20% в общем употреблении форм вариантов этого типа). При этом наблюдение за исторической тенденцией, определяющей в основных чертах общее направление эволюции, показывает возможное в будущем усиление процесса. Например, подобную фазу нарастающей вариантности проходят вариантные формы сложных существительных с числительным *пол-*. Несклоняемость числительного усиливается, особенно в устной речи, и захватывает слово за словом многие образования этой группы. Пожалуй, нет ни одного случая вариантности в грамматике, который характеризовался бы чистотой, «стерильностью» и строгой определенностью процесса, так же как и способностью к быстрому и полному затуханию вариантности. Даже четко обозначившиеся синхронные фазы вариантности характеризуются чертами разных диахронических состояний. Так, «острая» и «подострая» фазы вариантности у отдельных групп форм, отличительная черта которых — равновероятное употребление форм или употребление, близкое к равновероятному (ср. склоняемость русских и освоенных топонимов в сочетании с географическим термином типа *в городе Алапаевск — в городе Алапаевске*) при более пристальном изучении в применении к разным типам слов обнаруживает переходные свойства в отдельных случаях уже сложившейся, а в других — весьма неопределенной новой нормы. Так, теперь только в несклоняемой форме в составе приложения употребляются топонимы на *-и*, *-ы* (*в городе Великие Луки, в г. Сумы*); в девяноста случаях из ста не склоняются в той же позиции топонимы на *-ино* (*-ыно*), *-ево* (*-ёво*), *-ово*. (типа *в городе Кемерово*). В то же время традиционная норма склоняемости очень стойко держится у топонимов-прилагательных (*в г. Горьком, на реке Неглинной*); варианты равновероятны в названиях малонаселенных пунктов, редко употребляющихся географических названиях, соответствующих существительным мужского и женского рода (*в городе Борисов — в городе Борисове, на реке Катунь — на реке Катуни*).

Наиболее легкий для нормализатора материал представляют собой группы вариантов, находящиеся в затухающей (или ниспадающей) фазе вариантности, когда традиционный вариант исчезает и поэтому довольно редко употребляется (не чаще 10%). Таковы варианты типа *рекою, возникши, самое* эту комнату (закрепились варианты типа *рекой, возникнув, саму* эту комнату). В работе пунктирно намечены общие вехи, по которым рельефно разграничиваются группы вариантных форм. Без такого разграничения

картина вариантности в грамматике предстала бы в плоском в однолинейном виде. Группировки вариантов форм по частоте употребления и типу количественных соотношений показывают различия по зонам и фазам вариантности у разных групп форм в их соотношении и сравнении.

Нельзя прийти к правильной оценке нормы в случае ее неустойчивости, если неизвестны закономерности, лежащие в основе динамики языкового развития. Даже частные вопросы не могут быть удовлетворительно решены, если их рассматривать вне теории языковой эволюции. Взять вопрос о том, возможна ли единая хронологическая периодизация динамики нормы для всех типов вариантов. Обзор современного состояния вариантности убеждает, что единая периодизация такого рода невозможна. Нельзя выделить, положим, период двадцатых годов как время «пиковых» переломных сдвигов для всей совокупности вариантных грамматических норм. Внутри каждой категории для разных звеньев грамматической системы рисуется своя история, наблюдается действие своих, специфических для каждой части речи внутриязыковых факторов. Это не исключает общего воздействия экстралингвистических факторов. Экстралингвистические факторы выступают в качестве стимуляторов для проявления факторов внутрилингвистических. Неровный характер их взаимодействия обусловливает непохожесть истории становления нормы у разных форм. Так, новая норма употребления нулевой формы в род. мн. у единиц измерения в основных чертах сложилась еще в 90-е годы XIX в., хотя отдельные колебания наблюдаются и по сю пору. Вершинные пики сдвигов в норме употребления для вариантов род. ед. (типа *сахара — сахару*) приходятся на конец двадцатых — начало тридцатых годов. Для склоняемости топонимов в составе приложения наиболее существенные сдвиги в норме употребления происходили в 50-е годы.

Нельзя исключить возможность изосинхронности, однофазовости вариантов, т. е. одинаковой временно́й продолжительности фазы вариантности и параллельной смены нормы употребления у отдельных групп вариантов. Так, опираясь на сопоставление собранных количественных данных, удалось заметить параллельный характер динамики нормы у отдельных групп вариантов.

В дальнейшем необходимо провести специальное синхронно-диахроническое исследование нормы употребления у тех групп вариантов, которые доступны такого рода анализу.

Обзорные количественные данные по вариантности получены в результате выборочного изучения языка газет. Важно уточнить характер нормы и ее особенности в других стилистических сферах языка, например в устных диалогах, научной речи, деловых документах и т. д.

Программа исследований в области научной нормализации языка предусматривает также постановку задач, связанных с проблемой выбора решений. В процессе проведения этой работы должен

быть создан исследовательский аппарат, на базе которого может быть разработана процедура выбора решений с учетом содержательного и формального аспекта этой задачи.

Давний и продолжающийся спор о пределах лингвистического вмешательства и обоснованности научных рекомендаций тем активнее перейдет из области нигилизма и скепсиса в область более оптимистических оценок, чем основательнее и тщательнее будут рассмотрены все ракурсы проблемы нормализации. В связи с этим количественные методы и количественные показатели должны занять в ортологии определенное место как элементы, играющие важную роль в системе научных аргументаций и доказательств. Необходимо подчеркнуть, что статистическое изучение проблем языкового употребления нельзя смешивать и отождествлять с другими методами изучения языка на Западе, за которыми закрепляется название «модернистских» (критика их дана в статье В. И. Абаева: «Лингвистический модернизм как дегуманизация науки о языке» (ВЯ, 1965, № 3). Индуктивный метод анализа языка (от фактов к обобщениям) всегда был свойствен традиционному направлению в лингвистике. Факты, материал, эксперименты лежат и в основе лингвостатистических исследований. В практике нормализации языка эти работы помогают преодолеть, с одной стороны, недостатки эмпирических наблюдений и, с другой — произвол субъективных, «вкусовых» оценок.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица I. Варианты форм имен существительных

I. Склоняемость — несклоняемость Общее число вариантов: 12665			II. Число Общее число вариантов: 9118		
Типы вариантов	Общее число	Соотношение вариантов	Типы вариантов	Общее число	Соотношение вариантов
Географические названия:			ускорить темпы развития – ускорить темп развития	3399	2678/721
в городе Веллингтон – в городе Веллингтоне	1716	1413/303	читатель ждет книг – читатели ждут книг	2588	1570/1018
в городе Суздаль – в городе Суздале	981	514/467	усилить творческие поиски – усилить творческий поиск	1510	893/617
в Перове – в Перово	460	370/90	сорта масел, пшениц – сорта масла, пшеницы	910	683/227
выставка в Осаке – в Осака	225	120/105	ценить роль коллективов – ценить роль коллектива	542	387/155
по Москва-реке – по Москве-реке	116	72/44	мастера урожая – мастера урожаев	176	88/88
во Франкфурт-на-Майне – во Франкфурте-на-Майне	73	52/21			
в Камне-Каширском – в Камень-Каширском	67	47/20			
Собственные имена					
у Шмидта, Зайца – у Шмидт, Заяц	2246	2100/146			
у Гамаля Абдель Насера – у Гамаль Абдель Насера	609	340/**269**			
у Василенко – у Василенки	507	480/**27**			
у Икэды – у Икэда	163	83/80			
у Нередки – у Нередка	137	124/13			
у Седых – у Седыха	30	26/4			
Наименования учреждений, машин					
в газете «Правда» – в газете «Правде»	1463	1425/38			
Нарицательные имена					
работа в ТАСС. МИД – в ТАССе. МИДе	2962	2575/387			
несколько диван-кроватей – несколько диванов-кроватей	903	531/372			
перед третьим апреля – перед третьим апрелем	7	7/0			

III. Падеж Общее число вариантов: 4971			IV. Род Согласование в роде и смежные явления Общее число вариантов: 3165		
Типы вариантов	Общее число	Соотношение вариантов	Типы вариантов	Общее число	Соотношение вариантов
слесари – слесаря	1977	1758/219	она вице-чемпионка – она вице-чемпион	1758	1212/546
сто граммов – сто грамм	1138	907/231	рельс – рельса	347	321/26
мало снега – мало снегу	1018	762/256	наша ЖЭК – наш ЖЭК	322	297/25
в цехе – в цеху	655	443/212	директор сказала – директор сказал	241	230/11
простынь, теть – простыней, тетей	112	67/45	наша школа-интернат – наш школа-интернат	144	122/22
ущелий – ущельев	42	35/7	Ростовский СКА Ростовская СКА Ростовское СКА	97	57/39/1
гроздья – грозди	26	22/4	заведующая Иванова – заведующий Иванова	61	48/13
полотенец – полотенцев	6	5/1	уважаемый товарищ Иванова – уважаемая товарищ Иванова	42	29/13
			шасси убрано – шасси убраны	31	19/12
			кофе остыло – кофе остыл	26	17/9
			горфо закрыто – горфо закрыт	26	16/10
			эта табель – этот табель	22	16/6
			он такой пройдоха – он такая пройдоха	16	13/3
			вы одиноки – вы одинока	12	10/2
			этот домишко – эта домишка	11	10/1
			этот чудило – эта чудила – это чудило	9	7/2/0

Таблица II. Варианты форм имен прилагательных и наречий (степени сравнения)

Сравнительная степень. Число вариантов: 10 337 I				Превосходная степень. Число вариантов: 6544 II			
Типы вариантов	Общее число	Соотношение вариантов		Типы вариантов	Общее число	Соотношение вариантов	
		абс.	%			абс.	%
1. более – больше	5161	3043/2118	59	1. звончайший – самый звонкий – самый звончайший	5629	3337/ /2267/25	59,3/ /40,3
2. он культурнее – он более культурный, культурнее жить – более культурно жить	2729	1985/744	72,7	2. наиболее важный – наиважнейший	915	592/323	64,7
3. вязче – более вязкий и вязче – более вязко	251	219/32	87,3				
4. скорее – скорей	2196	2029/167	92,5				

Субстантивированные формы. Число вариантов: 5107 III				Краткие формы. Число вариантов: 32 IV			
Типы вариантов	Общее число	Соотношение вариантов		Типы вариантов	Общее число	Соотношение вариантов	
		абс.	%			абс.	%
1. сборная команда СССР – сборная СССР	5107	4360/747	85,4	1. ветрен – ветренен	32	28/4	90

Таблица III. Варианты глагольных, деепричастных и причастных форм

Залог. Число вариантов: 2010 I				Наклонение. Число вариантов: 397 II			
Типы вариантов	Общее число	Соотношение вариантов		Типы вариантов	Общее число	Соотношение вариантов	
		абс.	%			абс.	%
1. прекращен выпуск – прекратили выпуск	1020	914/106	89,7	Варианты повелительного наклонения с частицей *пусть – пускай*	196	190/6	96,9

Таблица III (продолжение)

Залог. Число вариантов 2010 I				Наклонение. Число вариантов: 397 II			
Типы вариантов	Общее число	Соотношение вариантов		Типы вариантов	Общее число	Соотношение вариантов	
		абс.	%			абс.	%
2. сдают – сдаются на склад	456	366/90	80,3	выброс – выброси	13	9/4	70
3. тебя не поймешь – не понять	456	344/112	75,5	поезжай – езжай – съезди	13	9/2/2	80/10
4. изготовлено изделий – изготовлены изделия	68	52/16	76,5	достичь – достигнуть	161	113/48	68,2
				выгрести – выгресть	14	9/5	64,3
5. не исключается – не исключено	10	8/2					

Время. Число вариантов: 221 III				Вид Число вариантов: 129 IV			
Типы вариантов	Общее число	Соотношение вариантов		Типы вариантов	Общее число	Соотношение вариантов	
		абс.	%			абс.	%
движется – двигается	104	87/17	83,6	сосредоточивать – сосредотачивать	129	70/59	51,7
сохнул – сох	45	24/21	53,4				
промок – промокнул	24	20/4	83,4				
мерятся – меряются	22	12/10	54,6				
сыплет – сыпет	14	13/1	92,9				
обессилею – обессилю	6	4/2					
жжёт – жгёт	5	5/0					
Формы 1 л. ед. ч. типа *пылесошу – пылесосю*	1	1/0					

Таблица III (окончание)

Деепричастие. Число вариантов: 378 V				Причастие. Число вариантов: 21 VI			
Типы вариантов	Общее число	Соотношение вариантов		Типы вариантов	Общее число	Соотношение вариантов	
		абс.	%			абс.	%
увидев – увидя	257	237/20	92,2	промерзший – промерзнувший	18	14/4	77,8
возникнув – возникши	39	37/2	94,6	мокнувший · мокший	3	3/0	
унеся – унесши	36	20/16	55,5				
вторгнувшись – вторгшись	31	24/7	77,4				
замерев – замерши	6	6/0					

Таблица IV. Варианты форм местоимений

Личное местоимение. Число вариантов: 1543 I				Притяжательное местоимение. Число вариантов: 405 II			
Типы вариантов	Общее число	Соотношение вариантов		Типы вариантов	Общее число	Соотношение вариантов	
		абс.	%			абс.	%
1. Формы твор. п. ед. ч. у личных местоим. жен. р. *мной – мною*	1464	1255/209	85,7	1. Форма принадлежности 3-му лицу *их – ихний*	393	389/4	99
2. Род. падеж у личного местоим. *она*	67	54/13	80,6	2. Варианты, сочетания с притяжательным местоимением *свой*	12	7/5	58,3
3. Формы вежливого обращения типа *Вы одиноки – Вы одинока*	12	10/2	83,3				

Таблица IV (окончание)

Определительное местоимение. Число вариантов: 146 III				Неопределенно-личное местоимение. Число вариантов: 45 IV			
Типы вариантов	Общее число	Соотношение вариантов		Типы вариантов	Общее число	Соотношение вариантов	
		абс.	%			абс.	%
1. Краткая и полная формы *сам – самый* (типа *сам факт – самый факт*)	93	80/13	86	1. Косвенные пад. местоимения *некий*: *у неких – у некиих* и под.	45	39/6	86,7
2. *Само управление – самое управление*	35	29/6	82,9				
3. *Саму – самоё*	18	15/3	83,3				

Таблица V. Варианты форм числительных

Собирательные числительные. Число вариантов: 553 I				Склоняемость числительных *пол-* и *полу-* в составе сложных слов. Число вариантов: 358 II			
Типы вариантов	Общее число	Соотношение вариантов		Типы вариантов	Общее число	Соотношение вариантов	
		абс.	%			абс.	%
1. Варианты типа *мать двоих детей – мать двух детей*	358	262/96	73,4	1. Варианты типа: *около полугода – около полгода*	358	319/39	88,8
2. Варианты *оба – обе* (типа *обеих – обоих сторон*)	195	185/10	94,8				

Склоняемость числительных в составе сложных слов. Число вариантов: 74 III				Падежные формы отдельных числительных Число вариантов: 41 IV			
Типы вариантов	Общее число	Соотношение вариантов		Типы вариантов	Общее число	Соотношение вариантов	
		абс.	%			абс.	%
1. Варианты типа *стотысячный – статысячный*	65	45/20	69,2	1. Падежные формы числительного *сто* (типа в *ста метрах – в сотне метров – в стах метрах*)	29	16/9/4	55,6/ /29,6
2. Варианты типа *шестьюдесятью – шестидесятью*	9	8/1					
				2. Варианты тв. пад. *с тысячью – с тысячей*	9	7/2	
				3. Варианты *восемью – восьмью*	5	5/0	

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Абаев В. И. 276
Абрамович А. В. 43
Аванесов Р. И. 46—48, 57, 271
Агеенко Ф. Л. 272
Адмони В. Г. 83
Айрапетов А. М. 136
Алексеев Д. И. 127, 160
Андреев Н. Д. 75—77, 110
Арбатский Д. И. 182
Ахманова О. С. 46, 47, 101, 102, 106, 109, 132

Барзилович А. М. 195
Барнет В. 114
Бархударов С. Г. 77, 143
Бектаев К. Б. 74, 79, 80
Белоусова Е. А. 201
Белоцерковская Л. И. 78, 79
Бельчиков Ю. А. 43, 53, 132, 271, 272
Беляев В. Д. 47
Березин Ф. М. 133
Беркович Н. Э. 201
Бернштейн М. С. 96
Богородицкий В. А. 18, 20, 21, 133
Бодуэн де Куртенэ И. А. 17, 18, 21
Бороздин А. К. 6, 7
Будде Е. Ф. 18, 20, 21
Бондарко А. В. 114
Булин П. В. 111
Буслаев Ф. И. 18, 85, 86, 232
Буторин Д. И. 240
Былинский К. И. 43, 44, 154

Вакуров В. Н. 43
Вахид, Мир Абдул 35
Вентцель Е. С. 91
Веселитский В. В. 46, 47, 102, 132
Винер Н. 73
Виноградов В. В. 22, 41, 43, 63, 81, 85, 86, 101, 107, 237, 238, 240, 244, 254
Винокур Г. О. 63, 84, 100, 101
Вомперский В. П. 43
Воронов А. Л. 113
Воронцова В. Л. 4
Высотский С. С. 255

Гавранек Б. 68, 73, 74, 97
Гарапина Н. С. 177
Гвоздев А. Н. 43, 119, 120
Геккер С. Ф. 101
Гловинская М. Я. 84
Горбачевич К. С. 35, 46, 54, 58, 69, 102, 109, 113, 127, 138, 171, 210, 220, 272
Граудина Л. К. 16, 45, 77, 78, 90, 121, 141, 143, 152, 156, 247
Греч А. 8, 9, 221
Григорьев В. П. 138
Грот Я. К. 5, 6
Гяч А. Б. 160

Даниленко В. П. 245
Добромыслов В. А. 44
Долопчев В. 8, 16
Дорошевский В. 85
Дружинина А. Ф. 32

Едличка А. 68
Емельянова С. А. 111
Ермоленко Г. В. 74, 129, 136, 137
Еськова Н. А. 194
Ефимов А. И. 43
Ефремов Л. П. 147

Жилин А. Н. 154

Зализняк А. А. 60, 157
Зарва М. В. 43, 272
Засорина Л. Н. 228
Звегинцев В. А. 85
Зеленецкий К. 8, 9, 265
Зеленов А. И. 201
Золотова Г. А. 45

Иванов В. В. 161
Иванова В. Ф. 243
Иванова Т. Ф. 109
Иванникова Е. А. 110
Ильинский Н. С. 83
Истрина Е. С. 71, 97
Ицкович В. А. 53, 68, 70, 77, 78, 87, 88, 121, 143, 152

Калакуцкая Л. П. 148
Капитонова Т. 105
Карцевский С. 113, 114
Катлинская Л. П. 77, 121, 129, 143, 152, 197, 198, 209
Качевская Г. А. 157, 177, 240
Кейси Р. 94
Кендэл Дж. 73, 89, 92
Климов Г. А. 133
Клубков П. А. 201
Ковтунова И. И. 118
Колесников Н. П. 147
Коготкова Т. С. 261
Копелиович А. Б. 187
Коссриу Э. 64—66
Костомаров В. Г. 6, 45, 65, 132, 138, 162, 231
Крысин Л. П. 28, 46, 49, 271, 272
Кудрявцев В. Д. 18
Кузнецова Л. И. 86
Кульман Н. К. 18
Куприна-Порданская М. К. 246, 249

Лабунько О. И. 157
Ларин Б. А. 255
Лафарг П. 72
Леков И. 146
Ленин В. И. 72, 164
Леонтьев А. А. 65, 231
Ливниц В. А. 43
Липкин С. Д. 195
Листвинов Н. Г. 43
Лопатин В. В. 195
Лукин М. Ф. 195
Лукьянова И. А. 111

Мамонов В. А. 43
Маркарян Р. А. 201
Марков Ю. 83, 107
Маркс К. 72
Миськевич Г. И. 152, 182
Михайлов М. М. 43
Михайловская И. Г. 101
Могилевский Р. И. 160
Морозова М. И. 192, 193, 197
Москальская О. И. 101, 116
Мучник И. И. 94, 112, 147, 157, 203

Немешайлова А. В. 203
Никольский Н. Н. 43
Николич П. М. 8, 9, 16
Никулин А. Н. 74
Новиков Л. А. 4, 171, 179
Новиков С. А. 18

Обнорский С. П. 38, 41, 48, 74, 207, 219, 243, 246, 260, 262, 266
Овсянико-Куликовский Д. Н. 18, 19

Огиенко И. И. 8, 9, 23, 28
Ожегов С. И. 4, 7, 28, 29, 32—35, 37, 38, 46—49, 52, 57, 63, 69, 74, 75, 80, 81, 118, 130, 138, 210, 246, 247, 251, 263, 266, 271, 272
Олонцева И. В. 146
Оссовецкий И. А. 261
Осовская В. Е. 240

Павлович А. И. 20
Панов М. В. 84, 86
Панюшева М. С. 43, 53, 271, 272
Пахман И. Х. 7
Перльмуттер Л. Б. 195
Перри Дж. У. 94
Петерсон М. Н. 119
Петров К. Ф. 19
Пешковский А. М. 3, 18, 20, 21, 74, 101, 107, 117, 120, 187
Пиотровский Р. Г. 78—80
Поливанов Е. Д. 74, 138
Поляков Г. П. 143
Полякова С. Н. 95
Постникова Н. И. 195
Потебня А. А. 18
Протченко И. Ф. 77, 143, 187

Рахманова Л. И. 50, 270, 271
Рейхман У. Дж. 130
Реформатский А. А. 146
Рогожникова Р. П. 101, 109
Рождественский Ю. В. 146
Розенталь Д. Э. 35, 43—46, 57, 58, 60, 154, 210, 272
Ройзензон Л. И. 195

Сводеш М. 133
Семенюк И. Н. 101
Сенкевич М. И. 43
Скворцов Л. И. 28, 45, 46, 49, 77, 104, 132, 143, 244, 252, 271, 272
Скляревская Г. Н. 270
Скребнев Ю. М. 132
Сланский В. 20
Смирницкий А. М. 101, 102, 106
Смольянинова М. И. 195
Соколов О. М. 107
Солганик Г. Я. 143
Сорокин Ю. С. 33, 270
Сороколетов Ф. П. 29
Степанов А. В. 250
Сумкина А. И. 172
Суперанская А. В. 75, 148
Сухотин А. 161

Теленкова М. А. 35, 57, 58, 60, 210
Томашевский Б. В. 81
Трубецкой Н. 67, 68
Турыгина Л. А. 78

Ушаков Д. Н. 3, 19, 29, 32, 33—35, 82, 263
Фидровская А. С. 183
Филин Ф. П. 4, 31, 63, 69, 80, 101, 102, 111, 137, 244, 264
Фортунатов Ф. Ф. 18, 20, 107, 108
Фрумкина Р. М. 81, 91

Харциев В. 18
Хаустова Ю. Ф. 234
Ходова К. И. 113
Хохлачева В. Н. 42

Цейтлин Р. М. 8, 32, 84, 101
Цывин А. М. 146

Черемисина М. И. 116
Чернышев В. И. 3, 8, 22—28, 41, 45, 51, 210, 216, 221, 233, 246, 260
Чижик-Полейко А. И. 43
Чичерин А. В. 141
Чуковский К. И. 159

Шанский А. М. 182
Шапиро Л. Б. 20
Шахматов А. А. 7, 18, 20, 22
Шварцкопф Б. С. 16, 45, 71, 83
Шведова Н. Ю. 21, 38, 149
Шенделъс Е. И. 101, 105, 117, 118
Шмелёв Д. Н. 61, 62, 203

Щерба Л. В. 73, 74
Щетинин В. Е. 101

Юл Д. Э. 73, 89, 92

Ягич И. В. 3, 5, 6, 23
Якубайте Т. А. 81
Янко-Триницкая Н. А. 239
Ярцева В. Н. 101, 102, 110, 115, 116, 119

Barnet V. 114
Buttler D. 64, 187

Čeika M. 133

Havranek B. 68, 73, 74, 97
Herdan G. 66—67

Iakubaite T. A. 122
Ielinek J. 122

Kniagininova M. 88
Kramsky Y. 67
Kristovska D. 122
Kurkovska H. 64, 187

Lamprecht A. 133

Ozola V. 122

Prusc R. 122

Sauvageot A. 97
Satkiewich H. 64, 187
Sika N. 122
Sommerfelt A. 132

Těšitelova M. 122

ОГЛАВЛЕНИЕ

ИРЯ
институт русского языка
им. в. в. виноградова

Предисловие 3

Глава первая. Из истории грамматической нормализации в современном литературном языке 5
Введение (§ 1) 5
Практические работы в области нормализации грамматики в конце XIX — начале XX в. 8
Словари «неправильностей» конца XIX — начала XX в.; обзор грамматических колебаний, отраженных в ортологических словарях начала XX в. (§ 2—6) 8
Очерк истории грамматик в первой трети XX в. Первая русская стилистическая грамматика этого времени (§ 7—19) 17
Основные труды по нормализации грамматики в советский период
Словарная практика отражения грамматических норм в толковых словарях (§ 20—24) 29
Роль и значение нормативной Академической грамматики. Курсы практической стилистики (§ 25—31) 38
Ортологические словари и справочники 50—60-х годов
Отражение нового репертуара грамматических колебаний в этих словарях (§ 32—37) 46

Глава вторая. Норма употребления (из теории вопроса) 63
Сущность нормы. Система и узус. Различия во взглядах на норму. Квантитативный аспект нормы (§ 1—5) 64
Статистический метод как инструмент исследования. Обзор отечественной литературы (§ 6—10) 72
Программа обследования. Объем и тип выборки. Методика и техника эксперимента (§ 11—16) 88

Глава третья. Теоретический и методологический подходы к изучению вариантов в нормативном аспекте 100
Определение терминов: понятие грамматического варианта; варианты слов и варианты форм (§ 1—5) 100
Классификация грамматических вариантов (§ 6—8) 121
Статистические оценки нормы употребления (§ 9—10) 129
Динамика нормы (статистический метод абсолютного датирования изменений; исчисление темпов изменений; проблема прогнозирования) (§ 11—16) 132

Глава четвертая. Литературная норма и вариантность в грамматике (словоизменение) 143

www.ruslang.ru

Удельный вес вариантов в грамматике. Факторы, определяющие силу и меру вариантности 143
Введение (§ 1—2) 143
Имя существительное 145
Аналитизм: наиболее интенсивные области вариации (§ 3—7) 146
Расширение корреляций форм числа — сдвиги в норме их литературного употребления (§ 8—10) 17
Вариантность в падежной системе существительных (§ 11—12) 182
Нормативный аспект микроизменений в категории рода (§ 13—14) 186
Прилагательное 191
Обзор вариантных форм у прилагательных (§ 15) 191
Стилистическая дифференциация вариантов (§ 16) 192
Системно-грамматическая регуляция форм (§ 17) 193
Три уровня языковой экономии — три группы вариантных форм (§ 18—19) 194
Глагол 200
Семантико-стилистическая дифференциация вариантных форм залога (§ 20—22) 200
Редукция окончаний и суффиксов в группах вариантных форм наклонения и времени (§ 23—25) 203
Грамматическая аналогия и вариантность форм времени и вида (§ 26—29) 211
Вариантность деепричастных и причастных форм (§ 30—31) . . 221
Местоимение 228
Процесс редукции окончаний (§ 32) 228
Фонетическое стяжение форм (§ 33) 231
Тенденция к слоговому равновесию (§ 34) 232
Числительное 235
Неустойчивость нормы: три грамматических фактора, определяющих смешение форм (§ 35) 235
Семантическое переосмысление собирательных числительных (§ 36—37) 236
Развитие аналитизма в формах числительных (§ 38—39) . . 238
Влияние грамматической аналогии (§ 40) 242
Стилистическое варьирование нормы 244
Отличительные особенности грамматических норм в устных формах речи (§ 41—42) 246
Просторечные формы в языке художественной литературы (§ 43—50) 254
Заключение 271
Приложение 278
Именной указатель 284

1 р. 40 к.

Л. К. Граудина

ВОПРОСЫ НОРМАЛИЗАЦИИ РУССКОГО ЯЗЫКА

Монография посвящена вопросам нормализации литературного языка — теме грамматической вариантности в ее взаимосвязи и взаимоотношении с литературной нормой.

Тема раскрывается в трех направлениях. В первой главе рассмотрены вопросы кодификации грамматических норм. В форме исторического очерка дается обзор литературы: словари «неправильностей» конца XIX — начала XX в., ортологические словари и справочники 50—60-х годов, грамматики первой трети XX в., Академическая грамматика и курсы практической стилистики. Особое место уделено словарной практике отражения грамматических норм в толковых словарях.

Во второй и третьей главах изложены теоретические и методологические аспекты изучения темы — теоретическое представление о литературной норме и различия в понимании данного вопроса. В работе предлагаются статистические оценки нормы употребления, характеризуются методы вероятностно-статистического изучения динамики нормы. Уточняется понятие грамматического варианта и критериев вариантности.

Четвертая глава посвящена обзору вариантности в словоизменении. Рассмотрены варианты в классе существительных, прилагательных, глаголов, числительного.

Работа представляет серьезное и интересное исследование, ставящее и решающее ряд важных вопросов нормализации литературного языка.